АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ю.С.СТЕПАНОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А.С. МЕЛЬНИЧУК

МОСКВА "НАУКА"
1989

ББК 81
С79

(18)(10) 7М2/к
С-794

Рецензенты:

доктор филологических наук *В.З. Демьянков*,
доктор филологических наук *А.Е. Кибрик*,
доктор филологических наук *Д.И. Эдельман*,
кандидат филологических наук *А.П. Юдакин*

Степанов Ю.С.

С79 Индоевропейское предложение. — М.: Наука, 1989. — 248 с.
ISBN 5-02-010919-3

Предмет книги — *лексические вхождения* в предложение (т.е. слова в роли субъекта, объекта, предиката) и возникающие благодаря им отношения между предложениями — *перифразы*. На этой основе реконструируются главные типы древнего индоевропейского предложения и прослеживается их судьба в новых индоевропейских языках. Дается очерк двух новых теорий, находящих основание в строении предложения, перифрастической теории падежей и теории глагольных видов — диатез (залогов). Показывается единое происхождение славянских видов и балтийских диатез.

Для лингвистов широкого профиля, филологов, историков культуры.

С 4602000000-262 / 042(02)-89 390-89, кн. 1 ББК 81

Stepanov Yu.S.

The Indo-European Sentence.

The main subject of this book can be termed as *lexical entries* in the sentence (as its subject, object, and predicate) and the relationships between sentences which thus arise, — *paraphrases*. On these grounds the major ancient IE sentence types are reconstructed and traced up to the modern IE languages. Two new theories are outlined as based on syntactic evidence — a paraphrasal theory of cases, and a theory of verbal aspects — diatheses. A common source of the Slavic verbal aspects and the Baltic verbal diatheses is shown.

10/IP 47-07
5911-16-89 нр 03

ISBN 5-02-010919-3

© Издательство "Наука", 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 6

Глава I. Главные типы индоевропейского предложения 10

§ 1. Понятие "главные типы предложения" (с. 10). § 2. I тип: Неактивный субъект + неактивный глагол ('Камень лежит, торчит'). Греческие глаголы perfecta tantum 'состояние тела' и их внегреческие соответствия как предикаты I типа (с. 19). § 3. Греческие глаголы perfecta tantum 'состояние духа' как подгруппа предикатов I типа при субъекте 'человек' (с. 22). § 4. Семантика и происхождение индоевропейского перфекта с синтаксической точки зрения (с. 24). § 5. Типологические параллели (с. 31). § 6. II тип: Активный субъект + активный глагол ('Человек идет', 'Ветер дует'). Индоевропейские глаголы activa tantum как предикаты II типа (с. 34). § 7. Пересечения (имбрикации) I и II типов предложений. Индоевропейский перфект и медий: проблема взаимоотношения (с. 38). § 8. III тип: Активный субъект + глагол + неактивный объект ('Человек кладет, втыкает камень') (с. 42). § 9. *IV тип: Активный субъект + глагол + активный объект ('Человек, воин убивает врага') (с. 46). § 10. **V тип: Неактивный субъект + глагол + неактивный объект ('Вода ломает дом'). Об особых вхождениях в предложение имен типа 'вода', 'огонь', 'ветер' и т.п. (с. 56). § 11. Типологические параллели (с. 65). § 12. Хеттские дублеты типа uatar- 'вода' (неакт.) — uatenant- 'вода' (акт.) (с. 66).

Глава II. Согласование на длине предложения 69

§ 13. Понятие согласования как "длинного компонента предложения". Три вида согласования — семантическое, синтактическое, локационное (с. 69). § 14. Следы семантического согласования: прото-балто-славянские предложения а) 'Неодушевленный субъект + "неодушевленный" глагол', б) 'Одушевленный субъект + "одушевленный" глагол'" как продолжения соответственно протоиндоевропейских I и II типов предложений (с. 75). § 15. Следы синтактического согласования: архаическое согласование активного (субъектно-ориентированного) типа предложения II в латинском и хеттском. Предложения с "возвратными" частицами лат. -se, хет. -za (с. 76). § 16. Следы синтактического согласования; архаическое согласование неактивного (объектно-ориентированного) типа предложения I в латинском. Латинские "протоинфинитивы" и "протогерундивы" (с. 79). § 17. Отражение архаических типов согласования в словообразовании: и.-е. суффикс *-sk и др. (с. 83).

Глава III. Референция и дейксис 86

§ 18. Понятие референции. Три вида референции — семантическая, синтактическая, локационная (дейксис). Парадигмы местоимений и частиц как показателей референции (с. 86). § 19. Локационная референция. И.-е. дейктическая частица *-re-//*-ro-: латинский преверб re-, кельтский преверб ro-, флексия и.-е. медиопассива -r- (с. 92). § 20. Типологические параллели (с. 103). § 21. И.-е. дейктическая частица *re//*ro- в армянском запретительном императиве (с. 103). § 22. И.-е. дейктическая частица *-k̂(e) как возможный источник флексии 3 л. ед. ч. греческого перфекта на -κ(ε). Связь с и.-е. частицей *k^{u}om; литовские императивы с -k- (с. 105). § 23. И.-е. дейктическая частица *-dha (гр. -θα)//*-dhe как возможный источник флексии 2 л. ед. ч. греко-арийского перфекта и 1 и 2 л. мн. ч. медия (с. 109). § 24. И.-е. дейктическая частица *-u-//*-u-//*-au как возможный источник флексии 1 л. ед. ч. древнеиндийского перфекта (с. 112). § 25. Синтактическая референция (специальный случай согласования на длине предложения). И.-е.

анафорическая частица *-dm- (лат. dum); латинские герундии и герундивы (с. 118). §26. Генетико-типологические параллели: литовско-латышское причастие на -dam; древне-индийский абсолютив на -am (с. 122). § 27. Дополнительные черты в характеристике и.-е. предложения, вытекающие из реконструкции согласования и референции (с. 123). § 28. Семантическая референция. Личность-безличность предложения (с. 124).

Глава IV. Перифразы по линии актантов 129

§ 29. Понятия "перифраза" и "диатеза". Залог как диатеза глагола. Падеж как диатеза имени (с. 129). § 30. Перифрастическая, или текстовая, теория падежей. Падежи современного русского языка в рамках этой теории (с. 136). § 31. Именительный (с. 139). § 32. Винительный. а) В. вещи; б) В. лица; в) В. внутреннего объекта; г) В. вещи и лица при приставочных глаголах; д) В. предела. Соответствующие им типы переходности русского глагола (с. 139). § 33. Родительный. Нетипичность Р.п. субъекта в русском языке (с. 146). § 34. Дательный (с. 148). § 35. Творительный (с. 149). § 36. Предложный. Формы других падежей с предлогами (с. 149). § 37. Исторический комментарий к системе падежей. Его принципы (с. 150). § 38. Винительный лица и вещи при приставочных глаголах как новейший пласт. Две соответствующие ему модели предложения: модель (1) *Усы́пать дорогу песком* — модель (2) *Насы́пать песок* (*песка*) *на дорогу* // *на дороге*. (с. 152). § 39. Ближайший (древнерусский) прототип В. вещи при приставочном глаголе, заменяемый местным или направительным падежом в моделях (1) и (2) (с. 154). § 40. Латинские и др. соответствия и прототипы русской и литовской моделей (1) и (2) (с. 155). § 41. Модель с двойным аккузативом лица и вещи (эффективного и неэффективного объекта) ('Ранить воина + голову') как этап, предшествующий моделям (1) и (2). Ее определяющая черта — неполная пассивизация (с. 157). § 42. Сложение двух независимых предложений ('Ранить воина' + 'Ранить голову') как этап, предшествующий моделям с двойным аккузативом (с. 159). § 43. Гипотеза о происхождении: прото-и.-е. "аккузатив-1" с показателем *-*om* (из слияния *-om_1) генитива и *-om_2 маркера инактивного класса имен) как вероятный прототип аккузативов эффективного объекта в рассмотренных моделях (с. 160). § 44. Генетическая параллель: сложение двух независимых предложений при глаголах восприятия и аккузативе неэффективного объекта как источник оборота "Винительный с аккузативом" (с. 163). § 45. Аккузатив внутреннего объекта, конкурирующий с инструменталисом ('живет жизнь//жизнью') и аккузатив отношения (casus indefinitus). Гипотеза о происхождении: прото-и.-е. "аккузатив-2" как вероятный прототип этих видов аккузатива (с. 165). § 46. Типологические параллели (с. 166).

Глава V. Перифразы по линии предикатов 169

§ 47. Литовские диатезные пары (типа berti 'сыпать' — birti 'сыпаться') и русские видовые пары глагола. Синхронное состояние (с. 169). § 48. Устойчивые "пучки" признаков "вид — диатеза" в системе балто-славянского глагола. Иллюстрация: глаголы со значением 'вязать' (с. 177). § 49. Исторический комментарий к балто-славянской системе "диатеза — вид". Исходное положение: единое происхождение балтийских диатез и славянских видов. Устойчивая трехфазовая модель: лит. (1) berti 'сыпать' — (2) birti 'сыпаться' — (3) byreti 'быть в состоянии сыпания (пасс.)'; праслав. (1) *lepiti 'прилеплять' — (2) *lьpnoti 'прилипнуть, прильнуть' — (3) *lьpeti 'быть прилипшим, прильнувшим'. Устойчивость основной модели и радикальный перелом в структуре элементарной оппозиции (два исторически различных понятия вида и переходности). (с. 180) § 50. Класс славянских основ на -(a)je//o и балто-славянский имперфект. Реконструируемая прото-балто-славянская парадигма Д (с. 186). § 51. Класс балто-славянских основ на -iti итеративных и каузативных. Прото-балто-славянская парадигма Г. (с. 189). § 52. Класс балтийских основ на -s и проблема сигматического аориста. Прото-балто-славянская парадигма В (с. 192). § 53. Перфектный класс и основы на -i, выражающие состояние. Прото-балто-славянская парадигма Б (с. 201). § 54. Аблаутный и безаблаутный классы тематических основ. Прото-балто-славянская парадигма А (с. 209). § 55. Модельная группа — основные позы и движения человека 'Стать — стоять', 'сесть — сидеть', 'лечь — лежать' (с. 221). Краткое заключение (с. 222).

Глава VI. Интонация фразы и порядок слов 225

§ 56. Современное состояние вопроса (с. 225). § 57. Литовское yrà 'есть' — 3 л. глагола 'быть' как результат ритмической спайки синтагмы типа рус. (*Он*) *и есть* (с. 229).

Литература 234

Принятые сокращения 247

Summary 248

CONTENTS (ABRIDGED)

Introduction 6

Chapter I. Major sentence types of the Indo-European 10
Chapter II. Agreement at the length of the sentence 69
Chapter III. Reference and deixis 86
Chapter IV. Paraphrases by the actants 129
Chapter V. Paraphrases by the predicates 169
Chapter VI. Phrasal intonation and word order 225
Bibliography 234
Summary 248

ВВЕДЕНИЕ

Главный предмет этой книги — *лексические вхождения* в структурные схемы предложений и, как результат, некоторые новые аспекты в картине индоевропейского предложения. Такой подход, характерный для наших дней, составляет, по-видимому, третий этап в историческом изучении предложения.

Первый этап, связанный с идеями младограмматизма, завершился итоговой работой К. Бругманна [Brugmann 1925] о синтаксисе простого предложения в индоевропейском. Типы предложений характеризовались в ней в соответствии с "психическими актами" говорящего — утверждением, приказанием, просьбой, пожеланием и т.д.

Второй этап, отмеченный идеями и методами структурализма, завершен книгой У. Леманна [Lehmann 1974; 1980] о протоиндоевропейском синтаксисе. В ней доминирует исследование формальных связей, главным образом порядка слов, в предложении и словосочетании. Но отдельная, небольшая, глава была уже посвящена проблеме лексических вхождений.

Третий этап ознаменовался всеобщим интересом лингвистов к семантике и лексике предложения. Сочетание формального и, в меньшей степени, семантического анализа намечено в работе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова [1984].

Итогом этого многоэтапного процесса исследования оказывается гораздо более ясная, чем даже десятилетие назад, и, в сущности, простая в своей принципиальной организации картина протоиндоевропейского предложения. Ее можно резюмировать следующим образом. Протоиндоевропейское простое (в синтаксическом смысле) предложение описывается сочетанием двух параметров: а) некоторым, сравнительно небольшим, набором *структурных схем* (синтаксических моделей, формальных моделей, пропозициональных функций, — все эти термины — синонимы, принадлежащие разным системам описания), б) наборами лексем, занимающих места предикатов и актантов в каждой из структурных схем, — что и называется лексическими вхождениями. Вхождения служебных слов и частиц составляют особый разряд (по отношению к ним термин "лексические вхождения", конечно, условен). Несколько структурных схем, каждая со своим специфическим набором лексических вхождений, образуют так называемые главные типы простого индоевропейского предложения.

Согласно данным современных исследований, мы застаем древнее индоевропейское, или протоиндоевропейское, предложение на этапе его перестройки от "активного" строя к современному номинативно-аккузативному. В соответствии с этим главными семантическими признаками лексем, как имен, так и глаголов, оказываются "активность"—"неактивность" и их дальнейшие проявления.

Более полная картина предложения требует введения третьего параметра — в) описания взаимодействия главных типов, приводящего к появлению новых синтаксических конструкций. Имеются два основных способа таких взаимодействий. Во-первых, это взаимные отношения между структурными схемами предложений, т.е. отношения формально-синтаксические, описываемые обычно как *трансформации*. Во-вторых, это взаимные отношения между лексическими вхождениями в предложения (один класс лексем входит одновременно в два разных типа предложений, или, наоборот, расщепляется между ними и т.п.), — т.е. то, что мы называем *перифразами*.

В то время как отношения трансформаций, в общем, одни и те же для всех индоевропейских языков и многих неиндоевропейских (в особенности, если это языки номинативно-аккузативного строя), отношения перифразирования национально специфичны даже в пределах индоевропейской семьи. В них отражаются отношения между строем предложения и членением словаря, специфическая лексикализация каждого языка, и т.д. Разумеется, в силу родства языков некоторые виды перифразирования принадлежат языковой семье в целом (здесь они затрагиваются главным образом в главе I). Отношения перифразирования являются в настоящее время центральной проблемой синтаксической реконструкции.

Новый взгляд на предложение, ячейку синтаксиса, влечет появление новой картины синтаксиса в целом. Какой "образ синтаксиса" складывается в настоящее время?

Скорее всего синтаксис можно уподобить обширному континууму, в котором имеется хорошо структурированная часть — сетка, или решетка, состоящая из узлов (структурных моделей предложений) и линий отношений (трансформаций), связывающих узлы, и в котором одновременно имеются почти непрерывные ряды синтаксических единиц, различающихся вариациями в своем типичном лексическом составе (лексическими вхождениями) и заполняющих промежутки между узлами и линиями решетки. Отличия одной вариации от другой (перифразы) могут быть минимальны, но крайние члены каждого вариативного ряда принадлежат уже разным узлам — разным моделям предложений. Больше всего эта картина напоминает фонетико-фонологическую систему, где фонетические вариации представляют собой континуум, а фонемные оппозиции — жесткую решетку, выкроенную в этом континууме. С той, однако, существенной разницей, что в фонетике звуковой континуум чаще всего укладывается тоже в некоторые ряды, т.е. множества, хотя и нечеткие, но группирующиеся вокруг их ядер — четких фонемных множеств, фонем; в синтаксисе же, напротив, ряды синтаксических конструкций чаще всего не сохраняются в виде рядов, даже и нечетких, а сливаются друг с другом, образуя подлинный непрерывный континуум по всем направлениям.

Примером может служить такой русский (и, по структуре, в значительной части общеиндоевропейский) фрагмент синтаксиса: 1. *С утра*

зной парит — С утра парит (вариации от личного предложения к безличному); 2. *Хозяева натопили комнату — Комнату натопили* (вариации по линии введения или устранения субъекта); 3. *Комнату натопили — В комнате натоплено* (вариации от действия к состоянию, перфекту или стативу); 4. *В комнате жарко — Там жарко — Жарко* (вариации от определенной референции места к неопределенной); последние члены всех четырех рядов, по существу, сливаются в одной модели *Натопили/Натоплено//Парит//Жарко*, в которой безличность, устраненный субъект, перфективность или стативность, неопределенная референция сопутствуют друг другу.

Новый "образ синтаксиса", в свою очередь, влечет новый подход к реконструкции. Прежде, в особенности в период младограмматизма, доминировал морфологический подход: происхождение синтаксической модели рассматривалось главным образом в свете происхождения ее морфологических показателей (форм предиката, союзов, относительных слов и т.д.). В 1950-е годы Е. Курилович и Э. Бенвенист выдвинули понятие чисто синтаксического основания (fondement syntaxique), которое явилось диахроническим аналогом понятия синхронного отношения трансформации (см. в книгах [Курилович 1962; Бенвенист 1974, 195 и сл., 241, 435]). Полтора десятилетия назад Т.П. Ломтев [1973] и Ж. Одри [Haudry 1978, 175—176 et passim] независимо сформулировали положение о том, что диахронической структурной трансформации синтаксической модели сопутствует лексическое преобразование (например, расщепление глагола на две лексемы). Однако диахронический аналог синхронного отношения перифразирования все еще отсутствовал. Он формируется при новом взгляде на синтаксис.

В свете нового "образа синтаксиса" реконструируемые синтаксические формы должны рассматриваться как результат и *диахронических структурных трансформаций* и *диахронических лексико-семантических перифраз*. В некоторых случаях при реконструкции эти два процесса легко разделимы, обнаруживая два различных источника результирующей модели, в других случаях они предстают как единый процесс. (Многочисленные примеры этого читатель найдет в главах IV и V). Что касается морфологических формантов реконструируемых форм, то у них, естественно, сохраняется *морфологический* источник (которой обычно только и учитывали младограмматики).

Таким образом новый взгляд на синтаксис влечет допущение в общем случае — не обязательно в каждом конкретном — *двух или трех источников* реконструируемых форм: либо морфологического в сочетании с синтаксической трансформацией, либо трансформации и перифразы и т.д.

Простой иллюстрацией понятия *двойного источника* может служить следующая возможная реконструкция флексии рус. *-те* в формах императива: 1) морфологическим источником этой флексии является перенос флексии 2 л. мн. ч. типа *берёте→берите→берёмте*; 2) синтаксическим источником той же флексии императива, во всяком случае в формах типа *берёмте, возьмёмте* 'пусть мы возьмем', является и.-е. частица *te, принадлежащая синтаксической модели, в которую входила форма императива. Ср. литовскую частицу tè, употребляющуюся, когда что-либо дается или предлагается Tè, mergele, aukso žiedą 'На, девица, золотое кольцо' (по происхождению эта частица, возможно, идентична с другой литовской частицей, означающей пожелание: tè + глагол в настоящем времени 'Пусть делается или сделается то-то'); ср. также гр. гомеровскую частицу τῆ 'на, бери', употребляющуюся всегда с императивом.

Материальное совпадение форм является непременным условием реконструкции в области морфологии (ср. понятие архетипа в смысле Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебренникова [1988]; ср. [Степанов 1962]), а его отсутствие в синтаксической реконструкции часто (и не всегда обоснованно) становилось в вину этой последней. Понятие "синтаксического источника" реконструируемой формы, как мы его здесь формулируем, вводит в синтаксическую реконструкцию элемент материального совпадения форм, например, синтаксической частицы и глагольного форманта. Конечно, такие случаи, как упомянутый выше, довольно специфичны. Но именно с ними мы имеем дело в первую очередь, во всяком случае в материале данной книги (см. многочисленные примеры в главе III, в связи с вопросом о происхождении форм перфекта и герундива, в главе V в связи с историей балто-сл. "инъюнктива", и др.).

Наиболее важным системным результатом применения понятия перифраз к диахронии оказываются две взаимосвязанные теории — перифрастическая теория индоевропейских падежей (гл. IV) и перифрастическая теория диатез-видов балто-славянского глагола (гл. V). (Первая из них является итогом работы небольшой группы лингвистов — Г.П. Мельникова, А.Ф. Дремова и автора; вторая — целиком авторское построение).

В соответствии с идеей двойного источника каждая из соответствующих глав могла бы иметь двойное название: глава IV, посвященная "Перифразам по линии актантов", могла бы называться (с морфологической точки зрения) "Система падежей"; глава V, рассматривающая "Перифразы по линии предикатов", могла бы иметь название "Сложение глагольных парадигм". Точно так же вторые (морфологические) названия могли бы иметь и другие главы: глава II могла бы называться главой о синтаксических частицах, глава III — главой о частицах непосредственного указания, дейксисе. Общая причина такой двойственности заключается, как уже было сказано, в том, что в описании (и реконструкции) синтаксиса можно идти двумя путями — либо от морфологических средств и элементов синтаксической системы, либо от предложения как ее цельной ячейки. Для композиции этой книги, в соответствии с ее главной темой, выбран второй путь.

Глава I

ГЛАВНЫЕ ТИПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. Главные типы древнего индоевропейского, или протоиндоевропейского, предложения не являются непосредственно наблюдаемыми фактами, а представляют собой реконструкцию некогда существовавших фактов — результат сравнительно-исторического исследования. Основные параметры типа предложения — это, во-первых, его структурная схема (морфологическая форма его предиката и актантов, прежде всего, субъекта и объекта, а также форма связи между ними), и, во-вторых, его лексические вхождения (классы лексем, занимающих места в его предикате и актантах). Остановимся кратко на некоторых этапах истории вопроса, точнее, двух вопросов — реконструкции структурных схем и реконструкции лексических вхождений, поскольку тот и другой до последнего времени представляли собой по существу не связанные линии исследования.

Что касается структурных схем предложения, то еще в 1901 г, Х.К. Уленбек в фундаментальной статье объемом в одну страницу "Агенс и пациенс в падежной системе индоевропейских языков" [Uhlenbeck 1901; Уленбек 1950] обосновал тезис о том, что исторически засвидетельствованной системе падежей предшествовала в протоиндоевропейском другая система, с двумя основными падежами. Х.К. Уленбек назвал их "активом" и "пассивом". "Актив" был падежом действующего лица, агенса, т.е. падежом субъекта при активном глаголе. "Пассив" был падежом пациенса, объекта при активном глаголе и субъекта при неактивном (безразлично лица или вещи).

Сам Х.К. Уленбек, Х. Педерсен и другие лингвисты той поры употребляли в этой связи неадекватный термин "переходный" глагол вместо термина "активный" и "непереходный" глагол вместо "неактивный". В настоящее время общепризнано, что категория переходности-непереходности — типологически иная, чем категория активности-неактивности глагола, и исторически в и.-е. языках более поздняя.

В своей реконструкции Х.К. Уленбек исходил из фактов морфологии: в и.-е. языках номинатив и аккузатив существительных среднего рода совпадают по форме во всех числах — единственном, двойственном и множественном. Поэтому напрашивается предположение, что эти формы имели ранее не значение падежей номинатива и аккузатива, а какое-то более общее значение, а именно представляли собой "пассив", падеж пациенса. Это предположение подкрепляется тем, что у основ на -о номинатив и аккузатив среднего рода не отличаются от аккузатива мужского и женского

родов. Иными словами, окончание *-m (скр. vr̥kam, гр. λύκον) первоначально не было, по-видимому, окончанием аккузатива, так как иначе нельзя было бы объяснить его совпадение с номинативом и аккузативом среднего рода (скр. yugám, гр. ζυγόν). Отсюда и следовал вывод о двух протоиндоевропейских падежах — "активе" и "пассиве". Ниже мы будем исходить из этих положений.

Хорошую типологическую параллель к индоевропейскому языку "этапа Уленбека" составляют, на наш взгляд, хурритский и урартский языки. И.М. Дьяконов и М.Л. Хачикян считают, что эти языки представляют собой позднюю стадию языков активного строя. Отказываясь применять к этому типу термин "эргативные" языки, упомянутые авторы квалифицируют их как "фиентивный" или "фиентивно-эргативный" тип. В этих языках субъект транзитивного глагола оформляется специальным падежом (аналогом эргативного), субъект же непереходного предиката, как и объект переходного глагола, — нулевым (абсолютным) падежом. "В морфологическом плане нет ни номинатива, ни аккузатива, в синтаксическом плане, следовательно, нет грамматической категории объекта, поскольку язык не имеет средств для его специфического выражения" [Хачикян 1985, 16]. Последний факт особенно важен как типологическая параллель к реконструкции индоевропейского аккузатива (гл. IV). Общий исторический лингвистический фон в ареале древнейших контактов индоевропейского с упомянутыми неиндоевропейскими и другими языками обрисован в работе [Джаукян 1987].

Предлагаемая нами реконструкция не является максимально дальней, какая возможна при использовании сравнительно-исторического метода. Такая реконструкция выдвинута в ряде работ Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова [Гамкрелидзе, Иванов 1984; 1984а и др.]. Согласно последней, протоиндоевропейский язык восстанавливается как язык активного строя, возможно, с вкраплениями эргативных явлений. Условно назовем этот дальний этап "этапом Гамкрелидзе — Иванова". Реконструируемый нами этап — назовем его "этапом Уленбека" — следующий по времени, более близкий к настоящему, возможно даже следующий не непосредственно, а через некоторый промежуточный период. Содержание рассматриваемого нами "этапа Уленбека" совпадает с распадом активного строя, прежде всего присущих ему именных и глагольных классификаций (таксономий) и связанных с ними морфологических черт, и началом формирования глагольной залоговой и видо-временной системы балто-славянских и, по-видимому, греко-арийских языков. Приходящий на смену активному строю языка новый строй является номинативно-аккузативным.

По иной терминологии: номинативным, еще иначе: аккузативным; применительно к типологии все эти термины — синонимы; впрочем, некоторые авторы применяют термин "аккузативные языки" для выделения языков со специфической организацией синтаксического дополнения, таких, например, как урало-алтайские.

Будучи морфологической, реконструкция Х.К. Уленбека имела важные последствия для реконструкции прото-и.-е. синтаксиса. Из нее прямо вытекало (самим Х.К. Уленбеком не сформулированное) утверждение о том, что на определенном этапе существовали по крайней мере следующие три резко различные типы предложений.

I тип: Неактивный субъект (вещь) + неактивный глагол; показатель субъекта "нуль" или, в основах на -о, — -m (скр. yugám, гр. ζυγόν); пример: 'Снег тает', 'Камень лежит$_1$, торчит'. (В семантической записи на русском или английском языке эти языки являются не языками

иллюстрации, а метаязыком, с помощью которого записываются типы предложений).

II тип: Активный субъект (человек или подобное человеку) + активный глагол; показатель субъекта -s; пример: 'Человек идет', 'Медведь лежит$_2$'.

Если глагол в типах I и II выглядит в семантической записи на русском и английском языках одним и тем же, то это значит лишь то, что эти языки не имеют средств различать два соответствующих действия своими лексемами (здесь: камень и медведь лежат неодинаково), и в семантической записи мы различаем их цифровыми индексами как семантические дублеты. В работе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова [1984, 295], где фундаментально обоснована гипотеза об "активном прошлом" протоиндоевропейского языка, реконструирован пробный список таких дублетов, в количестве 4×2=8 единиц: семантемы 'быть', 'лежать', 'стоять', 'сидеть'. Согласно этой реконструкции, 'лежать' в активном классе представлено и.-е. корнем *ses- 'лежать, спать' (хет. šeš-zi 3 л. ед. ч. 'спит', др.-инд. sásti 'то же'); 'лежать' в неактивном классе — и.-е. *$\hat{k}^{[h]}$ej- 'лежать' (хет. kitta[ri] 3 л. ед. ч. медия 'лежит', др.-инд. śéte 'то же', гр. κεῖται 'то же').

III тип: Активный субъект + активный глагол + неактивный объект; показатель субъекта -s, показатель объекта "нуль" или (в основах на -o-)-m; пример: 'Человек кладет камень', 'Медведь кладет камень".

Для языков развитого номинативно-аккузативного строя полный набор типов, т.е. теоретически возможных сочетаний субъекта, глагола и объекта, очевидно, таков (звездочками отмечены типы, представленные слабо, в той или иной степени дефектные, — см. ниже):

I тип: Неактивный субъект + глагол;
II тип: Активный субъект + глагол;
III тип: Активный субъект + глагол + неактивный объект;
*IV тип: Активный субъект + глагол + активный объект;
**V тип: Неактивный субъект + глагол + неактивный объект;
***VI тип: Неактивный субъект + глагол + активный объект.

Первые четыре структурно-семантические схемы, описанные по признаку 'активность — неактивность', мы называем главными типами протоиндоевропейского предложения (major sentence types).

Порядок нашей нумерации типов в известной степени мотивирован. На первом месте поставлен наиболее четко выделимый тип предложения. Понятие "неактивный субъект", по крайней мере применительно к реконструкции, определяется достаточно однозначно, как 'вещь' или 'подобное вещи'. Соответствующий минимальный класс предикатов составляют предикаты сущности 'вещь': 'стоять (как вещь)', 'лежать (как вещь)', 'торчать', 'ломаться', 'лопаться', 'трескаться', 'сыпаться', 'таять' и т.п.

Напротив, понятие "активный субъект" применительно к протоиндоевропейскому языку представляется менее четко отграниченным. Включает ли оно только такие сущности, как 'человек' и 'человекоподобное'? Или, если последовательно расширять этот класс, все одушевленные сущности, включая животных? Или все живое, включая

растения, например, плодовые деревья, поскольку они порождают плоды, тождественные детям? (Х. Уленбек, в частности, предполагал последнее). Или, наконец, вообще все активное, даже не обладающее жизненным циклом, например, ветер? Применительно к протоиндоевропейскому приходится высказывать лишь гипотезы, в разной степени обоснованные (наша гипотеза приводится далее). Остается, однако, фактом, что по крайней мере в некоторых ключевых для системы языка понятиях, например, 'вода', наименование неактивной сущности восходит к одному корню в разных и.-е. языках, тогда как наименования соответствующей активной сущности более разнообразны и представлены разными корнями в разных частях и.-е. ареала [Meillet 1920; Ernout, Meillet 1967, 746].

Понятие структурной схемы предложения в последние годы существенно дополнилось благодаря его применению к исследованию отдельных грамматик и.-е. языков. В монографии А.С. Мельничука [1966] (Киев) (едва ли не единственном монографическом исследовании этой темы) развитие структуры славянского предложения рассматривается в тесной связи с формированием грамматических категорий славянского глагола и тем самым закладывается основа для дальнейшего исследования лексических вхождений.

В работах по созданию грамматики русского языка, руководимых Н.Ю. Шведовой (Москва), обследованы практически все синтаксические конструкции современного русского языка с их лексическими вхождениями. Установлены и общие закономерности такого рода: "В системе словосочетания и простого предложения лишь самые отвлеченные, абстрактные их образцы (причем далеко не у всех конструкций) могут быть представлены как не требующие указания на правила и тенденции их лексического наполнения. В огромном же большинстве случае абстрактные синтаксические образцы в той или иной степени лексически не свободны. Эта несвободность колеблется от более или менее очевидных тенденций к преимущественному использованию определенного лексического материала до... открытости этого образца лишь для слов отдельных лексико-семантических разрядов и даже только для отдельных слов" [Русская грамматика 1980, § 1717].

В этом же русле идей коллективом под руководством В. Амбразаса (Вильнюс) создана новая "Грамматика литовского языка" [1985], в которой архаический литовский синтаксис благодаря последовательному соотнесению структурных схем с лексикой предстал в новом освещении, очень существенном для индоевропеистов.

Работая в том же направлении, Ж. Веренк (Париж) произвел принципиальное теоретическое обобщение. Он по существу синтезировал понятия структурной схемы предложения и ее лексического наполнения в новом понятии — "грамматическая схема предложения" [Veyrenc 1979]. В ряде сопровождающих этот синтез специальных работ Ж. Веренк показал, что "диатеза глагола" (т.е. лексически выраженный залог глагола) и "объект глагола" — по существу, одно и то же явление. Поскольку объект (прямое или косвенное дополнение) выступает в форме того или иного падежа, постольку

теория падежей и теория залогов — по существу две части одной и той же теории.

Это положение, вытекающее из работ Ж. Веренка и сомкнувшееся с полученным из других исходных установок выводом Г.П. Мельникова, А.Ф. Дремова и автора этих строк [Степанов 1988]), лежит в основе теории падежей, принятой в настоящей книге (гл. IV). Вывод Ж. Веренка о непосредственной связи между диатезой глагола и падежом имени может, по существу, рассматриваться как теоретическое обоснование конкретных реконструкций некоторых индоевропейских типов предложения. Так, Ж. Веренк показал, что в основании конструкции (1) лат. donare aliquid alicui 'дать что-л. (акк.) кому-л. (дат.)' лежит сема 'быть' ('Нечто есть у кого-л.'), между тем как в основании синонимичной конструкции (2) лат. donare aliquem aliqua re 'одарить кого-л. (акк.) чем-л. (абл.)' лежит сема 'иметь' ('Некто имеет нечто') [Veyrenc 1976]. Реконструкция Ж. Одри, проведенная на латинском и ведийском материале, показала историческую реальность перехода от (1) к (2) [Haudry 1978, 160] (упомянутые нами работы Ж. Веренка Ж. Одри не использовал). Отмеченное историческое развитие от (1) к (2) может быть, таким образом, поставлено в прямую связь с развитием глагола 'иметь' из типологически более простого 'быть у' (ср. [Benveniste 1960; Бенвенист 1974, 203—222]). Таковы, вкратце, некоторые основные этапы истории вопроса по линии исследования структурных схем предложений.

Что касается второй линии исследований — лексических вхождений в предложение, то они не стали еще постоянным предметом индоевропейских штудий. Кроме нескольких списков лексем, главным образом глаголов, установленных в работах В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе (один из таких списков приведен выше), можно указать на пионерскую, и едва ли не единственную, работу У. Лемана (США) — главу "Лексические вхождения" его книги о протоиндоевропейском синтаксисе 1974 г. [Lehmann 1980, 222—237], где рассматриваются различные производные от и.-е. корня *er- (в авторском обозначении *γer-) 'двигать' в соответствии с различными синтаксическими позициями. Интересный материал дали наблюдения по, казалось бы частной для синтаксиса, теме — лексика в устойчивых народно-языковых формулах, поговорках и т.п. в работах Н.И. Толстого [1968; 1973] и К. Уоткинса (см. его устные сообщения на конференциях, например [Watkins 1986].

Лексические вхождения как система являются предметом настоящей главы, см. также [Степанов 1988а; 1988б]. Именно лексическими вхождениями определяются в конечном счете различия типов предложений и объясняется дефектность IV, V и VI типов. VI тип, исторически явно более новый, представлен в индоевропейских языках главным образом в поэтической речи. Достаточно указать известное правило латинского языка: если абстрактное имя оказывается подлежащим при переходном глаголе — например, Necessitas me subigit (Pl., Pseud. 7) 'Необходимость меня побуждает', то это обычно свидетельствует о персонификации понятия, служит признаком высокого стиля или пародии на него [Тронский 1953, 134]. V тип, такие предложения,

как рус. 'Молния зажигает сарай', 'Снег завалил дороги', в некоторых разновидностях близкие к VI типу ('Стрела ранит врага'), вопреки мнению А.А. Шахматова [Шахматов 1925, § 128], исторически также довольно молодой. Как показал Ж. Одри [Haudry 1970; 1978, 427], всякий номинатив неактивного субъекта в значении инструменталиса восходит к инструменталису, т.е. к типу 'Молнией зажигает сарай', 'Стрелой ранен воин'. IV тип, например 'Воин убивает врага', хотя и входит в число главных типов, имеет специфические ограничения (см. ниже). Таким образом, не все теоретически возможные типы равно представлены в древних индоевропейских языках, а следовательно, и в протоиндоевропейском.

Главной закономерностью, препятствующей равномерной реализации всех типов, является, по-видимому, как это следует из сказанного, тенденция к запрету некоторых типов лексем в некоторых синтаксических позициях. Эта тенденция проявляется прежде всего как запрет на "абстрактные" субъекты в сочетании с "конкретными" объектами. Тенденция носит в некоторой части универсальный характер, а в некоторой является специфически индоевропейской. По своей способности занимать позицию субъекта в индоевропейском предложении имена образуют следующую иерархию (в порядке убывания этой способности): лексемы, означающие лица/людей вообще/животных/растения/вещи/ абстрактные объекты (типа необходимость) (см. подробнее [Степанов 1979]). При этом иерархия исторически расширяется: в древних индоевропейских языках она ограничена левой частью и с течением времени продвигается вправо. Мы обратили внимание на эту закономерность еще в 1961 г. [Степанов 1961]. В настоящее же время ее можно определенно связать с перестройкой индоевропейских языков от активного строя, характеризующегося резким противопоставлением активных сущностей (прежде всего людей) и неактивных (прежде всего вещей), к строю номинативно-аккузативному, в котором эти противопоставления и одновременно ограничения на позицию субъекта устраняются. При указанном подходе иерархия строится как последовательно именная, лексическая.

Очень интересные результаты дал другой подход — совместное исследование именных и местоименных вхождений и их общая иерархизация. Первоначально этот подход вообще не связывался с проблемой лексических вхождений и рассматривался как проблема истории местоимений. Насколько нам известно, в индоевропеистике он впервые был четко сформулирован А.Н. Савченко в 1984 г.: местоимения и имена в протоиндоевропейском языке (на определенном этапе его развития) в своем склонении составляют две различные системы, основанные на совершенно разных принципах: местоименное склонение образовано в большинстве случаев двумя разными основами, имеющими значение прямого и косвенного падежей (система, характерная для номинативно-аккузативного строя); именное "склонение" основано на противопоставлении не падежей, а активной и неактивной форм (система, характерная для активного строя) [Савченко 1984]. А.Н. Савченко связал эту индоевропейскую особенность с аналогичными чертами языков иных семей (в его представ-

лении, "ностратических") и тем самым показал ее типологически повторяющийся, а возможно, и универсальный характер.

На неиндоевропейском материале в русле того же подхода еще ранее было проведено исследование М. Сильверстейна 1977 г. [Silverstein 1977]. Материалом наблюдений австралийского лингвиста были явления так называемой "расщепленной эргативности" (split ergativity), т.е. такие случаи, когда одни синтаксические конструкции оформляются по эргативному типу, а другие, в том же самом языке, по номинативно-аккузативному типу (американоиндейский язык чинук, австралийский дирбал, подобные явления отмечены также в грузинском, пушту и многих других языках). М. Сильверстейн отказался от понятия "грамматическое, т.е. морфологическое, подлежащее (surface subject)", поскольку это понятие не константное, а вариативное, зависящее от строения той или иной именной группы в предложении (ср. аналогичный отказ в советской лингвистике [Степанов 1979, 337]). Он расположил потенциальные субъекты действий в единую иерархию, включив в нее не только имена объектов действительности, но и обозначения участников речевого акта, соответственно местоимения. Иерархия такова (слева направо; знаки + или – означают, соответственно наличие или отсутствие данного семантического признака: +tu/–tu/+ego/–ego/+собственное имя/–собственное имя/+общее имя, обозначающее человека/–общее имя, обозначающее человека/+одушевленное/–/одушевленное/... и т.д. По М. Сильверстейну, иерархия начинается с tu (лат. обозначение для 'ты'), поскольку это наибоее относительное понятие, создаваемое только в акте речи, тогда как ego ('я') предшествует акту речи. Приложив эту иерархию к своему материалу, автор пришел к очень важному выводу: именные группы в вершине иерархии обнаруживают номинативно-аккузативную маркировку падежей (этот вывод совпадает с независимо позже полученным выводом А.Н. Савченко), в то время как именные группы в нижней части иерархии — эргативно-абсолютивную систему. Срединная часть часто бывает занята номинативно-дативными конструкциями.

Все эти данные существенно дополняют представления о собственно лексических и о местоименных вхождениях в протоиндоевропейское предложение. Помимо этого, из накопленных наблюдений можно извлечь важный методический принцип. Поскольку иерархия подвижна, а в индоевропейских языках границы субъектных вхождений к тому же расширяются, главные типы предложений, определенные выше, на разных этапах истории предстают с различным лексическим наполнением. (В этом, между прочим, и состоит их расширение, пересечение, вообще — перифразирование в указанном далее смысле этого термина.) Необходимо поэтому для первого этапа реконструкции определить понятие "тип предложения" более жестко. Это ограничение мы назовем принципом минимализации: на начальном этапе реконструкции необходимо рассматривать лишь минимальные классы лексем, вхождения которых (как целых классов) необходимы и достаточны для определения типа, т.е. конституируют сами типы предложений и отличают их друга от друга.

Мы должны, следовательно, иметь гипотезу о том, какие имена существительные и какие глаголы, применительно к протоиндоевропейскому языку, отвечают семантическим признакам активный — неактивный, поскольку именно эти признаки лежат в основе классификации. Как известно, однозначные представления об этом среди индоевропеистов отсутствуют.

Историю вопроса за недостатком места мы здесь опускаем, обратив только внимание на то, что сначала этот вопрос рассматривался лишь в плане лексики [Meillet 1920], затем, как в известной дискуссионной книге Ф. Шпехта, в плане именного склонения (из последних удачных работ в этом русле отметим [Осипова 1987]), и лишь в самое последнее время он включен в сферу синтаксиса.

Сформулируем нашу гипотезу. Она состоит из двух раздельных частей — семантического представления актантов предложений, прежде всего субъектов, и семантического представления предикатов.

Применительно к актантам (прежде всего субъектам) признак 'неактивный' означает 'вещь, тело' или 'подобный вещи, телу'. Этот признак устанавливает именно минимальное соответствие между позицией субъекта и лексическим классом, способным выступать в этой позиции. Противопоставленный семантический признак 'активный' может означать 'растение', 'животное', 'человек' или их сумму, т.е. 'все, обладающее активным, самодеятельным началом, жизненным циклом'. Признак 'активный' применительно к протоиндоевропейскому языку является менее определенным, вариативным и подвижным. (Этому соответствует, в частности, и то, что имена неактивных сущностей, например 'вода', восходят к одному и тому же корню в разных индоевропейских языках, тогда как наименования соответствующей активной сущности, 'вода как активное начало' и др., более разнообразны и представлены разными корнями в разных частях индоевропейского ареала). В общем, изложенное здесь семантическое представление довольно традиционно, оно отвечает теории "одушевленного — неодушевленного" родов К. Бругмана, В. Дельбрюка, А. Мейе и др.

Применительно к предикатам (т.е. прежде всего к глаголам) наша точка зрения более оригинальна. При том же условии минимальности (т.е. рассматриваются лишь классы лексем минимально необходимые и достаточные для существования данных типов предложений): 1) предикатам I типа соответствуют глаголы perfecta tantum, точнее — глаголы, которые в языке Гомера составляют группу perfecta tantum со значением "состояния тела" и их внегреческие соответствия (например, πέπηγε 'воткнуто, торчит', ср. лат. pāgus 'межевой столб'); 2) предикатам II типа соответствуют глаголы и.-е. activa tantum (например, скр. jigāti 'идет', гр. βαίνω, βάσκω 'то же', и т.д.*. Мы обращаем, следовательно, внимание прежде всего на группы "tantum". (Группа media tantum подробно рассматривается ниже.)

* В соответствии с традицией, здесь и далее древнегреческие глаголы приводятся в форме 1 л. ед. ч., древнеиндийские — в форме 3 л. ед. ч., а их русские переводы в форме инфинитива или 3 л. ед. ч., за исключением тех случаев, когда различие лиц значимо для семантики лексемы.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уже самые поверхностные наблюдения над распределением лексики в главных типах предложений (а это, согласно общей гипотезе, древнейшие типы) обнаруживают примечательный факт: классификация предложений по субъектам и классификация тех же предложений по предикатам совпадают лишь частично. Это выражается прежде всего в том, что тип II (активные предложения) может иметь субъектом "активную сущность" ('человек', 'зверь', 'ветер', 'река', 'вода как активное начало', 'огонь как активное начало' и т.п.) и в этом случае его предикат — обычно глагол из класса activa tantum. Но в этом же типе II субъектом может быть подчеркнуто человеческая "активная сущность", именно и только 'человек', и тогда предикатом выступает, по-видимому, преимущественно глагол из класса media tantum. (Показательные детали связи медиального залога с одушевленным субъектом приведены в работе [Гухман 1981, 182—189]).

С другой стороны, в классе perfecta tantum в языке Гомера и в их внегреческих соответствиях имеются не только глаголы, обозначающие "состояния тела", но и глаголы, обозначающие "состояния духа", т.е. состояния чисто человеческие (назовем первые группой "а", вторые группой "б"). В группе "б" синонимичной лексемой довольно часто оказывается глагол из сферы медия, а иногда и media tantum (например, семантемы 'радоваться': гр. γέγηθα, лат. gaudeo с депонентным, т.е. медиопассивным, перфектом gāvīsus sum 'бояться', гр. δείδια, арм. erkn̆č̣im с медиопассивным аористом erkeay, и т.п.).

Неполное совпадение классификаций предложений по субъектам и по предикатам может быть резюмировано следующей схемой:

Предикаты типа I (неактивные)		Предикаты типа II (активные)
группа "а"	группа "б"	
perfecta tantum ("состояние тела")	perfecta tantum ("состояние духа")	media tantum activa tantum
	субъект 'человек'	

Обнаруженный нами факт несовпадения классификаций можно объяснить, по-видимому, одной из двух причин. С одной стороны, его можно объяснить более общим явлением, описанным Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым [1981, 16; 1984, 312], — переходом протоиндоевропейского языка от активного строя к номинативно-аккузативному. Это преобразование, как отмечают указанные авторы, выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола: при этом процессе бинарная классификация имен на активные и неактивные начинает терять ясные очертания, но зато глагол приобретает четкое разделение по бинарному принципу транзитивности-интранзитивности. В таком случае, в отмеченном нами факте можно видеть отражение перехода и сосуществования обеих классификаций.

Однако, это явление можно объяснить и иначе — вмешательством "возмущающего фактора", нарушающего стройность существовавшей в языке бинарной классификации по принципу активности — неактивности. Этим фактором могло быть становление категории "одушевленность, личность". Ведь отмеченное несовпадение классификаций наиболее отчетливо проступает как раз при субъекте 'человек, лицо' и его противопоставлении всем другим активным субъектам. Балто-славянский материал — становление категории одушевленности в славянском именном склонении и параллельное этому становление двух глагольных диатез, активно-каузативной и неактивной в балтийском (лит. Bérnas meřkia linùs 'Парень мочит лен' — Linaĩ mĩřksta 'Лен мокнет') является, по-видимому, аргументом в пользу второго объяснения. Не исключено, впрочем, что оба объяснения могут быть в конечном счете совмещены.

Сказанным выше характеризуется распределение лексем по типам предложений в качестве предикатов последних. Что касается парадигм, по которым спрягаются эти лексемы, то какое-либо радикальное разделение их на "ряды" или "серии", которое проходило бы сквозь все слои реконструкции, вряд ли возможно, ввиду того, что парадигмы подверглись значительной перестройке в грамматической системе каждого отдельного индоевропейского языка. Можно указать лишь самые общие линии оппозиций, например, вслед за К. Уоткинсом — Ф. Бадер [Watkins 1969; Bader 1971], такие: между формами атематического презенса-аориста (характеризуемыми как активные), с одной стороны, и всеми остальными — атематическим медием, тематическим медием, перфектом и, в хеттском, спряжении на -ḫi, с другой. Оппозиция между активом и перфектом является, по-видимому, древнейшей (см. § 4). Первоначально между обоими рядами лексем не было, вероятно, никаких парадигматических связей. Так, согласно тезису Ф. Бадер, "корневые глаголы являются либо activa tantum, либо media tantum" [Bader 1971, 305]. (Положение хеттского ḫi- спряжения в этой связи является предметом почти перманентной дискуссии, см. [Rosenkranz 1953; 1958; Kuryłowicz 1979; Jasanoff 1979] и др.) Главная линия этой книги — именно лексические оппозиции, непосредственно связанные с синтаксисом; парадигмы же рассматриваются в деталях лишь применительно к балто-славянским языкам в гл. V.

Рассмотрим теперь в деталях структурные схемы и лексические вхождения главных типов предложений.

§ 2. I тип: Неактивный субъект+неактивный глагол ('Камень лежит, торчит'). Как уже сказано выше, минимальный класс предикатов в этом типе реконструируется как лексемы, соответствующие гомеровским perfecta tantum со значением "состояние тела". Основные семантемы таковы:

1) 'быть воткнутым, торчать': гр. πέπηγε, πάγος м. р. 'скала', лат. pepigit, pāgus м.р. 'веха, межевой столб';

2) 'гореть, пылать': δέδηε, скр. dagdhá-, лит. dẽga 'горит' и 'жжет';

3) 'цвести, быть в цвету': τέθηλε, през. θάλλω, арм. dalar 'зелень, трава', алб. dal 'расти'; наличие исконного презенса при этом греческом корне не противоречит его рассмотрению в группе perfecta tantum, поскольку этот презенс имеет статус "только презенса" — семантического ответвления перфекта;

4) 'быть сгнившим': σέσηπε, корень σᾰπ-, ввиду наличия корня с кратким -ă-, вероятно, родственно лит. šiùpti šiumpra šiùpo 'гнить, ветшать; сваляться и вылезти (о волосах)';

5) 'быть погибшим': ὄλωλε, (δι)έφθορε;

6) 'быть возникшим': ὄρωρε, хет. ar- 'прибывать, достигать', лат. orior 'подниматься, возникать, происходить из чего-л.', скр., ṛṇoti

'поднимается, двигается'; в некоторых языках аффиксальные глаголы от этого корня имеют активное значение: хет. arnu- 'приносить, доставлять', гр. ὄρνυμαι 'устремляться, бросаться', ср., вероятно позднейшее, ὀρούω 'то же', лат. ruo 'опрокидывать, разрушать';

7) 'быть бурным': τέτρηχα, през. вторичный τᾰ́ρασσω,. τᾰράττω 'взмешивать, баламутить'.

Внегреческих соответствий к (7) обычно не отмечают. Однако, поскольку имеются фонетически точно соответствующие этому глагольному корню гр. τρᾱχύς 'ершистый, шершавый, морщинистый', τρᾱχών, -ῶνος (вариант τράχων) 'каменистая местность', τρᾱχος 'то же', можно предположить в основе всей группы слов какой-то термин средиземноморской культуры, отраженный также в топонимах Τράχων, Τραχίς [Chantraine 1130], первоначально, вероятно, 'неровная, каменистая, горная местность'; ср. также лат. Tarraco, Tarraconensis — название римской провинции в Испании на побережье Средиземного моря, граничащей с двумя французскими областями того же названия — один Tarascon на побережье, другой в Альпах. Ввиду наличия таких фонетических модификаций глагольного корня ταράσσω (-άττω) как θράσσω, θρᾰ́ττω, топоним Θρᾴκη 'Фракия' может принадлежать к этой же группе, т.е. Фракия — 'Горная страна', Противоречащим фактом, впрочем, может считаться этноним Θρᾴξ 'фракиец'. Поскольку обычно название народа предшествует названию страны (ср. [Георгиев 1958, 136, 141]. Первоначальное значение этого глагольного корня, вероятно, 'баламутить (в физич. смысле)', затем в перен. 'баламутить, будоражить, пугать'. Сюда же фр. tarasque ж.р., исп. tarasca ж.р. 'карнавальное чудище, дракон, страшный зверь', — название, производимое обычно от имени города Tarascon, но в действительности восходящее, по-видимому, к упомянутому средиземноморскому термину. Последнее подтверждается наличием исп. tarascar, tarazar, atarazar 'рвать и терзать зубами', представляющих собой контаминацию этого древнего глагольного корня с араб. darasa 'кусать'. В конечном счете, этот корень восходит, вероятно, (или контаминирован с ним) к и.-е. *ter- с расширением *tres-, *trem- 'трясти', что вполне соответствовало бы его перфектному значению состояния 'неровная, гористая земля — результат (земле)-трясения'.

В соответствии с указанными глагольными корнями (1) — (7) находятся первичные имена, ср. к: 1) δάος ср. р. 'факел', 2) πάγος м. р. 'скала', πάγη ж. р. 'капкан', 3) θάλος, -εος ср. р. 'побег, ветка', θάλλος м. р. 'то же', 4) σήψ, -πός ж. р. 'гнилая рана', σαπρός 'гнилой', 5) ὀλοός 'разрушительный, гибельный', οὖλος 'гибельный, зловещий', 6) конкретных имен нет, но, возможно, сюда следует поставить ὄρνις ж. р. 'птица', ὄρνεον ср. р. 'то же', 7) τράχων 'каменистая, неровная местность'.

Общая семантика всей этой группы глагольных и соответствующих именных корней — "состояние тела" хорошо отвечает современным лингвистическим представлениям об именном происхождении перфекта от предикатов именных предложений. Следы этого происхождения сохраняются в древнейших значениях перфектных форм, ср. гр. τέτοκα только применительно к женщине 'я родила', в отличие от форм презенса и аориста τίκτω, ἔτεκον, применявшихся к существам обоего пола; если бы перфект не имел первоначально значение "состояния тела", то такое ограничение в употреблении было бы необъяснимым [Wackernagel 1953б, 1016 сл.]; ср. сходное различение в русском с помощью двух разных лексем — *родить* о существах обоего пола, *рожать* только о женщине: *Авраам родил Исаака* (Ев. от Матфея, 2): *Она каждый год рожает и нынче роженица;* ср. еще κατέκτονα (впервые у Эсхила), ἀπέκτονα (впервые у Геродота) значат 'я убийца,

я запятнан убийством' и лишь впоследствии приобретают результативное значение 'я убил и (поэтому) являюсь убийцей'. По удачной формулировке А.П. Юдакина, перфект на этой стадии развития данной категории выражал состояние как следствие каких-то внешних причин, не обязательно предшествующего действия [Юдакин 1984, 142]. Перфект как результат действия, "результативный перфект' — категория более поздняя.

К приведенному же ряду семантем следует отнести некоторые прилагательные. Так, гомер. κόλος 'безрогий, комолый (о скоте); со сломанным острием (о копье)', вероятно от первичного глагола со значением 'бить' [Chantraine 558] или, скорее, от предикатива 'быть битым, увечным'. Κόλος — само по себе предикатное слово, возможно, первоначально существительное [Frisk I, 903]; родственно рус. *кол, колоть,* лит. kuõlas 'кол', и с таким же семантическим развитием, как πέπηγε — πάγος 'скала; то, что застыло, торчит', лат. pepigit — pāgus 'веха, столб'.

К греческим perfecta tantum относится также несколько лексем, означающих некое состояние как постоянное качество: 1) 'быть похожим, подобным': ἔοικα без соответствий за пределами греческого; 2) 'быть привыкшим, иметь обыкновенные': εἴωθα, ср. ἔθος ср. р. 'привычка, обычай', др.-инд. svadhā́ 'своеобразная черта, склонность, привычка', гот. sidus 'обычай', лат. sodalis 'союзник' [Benveniste 1969, I, 331].

Третью, довольно обширную, группу гомеровских perfecta tantum составляют лексемы, означающие воздействие на органы чувств и семантически связанные с этим звукоподражательные глаголы: 1) ὄδωδα 'издавать запах, пахнуть', 2) βέβρυχα 'издавать стон, стонать, реветь', 3) μέμυκα 'мычать' и т.п. (Подробнее о гомеровских perfecta tantum в сравнительно-историческом освещении см. [Перельмутер 1977, 5—30] и § 53, третий тип.)

В отдельных и.-е. языках соответствующие семантемы и лексемы отражены как небольшие компактные группы глаголов с аномальными парадигмами, чаще всего как перфекто-презенсы.

В германском это группа перфекто-презенсов, точнее — часть этой группы, семантически и этимологически соответствующая лексемам со значением "состояние тела": гот. aih 'владею'; гот. skal 'должен', ср. лит. skolà 'долг' при skèlti 'колоть'; гот. daug 'полезно', ср. лит. daũg 'много', рус. *дюжий,* чеш. duh м. р. 'сила, процветание' [Этим. сл. слав. яз. 5, 150]; гот. mag 'могу', ср. лит. magėti mãga magėjo 'хотеть(ся)', рус. *мочь, мощь;* гот. ga-mot '(он) имеет место, разрешение', гот. ga-nah 'достаточно', ср. рус. *нес-у,* соотношение значений — как в нем. es reicht=genügt [Frisk I, 513]. Другую часть германских перфекто-презенсов составляют глаголы со значением "состояние духа" [Benveniste 1949; Бенвенист 1974, 145].

В классическом армянском, как мы полагаем, соответствующие семантемы и лексемы отражены в виде группы из пяти глаголов на -em, имеющих аномальную основу аориста на -ac^{c} вместо -eac^{c}. Помимо этой формальной черты, всю группу объединяет семантика — это глаголы состояния, имеющие либо только перфектное, либо только пре-

зентное значение (как и в германском, здесь объединены "состояния тела" и "состояния духа"): 1) gitem 'знаю', и.-е. *u̯oid-//*u̯id-; 2) asem 'говорю', и.-е. *əǵ-//*-eǵ-, гр. ἄν-ωγα 'я приказал' — перфект со значением презенса, лат. aiō<*āǧ-iō 'говорю', ad-agium 'пословица', арм. aṙ-ac 'то же' [Frisk I, 115]; 3) karem 'могу', без надежной этимологии, но, судя по значению, перфекто-презенс из перфекта [De Lamberterie 1982, 34]; 4) mart^{c}- em 'умею, могу', вероятно тот же корень, что в mart-nč^{c}-im 'сражаюсь, борюсь', ср. гр. μάρ-να-μαι 'то же' только презенс; в гр. этот глагол входит в группу глаголов с презенсом -να- (и.-е. *-na-), все они — media tantum и соответствуют хеттским депонентным глаголам на -annai-, принадлежащим к ḫi-спряжению [Rosenkranz 1953, 342—343]; к семантическому соотношению 'бороться' и 'мочь' ср. аналогичное лит. galė̃ti 'мочь' — galė̃tis возвр. 'бороться' (особенно врукопашную), pérgalė 'победа', укр. *перемога* 'то же'; 5) merkem 'раздеваю, оголяю'; вариант этого глагола merkanam имеет то же строение, что и упомянутое выше гр. μάρναμαι; корень арм. merk- соответствует и.-е. *meg^{ʷ}ro, гр. γυμνός 'голый', лит. núogas 'то же' [Frisk I, 333]; параллелью к этому арм. глаголу служит лит. núogti того же корня — глагол двух парадигм. К этой же армянской группе мы, как и Ш. де Ламбертери, относим, вопреки его форме 6) gom 'я есмь, я существую', у которого только презентная основа, восходящая к и.-е. перфекту *u̯os-, ср. гр. ἄFεσα эпич. аор. 'проводить время', др.-инд. vásati 'то же' [Frisk I, 25; Джаукян 1982, 173]. (Обо всей группе [Степанов 1987а; Stepanov 1987] и, ранее, [De Lamberterie 1982] но без глагола merkem).

В литовском это также компактная группа, состоящая, однако, из нескольких различных аномальных парадигм (§ 53).

В русском языке эти семантемы, а в отдельных случаях и прямо эти корни, дают предикаты "категории состояния". Ср. *кол — колоть* в двух значениях: 1. акт., перех. 'расщеплять', *Топором дрова колоть, 2. неакт., перех. и неперех.* 'касаться чем-л. острым, причиняя боль', *Мне ногу колет, сердце колет, в боку колет,* и в "категории состояния" *Мне колко,* как *Мне больно, страшно, холодно* и т.п. Ср. еще гр. ὄρωρα, скр. ṛṇóti и др.-рус. ръвати, рыти, рус. *рвать* — акт. перех. *Я рву цветы* и неакт. перех. *Меня рвёт.*

§ 3. Особую группу гомеровских perfecta tantum, которую на первый взгляд нельзя связать с группой предикатов I типа предложения, "состояния тела", но которая в конечном счете обнаруживает свою связь с последними, составляют лексемы со значением психических состояний человека, "состояние духа":

1) 'радоваться': γέγηθα, лат. gaudeo 'то же'; 'бояться': δείδια, ср. арм. erknč^{c}im, аор. erkeay; ав. gvaēθā 'угроза, причина боязни', скр. dvéṣṭi 'ненавидеть', возможно, также лат. dīrus 'зловещий';

2) 'видеть': δέδορκα с подчеркиванием интенсивности процесса, поэтому также 'смотреть, взирать', скр. dadárśa, ав. dādarəsa 'я видел'; др.-ирл. ad-con-darc 'я увидел', гот. фактитивный глагол ga-tarhjan, англо-сакс. torht, др.-в.-нем. zoraht 'ясно', ср. скр. dṛṣṭá- 'увидено' [Chantraine 265];

3) 'содрогаться': ἔρρῑγα 'содрогаться от ужаса или отвращения", лат. frīgus 'холод; дрожь'; пара ἔρρῑγα — ῥῖγος 'сильный холод' параллельна паре γέγηθα — γῆθος 'радость' [Chantraine 973]; сюда же πέφρικα — φρίξ 'дрожь', гомер.;

4) 'изумляться' — τεθηπα — θαμβός гомер. 'остолбенение', возможно, родственно гот. dumbs, англ. dumb 'немой';

5) 'думать о чем-л.': μέμονα 'усиленно думать; желать; стремиться'; лат. перфект со значением презенса meminī 'помню'; гот. перфекто-презенс man 'думать, полагать', ga-man 'вспоминать'; ст.-сл. мьнѣти, рус. *мнить,* литов. mineti mĩni minė̃jo;

6) 'верить, доверять': πέποιθα, лат. fīdō с депонентным перфектом fīsus sum; гот. beidan 'ждать', baidjan 'убеждать', алб. bé 'клятва', рус. *беда;*

7) 'надеяться': ἔ́ολπα, лат. uolup 'приятный', ср. р. прилагательного; uelle 'желать', нем. wollen, лит. viltìs 'надежда' и т.д.;

8) 'знать': οἶδα скр. véda 'знать', ст.-сл. вѣдѣ 'знаю' и т.д.

Многие лексемы, входящие в обе основные группы гомеровских perfecta tantum — "состояния тела" и "состояния духа", имеют характерную морфологическую черту — отсутствие ступени *-o-* в корне. Эта же черта характеризует лексемы, означающие звукоиспускания — βέβρυχα 'стонать, реветь', μέμυκα 'мычать, реветь', μέμηκα 'кричать, блеять', κέκληγα 'кричать, шуметь' (однако γέγωνα 'кричать, быть слышным'). Лексемы без *-o-* в корне образуют один древнейший слой древнегреческого перфекта [Schwyzer 1966, II, 263]. С этим наблюдением нужно связать выводы Ф. Бадер и др. о двух морфологических типах и.-е. перфекта: один с вокализмом *-o-* без удвоения, другой — с удвоением без чередования гласных при нулевом вокализме. Различные и.-е. языки сохраняют, зачастую путем обновления, эти два типа перфекта, противопоставленные прежде всего вокализмом корня [Bader 1968, 195], (ср. ранее [Vaillant 1962; Vaillant 1966, III, 75 и сл]), [Bader 1969; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 177—181].

Отмеченные черты морфологически связываются, вероятно, с некоторыми чертами семантики. Как показал Э. Паллиблэнк [Pulleyblank 1965, 95], наличие *-o-* в перфектном корне семантически значимо, означая "направленность действия вовнутрь" (introvert). По-видимому, и противопоставленная морфологическая черта — отсутствие *-o-* в корне также должна быть семантически значима, хотя в настоящее время мы и не можем еще полностью охарактеризовать соответствующее ей значение.

Можно, однако, выдвинуть следующую гипотезу. Морфологический тип перфекта с вокализмом корня *-o-* без удвоения тяготеет к значению "состояние тела" и образует глагольную параллель к именам существительным с вокализмом корня *-o-*. Морфологический тип перфекта с нулевым вокализмом корня без чередования гласного и с удвоением тяготеет к значению "состояние духа", лексемы этой группы имеют субъектом "человек", и именно они обнаруживают особенно сильную тенденцию к пересечению с медием (§ 1, 7). По-видимому, в рамках этой группы протекало древнейшее взаимодействие перфекта и медия (§ 7), чему соответствует и одинаковый —

редуцированный — вокализм корня обеих этих глагольных категорий.

Тем не менее, на реконструируемом здесь этапе обе группы лексем — с вокализмом *-o-* и с нулевым вокализмом — составляли уже достаточно единый класс. Это подтверждается, во-первых, единством — в основных чертах — их облика в гомеровском языке и единством их отражения в виде компактных групп глаголов в германском, армянском и балтийском. Это подтверждается, во-вторых, тем, что в дальнейшей истории указанные и.-е. морфологические черты прото-и.-е. перфекта распределяется достаточно случайным образом; ср. рус. *бояться* в формальном соответствии с гр. οἶδα 'я знаю (потому что видел)', но лит. bijóti(s) 'бояться' в формальном соответствии с гр. ἔϜιδε 'видел' аор. 3 л. ед. ч., скр. ávidat 'то же'.

§ 4. Синтаксическая точка зрения (исследование вхождений перфектных лексем в синтаксические конструкции) проливает дополнительный свет на общую семантику и происхождение индоевропейского перфекта.

Как следует из греческих данных, по-видимому, отражающих даже по сравнению с ведийскими наиболее древнее состояние, одни типичные лексемы перфекта означают "состояние тела", другие — "состояние духа, подобное состоянию природы". В конечном счете, и те и другие означают некое "состояние материального мира, среды, в которой пребывает вещь или человек", так что вещь и человек равно осмысляются лишь как компоненты этой среды, не выделяясь особо и не подчеркиваясь. Поэтому между обеими главными группами перфектных лексем, а также производных от них предикатов, обнаруживается, с одной стороны, нейтрализация формы, что имеет место в армянском, германских, балтийских и славянских языках, где обе группы и.-е. перфекта отражены в виде единой в каждом языке группы (§ 2).

С другой стороны, обнаруживается многосторонняя, многопризнаковая нейтрализация значений. Во-первых, нейтрализация охватывает различие активного и неактивного ("пассивного", как иногда говорят применительно к этим случаям) значения, как, например, в рус. *Я рву нечто — Меня рвет.* Во-вторых, по тесной связи с первой, нейтрализации подвергается различие субъекта и объекта. Иногда оба названных типа нейтрализации протекают раздельно, а иногда совмещенно. Примером последнего является в греческом различие значений между разными формами одной лексемы, т.е. одной парадигмы, когда 1 л. (особенно ед. ч.) презенса имеет активное и переходное значение, требуя объекта, тогда как 3 л. ед. ч. перфекта имеет значение непереходное "состояние тела": πήγνυμι 'я втыкаю нечто' — πέπηγε 'оно, нечто торчит'. Так же σήπω 'я подвергаю гниению, порчу нечто' — σέσηπε 'оно, нечто загнило, гниет, является сгнившим'. Значение "быть сгнившим, загнить" так же не может связываться с 1 лицом говорящего человека, как значение "гноить" не может связываться с перфектом, выражающим состояние тела.

Другой, близкий к только что указанному, тип противопоставления и нейтрализации значений выражается в греческом в тройных рядах презенс 1 л. — перфект 3 л. — аорист 3 л. одной лексемы. Примером может служить гр. πήγνυμι 'втыкаю, вонзаю, уплотняю' (1 л., "я", любой человек) — πέπηγε перфект '(оно) торчит' (3 л., вещь), аор. ἐπάγη '(оно) затвердело' (см. § 8).

Эта греческая конфигурация значений в пределах одной парадигмы одной лексемы — типично греческое явление. В других и.-е. языках этому соответствует другие конфигурации, как, например, различие двух лексем и двух парадигм, активной и неактивной, от одного корня в литовском и латышском, ср. лит. smẽigti 'втыкать' — smĩgti 'втыкаться, быть втыкаемым'. (Подробнее об этом в гл. V.)

В-третьих, такой нейтрализации глаголов, и вообще предикатных слов, отвечает нейтрализация производных имен, полная или частичная. Ср. полную нейтрализацию: гр. σκοπός '1. актив. значение — наблюдающий, подстерегающий, сторож, шпион; 2. неактив. значение — предмет наблюдения, цель'.

Частичная нейтрализация связана с известным более широким и.-е. явлением — различием акцентных типов внутри одного морфологического типа имен. Баритонная парадигма соответствует именам действия и именам результатов действия (от тех же корней), окситонная парадигма — именам деятеля и прилагательным. Ср. гр. τόμος '1. резание, порез; 2. отрезок, кусок', τομός 'режущий, острый'; τρόχος 'бег', τροχός 'колесо', букв. 'бегущее'; скр. ḉokaḥ 'блеск', ḉokáḥ 'блестящий' и т.п. По-видимому, полнее всего такая нейтрализация характерна для производных от корней с перфектным значением (в рассматриваемом нами смысле этого термина). Ср. уже упомянутое выше гр. κόλος в котором баритонное ударение свидетельствует, по-видимому, о "пассивном" значении [Frisk I, 903], а также лит. при глаголе dègti '1. гореть; 2. жечь' dagà 1. акт. 'жар (от солнца)', 2. пасс (iš)-daga 'выжженное пожаром место в лесу' и т.п. (Ср. также мнение Э. Паллиблэнка о том, что это акцентное противопоставление является исконным в группе имен с корнем в *o*-ступени и различает существительные от прилагательных внутри этой группы [Pulleyblank 1965, 96]).

В-четвертых, нейтрализация такого типа вторично отражается в синтаксисе как нейтрализация родительного падежа субъекта (genitivus subiectivus) и родительного падежа объекта (genitivus obiectivus). Так, например, совмещению двух значений в гр. φόβος '1. страх внушаемый, акт.; 2 страх испытываемый, пасс.' соответствует нейтрализация двух родительных: ὁ φόβος τῶν πολεμίων букв. 'страх врагов', '1. страх, внушаемый врагам; 2. страх, внушаемый врагами, испытываемый перед врагами', лат. metus hostium 'те же два знач.' (ср. [Sommerfelt 1922]).

Оба названных типа нейтрализации широко представлены в русском (особенно в древнерусском) языке в прилагательных, производных от соответствующих имен, т.е. главным образом в признаковых, предикатных словах. Ср.: *Бедный* '1. одержимый бедою, попавший в беду; 2. ставящий в бедственное положение, трудный' (1. *бедный человѣкъ,* 2. есть та же гора каменна вся и лѣсти на ню трудно и *бѣдно добрѣ.* (Даниил Игумен); *Вредный* '1. приносящий вред; 2. испытывающий вред' (2. *аще творищи вечерю изрядноу, не зови*

дроугъ своихъ, ни родоу своѥго, нъ вр҃ѣдныя, хромыя и слѣпыя); *Страшный* '1. наводящий страх; 2. испытывающий страх' (2. *Московскія войска ни которых людей так не страшны, как крымских,* Гр. Котошихин); *Сонный* '1. находящийся во сне; 2. вызывающий сон' (1. *сонный ребенок,* 2. *сонное зелье*). Так же: *кручинный, завистный, болезненный, тягостный, трудный, нужный* (*мужичок нужный — бедный, нужная скотина — худая, замореннаа*), *верный, надежный, грозный, спорный, кормный, опасный, отрадный, хмельный* (*хмельной*), *голодный* и др. [Покровский 1959, 224 сл.] (см. далее §17).

В-пятых, имеется — возможно, древнейшая из всех видов — лексико-семантическая нейтрализация внешних, объективных, и внутренних, субъективных, состояний. Приведем примеры.

1) От корня *od- гр. гомер. перфект ὄδωδα 'пахнет', но лит., также по происхождению перфект, úodžia 'нюхает' (ср. фр. sentir 'нюхать' и 'пахнуть', англ. to smell 'те же два знач.').

2) От корня *sr̄ig- гр. перфект ἔρρῑγα 'содрогаться от ужаса' и ῥῖγος 1. сущ. 'сильный холод', 2. прилаг. 'отвратительный', лат. frīgus, -oris 'холод' в физическом и моральном смысле; сходное семантическое отношение в гр. στύξ 'холод' — στυγεῖν 'чувствовать отвращение' [там же, 51]; так же в рус., того же корня, что и последнее *стыд* // диал. *студ; стыдно, стыдить — стужа* // диал. *студа, студь; студено, студить,* безличный предикат *На дворе студит* (Даль IV, 346); рус. *мороз — мразь, мерзость,* безл. предикат *Ему мерзит* (Достоевский) 'Ему противно'.

3) От корня *bhudh-/*bheudh-, гр. перфект πέποιθα 'доверять, быть убежденным', лат. fīdo 'то же' с депонентным перфектом fīsus sum; гот. beidan 'ждать'; рус. *беда,* ст.-сл. *бѣда* 'нужда, беда', лит. bėdà 'то же' [Benveniste 1969, I, 115—121]; балто-сл. bēd- 'беда' как нужда, идущая на человека извне, противопоставляется понятию 'горе' как чувству, беде, идущей изнутри, ср. рус. пословицу *Горе не беда;* с другой стороны, рус. *горе* произведено от перфектного корня, представленного в глаголе *гореть,* др.-рус. *горѣти,* означающем процесс-состояние при переходном глаголе действия *греть,* др.-рус. *грѣти* (вероятно, из *гърѣти), лит. garėti gãri garėjo 'исходить паром'; такое же семантическое соотношение в рус. *печь* и *печаль, жалить* и *жаль,* лит. gélti 'жалить, колоть' и gėlà 'сильная боль, печаль'.

4) Слав. глагол xotěti 'хотеть, желать' представляет собой по образованию перфект, глагол состояния, при глаголах действия xytiti 'похищать' и xvatati 'хватать' [Vaillant 1966, III, § 601]. Примеры можно умножить.

Прямым продолжением этого типа нейтрализованных противопоставлений между "состоянием тела" и "состоянием духа", выступающих в силу этого как общее "состояние среды", является русская "категория состояния" — предикативы типа *Здесь холодно, Мне холодно; Там темно; Мне темно; Колко, Колко ходить по жнивью босиком,* и т.п. (см. § 56) — и соответствующие ей балтийские предикативы.

Еще одной чертой, объединяющей "состояния тела" и "состояния духа" как общее "состояние среды", является их безобъектный, а в

сущности, и бессубъектный характер. Отсутствие объекта при древнейшем типе перфектных предикатов было давно подмечено, между тем как их бессубъектность оставалась вне внимания исследователей, возможно потому, что вообще отношения предикатов к субъектам мало исследовались. Исконная бессубъектность вытекает из типов тех синтаксических конструкций, которые засвидетельствованы при перфектных предикативах в разных языках. Всюду при них отмечаются либо безличные предложения (типа рус. *На дворе студит, студено, холодно*), либо конструкции с присоединенным аккузативом или дативом (типа рус. *Мне больно, Мне ногу больно, Ногу больно;* лит. Man galvą skauda букв. 'Голову мне болит', арм. Z-gorc gorcʻeal ē nora букв. 'Работу сделано есть его' и т.д.). (Ср. армянские данные [Lyonnet 1933; Туманян 1971, 327; 371].)

Таким образом, индоевропейский перфект, вопреки его названию, которое наводит на мысль о грамматической категории, первоначально был, скорее, не парадигмой, а специфической группой предикативных лексем, выражавших состояние. (Ср.: "перфект первоначально был не словообразовательной категорией внутри системы глагола, а составлял особый лексико-грамматический класс слов, служивших для выражения физических и психических состояний" [Перельмутер 1977, 29]). Черты парадигмы приобретались лишь последовательно, этап за этапом. Тем не менее одно противопоставление существовало с самого начала: протоперфект (или статив)/актив. Эта точка зрения в настоящее время подтверждается морфологически [Neu 1976], семантически [Перельмутер 1977; Polomé 1986], а также типологически (см. § 5) и синтаксически, — в контексте данной книги.

Первый эскиз этой концепции возник уже полвека назад. «В древнейшем индоевропейском языке, — писал Э. Швицер еще в 1939 г. в первом издании своей книги, — из "времен" существовал, по-видимому, лишь "примитив" ("tempus primitivum") и перфект (так назыв. "активный"). С получением аугмента примитив становился "претеритом"» и т.д. [Schwyzer 1968, I, 645]. Аналогичную мысль высказывал также У. Леманн [1961, 25, сноска 3]: «постулируемый Э. Швицером "примитив" аналогичен категории, которую я предлагаю на основании внутренней реконструкции, базирующейся на данных санскрита».

Совпадал ли перфект целиком с классом стативных глаголов, одним из двух главных классов глаголов в языках активного строя, или был лишь его основной частью, — неясно. Морфологический облик перфекта, напротив, реконструируется достаточно определенно: первоначально перфект связан с формой 3-го "лица", т.е. структурно безличной формой, не знавшей парадигматических противопоставлений по лицам [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 297]. Помимо двух разновидностей корня (§ 3), его древнейшая восстанавливаемая флексия следующая: ед. ч. 1 л. *-*a,* 2 л. *-*tha,* 3 л. *-*e,* мн. ч. 3 л. *-*r* [Семереньи 1980, 260]. Из этого следует, что указанный класс глаголов обладал чертами особого спряжения, рядоположенного с активом и медием и противопоставленного им.

Относительно категориальных черт этого спряжения высказаны различные точки зрения. Х. Станг в известной работе 1932 г. определял его как особую диатезу: «то, что называют диатезой, или genus verbi — родом глагола, есть отношение глагольного действия к его субъекту; поскольку и.-е. так называемый "активный" перфект выражает состояние, достигнутое субъектом, и возникающие из действия последствия для субъекта, а не для объекта (которого нет), то перфект есть особая перфектная диатеза» [Stang 1932, 34]. Это определение целиком применимо к той стадии, и к тому диалектному явлению, которые отражены в древнегреческом и древнеиндийском языках. Понимание перфекта как диатезы, а не как "времени" глагола, очень важно и для балто-славянской реконструкции (см. § 29, п. 9; § 53).

Попытки проникнуть путем реконструкции в предыдущую стадию — и одновременно в общеиндоевропейское состояние — привели к пониманию перфекта как разновидности именных форм, древнейших "глагольных прилагательных", употребляющихся в качестве предикатов именных предложений. Е. Курилович [Kuryłowicz 1956, 41; 1964, 61 и сл.] рассматривает эти формы как "глагольные прилагательные" с окончанием *-é*, которые выступали первоначально в такой форме как предикаты именного предложения в 3 л. ед. ч., аналогично позднейшим, но однотипным с ними, глагольным прилагательным на *-to (типа рус. *убит*). В тех предложениях, где субъект был в форме 1 л. и 2 л. ед. ч., его показатели ("какова бы ни была их этимология", — подчеркивает Е. Курилович в работе 1964 г., не рассматривая этой этимологии) присоединялись как суффиксы к исходному прилагательному в форме, отвечающей этим субъектам, т.е. имело место то, что мы в этой книге называем "согласованием на длине предложения":

*gh^{w}ené 'убит(ый)': *gh^{w}en-ə$_2$ó 'убит-я' (1 л.);
*gh^{w}en-tə$_2$ó 'убит-ты' (2 л.);
*gh^{w}en-é 'убит-он' (3 л.).

Третье лицо, будучи формой с нулевым показателем лица, допускало различные передвижения ударения и перечленения, из которых главным было осознание *-e* как показателя 3 л. ед. ч. Ступень *-o-* Е. Курилович расценивал как результат древней апофонии. К реконструкции Е. Куриловича, в общем, присоединились другие индоевропеисты [Watkins 1969, § 88; Bader 1971, 304; Lehmann 1980, 141 сл.; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 297 сл.]. Морфологически эта реконструкция хорошо обоснована для всех последовательных этапов развития перфекта, кроме исходного. Постулируемые прото- и.-е. глагольные прилагательные на *-é* (или на *-e* безударное), согласно этой гипотезе, могут быть равно интерпретированы и как глагол, например, в синтагме *a$\widehat{k}^{[h]}$men $\widehat{k}^{[h]}$ei̯-e 'камень лежит', и как прилагательное-предикатив, например в синтагме *u̯ot'ort$^{[h]}$ p$^{[h]}$l̥H-e 'вода широка' [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 297].

Однако такие прилагательные нигде не засвидетельствованы как явная морфологическая группа слов. Указывают лишь их предполагаемые, разрозненные и далеко не очевидные следы: в основосложении типа рус. *поло-водье*, хет. pattar-palḫi 'ширококрылое', букв.

'крыло-широкое' (однако это хеттское слово не показательно, поскольку — на это обратил наше внимание А.А. Королев, опираясь на работу [Riemsechneider 1975], — оно представляет собой лишь кальку с аккадского термина, засвидетельствованную только один раз в специальном культовом тексте); в единичной др.-хет. формуле linki̯a kattan ki̯a 'клятве подлежит' (которая, однако, допускает и другую интерпретацию формы ki̯a — как просто 3 л. ед. ч. глагола 'лежать', аналогичную др.-инд. śáye [Watkins 1969, § 68]); в постулируемом тождестве некоторых именных и глагольных основ, как в др.-инд. vasná- именная осн., *vasna- глагольная осн. [Там же, § 7, § 88], — но эта основа является всюду как или явно именная, или, в составе глагола, как явно глагольная, ср. др.-инд. vasnam ср. р. 'цена, стоимость', vásn-ya 'ценный', vasna-yá-ti 'он торгует', др.-рус. и ст.-сл. вѣнити вѣню 'продавать' от вѣно 'плата; плата за невесту', гр. ὦνος 'цена, плата, выкуп, покупка'; более ранним, первичным и непроизводным является столь же определенно глагол, сохраненный в хет. u̯aš-i 'он покупает'. Единственно несомненной чертой реконструируемого таким образом перфекта является его связь с *какими-то* протоиндоевропейскими прилагательными, морфологический облик которых следует признать неясным (ср. [Семереньи 1980, 347]). Несомненно, однако, их *функциональное* сходство с исторически засвидетельствованными образованиями на *-to, *-lo, *-no, которые позже сыграли ключевую роль в перестройке перфекта в "аналитический", или "перифрастический" перфект и тем самым в преобразовании I типа предложений.

Господствующая гипотеза, изложенная выше, в общем склоняет к тому, чтобы в качестве присоединяемых к "глагольному прилагательному" показателей-окончаний принять формы местоимений. Но с синтаксической точки зрения это равносильно тому, чтобы в качестве типологической модели протоиндоевропейского перфекта принять такое синтаксическое построение, в котором предикатом выступает прилагательное с присоединенными к нему "слева" и "справа" показателями лица — местоимениями. Такая модель частично соответствует реально засвидетельствованным индоевропейским предложениям типа рус. *Я молод* (частично, потому что в них отсутствует личный показатель "справа") и полностью соответствует реально засвидетельствованным предложениям в некоторых неиндоевропейских, например, в тюркских языках, типа татар. Мän yaš мän букв. 'Я молод я', Sän yas sän 'Ты молод ты', в 3 л. ед. ч. "левое" местоимение опускается.

Принимая — в общем — господствующую гипотезу, мы модифицируем ее в морфологическом и синтаксическом отношениях. В отношении морфологии все побуждает к тому, чтобы избрать в качестве исходной категории не глагольные прилагательные, а причастия-наречия типа тех, которые исторически засвидетельствованы в русской "категории состояния' — 'холодно', 'мокро', 'темно', 'колко', 'горячо', 'страшно', 'больно' и т.п. (Ср. сходную идею И.А. Перельмутера: "Возникает мысль, что "перфект" в какой-то весьма отдаленный период... представлял собой особую неизменяемую часть речи,

своего рода "категорию состояния", которую объединяла с глаголом лишь общая синтаксическая роль — роль сказуемого" [Перельмутер 1977, 37]). С этой точки зрения далее следует, что присоединяемые морфологические показатели первоначально должны были быть не показателями лиц и, следовательно, не местоимениями, а частицами дейктического характера. Этот подход подробно развивается нами в гл. III.

В отношении синтаксиса этот подход заставляет принять несколько иную, чем в рассмотренной теории, исходную синтаксическую модель перфекта. В центре ее должен находиться неизменяемый по форме и категориям предикатив — "причастие-наречие" указанного типа, а присоединяемые показатели должны быть дейктическими показателями референции самого общего типа — места, времени, среды и, в последнюю очередь, лица, притом не в чисто грамматическом, а в дейктическом смысле. Такая модель соответствует реально засвидетельствованным предложениям индоевропейских языков с перифрастическим перфектом: рус. *Здесь холодно; У нас накурено; Мне жарко; Около меня пусто;* лит. Čia paukščių tupėta 'Здесь птиц сижено', т.е. 'Птицы здесь побывали, сидели'; Kaimyno iškulta '(У) соседа обмолочено'; Mano kurta 'Мое (т.е. у меня, мною) устроено'; др.-перс. Manā krtam ' Мое (мною) сделано'; лат. Cognitum est '(Всем) известно' и т.п. В древнеармянском, где 3 л. ед. числа глагола может иметь безличное значение, глагол в этом случае часто заменяется именем в сочетании со связкой 'быть' [Meillet 1909, 94].

Динамика перфектного класса лексем еще плохо изучена. Однако и то, что известно, позволяет заключить, что он испытывал мощное воздействие со стороны противопоставленного ему класса — класса активных глаголов. Наиболее вероятной представляется гипотеза, отчетливо сформулированная Э. Ноем, согласно которой противопоставление актива и перфекта (или статива) является наиболее древним и общеиндоевропейским [Neu 1976] ср. также [Леман 1961], в то время как медий, а также аорист актива, формировались позднее. Некоторые диалекты — анатолийские (в особенности хетский) и германские, отделившиеся, согласно этой точке зрения, достаточно рано, не знают развитых форм и.-е. аориста и имеют ограниченное количество медиопассивных форм [Neu 1976; Polomé 1986]. Применительно к медию аналогичная концепция была разработана А.Н. Савченко [1960; 1974; 1986], который показал, что возникновение медия наиболее вероятно представляется как видоизменение некоторой части перфектного класса, т.е. класса стативных глаголов, под влиянием класса глаголов действия.

При таком общем понимании всего процесса делается ясным положение депонентных глаголов во всех индоевропейских языках. Все такие глаголы оказываются тесно связанными с медиопассивом и представляют собой "депонентный клин" — результат неполного включения стативных глаголов старой глагольной системы (в которой господствовало разделение глаголов на два класса — "активный" и "стативный") в состав новой глагольной системы (в которой такое разделение уже не релевантно) и неполного преобразования их в последней.

Несколько иначе как развитие медия и перфекта (последний рассматривается как ограниченное ареальное явление) из одной группы лексем, "серии", со специфическими окончаниями, соответствующими окончаниям хеттского спряжения на -ḫi и общим флексиям и.-е. перфекта и медия, представляет этот процесс Вяч.В. Иванов [1968; 1981, и др.]. Это же представление лежит в основе глагольной части работы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.В. Иванова 1984 г. Частично эта тенденция просматривается и в изложенном нами материале. В классе перфектных лексем сохраняется достаточно неизменным некоторое ядро, в то время как периферийная часть приобретает смешанный характер перфект-медий, а иногда и перфект-медий-актив, поскольку медий служит шарнирной категорией между перфектом и активом. За счет этой варьирующейся периферийной части класс лексем перфекта в целом уменьшается (далее см. § 7).

§ 5. Типологические параллели к протоиндоевропейскому перфекту можно обнаружить в разных языках, например, "статив" в афразийских языках [Дьяконов, Порхомовский 1979, 77].

Типологически близкие категории отмечены во многих других языках (см. [Полинская 1986; Тестелец 1986]).

Типологические параллели к рассмотренным формам и процессам следует искать, прежде всего, в языках так называемого активного строя. Такими параллелями оказываются класс стативных глаголов, противопоставленный классу активных глаголов, и соответствующий этому делению строй предложения.

По данным Г.А. Климова, класс стативных глаголов состоит главным образом из глаголов физического состояния, соотносимых с референтами неактивного класса как со своими субъектами. В некоторых случаях они могут выступать и при субъектах из активного класса, поэтому в некоторых американских работах они и называются "средними" или "нейтральными". Сюда относятся лексемы такой семантики, как 'висеть', 'валяться', 'валиться', 'торчать', 'катиться', 'быть высоким', 'быть длинным', 'быть большим, крупным', 'быть чистым', 'быть тяжелым', 'быть черным', 'быть зеленым', 'быть сырым', и вообще все глаголы качества, значение которых в языках номинативно-аккузативного строя передается сочетаниями глагола 'быть' с прилагательными [Климов 1977, 86—87]. Очевидно, что класс стативных глаголов языков активного строя в целом хорошо соответствует группам "состояние тела" и "постоянное качество" в архаическом перфекте (или perfecta tantum) индоевропейских языков.

Хорошую параллель составляет также особая группа — глаголов непроизвольного действия и состояния в языках активного строя. Разные языки этого типа различаются между собой именно за счет состава этой группы глаголов. Так, например, глаголы 'лежать' и 'падать' — активные в гуарани, но стативные в дакота; 'убивать' и 'умирать' относятся к активным в гуарани, а в дакота первая лексема относится к активным, а вторая к стативным.

Выше мы отметили как одну из закономерностей индоевропейского перфекта то, что класс перфектных лексем несколько уменьшается за счет колебаний некоторой его части между собственно перфектом и медием, под воздействием актива, причем это умень-

шение со временем нарастает. Это явление напоминает процесс, отмечаемый Г.А. Климовым: "Заметна определенная закономерность, согласно которой несколько большее число семантически стативных глаголов структурно оказывается среди активных в представителях (языках. — *Ю.С.*) раннего активного строя" [Там же, 88]. Иными словами, зона колебания связана с глаголами непроизвольного действия, употребляющимися с активным субъектом. В основном, это так называемая "аффективная" конструкция предложения.

"Аффективная" конструкция предложения является, как отмечает Г.А. Климов, характерной чертой языков активного строя. Эта конструкция определяется как "модель предложения активной типологии, передающая непроизвольное действие или состояние. Семантическая специфика задающих ее глаголов обусловливается объемом мыслимых действий, которые не могут быть переданы активной и инактивной конструкциями: в их состав входят не только verba affectuum и verba sentiendi, как это обычно имеет место в эргативных языках, но значительно более широкая группа других глагольных лексем, передающих непроизвольное действие или состояние" [Там же, 63].

В индоевропейском перфекте с этой широкой группой лексем "аффективной" конструкции должна быть сопоставлена прежде всего группа лексем и соответствующих им синтаксических конструкций, выражающих "непроизвольные состояния человека", как его тела, так и его духа, т.е. предложения типа 'У меня голова болит', 'Мне ногу больно', 'Мне холодно', 'Мне страшно' и т.п.

Из названной широкой группы может быть выделена более узкая группа "состояния духа человека" — лексемы 'удивляться, изумляться', 'желать, стремиться', 'вспоминать, помнить', 'надеяться' и т.п. Эта группа находит полное типологическое соответствие в так называемых аффективных глаголах (verba affectuum и verba sentiendi) грузинского языка (и вообще картвельских). Этот язык, как и все картвельские, оценивается, по данным Г.А. Климова, как язык активного строя, развивающийся в сторону номинативного и имеющий уже много признаков последнего [Климов 1981а, 81, 200]. В плане семантики аффективные глаголы грузинского языка передают состояние субъекта-человека: нужду, чувства восприятия и аффекты, — именно эта семантика в первую очередь и заставляет сопоставить их с указанной индоевропейской группой перфектов. В плане выражения эти грузинские глаголы обладают специфическими особенностями: во всех трех сериях времен (I — презентной, II — аористной, III — перфектной) они создают так называемую инверсионную конструкцию предложения: субъект выражается дательным падежом, а в глаголе вступает в действие инверсия показателей субъекта и объекта — показатели глагола согласуют его не с субъектом, а с объектом. По первой черте, дат. падежу субъекта, эта конструкция аналогична всем индоевропейским: рус. *Мне холодно,* лит. Man šalta и т.п. По второй черте, объектному согласованию, она отчасти похожа на латинский герундивный оборот Mihi pater colendus est 'Мне следует почитать отца', где pater формально подлежащее в номинативе, но не субъект, а объект действия, ср.

гр. ὁ πατὴρ ἐμοὶ τιμητέος ἐστίν с тем же значением. В другом, более архаическом латинском обороте семантический объект не является подлежащим, а выступает прямым дополнением в аккузативе: patrem mihi colendum est, а предикатив является безличным (в языке классического периода ассоциирующимся с аккузативом ср. р.), ср. гр. τὸν πατέρα ἐμοὶ τιμητέον ἐστίν с тем же значением и формой (подробнее § 25).

Кроме глаголов чувствования и восприятия, в класс инверсивных глаголов в грузинском языке входят еще глаголы обладания (verba habendi). Э. Бенвенист подметил, что во всех языках развитие конструкции обладания идет от синтаксической конструкции, подобной латинской mihi est 'мне есть' к лексеме — глаголу обладания типа латин. habeo [Benveniste 1960; Бенвенист 1974, 212]. Используя эту идею, Ю.Г. Кортава показал, что все грузинские инверсивные глаголы — verba sentiendi, verba affectuum, verba habendi имеют одну и ту же глубинную семантику — "состояние обладания" [Кортава 1978]. Такие грузинские формы как 'имею' mivis букв. 'ходит у меня', midgas букв. 'стоит у меня', masxen//misxen букв. 'сидит у меня', maxlavs букв. 'есть рядом со мной' (ср. рус. *есть у меня*), образованы от глубинно-семантического предиката 'быть' через построение 'есть у меня', ср. груз. Asi suli cxvari mivis 'я имею сто овец', букв. 'у меня ходит сто душ овец'. Разновидностью конструкции 'есть у меня' в индоевропейских языках является 'есть мне', ср. лит. Jam buvo trys broliai 'Ему были три брата'.

Менее очевидна инвертированность (от 'есть у меня, мне') форм makvs 'имею' (неодушевл.) и mq̇vas 'имею' (одушевл.), но доказательством здесь являются трансформации: mq̇vas, переведенное в 1 л. объекта, дает vq̇avar 'он имеет меня', где -var означает 'я есть', т.е. 'я есть ему'. Эта трансформация не применима к makvs 'имею' (неодушевл.) только по той причине, что его нельзя перевести в 1 или 2 л. объекта, поскольку объект здесь всегда неодушевленный, а "я" — человек, одушевленный или персонифицированный субъект. Точно так же miq̇vars 'я люблю его' дает в той же трансформации v-uq̇var-var 'он любит меня' и u-qvar-xar 'он любит тебя', где -var 'я есть', -xar 'ты есть' [Кортава 1978, 37, 40].

Наконец, еще один тип предикатов в грузинском языке образует инверсивную конструкцию — это все переходные глаголы, но только в одном ряду времен — в III, т.е. перфектной серии. Семантика здесь не является эффективной, но налицо значение 'состояние обладания', — именно это значение объединяет все группы глаголов с инверсивной конструкцией в грузинском языке. И именно эта семантика лежит в основе разнообразных значений индоевропейского перфекта.

Можно только поражаться, с какой прозорливостью увидел последнее Аристотель, установив, на основе своего родного греческого языка, универсальную категорию — Категорию 8 Обладание (Состояние), обозначив ее глаголом Ἔχειν 'иметь, иметься' и проиллюстрировав формами греческого перфекта — ὑποδέδεται 'он обут', ὥπλισται 'он вооружен'. Связь между состоянием и обладанием

запечатлена самим названием этой категории [Аристотель 1978, 55; Benveniste 1958; Бенвенист 1974, 110; Степанов 1981, 127].

Аристотель также тонко разграничил эту Категорию 8 Обладание (Состояние) от Категории 7 Положение, обозначив последнюю глаголом Κεῖσθαι 'лежать, находиться в каком-нибудь положении' — глаголом media tantum. Исконное индоевропейское различение и вместе с тем близость Категорий 7 и 8 (группы "б" из класса I и группы "б" из класса II по нашей классификации, § 1) здесь нашли точное выражение.

Поскольку "объективный, или объектный, строй спряжения" (соответствующий грузинской инверсивной конструкции) существует не только в картвельских языках, но, например, в северных азиатских языках — чукотском и др., то в широкой генетико-типологической (стадиальной) перспективе был поставлен вопрос о направлении развития: является ли инверсивная конструкция первичной при аффективных глаголах или, наоборот, при перфектном значении неаффективных, в частности и переходных, глаголов [Мещанинов 1975, 207].

§ 6. II тип: Активный субъект+активный глагол ('Человек идет', 'Ветер дует'). Предикатами этого типа предложения, согласно нашей гипотезе (при условии минимализации, т.е. рассмотрения их в минимальном, необходимом и достаточном наборе), были и.-е. глаголы activa tantum. Б. Дельбрюк [Delbrück 1897, II, § 139] очертил эту группу на основании совпадения показаний двух языков — греческого и древнеиндийского (санскрита и ведийского). По Б. Дельбрюку, сюда относятся следующие лексемы (в данных случаях лексемы и семантемы совпадают, поскольку Б. Дельбрюк учитывает только этимологические соответствия):

1) 'идти': jigāti букв. 'при ходьбе попеременно выставлять ногу', βαίνω и βάσκω, ср. также ав. jasaiti, скр. gáchati 'приходить'; 2) 'гнуть, гнуться': bhujáti, сюда же φεύγω 'бежать', семантическое отношение между 'гнуть(ся)' и 'бежать' остается не разъясненным; 3) 'дрожать; пугаться, спасаться бегством, бежать': trásati, τρέω· 4) 'ползти': sárpati, ἕρπω ; 5) 'дуть': vāti, ἄημι, ср. рус. *веять* (др.-рус., ст.-сл. вѣяти) 1. акт. неперех. 'дуть (напр., о ветре)', 2. акт. перех. 'веять (зерно)', лит. vė̃tyti 'веять (зерно)'; 6) 'течь, истекать': srávati, ῥέω, ср. рус. *струя, остров;* лит. srutà, чаще только во мн. ч. srùtos 'моча и жидкий навоз животных'; 7) 'есть': átti, ἔδω; 8) 'пить': pibati, сюда же πίνω, не вполне идентичное с pibati, но восходящее к аналогичной ему форме; 9) 'кусать': dáṣati, δάκνω; 10) 'выплевывать': ṣṭhīvati, πτύω; ср. лит. spiáuti, spiáuna 'то же знач.'; 11) 'изрыгать (о рвоте)': vámiti, ἐμέω, ср. лит. vė́mti, vėmia 'то же'; 12) 'жарить': bhṛjyáti, φρῡγω; 13) 'сушить': ṓṣati, εὕω; 14) 'давать': dádāti, δίδωμι· 15) 'жить': jīvati; ζάω, ζώω; ср. рус. *жить, жив;* лит. gýti, gỹja 'заживать, выздоравливать', gývas 'живой'; 16) 'быть': ásti, εἰμί; исконная принадлежность глагола 'быть' к группе активных глаголов в настоящее время подвергнута сомнению и, по-видимому, исконно он имел медиальную флексию [Bader 1976, 26 сл.].

Вопреки автору этой классификации Б. Дельбрюку, а также Э. Бенвенисту [Бенвенист 1974, 188], эта разнообразная по семантике группа поддается некоторому семантическому обобщению: здесь перед нами глаголы, означающие движения и основные жизненные проявления "активных сущностей", — если не выделять из них особо сущность 'человек'. Таким образом, это обобщение полностью отвечает нашей типологии предложений.

Э. Бенвенист, как известно, предложил другое обобщение: "В активном залоге глаголы означают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне. В среднем залоге, который представляет собой диатезу, определяемую через оппозицию с первой, глагол указывает процесс, который развивается в субъекте; субъект является внутренним по отношению к процессу" [Там же, 188]. Вряд ли это обобщение можно охарактеризовать как семантическое. Ср. также сомнение, высказанное И.А. Перельмутером: "Нельзя, впрочем, полностью иключить и возможность того, что рассматриваемая нами связь имеет только синтаксический характер, что формулировка "действие, замыкающееся в сфере субъекта", представляет собой в данном случае чисто словесную транспозицию в семантическую область синтаксического явления — интразитивности. Во всяком случае, связь между указанными типами оппозиций (ἐγείρω 'пробуждать' — ἐγείρομαι 'пробуждаться'; λούω 'мыть' — λούομαι 'мыться'. — *Ю.С.*) не вызывает сомнений, хотя природа ее еще не вполне ясна" [Перельмутер 1981, 129]. Скорее всего, это не синтаксическая и не семантическая, а семиологическая характеристика актива, поскольку ею указывается просто отличие актива от медия как от иного класса форм (наподобие, например, различия между типами склонения), но не устанавливаются явные отношения классов форм к явлениям внешнего мира, — в чем и состоит сущность семантики. Но, каково бы ни было это обобщение Э. Бенвениста, синтаксическое, семантическое или семиологическое, с ним трудно согласиться по существу: если еще можно представить себе процессы 'дуть', 'течь', 'выплевывать' и т.п. как "протекающие вне субъекта", то трудно отнести этот признак к 'идти', 'есть', 'пить' и т.п.

С Э. Бенвенистом можно согласиться в том смысле, что все эти глаголы чреваты превращениями в переходные, объектные глаголы. Но для этого обобщения более подходит известный термин "переходность, транзитивность". Однако другая черта activa tantum подмечена Э. Бенвенистом удачно: "в индоевропейских языках 'быть', так же как 'идти' и 'течь', представляет собой процесс, участие субъекта в котором не обязательно" [Бенвенист 1974, 188]. Действительно, названные в группе activa tantum действия представляют собой как бы постоянные, родовые характеристики активных сущностей, независимые от их волевых усилий: чтобы быть тем, что они есть, они должны "жить", "ходить" (или "ползать"), вода должна "течь", ветер "дуть", солнце и огонь "жечь" и т.д. В сущности, "ветер" есть то, что "дует", "вода" — то, что "течет", "огонь" — то, что "жжет" (но не "горит": "гореть" может и сжигаемый огнем предмет: "гореть" относится к неактивному классу предикатов), "змея" — то, что "ползает", все "живое" есть то, что "живет".

Из этой характеристики вытекают несколько важных следствий.

Во-первых, делается понятной своеобразная черта названных предикатов: они особенно часто дают предложения с устраненным субъектом, типа рус. (*Здесь*) *дует; Морозит; Без шапки голову напечет; Весь день льет* и т.п.

Ограничимся некоторыми примерами из латинского и русского языков, так как эти языки обладают особыми формами для предложений с устраненным субъектом. В латинском форма на -tur, в русском — бесподлежащные предложения:

к 1) Лат. itur 'идут', venitur 'приходят' — особенно частые; рус. *Идет!*, фр. Ça va, нем. Es geht, англ. It goes..., и т.п.;

к 2) лат. curritur 'бегут, сбегаются', столь же частое, как itur, venitur;

к 4) лат. serpi angue (Sol.) 'кишеть змеями', своеобразная пассивная форма близка по значению к "безличному пассиву";

к 5) рус. *Дует, веет* в знач. 'Ветер дует, ветром веет'; лит. иного корня Traukia 'тянет' (ветром, сквозняком, запахом);

к 6) рус. *Течет* в знач. 'На дворе слякость';

к 7) и 8) лат. dies noctesque bibitur, estur (Pl. Poen. 835) 'дни и ночи пьют, едят'; рус. *Это не едят* 'это не съедобно; исп. Aquí se come bien букв. 'Здесь хорошо едят', 'Здесь можно хорошо поесть'; в совр. исп. устранение личного субъекта, заменяемого местоимением se, охватывает все более широкий класс глаголов: se trabaja mucho aquí 'здесь работают много', se llega cansado después de tanto bailar 'приходишь усталый после того как столько протанцуешь' и т.п. [De Molina Redondo 1980, 15];

к 12) рус. *Сегодня жарит* 'жарко'; *В тени и то палит* 'даже в тени жарко', и т.п.; лат. calētur 'жарко' (редкое);

к 15) лат. vivitur 'живут, живется', очень частое, ср. Suscipienda bella sunt ob eam causam, ut sine iniuria in pace vivātur (Cic. Off. I, 11, 35) 'войны следует претерпеть ради того, чтобы [люди] могли жить в мире без притеснений'; исп. Aquí se vive bien 'здесь живут, живется хорошо', аналогичное п. 8;

к 16) исп. Aquí se está bien 'здесь хорошо [быть]', аналогичное п. 8, 15; исп. por muy pobre que se sea (глагол ser 'быть') y muy solo que se esté, siempre habrá alguien que le espere a uno (A. Grosso) 'как ни беден бывает [человек], как ни одинок он бывает, всегда найдется кто-нибудь, кто его будет ждать'.

Устранение личного субъекта приводит к неопределенно-личным предложениям типа латинского "безличного пассива" или соответствующего русского и свидетельствует таким образом о постоянной, панхронической черте этого типа предложений. Устранение субъекта-вещи приводит, по-видимому в большинстве случаев, к безличным предложениям, — тенденция, очевидно, столь же панхроническая, как и первая. (Подробнее о них в гл. III).

Во-вторых, другим следствием приведенной характеристики этого типа предложений оказывается различение подлинно активных сущностей и сущностей неподлинно активных — инструментов. В известной мере этому семантико-синтаксическому различению отвечает

морфологическое различие двух типов имен деятеля, обнаруженное Э. Бенвенистом. В то время как имена на *-tor означают деятеля в подлинном смысле слова, деятеля-производителя, "автора", имена на *-tér означают деятеля-исполнителя, "агенса", инструмент [Benveniste 1975, 62].

Предложения типа 'Молния зажгла дом' выступают как вторичные, персонифицирующие агенс, возводя его в ранг "автора". В славянских языках они явно уступают в распространенности и обычности типу с инструменталисом 'Молнией зажгло дом'. В латыни этому соответствуют предложения с аблативом. В греческом языке, хотя этот язык не избегает абстрактных субъектов с именем инструмента в номинативе, все же нередки случаи, а именно при пассиве, когда имя инструмента или "агенса" в дативе-инструменталисе противопоставляется имени подлинного субъекта, "автора", с предлогом ὑπό, например: ὑμᾶς δ'ἐγω πομποῖσιν ἐκ πάντων δίχα δστειλ' ἱκέσθαι (Soph. Ant. 164) 'а вас я отдельно приготовил к приходу (придти) с о п р о в о ж д а ю щ и м и', дат. без предлога; "агенс" при "авторе" — ἐγώ [Schwyzer 1966, II, 165]. В дальнейшей истории греческого такой агенс-лицо приобретает форму генитива с предлогом διά: τὸ ῥηθὲν ὑπὸ κυρίου διὰ τοῦ προφήτου (Matth I, 22) 'реченное Господом чрез пророка' [Schwyzer 1943, 42].

Балтийские языки также избегают предложений с инструментом-агенсом, возведенным в ранг "автора", подобно тому, как в рус. вместо *Снег дороги завалил* употребляется *Дороги снегом завалило*. Последнему соответствует лит. Visus kelius užsnigo 'Все дороги заснежило', лтш. Visus ceļus aizsniga 'то же'. Еще чаще в балтийских языках вместо приведенных типов встречаются обороты с активным причастием, в которых формальным субъектом выступает объект: лит. Visi keliai užsnigę 'Все дороги заснежены', лтш. Visi ceļi aizsnieguši 'то же'. Неподлинно активный субъект, агенс, выступая в роли "автора" — что, впрочем, редко — характеризуется родительным падежом подлинного автора или принимает наиболее адекватную своему значению форму инструменталиса: 'Стрела ранит врага'→ 'Стрела в о и н а ранит врага' или 'В о и н с т р е л о й ранит врага'. При устранении субъекта-автора такие предложения и дают русский тип '——— молнией зажигает дом' [Haudry 1970; 1978, 427—428].

В-третьих, делается понятным, что многие личные предложения типа II имеют явно вторичное происхождение: их субъект, если он не обозначает человека, зачастую просто извлечен из предиката. Так, в рус. *Тесак (тесло) тешет — тесак, тесло* есть просто 'то, что тешет, чем тешут'; *колун колет — колун* есть 'то, чем колют'; *Бритва бреет — бритва* есть 'то, что бреет', и т.п. В таких выражениях как *Топор колет, топор тешет — топор* является синонимическим замещением субъектов *колун, тесак* и т.п. (§ 10).

Отсюда следует, далее, что имена активных сущностей типа 'огонь как активное начало', противопоставленное 'неактивному огню', первое от корня и.-е. *n̥gni-, второе от корня и-е. *peə₂-ur- (с чередованием -r-//-n-) и т.п., — возможно, являются не первичными именами и даже не именами в подлинном смысле слова, а из-

влечениями из соответствующих предикатов, "номинализациями предикатов". (В то время как парные именования неактивных 'огня', 'воды' и т.п. являются, действительно, первичными). В таком случае, известная теория о дублетных, или парных, понятиях типа "активный огонь" — "неактивный огонь" и т.п., разделяемая многими индоевропеистами — А. Мейе, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым и др., нуждалась бы в уточнении (см. §10).

§7. Перифразы (в указанном во Введении значении этого термина) можно, в частности, рассматривать как некоторое расширение минимальных наборов предикатов и/или субъектов, присущих каждому типу предложений. Здесь мы остановимся на одном специфическом виде перифраз — пересечении предикатов, а именно предикатов I и II типов предложений.

Само явление пересечения (имбрикации, imbrications, overlapping) типов предложений заключается в том, что два какие-либо типа, четко разграниченные по минимальным наборам предикатов (или по минимальным наборам субъектов), при расширении этих наборов обнаруживают — именно в расширенной части — общие лексические вхождения предикатов (или субъектов), иными словами, начинают пересекаться. В данном случае пересечение состоит в том, что типы I и II, не пересекающиеся в минимальном наборе своих предикатов (у типа I это гомеровские perfecta tantum "состояние тела", у типа II это activa tantum), начинают пересекаться при расширении наборов предикатов. Расширяющуюся часть в типе I составляют гомеровские perfecta tantum "состояние духа", а расширяющуюся часть в типе II составляют глаголы группы и.-е. media tantum. Само пересечение начинается с субъектов и индуцируется субъектами, поскольку типичными субъектами обеих названных частей — perfecta tantum "состояние духа" и media tantum оказываются одни и те же субъекты, — как мы предположили, субъекты — человек, лицо в противопоставлении всем остальным активным субъектам (§1).

За пересечением и, следовательно, нейтрализацией субъектов (в пересекающемся наборе) следует пересечение предикатов. Предикаты perfecta tantum "состояние духа" в типе I и предикаты media tantum в типе II оказываются — в силу сходной семантики их субъектов — в общем синонимичными. Это не означает, что попарно синонимичны все члены обеих названных групп, — синонимичны группы как целое. Однако отдельные корни образуют именно синонимичные пары, один член которых принадлежит одной, а другой — другой группе. Пример такого рода представляет гр. μαίνομαι media tantum 'бесноваться, быть в исступлении' и μέμονα perfecta tantum 'усиленно думать о чем-л., намереваться, стремиться; быть переполненным рвения, пыла (к бою) и т.п.'. Подобные отношения между двумя группами предикатов все еще мало изучены. Мы полагаем, что это процессы, возникающие не только как методические приемы лингвиста, работающего в области реконструкции, но что некоторые расширения и пересечения этого рода имели место в исторической действи-

тельности и что с ними, вероятно, связано происхождение и взаимное отношение индоевропейских перфекта и медия.

Формальные соответствия флексий и.-е. перфекта и медия, открытые одновременно и независимо Е. Куриловичем и Х. Стангом в 1932 г. [Kuryłowicz 1932; Stang 1932; 1970], дали начало одной из постоянных и дискуссионных тем индоевропеистики. Это обстоятельство отодвинуло в тень тот факт, что указанные морфологические соответствия покоятся на реликтах некоторой лексико-семантической группы глаголов, т.е. предикатов некоторых предложений. К этому факту мы и должны вернуться. Мы полагаем, что речь идет о пересекающихся предикатах I и II типов предложений.

Е. Курилович (в указ. соч.), показывая первоначальное тождество флексий и.-е. медия и перфекта, исходил из того, что в некоторых глаголах ведийского языка в медии имеется в имперфекте-аористе окончание 3 л. ед. ч. *-a* (вместо обычного окончания аориста *-ta*), а в презенсе — окончание 3 л. ед. ч. *-e* (вместо обычного *-te*). (В настоящее время эта особенность обычно обобщается формулировкой: флексия без дентальных). Например, от корня *duh-* 'доить' первая форма aduha, вторая duhé. Отсюда, как показал Е. Курилович, следует, что флексия вед. 3 л. ед. ч. имперфекта-аориста медия *-a* восходит к флексии 3 л. ед. ч. перфекта *-e*. Те же глаголы имеют в 3 л. мн. ч. презенса и имперфекта флексии, содержащие элемент *-r-*, так что в формах имперфекта также прослеживается более древнее перфектное основание флексии (ср. [Семереньи 1980, 346]). Ни Е. Курилович в упомянутой работе, ни Х. Станг, ни последующие исследователи не привели списка таких глаголов, и эта задача, казалось бы незначительная, до сих пор не была выполнена. Между тем по поводу некоторых из форм с упомянутыми особенностями среди индологов имеются разногласия в атрибуции по категориям, а некоторые формы оцениваются одними исследователями как архаизмы, а другими как инновации (ср. [Whithey 1983, §699b]).

Др.-инд. глаголы, имеющие флексию без дентальных в презенсе медия в 3 л. ед. ч. и/или *-r-* в 3 л. мн. ч., согласно списку Дж. Кардоны, составленному в связи с исследованием другой проблемы [Cardona 1961], следующие: 1) joṣe 'наслаждаться'; 2) mahe 'почитать'; 3) stavé 'восхвалять'; 4) cité 'замечать'; 5) duhé 'доить'; 6) bruvé 'говорить'; 7) vidé 'находить'; 8) sunvé 'выжимать'; 9) hinvé 'приводить в движение'; 10) inviré 'гнать'; 11) r̥nviré 'вставать'; 12) pinvire 'жиреть'; 13) śr̥nvé 'слышать'; 14) tanvire 'вытягивать'; 15) vr̥ñjé 'поворачивать'; 16) gr̥né 'призывать'.

К этому списку надо присоединить формы, которые квалифицируются разными авторами по-разному — либо как презенсы, аналогичные приведенным выше, либо как перфекты без удвоения 17) śáye, śere 'лежать'; 18) ī́še 'повелевать'; 19) tośé 'быть довольным'.

Формы pinvire, hinvire, приведенные выше, также некоторыми исследователями определяются как перфекты без удвоения. Наконец, в этот же список мы должны включить еще один глагол — 20) ā́ste 'сидеть', поскольку его долгий гласный указывает на перфектное проис-

хождение (возможно, от корня *es- 'быть'), хотя флексия этого глагола целиком нормальная медиальная (т.е. с дентальным) (ср. такую интерпретацию этого глагола, например, в работе [Барроу 1976, 32, 299]. Х. Станг, с другой стороны, также сопоставлял с этой др.-инд. группой хет. eša(ri) 'сидит', media tantum [Stang 1932, 30].

Вторая морфологическая черта этой группы др.-инд. глаголов — флексия с -r- была детально обследована М. Лойманом, также в другой связи — с точки зрения инноваций древнеиндийского языка [Leumann 1952]. (Работа М. Лоймана Дж. Кардоне осталась, по-видимому, неизвестной). Важнейшие из этих инноваций, согласно М. Лойману, следующие. 1) В комплексе -re, -ire, -rire в перфекте, -ire в презенсе — śaye, śere 'лежать' и duhé, duhre 'доить' осознаются как глаголы с перфектным значением vide, vidre 'находить'; тип śr̥ṇvire 'слушали' служит посредствующим звеном, и появляются более новые перфектные группы, например, ī́še, ī́śire 'повелевать'. 2) В комплексе -re, -ra, -ran — имперфект áśayat, áśeran; śī́, śe 'лежать' в гр. и индо-ир. дает прямо сопоставимые формы 3 л. ед. ч. κεῖται и śéte, ав. saēte; но в Ригведе имеются и формы без дентальной флексии — 3 л. ед. ч. śaye, ранняя форма 3 л. мн. ч. śere (ав. sōire, saere) в Ригведе и Атхарваведе вытеснена формой 3 л. мн. ч. имперфекта áśeran; обе последние формы по их окончаниям осознавались, по-видимому, в индо-иранском как перфекты, подобно лексеме от корня и.-е. *dheə$_1$ 'класть', который в греческом в значении перфекта τέθηκα часто заменяется лексемой κεῖται '(положен и) лежит'. Прочные группировки флексий 3 л. ед. ч. -e и 3 л. мн. ч. -re в перфекте медия со всеми последствиями для презенса ограничены только двумя корнями — śī́- 'лежать' и duh- 'доить'; два других корня — ved- 'знать' и ī́ś- 'править, повелевать' являются уже подлинными перфектами [там же, 13].

Из этих наблюдений следует, что общность флексий медия и перфекта (которую Е. Курилович и Х. Станг рассматривали "суммарно", на всей группе глаголов, и при этом морфологически) охватывает два друга — круг инноваций и круг исконных перекрещиваний флексии. В последний круг, в конечном счете, несомненно входят только два корня — 'лежать' и 'доить'. Отсюда следует также, что морфологическая общность флексий покоится не только на категориальном сходстве медия и перфекта (на что в первую очередь обращал внимание Х. Станг), но на специфической семантике упомянутых лексем. На этот факт необходимо теперь обратить особое внимание.

Наличие корня со значением 'доить' в этом круге лексем представляется непонятным, что объясняется вероятно, недостаточной выясненностью этимологии этого корня.

По ознакомлении с нашей публикацией [Степанов 1988а], К.Г. Красухин обратил наше внимание на обследование производных от этого корня в работе [Narten 1964, 76]. Как показала упомянутая исследовательница, в Ригведе в индикативе презенса от корня duh встречаются в 3 л. мн. ч. duhré и duhaté, причем первая форма имеет значение 'они дают молоко', т.е. 'доятся', вторая (переходно-медиальная) — 'они доят для себя'. Таким образом, это соотношение совершенно того же типа, о котором мы говорим ниже в связи с глаголом 'лежать', с той лишь разницей, что действие 'доиться, давать молоко из себя' может принадлежать

"активному существу не-человеку". Небезынтересный в данной связи факт: Й. Нартен считает, что корень duh, имевший еще и *sa*-аорист, послужил отправной точкой в экспансии этой формы).

Однако наличие лексемы 'лежать' проливает свет на всю проблему. Группа из трех лексем — 'лежать', 'сидеть', 'вставать' — образует, очевидно, центральную часть среди перечисленных выше глаголов, — означая основные позы и движения человеческого тела. Главным субъектом этих глаголов является, естественно, человек. Между тем в современных семантических исследованиях установлено, что под понятием 'человек', под одним и тем же именем существительным, означающим человека вообще или человека в каком-либо его отдельном проявлении ('воин', 'охотник', 'вождь', 'муж' и т.д.), могут скрываться две различные семантические сущности — 'человек как тело (тело человека)' и 'человек как тело и дух (подлинно активная сущность)'. Это различие синтаксически значимо. Как показала А. Вежбицка [Wierzbicka 1972], предложение типа 'Человек лежит на кровати' может быть семантически описано как '{Тело человека} лежит на кровати'. Но предложение типа 'Человек получил диплом университета' не может быть описано таким же образцом, но лишь как '{Тело и дух человека} получил диплом университета'. Именно это различие является определяющим для семантики описываемой группы из трех глаголов. Означая действие, они относятся к человеку как активной сущности ('человек как тело и дух'): 'Человек садится, ложится, встает'='Человек (как тело и дух) каузирует сесть, лечь, встать свое тело'. Означая же результат действия, состояние, они относятся к человеку как неактивной сущности ('человек как тело, тело человека'): 'Человек сидит, лежит, стоит'='Тело человека сидит, лежит, стоит'. Как глаголы действия эти лексемы спрягаются по парадигме глаголов действия, поскольку же это действия субъекта 'человек', то — по парадигме медия. Как глаголы результата действия, состояния, эти лексемы спрягаются по парадигме перфекта. В первом случае они выступают предикатами предложений II типа (активных), во втором случае — предикатами предложений I типа (неактивных). Но одновременно они представляют собой перекрещивание этих предикатов, или, по принятой нами терминологии, их перифразы.

Эта определяющая семантико-синтаксическая черта отражается в деталях морфологии флексий.

1) Вед. śáye, śéte 'лежит' в точности соответствует, как уже было сказано, гр. κεῖται, хет. kitta(ri) с тем же значением, но в обоих этих языках это лексемы media tantum.

2) Др.-инд. āste, āsate 'сидит' — также media tantum и соответствует хет. eš- 'сидеть', спрягающемуся по парадигме медио-пассива, как media tantum; это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова об исконной принадлежности этой лексемы к "активному ряду форм", mi-спряжению [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 295].

3) Др.-инд. r̥nóti, r̥ṇváti 'поднимается, двигается', 3 л. ед. ч. презенса медия r̥ṇvé, 3 л. ед. ч. аориста активное ārat; сопоставимо

с гр. ὄρνῡμι ‘то же знач.’, 3 л. ед. ч. презенса медия ὄρνῡται, аорист активный ὤρ-ορε, имеется и аорист медиальный ὦρτο, параллельный др.-инд. ā́rta, а также тематический ὤρετο, параллельный др.-инд. ā́rata; имеются также формы ὤρσε — др.-инд. ārṣ̌it (у грамматиков) [Birwe 1956, 96]; др.-инд. корень ar- имеет аблаутные чередования ar-//ir- и удвоение перфектного типа: 3 л. ед. ч. през. актива iyarti ‘двигает, поднимает’, последнее выступает и как актив, и как медий, и как каузатив к простому глаголу ī́r-; последний является media tantum (3 л. ед. ч. презенса ī́rate), как и рассмотренный выше ās- ‘сидеть’. Ввиду этих особенностей хет. arnuz(z)i ‘приносит, доставляет’, прямо сопоставимый с этой группой, следует рассматривать как каузатив (mi-спряжения) не только к простому глаголу (hi-спряжения) ar- ‘достигнуть, прибыть’ [Фридрих 1952, §153], но и к простому глаголу med. tant. ar- ‘стоять, становиться’, последний параллельный лат. депонентному orior, ortus sum ‘вставать, начинаться’. Корень в гр. ὄρνῡμι, хет. arnum, arta, лат. ortus, ввиду соответствия др.-инд. otá-, может представлять не ступень *or-, а нулевую ступень [Chantraine, 824]. Ввиду всех этих соответствий следует скорректировать отнесение у Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, корня *or- к ”неактивному ряду лексем” в противопоставлении к синонимичному корню *st(h)a- (*st[h]aH-) ‘стоять’, относимому ими к ”активному ряду” [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 295]; ср. [Cowgill, 1973].

В системе древнеиндийского языка рассмотренные лексемы (как и другие глаголы из перечисленной группы) принадлежат (в основных вариантах) к атематическим основам настоящего времени, у которых было два типа спряжения, соответствующих хеттским спряжением на mi- и на ḫi-. Санскрит обобщил спряжение на mi- в активе, в то время как ведийский язык в медии сохраняет следы этой двойной системы [Барроу 1976, 298—299].

Если следовать распределению глагольных форм на ”два ряда” — ”активные” и ”неактивные”, как в системе В.В. Иванова и В.В. Иванова — Т.В. Гамкрелидзе [1984, 295 и др.], то здесь представлены лексемы обоих этих рядов в смешанном виде, — так, корни *k[h]ei̯- ‘лежать’ и *or- ‘стоять, вставать’ принадлежат к неактивному ряду (ср. однако замечания выше), а корень *es ‘сидеть’ — к активному.

Со всех точек зрения, группа представляется смешанной и гетерогенной, а потому в своем происхождении и неясной.

Лишь с одной точки зрения она представляется единой и компактной — с точки зрения основных поз человеческого тела как семантико-синтаксической группы, а перекрещивания различных залоговых флексий предстают при этом как полностью регулярные отношения, вызванные принадлежностью этой группы одновременно к составу предикатов I и II типов предложений.

§8. III тип: Активный субъект+глагол+неактивный объект (‘Человек кладет камень’). Для этого типа предложений реконструируются с одинаковой вероятностью два источника, которые, возможно, действовали одновременно (подобно тому, как в этимологии слова часто обнаруживаются два независимых этимона).

Первый путь — из I (неактивного) типа предложений. Он реконструируется (в другом контексе реконструкции) Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым следующим образом. Если протоиндоевропейский язык на древнейшем этапе был языком активного строя, то предложение типа ‘Человек кладет камень’ должно было иметь в нем специфические особенности. Поскольку здесь актант-субъект активный, а актант-объект неактивный, то структура предиката — в типологическом соответствии со строением предложений этого типа в активных языках — должна была содержать показатель неактивного актанта, объекта. Этим показателем, согласно реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, является элемент *-e,* — тот же самый, который выступает показателем предиката (как предиката-глагола, так и предиката-имени) в типе предложения ‘Камень лежит’ (по нашей классификации, в I типе). Позднее этот показатель стал флексией 3 л. ед. ч. медио-перфекта *-e* и вошел в ряд флексий перфекта: 1 л. ед. ч. -Ha, 2 л. ед. ч. -t[h]Ha, 3 л. ед. ч. *-e* [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 297—298]. Таким образом, с точки зрения этой реконструкции должно получаться, что предложение типа ‘Человек кладет камень’ развивается из типа ‘Человеком камень лежит’, а это последнее из типа ‘Камень лежит’, — посредством введения акванта-субъекта. Этот путь можно, до некоторой степени условно, назвать путем развития ”изнутри предложения” (см. также §9).

Есть, однако, основания предполагать и второй путь возникновения предложений III типа ‘Человек кладет камень’, — ”извне предложения”, т.е. из соединения двух соседствующих в тексте простых предложений в одно сложное: ‘Человек кладет’ (предложение активного II типа) + Камень лежит’ (предложение неактивного I типа) → ‘Человек кладет камень’ (предложение III типа). Этот путь мы назовем сериальным, в силу его типологического сходства с известными конструкциями языков Юго-Восточной Азии, китайского и вьетнамского, и ряда языков Африки. Так, например, во вьетнамском: ‘разбить чашку’: ‘бить’ + ‘разбиться, быть разбитым’ + ‘чашка’ (đánh + vỡ + chén); в африканском языке акан: ‘сыпать в воду зерно’: ‘нести’ + ‘сыпать, лить’ + зерно’ + плыть’ (ke + fe + kwe + oke), т.е. ‘Я сыплю зерно’ = ‘Я сыплю (лью)’ + ‘Зерно плывет’.

Относительно самого термина ”сериальная конструкция” следует заметить, что многие исследователи применяют его ограничительно: только к односубъектным сериям в языках Африки, типа ‘Я несу’ + ‘я сыплю’; но для такого ограничения нет оснований. Под понятие сериальной конструкции очевидно подводятся также индоевропейские аналитические каузативы типа фр. laisser tomber ‘ронять’ = ‘позволить’ + ‘упасть’.

Непосредственные следы этого пути развития наблюдаются в IV типе и.-е. предложения (см. §9). Наличие такого пути заставляют предполагать и балтийские диатезы глагола наиболее архаического типа, т.е. развитие парных глаголов из одного корня с аблаутными чередованиями. Ср. уже приведенный выше пример: Bernas meĩkia ‘Парень мочит’ (глагол активной или активно-каузативной диатезы) + Linaĩ miĩksta ‘Лён мокнет’ (глагол непереходной, неактивной, медиальной диатезы) → Bérnas meĩkia linùs ‘Парень мочит лен’.

При этом пути развития неактивный актант-объект (типа 'лён' в приведенном примере) первоначально должен был просто примыкать к глаголу-предикату активного предложения. Следы этого, действительно, обнаруживаются. В очень многих случаях, как показала А.В. Десницкая, в древнегреческом языке аккузатив может рассматриваться и как обстоятельственный винительный падеж при непереходном глаголе, и как винительный прямого дополнения при переходном глаголе, в особенности при медиальной форме двудиатезных, активно-медиальных глаголов (медиальная форма, как мы уже отмечали, особенно часто ассоциируется с субъектом 'человек'). Например: при глаголе ζώννυμι//ζώννυμαι (акт.//мед.) 'опоясываться' — ζώσατο δὲ ζώνην (Ил. 14, 181) 'опоясалась поясом (по поясу, в отношении пояса)', обстоятельство, или 'подпоясала себе пояс', прямое дополнение: θαλέων ἐμπλησάμενος κῆρ (Ил. 22, 504) 'наполнивший (себе) радостями сердце' или 'исполненный радостей в отношении сердца' [Десницкая, 1984, 101]. Следовательно, глаголы-предикаты II (активного) типа предложений с течением времени могли развивать при себе прямое дополнение, преобразуя в него примыкающий "прото-аккузатив" и сами превращаясь при этом в переходные (§43—45).

Этот путь (как и указанный "первый" путь из реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова) также находит типологические параллели в языках активного строя. В этих языках, в таких предложениях, как 'Собака змею укусила', субъектом будет имя, соотносящееся с личным аффиксом активного класса в составе глагола-сказуемого, в данном случае имя 'собака'; напротив, имя ближайшего объекта, в данном случае 'змея', инкорпорируется без показателя в состав сказуемого. Этот тип предложения отвечает "второму" пути индоевропейского предложения. Но в тех же языках активного строя предложения такого же характера могут оформляться и иначе: ближайший объект, здесь 'змея', соотносится с инактивным аффиксом глагола-сказуемого в словоформе активного глагола [Климов 1977, 117, 125, 307]. Последний тип предложения отвечает "первому" пути индоевропейского предложения.

Все эти наблюдения, в особенности наличие "второго" пути, подводят к тому, чтобы принять за исторически первичный тип предикатов в предложениях III типа ('Человек кладет камень') двудиатезные глаголы, — глаголы с меной диатез актив — медий.

Однако этим предварительным определением очерчивается еще очень широкий круг глаголов, так как мена диатез засвидетельствована в весьма разнообразных комбинациях. В весьма полном описании И.А. Перельмутера для древнегреческого [Перельмутер 1981, 114—129] насчитывается 12—13 различных типов соотношений актив—медий. Автор не учитывает, впрочем, параметра "субъект глагола", введение которого, с одной стороны, еще увеличивает количество групп соотношений актив—медий, но, с другой стороны, существенно упрощает картину. Применяя принцип минимализации (см. выше), из всех этих групп мы отбираем лишь тот их вид, который соответствует самому определению III типа предложений, является конституирующим для него. Таким видом соотношения актив—медий является следующий: глагол в активе означает воздействие активного субъекта на неактивный, вещный объект, глагол в медии, причем не в любой форме медия, а в аористе медия, а также в перфекте (архаическом "активном" и медиальном), — означает состояние вещного объекта, возбужденное этим воздействием, типа 'Дождь мочит' (актив) — 'Сено мокнет или: намокло' (медий). Балтийские примеры упомянутого типа, помимо приведенного в §47.

В греческом имеется компактная группа глаголов (к ней относятся, по крайней мере, следующие 6 лексем, приводимые первыми), которая является, по-видимому, древнейшим центром таких соотношений. Эти глаголы отличаются тем, что у них, в составе одной и той же лексемы, презенс, и прежде всего его 1 л. ед. ч., имеет активное переходное значение, напр. σήπω 'гною', тогда как аорист, и прежде всего его 3 л. ед. ч., — неактивное и непереходное значение состояния, напр. ἐσάπη '(нечто) загнило, сгнило'. Субъект первой словоформы — активный и даже личный, 'человек', субъект второй — 'вещь'. Презенсы этих глаголов носят разнообразный характер (некоторые объединяющие их черты мы отметим ниже), в то время как аористы достаточно единообразны — это сильные, или "вторые", аористы (аор. 2) и непереходные аористы на -η-.

Приведем примеры.

1) σήπω 'гною' — аор. ἐσάπη (с кратким α) '(оно) загнило, сгнило', перф. 2 неперех. σέσηπε '(оно) сгнило'; 2) πήγνυμι 'втыкаю', πηγνύω 'то же знач.' — аор. ἐπάγη (с кратким α) '(оно) воткнулось, торчит', аор. атематич. с мед. знач. ἔπηκτο, ср. ...βέλος.../ἐν γαίῃ κατέπηκτο (Ил. 11, 378) '...и стрела... в землю воезилась'; перф. 2 неперех. πέπηγε '(оно) затвердело, торчит'; 3) καίω 'жгу, зажигаю' — аор. ἐκάη '(оно) загорелось', аор. арх. ἔκηα 'то же', перф. гомер. κήαντο, перф. мед. κέκαυμαι '(оно) сгорело'; 4) σβέννυμι 'гашу', σβεννύω 'то же' — аор. ἔσβη '(оно) погасло'; 5) πίμπλημι 'наполняю' (это презенс, скорее, каузативный к простому глаголу со знач. 'полниться') — аор. 2 мед. ἔπλητο, эпич. 3 л. мн. ч. πλῆντο '(оно, они) наполнились', перф. пасс. πέπλημαι и πέπλησμαι; 6) πλήθω 'быть полным (о реке, луне и т.п.)' — аор. нет, перф. в знач. през. πέπληθε '(оно) наполнилось, полно', имперф. ἔπληθον; 7) πίμπρημι 'зажигаю, поджигаю' — аор. пасс. πρησθῆναι, перф. пасс. πέπρησμαι; другая основа презенса в имперф. ἐνέπρηθον, иногда в знач. аориста, ср. ...τοὶ δ'ἐπὶ πύργων/βαῖνον Κουρῆτες καὶ ἐνέπρηθον μέγα ἄστυ (Ил. 9, 588—589) 'на башни/Войско Куретов взошло и град зажигало великий'. Ср. еще: ἄγνυμι '(я) ломаю' — ἐάγη '(оно) сломалось'; σκέλλω '(я) сушу' — -ἔσκλη '(оно) высохло' (последняя форма засвидетельствована только с приставками); и т.п.

Хотя некоторые из подобных случаев имеют явно позднее происхождение (например, δύω 'погружаю' — ἔδῡ '(оно) погрузилось', φύω 'ращу' — ἔφῡ '(оно) выросло', у Гомера δύω, φύω имеют как переходное, так и непереходное значение), но на этом основании нельзя считать новой группу в целом (как [Перельмутер 1977, 116]), так как презенс и аорист (соотв. перфект) имеют здесь равно непроизводный характер. В данном случае

мы имеем дело с архаическим способом лексикализации, указывающим на то, что основы непроизводного презенса тяготели к предикатным классам II и III, активным, "переходным", тогда как основы корневого аориста, как и перфекта, к неактивному "непереходному" классу I. Более полные соответствия обоих типов обнаруживаются в балто-славянских языках [Степанов 1978, 344—348; Степанов 1988_6] и здесь затрагиваются в §51.

Помимо отмеченных, еще ряд семантических и формальных особенностей объединяет эту группу глаголов: вариации основ презенса (наличие -θ- (из *-dh-?) в πλήθω, πέπλησμαι (<*πέπληθμαι?); -πρηθ-, πέπρησμαι (<*πέπρηθμαι?), формы на -νύω- в πηγνύω, σβεννύω (это основы только презенса); близость, а иногда и тождественность по значению основ аориста и архаического перфекта, например ἐπάγη — πέπηγα. Последняя черта заставляет уточнить определение таких перфектов, — поскольку они имеют при себе почти синонимичные формы архаического аориста, — как "perfecta tantum" (см. §2), таковыми они могут быть названы с указанной оговоркой.

На более расплывчатом основании к рассматриваемой группе глаголов можно отнести другие лексемы из perfecta tantum: θάλλω 'быть в цвету', аор. 2 ἔθαλον; ὄρωρα 'быть возникшим, происходить', аор. 2. ὤρορον, аор. мед. ὦρτο; ὄλωλα 'быть погибшим', аор. 2 мед. ὠλόμην, ὄλετο; τέτρηχα 'быть бурным, взбаламученным', през. ταράσσω и τρᾱχύω, последняя форма — как в πηγνύω.

В дальнейшем в греческом отношении диатез этого типа расширяются: оппозиция "актив с активным субъектом" — "медий с неактивным субъектом" начинает охватывать все времена, но остается в пределах одной лексемы. Примером может служить гр. λείβει акт. 'льет, капает' — λείβεται мед. 'льется, разливается, каплет' (2-е знач., при субъекте 'человек', — 'разливается слезами, плачет'). Эта греческая пара прямо соответствует лит. líeti 'лить' — lýti 'литься, дождить'. Ср. также гр. καίει 'зажигает, жжет' — καίεται 'загорается, горит', σβέννυτι 'гасит' — σβέννυται 'гаснет', скр. dr̥mhati 'делает твердым' — dr̥mháte 'делается твердым, твердеет' и мн. др.

В силу особенностей указанного выше "второго" пути развития в этом типе предложений можно ожидать каких-либо падежных аномалий по линии номинатив — аккузатив. Возможно, что именно это следует видеть в таких предложениях, как лит. Šienas (И. п. !) lỹja 'Сено (И. п.) заливает' в значении обычного Šieną (В. п.) lỹja 'Сено (В. п.) заливает (дождем)'. (Более отдаленную реконструкцию см. в §43).

§9. *IV тип: Активный субъект+глагол+активный объект ('Человек, воин убивает врага'). Семантическим (не грамматическим и не лексическим) примером этого протоиндоевропейского типа предложения служит современное русское *Человек, воин убивает врага.* Он ставит исследователя перед лицом многих сложностей. Существо их заключается в трудности — а может быть, и в невозможности — реконструировать этот тип предложения для того (а именно, переходного) этапа протоиндоевропейского языка, который условно можно назвать "этапом Уленбека".

На первый взгляд может показаться, что причина трудностей — в ограниченности базы реконструкции, — просто в том, что обозначения активных сущностей, людей, типа 'человек', 'враг' и т.п. как объектов в предложении или вообще не попадают в круг языковых явлений, охваченных реконструкцией Х.К. Уленбека, или их дистрибуция в ее рамках неясна. Действительно, например, основы на *-o часто принадлежат именам неактивного класса, ср. *pedo- 'след ноги' при имени активного класса *ped- 'нога'. Однако, с другой стороны, имена зверей активного класса типа 'волк' — это также исконные основы на *-o. Столь же недостаточно в этом отношении освещено положение основ на *-ā, *-ē (в частности в балто-славянском) и т.д. Состав активного класса имен, его подклассы, членение и т.д., как уже было сказано выше, до сих пор недостаточно исследованы.

Тем не менее при реконструкции предложения эти трудности можно было бы обойти, так как для реконструкции достаточно, как уже было показано, "минимализованных" лексических вхождений. Моно было бы и в данном случае ограничиться примером лексем, заведомо принадлежащих к основам на *-o, например, 'волк', и одновременно принадлежащих к тому классу объектов, на которые человек способен активно воздействовать, например, 'убивать'. Тогда существование предложения типа IV (ограниченного в этом смысле) не должно было бы вызывать сомнений. Ограниченность базы реконструкции была бы при этом несущественна. Но, как мы увидим ниже, трудности с этим типом предложения связаны не с ограниченностью базы реконструкции, а с существом реконструируемой языковой реальности.

В засвидетельствованных письменностью индоевропейских языках имя в позиции объекта оформляется формой аккузатива (формой на *-m) независимо от принадлежности такого имени к активному или неактивному классу, — во всех основах на *-o, на *-ā, *-ē, в части основ на сонант и согласных основ типа *ped-, а также суффиксальных основ на *-ter//*-tor//*-tr̥ и т.п. Между тем в реконструкции Х.К. Уленбека, если быть последовательным в ее рамках, показатель *-m может быть отнесен только к пациенсу, т.е. к неактивному имени в позиции субъекта (в I типе предложений) и объекта (в III типе). Что же касается активного имени в позиции объекта, то, чтобы занять ее, такое имя должно было бы приобрести форму пациенса, — но последняя, как уже было сказано, на "этапе Уленбека" является формой неактивных имен.

Возникает вопрос: в какой форме мог существовать актант '——— врага' (активное имя в позиции объекта) на этом этапе? Ответ на этот вопрос остается неясным. Не вполне ясен он и в реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова [1981; 1984, 123—124], — авторы вынуждены ввести особое понятие "структурно-синтаксический инактив", в отличие от "первичных, лексически заданных инактивов с постоянными маркерами инактивности". "Структурно-синтаксический инактив" — это такая (предполагаемая) форма, в которой имя лексического активного класса (например, 'человек', 'зверь'),

постоянно маркированное показателем активности, могло бы выступить в предложении в позиции инактивного актанта — объекта, пациенса. Такая синтаксическая форма не может быть собственной ("классной") формой этого имени, которая как раз запрещает его появление в позиции пациенса. Такая форма не может быть и формой падежа на *-m, т.к. последняя образуется позднее, в рамках номинативно-аккузативного строя языка. Что могло бы быть такой предполагаемой формой?

Мы видим только одну, очень отдаленную параллель к искомой форме — хеттские имена на -ant-. Они производятся от имен среднего рода (аналогичного неактивному классу), не могущих появляться в позиции субъекта при переходном глаголе, т.е. в предложениях типа 'Вода разрушила дом'. Однако производные имена на -ant- не подвергаются этому запрещению и могут выступать в указанной позиции, т.е. становятся "структурно-синтаксическими активами" (например, ǥetenant- 'вода' активное при ǥatar-//ǥeten- 'вода' инактивное). Э. Ларош, впервые детально описавший это явление [Laroche 1962], объяснил его именно структурно-синтаксически и уподобил формы на -ant- падежу эргативу. К этой трактовке присоединился ряд исследователей (например, [Tchekhoff 1972]). (Заметим, однако, что Э. Бенвенист ее не принял и истолковал открытую Э. Ларошем особенность как факт лексики [Benveniste 1962].) (Подробнее см. §12). Это явление в трактовке Э. Лароша удачно использовано Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым для объяснения того, как слово, принадлежащее к инактивному классу, могло быть употреблено в позиции активного актанта (т.е. в III типе предложений, по нашей классификации), в форме "структурно-синтаксического актива". По-видимому, оно же послужило аналогом для их предположения о возможности такого же явления, но как бы с обратным знаком, в рассматриваемом IV типе предложений.

Однако в действительности мы не находим не только каких-либо индоевропейских форм, которые можно было бы прямо связать с такими актантами, как '——— врага' в IV типе, но не имеем и внеиндоевропейских параллелей к подобному явлению в языках активного строя. Активный актант в позиции объекта оформляется в этих языках принципиально иными способами (§8). Таким образом, как это ни парадоксально, оказывается, что предложение типа IV 'Человек, воин убивает врага' не могло существовать на "этапе Уленбека" и заведомо не могло существовать на более ранних этапах протоиндоевропейского языка, если это этапы языка активного строя, как они обоснованно реконструируются в работе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова.

По-видимому, поставленный выше вопрос следует изменить. Вопросом является не "Какова могла быть внутренняя конструкция, в частности форма актанта-объекта, в предложении IV типа?", а "Какая конструкция могла выполнять семантические функции (быть эквивалентом) этого типа предложения?" Поставленный в таком виде, вопрос, кажется, может получить определенный ответ. Как уже было сказано выше, если следовать реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и

В.В. Иванова, то восстанавливается конструкция 'Человеком камень лежит' в значении 'Человек кладет камень' как один из вариантов последнего (нашего типа III). По нашему мнению, именно эта своеобразная конструкция в еще большей степени, чем типу III, присуща IV типу 'Человек убивает врага' и, возможно, была единственной формой, в которой этот тип предложения мог существовать на рассматриваемом этапе. Следы этого реально прослеживаются в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках.

Прежде всего, в качестве таких следов можно рассматривать формы так называемого "супплетивного пассива". Так, в греческом предложения типа 'Всадники убили их', трансформируясь в пассив 'Они были убиты всадниками', принимают не форму пассива от глагола κτείνω 'убивать' (хотя соответствующие формы существуют), а форму актива от глагола 'умирать' (ἀπο)θνῃσκω: αὐτοί γε ἀπέθνῃσκον ὑπὸ ἱππέων (Xen. Cyr. VII 1, 48) букв. 'Сами же умирали от (рук) всадников'; εὖτ' ἂν πολλοὶ ὑφ' Ἕκτορος ἀνδροφόνοιο θνῃσκόντες πίπτωσιν (Ил. 1, 242—243) 'Когда многие (из них) от (руки) Гектора мужеубийцы падут'. Аналогично этому в хеттском глагол aki- 'он умирает' является пассивом к глаголу kuen- 'убивать' и означает при таком употреблении 'он убиваем' [Фридрих 1952, §199]. Наиболее часты в этой конструкции лексемы (ἀπο)θνῃσκόντες 'умереть', (ἀπ)όλλυσθαι 'погибнуть' (см. также об архаическом перфекте ὄλωλα, §2), πίπτειν 'пасть', последняя с наиболее общим значением гибели всякого рода. Например: ὥστε τριηκόσιοι αὐτῶν οἱ πρῶτοι καὶ ἄριστοι ἐνθαῦτα ἔπετον ὑπὸ Ἀθηναίων' (Herod. XI, 67) 'и так триста из них первых и лучших пали здесь от (рук) Афинян'. Выражение "пасть от рук", ставшее эвфемистическим клише в разных европейских языках, в том числе и в русском, благодаря переводам с греческого, в этом последнем было обычной, грамматической формой выражения пассива, супплетивным пассивом [Schwyzer 1943]. В такой же форме "супплетивного пассива" выступали обозначения активных природных стихий: ὡς δ'ὑπὸ λαίλαπι πᾶσα κελαινὴ βέβριθε χθὼν/...ὅτε λαβρότατον χέει ὕδωρ Ζεύς (Ил. 16, 384 и сл.) 'как от бури с ливнем... стонет земля', 'Словно земля, отягченная бурями, черная стонет В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает Зевс раздраженный' [Там же, 31].

Супплетивный пассив отмечен также в других семантических сферах, означающих воздействие одного человека на другого, — 'хулить', 'хвалить', 'изгонять', 'ставить (назначать)' и т.п., особенно хорошо изученных в материале древнегреческого языка:

— κτείνειν 'убивать' — пасс. βλῆσθαι, δαμῆναι;

— διδάσκειν 'учить' — пасс. μανθάνειν;

— εὖ(κακῶς) ποιεῖν τινα 'оказывать кому-л. добро, благодеяние (зло)' — пасс. εὖ(κακῶς) πάσχειν ὑπό τινι (или: ὑπό τινος) 'получать благодеяние (терпеть обиду, зло) от кого-л.';

— εὖ(κακῶς) λέγειν τινά 'хорошо (дурно) отзываться о ком-л.' (букв. 'говорить кого-л.', ср. рус. *о-говорить кого-л.*) — пасс. εὖ(κακῶς) ἀκούειν ὑπό τινος букв. 'хорошо дурно слышать о ком-л.';

— ἐκβάλλειν 'изгонять (в ссылку)' — пасс. φεύγειν ὑπό τινος 'быть

изгнанным кем-л.', т.е. φεύγω ὑπό τ., также перфект ἐκπέπτωκα 'я бегу, я беглец от кого-л.='я изгнан кем-л.'; активное причастие ὁ φεύγων 'бегущий' имеет пассивное значение 'обвиняемый, подсудимый';

—ἀναστῆναι аор. II акт. 'быть изгнанным, выселиться' выступает как пассив к ἀνιστάναι 'заставлять встать, подняться с места, изгонять' [Черный 1882, §117; Schwyzer 1966, II, 226—227].

Сюда же следует добавить активные глаголы с пассивным значением: λαγχάνειν 'быть избираемым, избранным по жребию' (собств. 'получать что-л. по жребию'); δοκεῖν 'казаться, видеться', ср. лат. vidēri 'то же'; ἁλῶναι аор. 'попасть в плен, быть взятым в плен' к пассивному презенсу ἁλίσκεσθαι 'попадаться'; ср. также лат. сложные с глаголом īre 'идти', veneo 'меня продают', букв. venum eo 'иду на продажу'; pereo 'гибну, умираю (от руки кого-л.)'.

Рассматриваемый фрагмент языковой системы связан с явлением пересечения I и II типов предложений, описанным в §7. Об этом свидетельствует тот факт, что "супплетивный пассив" в греческом охватывает глаголы "человеческих поз" — помимо указанных выше от корня *sta- '(в)стать', также семантическую пару 'класть' — 'лежать': κεῖσθαι med. tant. 'лежать' (рассмотренный в §7) выступает как "супплетивный пассив", в значении пассивного перфекта 'положен, -о, -а' к активному глаголу τιθέναι 'класть'.

Предложения с такими глаголами имеют несколько характерных особенностей. В них часто встречается двойной вин. падеж — один лица, другой вещи и, таким образом, они входят в обширный класс и.-е. предложений с двойным аккузативом; ср. 'спрашивать, просить у кого (букв. кого) что': гр. ἐρωτᾶν τινά τι, αἰτεῖν τινά τι; лат. poscere aliquem aliquid, flagitare aliquem aliquid (или: aliquid ab aliquo); лит. Tėvas paprašė kaimyną arklį 'Отец попросил соседа (у соседа) лошадь'. Сюда же относятся предложения с двойным аккузативом, "целого и части", например человека и его органа: καί μιν (=αὐτὸν) βάλον ὦμον δεξιόν (Ил. 5, 188) 'Я поразил его (целое) в правое плечо (часть)'; ἕλκος ἀναψύχοντα, τὸ μιν βάλε Πάνδαρος ἰῷ (Ил. 5, 795) 'Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью' (дальнейшее в §41 и сл.; см. также [Lasso de la Vega 1968, 370 и сл.]).

Еще одна существенная особенность этих предложений в греческом состоит в последовательном употреблении при них ὑπό с дативом. На этом основании Э. Швицер производит эту конструкцию от чисто локативной πίπτειν ὑπό τινι 'упасть под кого-л.'. Однако попытки так же объяснить генитив ὑπό τινος, который позже сменяет здесь датив, им же самим признаны неудовлетворительными, чисто локативные выражения с чередованием падежей ὑπὸ χθονί 'под землей (вообще, как целое)' дат., ὑπὸ χθονός 'под частью земли, где-то под землей', во-первых, редки, а, во-вторых, не вяжутся по смыслу с древнейшим типом генитивного оборота при супплетивном пассиве: ὑπὸ Λυκούργου θεινόμεναι (Ил. 6, 133—135) 'убиваемые Ликургом (нимфы)', может значить только 'unter Lykurg hervor geschlagen' с "аблативным генитивом", или 'unter Lykurg hin, an einer Stelle unter Lykurg geschlagen', с "партитивно-локальным генитивом"; таким

образом, ὑπό с генитивом вместо датива может быть, по мысли Э. Швицера, объяснено только как чисто формальное изменение [Schwyzer 1943, 33; 29]. Э. Швицер исходил из морфолого-семантического сравнения отдельно от предложения взятых форм падежей и предлогов.

В свете современного синтаксического сравнения процесс появления этих конструкций в греческом выглядит несколько иначе. Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что "плавающий" предлог-преверб ὑπό (см. §13) при выражении субъекта пассивного действия также может занимать в некотором роде "плавающую" позицию: ср., с одной стороны, ὑπ'ἐμοὶ δμηθέντα (Ил. 5, 646) '(ты) мною поверженный', с другой стороны ἐ μῷ δ'ὑπὸ δουρὶ δαμέντα (Ил. 5, 653) 'ты моим копьем повержен'. И, наконец, ὑπ' αὐτοῦ δουρὶ δαμήῃς (Ил. 3, 436) 'как бы ты не был сражен его копьем (=им копьем)', где предлог ὑπό может быть понят двояко: как относящийся к генитиву или дативу [Chantraine 1981, §208]. Таким образом можно предположить, что этот тип предложения строился по схеме "целое и часть" (σχῆμα καθ' ὅλον καὶ μέρος), когда при одном глаголе имеются два дополнения в одном и том же падеже (примыкающие одно к другому без союза), из которых первое выражает целое, а второе — непосредственно затронутую действием часть этого целого. В хеттском, как указывает Й. Фридрих, эта схема засвидетельствована с генитивом, например: *Ul*—ŭarankan tuetaza memiianaz kuennir (VIII, 48; I, 12) 'разве они его не по твоему слову (букв.: не через тебя, через слово) убили?'. "Практически эта конструкция приводит к тому, — замечает И. Фридрих, — что личное местоимение занимает место поссесивного местоимения; однако происхождение данного оборота нам неизвестно" [Фридрих 1952, §224(б)].

В настоящее время наиболее вероятным представляется возникновение предложений схемы "целое и часть" из сложения двух простых предложений — каждое с одним дополнением, т.е. 'Его убили через тебя'+'Его убили через слово'→'Его убили через тебя через твое слово'; 'Ранили Гектора'+'Ранили плечо'→Ранили Гектора плечо', 'Ранили Гектора в плечо', и т.п. [Gaedicke 1880, 260; Schwyzer 1966, II, 81; Haudry 1978, 168 (с оговорками относительно инструменталиса)]. (См. также §42).

По-видимому, можно считать несомненным, что в греческом языке выражением агенса при супплетивном пассиве, а затем и при пассиве вообще, первоначально служил (1) датив без предлога или — как позднейший вариант — с предлогом ὑπό; в семантике такого агенса не различались 'лицо' и 'вещь'. На следующем этапе, в связи с выделением агенса-лица, для его обозначения появляется (2) генитив с ὑπό. Сосуществование обоих оборотов, (1) ὑπό+дат., (2) ὑπό+ген., в этот, классический, период древнегреческого языка регулируется правилом: ὑπό+ген. — для обозначения лица, одушевленного существа, а также вещи и отвлеченного понятия, представляемых как одушевленные, персонифицированные; дат. без ὑπό — для обозначения вещи как орудия, инструмента, средства [Черный 1882, §14 (в)]. В этот же период наряду с ὑπό употребляются другие предлоги: ἐξ (ἐκ), πρός, παρά. На третьем этапе, в послеклассический период,

все они постепенно уступают место единой конструкции ἀπό+генитив [Schwyzer 1943].

Остается, следовательно, невыясненным только появление здесь генитива при ὑπό (происхождение из оборота с локальным значением падежа, как уже было сказано выше, отвергается). Мы считаем, что этот генитив при пассиве имеет общеиндоевропейский источник — генитив как обозначение агенса в обороте с пассивным причастием: ср. др.-перс. manā kṛtaṃ 'мое сделано', т.е. 'мною сделано', лит. mano kurta 'то же', арм. nora gorcʻeal ē 'его есть сделано', т.е. 'им есть сделано'; рус. диал. *У волков здесь идёно,* вероятно, из **Волков здесь идёно* 'Здесь волки прошли', и т.п. (ср. [Schmalstieg 1976; 1978]). Генитив с предлогом ὑπό как выражение агенса при пассиве в греческом возник, таким образом, как результат контаминации двух синонимичных синтаксических конструкций (а не форм падежей): 1) пассивной конструкции с причастием и генитивом действующего лица, 2) пассивной конструкции с личной формой глагола и дативом агенса, имевшим вариант с предлогом ὑπό.

Уже само по себе наличие выражений, подпадающих под супплетивный пассив, свидетельствует о некоторой исконной слабости, неполной типизированности в языковой системе выражений вида 'Воин убивает врага'. Названные необычные, супплетивно-пассивные, выражения объяснялись главным образом лексически, как следствие табу, запрета на прямое называние убийства, т.е. как явление по своей природе общетипологическое и даже общечеловеческое, не связанное специально с грамматикой и.-е. языков. Ср., например, в охотничьем ритуале хантов (остяков) "Священный зверь умер" вместо "Мы убили медведя" [Зеленин 1930, ч. 2, §55; Havers 1946, 183—184].

Действительно, основная тенденция в обозначении действия 'убивать' в и.-е. языках — эвфемистическая. Ср. рус. *убить* от *бить,* которое, само по себе будучи обозначением действия 'колотить', может непосредственно в той же форме означать и убивание; так же в ст.-сл., макед., сербохорв., польск. [Этимол. сл. слав. яз. 2, 99]. Ср. также лтш. nosist от sist 'бить', лтш. nogalināt арх. nogalēt, лит. nugaluoti, nugalabyti 'прикончить' от слова со знач. 'конец', лит. daryti galą 'сделать конец, убить'; от корня со знач. 'бить' лит. užmušti 'убить' при mušti 'бить'. По тому же семантическому типу произведены почти все греческие глаголы, означающие 'убивать' [Chantraine 1950, 143—149]. Все это эвфемистическое слово- и смысло-образование может быть обобщено: в нем отчетливо проступает тенденция использовать обозначение жеста, сопровождающего то или иное действие, для обозначения самого действия, — тенденция далеко не только эвфемистическая. Ж. Одри в другой связи удачно назвал ее "от жеста к акту" [Haudry 1978, 212 et passim].

Тем не менее, придавать в данной группе слов исключительное значение эвфемистической тенденции, даже с учетом того, что она является лишь частным случаем более общей тенденции "от жеста к акту", — нельзя. В хеттском имеются каузативные глаголы с тем же значением, не подвергшиеся ни эвфемистической замене, ни замене супплетивным пассивом: ḫark- 'погибать' — каузативы ḫarninkʻ-

'погубить', ḫarganu- '(по)губить'. В греческом основной глагол этой лексико-семантической группы κτείνω 'убивать' имеет нормальный пассив и к тому же, как показывает его этимология, уже является эвфемизмом: ср. скр. kṣan- (kṣanóti) 'вредить, ранить' [Hoffmann 1985, 171—177].

В том же материале проступает и другая тенденция, переплетающаяся с чисто семантическими (эвфемистической и "от жеста к акту") — но по существу от них независимая, — тенденция семантико-синтаксическая. На нее следует обратить внимание в первую очередь.

В литовском языке имеются специфические каузативные глаголы, означающие 'убивать', 'губить', произведенные от глаголов со значением 'умирать', 'гибнуть': žudýti 'губить' от žūti, през. žūva (инфиксальный, из *žunva), претерит žùvo 'гибнуть'; marìnti 'морить' от mir̃ti 'умирать', през. mir̃šta (с суф. -st-, функционально соответствующим носовому инфиксу), претерит mìrė; так же слав., рус. *морить* при *-мереть, -мирать* (например при *умирать*); др.-инд. каузатив mārāyati 'он дает умереть, убивает' при márati, márate, mriyáte 'он умирает', и т.д.

В литовском эти каузативы, как и вообще значительная часть каузативов на -inti, -dinti и, по-видимому, в меньшей степени на -dyti, имеют объектом не 'вещь', в которой возбуждается процесс, а человека, в котором, если можно так выразиться, "возбуждается" непереходное действие или состояние. Ср. при klýsti 'ошибаться' klaidìnti "daryti kad klystų" 'делать так, чтобы он(она) ошибся (ошиблась)'. С семантико-синтаксической точки зрения такие пары "простой глагол действия человека — каузатив к нему" строятся по древнему балтийскому типу, как, например, bìrti 'сыпаться' — beĩrti 'сыпать' (циркумфлексная интонация корня, в отличие от обычной в таких случаях акутовой, в этом конкретном глаголе незакономерна) (см. §47, 54), но отличаются от последних в морфологическом отношении — в них корневой аблаут сопровождается большим суффиксальным расширением, которое и играет главную роль носителя смысла. Такие литовские каузативы в синхронной грамматике выделяются в особую группу фактитивных глаголов (в литовской терминологии priežastiniai veiksmažodžiai "причинные глаголы" и parūpinamieji veiksmažodžiai "куративные глаголы, или глаголы понудительного залога", ср. [Jakulienė 1975; Криницкайте 1982; Грам. лит. яз. 1985]). Их следует выделить в особую группу и при реконструкции, отнеся к ней в этом случае и глаголы типа 'губить'.

С этой группой можно в определенной степени сблизить соответствующую по смыслу группу ведийских каузативов, так как они (при том, что весьма существенны различия, зависящие от их либо активной, либо медиальной формы) в тенденции все, по-видимому, тяготеют к тому, чтобы образовывать пары к простым глаголам, означающим действия и состояния человека (скорее, чем вещи). Из около 40 примеров каузативов, приведенных в "Грамматике" Т.Я. Елизаренковой [1982, 367—370], только 6 означают действия или процессы, совершающиеся в "вещах": var- 'покрывать', sar- 'течь', duṣ- 'портиться', çri- 'опираться', cud- 'точить', ruc- 'сиять'. Однако и они

так или иначе могут относиться к человеку: cud- значит также 'вдохновлять', а остальные в санскрите, среди прочих значений, имеют (по: Macdonell. Pract. sanskr. diction.): var- 'прятать; закрывать (дверь)', 'проверять', sar- 'быстро бежать' (ср. рус. *И он послушно в путь потек* [Пушкин]), 'преследовать', dus- 'быть в грехе', ruc- 'cause anyone (acc.) to feel pleasure in or desire for (dat.)'. Ведийские каузативы, таким образом, довольно резко контрастируют с литовскими типа berti — birti, имеющими объектом "вещь".

Вместе с тем ведийские каузативы близки к литовским куративным и фактитивным глаголам (parūpinamieji veiksmažodžiai), т.е. таким, которые образуются от переходных глаголов, уже имеющих объект — "вещь" (или, реже, "человек"). Литовские куративы имеют, как правило, собственным объектом — объектом непосредственного воздействия — неопределенное лицо или группу лиц (ср. pasisiūdinti marškinius "отдать сшить себе рубашку" — кому отдать?) и лишь в отдельных случаях — определенное лицо: vedinti "женить кого-то", букв. "делать так, чтобы он взял себе жену" "daryti kad jis vestųsi žmoną". Сравним положение в ведийском: "Исследователями неоднократно подчеркивалось, — замечает Т.В. Елизаренкова, — что основы, классифицируемые по структурным признакам как каузативные, имеют каузативное значение только по отношению к исходному непереходному глаголу и, как правило, семантически ничем не отличаются от исходного переходного глагола... Например, от глагола dhā- 'класть', 'помещать': ...tasmin māṃ dhehi pavamānāmr̥te loké ákṣite (RV IX 113, 7) 'туда помести меня, о Павамана, в бессмертный нерушимый мир'" [Елизаренкова 1982, 370]. Здесь следовало бы добавить только: каузативы "ничем не отличаются от исходного переходного глагола", кроме как своим объектом, который чаще всего (и в данном случае) — человек.

По-видимому, именно доминированием этой черты в др.-инд. объясняется появление таких специфических трансформаций, как скр. devadattaḥ pacati odanaṃ "Девадатта варит рис" → pācayati odanaṃ devadattena букв. "он варит рис Девадаттой", "он делает так, чтобы Д. варил рис", где сохраняется первоначальный объект "вещь" (здесь: рис), а новый объект, объект каузатива, "человек" (здесь: Девадатта) ставится в инструментальном падеже [Renou 1978, §102; ср. Delbrück 1897, II, 117—118].

К этому типу предложений принадлежит, вероятно, и следующий балто-славянский с инструменталисом лица: лит. Rugius jie savim veža 'Рожь они собой возят' (т.е. на себе, за неимением лошадей) (Jablonskis RR I 622), ср. рус. *Достают невесту собою, а ино и Фомою* [Даль 1882—1955, IV, 169], "собою = сами", список примеров см. [Потебня 1958, I—II, 446—447]. К нему можно добавить из Державина, у которого вообще такой оборот встречается: *Иль, сидя дома, я прокажу, Играя в дураки с женой; ...То в свайку с нею веселюся, То ею в голове ищуся...* (Фелица). Этот синтаксический тип в системе противопоставлений *косить с косой//косить отцом* является яркой приметой балто-славянских ареальных отношений, он детально описан А.П. Непокупным [1964, 55—88].

Другой, рядом с вышеприведенной, санскритской трансформацией специфического строения является такая, где сохраняются оба аккузатива — лица и вещи: vetti māṇavako dharmaṇ "ученик учит закон" → vedayati māṇavakaṃ dharmaṇ 'он учит ученика (акк.) закону (акк.)' [Renou 1978, *102]. С этой последней конструкцией синтаксически полностью совпадают латинский и греческий обороты с лексемой 'учить': docēre aliquem aliquid, διδάσκειν τινά τι; 'спрашивать': interrogare, ἐρωτᾶν; poscere, flagitare, αἰτεῖν, ἀπαιτεῖν; только греч. 'убеждать, уверять' πείθειν; 'напоминать' ἀνα- или ὑπο-μιμνήσκειν и некот. др. (далее §41).

Таким образом, эти латинские и греческие конструкции на фоне сравнения с древне-индийскими и литовскими должны объясняться не просто как сложение двух независимых конструкций 'учить ученика' и 'учить музыку', но также и как синтаксический аналог к каузативным глаголам, отсутствующим в латинском почти целиком, а в греческом в такой степени развития, как в литовском и др.-индийском.

При некоторых (диагностических, основных) лексемах того типа, которые в ведийском языке образуют каузативы (а может быть, и при многих, — вопрос требует дополнительного изучения), мы как раз и находим в греческом супплетивные пассивы типа 'он умирает кем-то' (см. список выше). Ср. далее с ведийскими каузативами такие греческие супплетивные пассивы, как: εὖ(κακῶς) λέγειν τινά 'хорошо (дурно) отзываться о ком' — пасс. εὖ(κακῶς) ἀκούομαι ὑπό τινος 'обо мне кто-л. отзывается хорошо (дурно)'; слышать хороший (плохой) отзыв, речь о себе', ср. также совр. фр. Il s'ented dire par quelqu'un... "Он слышит, как ему кто-то говорит, что..."; такого же типа приведенные выше вьетнамские "сериальные конструкции" (§8). Таким образом, здесь перед нами не только индоевропейская тендения к образованию каузативов закрытого (синтетического) типа и открытого (аналитического) типа, но и тенденция универсальная.

Итак, напрашивается вывод, что преобразование языка активного строя, где отсутствуют предложения типа IV 'Воин убивает врага' с морфологическим оформлением активного объекта и соответствующего предиката-глагола, в язык номинативно-аккузативного строя, где такие предложения типичны, было сопряжено с определенными трудностями. Они разрешались различными путями:

1) путем лексико-семантической деривации "от жеста к акту" во всех языках, чему способствовал универсальный характер табу и эвфемизмов: рус. (соотв. общеслав.) *бить* → *убить*, лит. mušti → užmušti, др.-инд. kṣa- 'вредить, ранить' в соответствии с гр. κτείνω 'убивать', и т.п.;

2) путем сохранения синтаксических каузативов, "супплетивного пассива", особенно в греческом и хеттском: θνῄσκει ὑπό τινος "он умирает от (руки) кого-л.", "убиваем кем-то";

3) путем морфологической деривации — образования каузативов исторически более нового — суффиксального и аблаутного — типа, чем древнейший тип только с корневым аблаутом и без суффикса

(лит. beĩti ‘сыпать’ — bìrti ‘сыпаться’), особенно в древнеиндийском и балтийском; а также путем постепенной замены их аналитическими каузативами типа фр. faire dire, s’entendre dire par qn.;

4) и, самое главное, путем уподобления типа IV типу III (§8, 43).

§10. **V тип: Неактивный субъект+глагол+неактивный объект (‘Вода ломает дом’). Этот тип предложения мы рассмотрим здесь лишь в одном его аспекте — в той мере, в какой он связан с вопросом об особых вхождениях в предложение имен типа ‘вода’, ‘огонь’, ‘ветер’ и т.п.

Если, как обоснованно предполагается, протоиндоевропейский был языком активного строя (до ”этапа Уленбека”), то в нем существовало бинарное разделение имен на ”активные” и ”неактивные”. Это простое и ясное соотношение целиком относят и к таким именам, как ‘вода’, ‘огонь’ и некот. др. Предполагают, что имелось по крайней мере по два имени для каждой из этих сущностей — одно обозначало ее как активную жизненную силу, в частности божество: корни *n̥gni- огонь, *ēkᵘ-//*əkᵘ- и *āp- ‘вода’; другое — как неактивную вещь: корни *peə₂-w-r->*peə₂-ur- с чередованием -r//-n ‘огонь’, *wed-//*ud- ‘вода’ и т.п. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 274]. Это предположение восходит к идее А. Мейе о двойных и-.е. именах ”огня” и ”воды”, высказанной вне связи с понятием активного строя, но в связи с его теорией индоевропейского грамматического рода. А. Мейе считал имена м.-р. исконно принадлежащими к ”активному” роду, а имена ср. р. к исконно ”неактивному” [Meillet 1920]. В. Шульце показал, однако, что как раз в именах воды и огня родовые отношения подверглись многочисленным перестройкам без всякого отношения к ”активности-неактивности” [Schulze 1966, 194 сл.], так что родовые показатели в решении нашего вопроса не могут играть существенной роли. Вернемся к исходному положению об активном строе протоиндоевропейского языка.

Здесь, однако, возникает много проблем. Если подавляющее большинство имен классифицируются всяким языком активного строя на две названные группы без остатка, то являются ли там понятия ‘вода’, ‘огонь’ и под. двумя различными понятиями и различными семантемами, объединяясь лишь в представлении современного лингвиста в силу того, что в его собственном языке (современном и.-е.) имеется для этого лишь по одному слову? Или же здесь перед нами какое-то особое явление, выпадающее из системы языка активного строя, поскольку в этом случае налицо некое обобщающее понятие, как бы ”гиперлексема”, представленное двумя резко различными словами и понятиями — одно в активном, другое в неактивном классе?

Наша гипотеза состоит в следующем. Слова типа ‘вода’, ‘огонь’ и под., как и все имена вещей, принадлежали исконно к неактивному классу, а их дублетность — явление более позднее, вызванное различными переосмыслениями культового характера и, с точки зрения языка, возможно, лишь облегченное тем, что имена типа ‘вода’, ‘огонь’ связаны с предикатами и, вероятно, даже извлекаются из предикатов, причем, возможно, из разных — ”активное” имя из ”активного” предиката, ”неактивное” — из ”неактивного” предиката. Возможно также (видоизменение первой гипотезы), что ”активные” имена извлекаются из предикатов как субъекты, а ”неактивные” — как объекты, приблизительно по типу рус. (1) *Гремит* (безл.) → *Гром гремит* (*гром* — субъект, акт.); (2) *Служить* → *Службу служить; Делать* → *Дело делать* (*служба, дело* — объекты, неакт.).

Исходное наблюдение заключается в том, что во всех и.-е. языках имена стихий и имена ”человеческих стихий” — ‘сон’, ‘работа’, ‘служба’, ‘война’ и др. — входят в тавтологические словосочетания, построенные по принципу figura etymologica или парономазии. Одни из этих имен представляют ”устраняемые” и ”восстанавливаемые” субъекты безличных предложений (*Гром гремит*), другие — такие же объекты (лат. pugnam pugnare ‘дать бой’), третьи — объекты, но с нейтрализованной формой субъекта-объекта, т.е. номинатива=аккузатива, типа рус. *работа работать* вместо *работу работать*. Приведем материал.

Устраняемые и восстанавливаемые тавтологические субъекты безличных предложений образуют одну группу (причем нужно отметить наличие среди таких субъектов как ”активных” форм имени деятеля — с и.-е. суффиксом *-tᵉ/or, так и форм ”неактивных” результата действия — с и.-е. суффиксом *-t(o)-). Кроме материала, приведенного в §6, сюда относятся: ст.-сл. вѣтръ вѣтъ акт., букв. ‘дующий дует’; скр. vāta vāti неакт., букв. ‘подутое (пасс. прич.) дует’; лит. lietùs lỹja ‘дождь льет’ неакт., букв. ‘политое льет’, ср. также гр. ὑετός ‘дождь’ (но однако лит. актив.. прич. lynanti diena ‘дождливый день’, букв. ‘льющий день’); лит. žaĩbas sužaibãvo ‘молния блеснула’, лит. žiẽbti ‘зажигать (огонь, свет, лампу и т.п.)’, ‘светить, блестеть’ и лит. диал. žiẽbas ‘молния’. Возможность такого извлечения имени стихии из предиката ощущается поэтами, например Альфред Жарри обозначал ‘ветер’ как ”celui qui pousse” ‘тот, кто дует’. Признанным случаем извлечения имени воды из предиката является лат. unda ‘вода, волна’ с носовым инфиксом — свидетельством производства этого имени от глагола, не сохранившегося в самой латыни, но представленного в скр. 3 л. ед. ч. unát-ti, 3 л. мн. ч. und-ánti ‘(вода) льется; воды прибывает’ [Ernout, Meillet 1967, 747], от корня ud-, глагол VII класса акт. Взаимосвязь имени ‘воды’ от и.-е. *ekᵘ-//*əkᵘ- (ср. лат. aqua) и глагола обнаруживается также в хет. akᵘ-//ekᵘ-- ‘пить, поить’, ср. akᵘ-anzi ‘они пьют’.

Устраняемые и восстанавливаемые объекты, в особенности прямые, аккузативные, образуют вторую группу имен, извлекаемых из предикатов. Предикат и его объект образуют здесь тавтологическое сочетание, зачастую построенное на прямом повторении одного корня, на принципе figura etymologica либо парономазии. Лат. pugnam pugnare букв. ‘бой бить, сражаться’, servitutem servire ‘службу служить’, vitam vivere ‘жизнь жить’, somnium somniare ‘сон видеть (снить)’ и т.п. Гр.: νίκην νικᾶν ‘победу побеждать’, т.е. ‘одерживать победу’, θύειν θυσίαν ‘жертвовать жертву’, πόνους ποιεῖν ‘дела делать, трудиться’; μάχην ἐμάχοντο νέεσσιν, (Ил. 15, 414) ‘сра-

жение вели (сражались) кораблями'; ὁς κεν ἀρίστην/βουλήν βουλεύσῃ (Ил. 9, 74, 75) 'кто лучший совет присоветует (подаст)'; ἰδρῷ θ'ὅν ἵδρωσα (Ил. 4, 27) 'пóтом, каким (я) потела' и т.п. [Chantraine 1981, §50]. Др.-инд.: tapas taryāmahe 'мы соблюдаем воздержание'; uvāsa duḥkhavasatim (Mahābhārata 3, 280, 43) 'она стояла горестное стояние'; te haitām edhatum edhāṃ cakrirte (Śatapatha — Brāhmaṇa I, 6, I, 3) 'они благоденствовали (переживали) это благоденствие'; na putrarodaṃ roditi (Chāndogya — Upaniṣad 3, 15, 2) 'он не плачет плач по сыне'; pasumāram amārayat(Mahābhārata,I,154, 30) 'он заставил его умереть смерть (смертью) животного', т.е. 'убил его как зверя'; jīvanāśaṃ naśyati (Pāṇini 3, 4, 43) 'он погибает (переживает) живопогибание', 'он пропадает заживо' и т.п. [Gonda 1975, 55].

В балто-славянских языках такой тавтологический объект часто имеет нейтрализованную номинативно-аккузативную форму — по форме номинатив, по значению аккузатив: рус. *служба* (вместо *службу*) *служить, работа* (вместо *работу*) *работать*, лит. darbas (вместо darbą) dirbti и т.п., ср. лит. Bepigu kiaulei: nei burną prausti, nei kojos auti, nei darbas dirbti 'Хорошо свинье: ни рот мыть, ни ноги обувать, ни работа работать'; Man visi darbai (nom.) tenka dirbti (Žemaitė) 'Мне все работы (имен.) приходится работать' [Jablonskis 1957, I, 560]. По происхождению номинатив вместо аккузатива в этих балто-славянских оборотах, так называемых Nominativus cum infinitivo "Именительный падеж с инфинитивом", может быть и не связан с "этимологической фигурой" [Мельничук 1966, 188; Ambrazas 1979, §§196, 197], однако именно в "этимологической фигуре" и парономазии он появляется особенно часто и, более того, последние по-видимому способствуют его сохранению [Dunn 1982, 510].

Причина легкого устранения субъекта и объекта в этих оборотах заключается именно в тавтологичности этих грамматических актантов и предиката, т.е. также в принципе "этимологической фигуры" или парономазии. Субъект и объект (особенно часто последний) в таких случаях лишь семантически дублируют предикат, даже если и не повторяют его корня: ср. *служить службу — служба* не что иное как то, что возникает в процессе, означаемом глаголом *служить;* ср. рус. *удить рыбу — рыба,* хотя слово и не того же корня, что глагол, тем не менее означает непременный и единственный объект действия *удить,* т.е. все сочетание тавтологично. Даже не тавтологические сочетания типа рус. *трава косить, корова пасти, земля пахать* с номинативом вместо аккузатива все же по существу тавтологичны, так как объекты *трава, корова, земля* есть обычные и почти или вовсе единственные объекты соответствующих глаголов: косят только траву; пасут или корову, или козу, или овцу, или лощадь (но в славянском быту *пасти* относится прежде всего к коровам); пашут единственно и только землю.

Тавтологический объект, безразлично "фигуро-этимологический" или парономастический, в греческом языке также иногда имеет особый синтаксический статус. Не выступая в нейтрализованной номинативно-аккузативной форме, как в балто-славянских языках, такой объект тем не менее сходен с балто-славянским тем, что сохраняет свою аккузативную форму неизменной при пассивизации предложения, не превращаясь в другой падеж: ср. гр. τύπτω ἕλκος 'я наношу (букв. ударяю) рану', 'рана' в аккузативе; при пассивизации τύπτομαι ἕλκος 'мне наносят рану', букв. 'я есть ранимый, ударяемый рану', 'рана' остается в том же падеже, аккузативе; тогда как привычный "современный" пассив был бы 'Рана мне наносится' (ср. [Schwyzer 1966, II, 81]). Ср. еще μεγάλην εὐεργεσίαν εὐεργέτηται ὑπ'ἐμοῦ букв. 'большую пользу (акк.) оказывается ему мною'. Последний тип предложения буквально тождествен рус. диал. *Страховку мне не выдано,* вместо литер. *Страховка мне не выдана.* (См. о нем [Кузьмина, Немченко 1964; 1971; Трубинский 1979]; о его аналогах и смежных конструкциях в других языках [Schmalstieg 1976; 1978; 1982; 1984; 1987; Юдакин 1984; Эдельман 1987]; в широком типологическом контексте [Сахокия 1985]).

Следует также отметить, что семантемы 'сон', 'явь' в греческом языке не образуют никаких падежей, кроме номинатива—аккузатива, характеризующегося чистой основой: τὸ ὄνᾰρ 'сон', ὄνᾰρ как наречие 'во сне', τὸ ὕπᾰρ 'явь', ὕπᾰρ как наречие 'наяву'. Если отношение ὄναρ, не имеющего этимологии [Chantraine 802], к предикату остается неясным, то ὕπαρ вполне надежно связывается с семантемой 'сон (вещий, возвещающий истину)' [Chantraine 1157] и, соответственно, с лит. sãpnas, рус. *сон,* лат. somnium, скр. svápnya-, хет. šuppar-, а эти последние особенно часто дают тавтологические сочетания с предикатом: лит. sapną sapnuoti 'сон спать', лат. somnium somniare 'то же', хет. šuppar-iya- 'спать' и т.п. Таким образом, "внепадежность" имени и его тавтологичность с глаголом — явления взаимосвязанные, что проливает свет на их происхождение (см. §12, 43).

Семантема 'огонь' в тавтологических словосочетаниях. На фоне сказанного выше мы выделяем парономастические сочетания с семантемой 'огонь', в которых актант 'огонь' является или прямым или инструментальным объектом. В них обнаруживается корневая связь имени 'огонь' и предиката 'разжигать, разводить, добывать'. Естественно, такое рассмотрение равносильно выдвижению новой этимологии названий огня. Но прежде необходимо сказать о классификации.

Словосочетания с прямым объектом при глаголе, означающем 'жечь, разжигать', распадаются на три следующие группы:

а) 'зажигать, жечь предмет, могущий сгорать' — рус. *жечь дрова, дерево, дом, тело* и т.п.; в и.-е. языках в предикате здесь может выступать одна и та же лексема в каузативном значении 'жечь' и в значении каузированного этим действием процесса 'гореть, сгорать', ср. лит. dègti; объект действия здесь так называемый "синтетический", т.е. "присоединяемый к действию извне", а переходность должна быть охарактеризована как "эффективная", видоизменяющая глубинные, сущностные свойства объекта (ср. классификацию типов переходности [Степанов 1977, 137 сл.] и §32);

б) 'разжигать вместилище огня' — рус. *разжигать печь, очаг, костер, горн* и т.п.; объект здесь также "синтетический", присоединяемый, но переходность "неэффективная", так как объект дей-

ствия лишь затрагивается, но не преобразуется и тем более не создается;

в) 'разжигать, разводить, создавать сам огонь' — рус. *разжигать огонь;* лит. kùrti ugnį 'разводить (букв. творить) огонь', ср. полностью параллельные лит. ugniakurỹs 'человек, возжигающий огонь', ugniãkuras 'место, где возжигают огонь' и скр. agni-kārya '(человек) возжигающий священный огонь'; объект здесь "аналитический", он возникает, выделяется из самого действия, а переходность "эффективная". Именно эти словосочетания интересуют нас в первую очередь.

Др.-гр. πίμπρημι (чаще аор. ἔμπρησε) πυρός (генит.) или πυρί (дат.) 'дуть огнем на...', т.е. 'поджигать'. Ср. πρὶν πυρὶ νῆας ἐνιπρῆσαι (Ил. 14, 47) '(не) прежде чем сожжет корабли'. Глагольный корень πρη- трактуется обычно как имеющий значение 'дуть, вдувать'. Однако, представляется более правильным понимать его значение как 'дуть огнем'. Только так можно объяснить два следующих факта. Во-первых, — значение термина ὁ πρηστήρ, -ῆρος — чаще всего 'огненный вихрь', 'молния' (хотя отмечено и значение без компонента 'огонь' — просто 'вихрь, ураган, смерч'): ὁ νεὼς ἐνεπρήσθη πρηστῆρος ἐμπεσόντος (Xen.) 'храм сгорел (а не 'был сдут') попавшей в него молнией'. В полном соответствии с таким значением корня, πρηστήρ — тавтологическое имя деятеля-инструмента на *-tér, а не деятеля-агенса на *-tor, ср. рус. *бегом бежит, поедом ест, воем воет, огнем горит;* Э. Швицер переводит его "Brenner als Dämon", "демон-сжигатель" [Schwyzer 1968, I, 38]. По поводу имен деятеля-инструмента на *-tér Э. Бенвенист замечает, что этот суффикс означает "агенса", необходимо приспособленного к определенной деятельности по самому своему предназначению, или основному свойству, причем неважно даже, совершается ли эта деятельность или нет; напротив, суффикс *-tor обозначает реального "автора" того или иного конкретного действия [Benveniste 1975, 62]. Это различие, как известно, находит полную параллель в древнеиндийском, где суффикс -tar- с окситонным ударением означает случайные и актуальные отношения между действием и агенсом, в то время как баритонный -tar- означает обычные, предназначенные самим свойством агенса или профессиональные отношения к действию. Это различие отмечается уже у Панини (3, I, 133; 3, 3, 169; 3, 2, 135). Оно сопровождается различием приименных падежей: при окситонном -tar- объект выражается генитивом, при баритонном аккузативом, ср. dātā vásūnām (RV 8, 51, 5) 'податель благ', но dātā vásu (RV 7, 20, 2) 'податель здоровья; тот, кто даровал здоровье' [Wackernagel 1957, II [2], 680 сл.; Gonda 1975, 56]. Это различие, несомненно, стоит в связи с тем, что тавтологическим падежом выступает обычно аккузатив (см. также §41 и сл.).

В греческом πρηστήρ остается необъясненным предсуффиксальное -σ-, возможно, происходящее из сигматического аориста, что еще более подтверждало бы тавтологический, по отношению к предикату, характер этого имени; о том, что имена на -τηρ, -στηρ могут иметь аористное значение, см. [Benveniste 1975, 41]. Во-вторых, об отмеченном нами значении корня πρη- свидетельствует опущение в словосочетании лексемы 'огонь', причем все остающееся выражение, т.е. собственно глагол πίμπρημι продолжает обозначать действие 'поджигания', а

не 'дуновения, дутия', — иными словами, все обстоит здесь так же, как в балто-славянских тавтологических сочетаниях типа *работа работать,* ср.: νῆας ἐνιπρῆσαι (Ил. 13, 319) 'зажечь суда' (так же Ил. 9, 589, 15, 702). Значение 'жечь' в этом глаголе — обычное в ионийско-аттическом диалекте [Chantraine 903].

Таким образом, следует предположить, что в глаголе πίμπρημι и в имени πῦρ один и тот же корень. Поскольку глагол πίμπρημι морфологически в точности параллелен глаголу πίμπλημι, то надо принять для первого те же вариации корня, что и для второго (с различием сонантов): *pr̥-//*per(ə$_2$)-//*prə$_2$-//*preə$_2$-//*prē-. (Ср. [Narten 1969, 155]). Имя πῦρ содержит, вероятно, первый из этих вариантов, являясь, таким образом, на греческой почве уже только корневым именем. Варианты с *-n- — хет. генитив paḫḫuenaš при номинативе paḫḫu(ua)r, гот. fōn при др.-в.-н. fuir, fiur (>Feuer) могут быть не гетероклитическими основами, а разными вариантами одного корня, не связанными с системой склонения и ее гетероклисией, — как в другом корневом имени ὕπαρ 'сон, во сне' при ὕπνος 'сон' [Frisk 1970, II, 966], лат. sopor 'сон' при лит. sãpnas 'то же'. Не вполне ясное прус. panno 'огонь' может отражать или вариант того же корня с *-n- или совсем другой, синонимичный корень, *pl̥-, представленный в рус. *пыл, пламя,* ст.-сл. полѣти 'гореть', палити 'палить, жечь', причем не исключены взаимодействие и контаминация двух корней — *pl̥- (рус. *пыл*) и *pr̥- (гр. πῦρ), ср. параллелизм рус. *полено* лат. prūna 'головня, головешка, обгорелое полено'.

Сербохорв. *пирати, распиривати ватру, огањ* 'раздувать, разводить огонь' является, по-видимому, контаминацией прасл. *pьráti *perǫ 'давить, мять' с гр. πρη- 'раздувать, разжигать' и означало первоначально, вероятно, 'добывать огонь трением'.

И.-е. корень, соответствующий корню в гр. πῦρ вообще отличается очень неясными, нерегулярными аблаутными соотношениями (это же относится и ко второму корню со значением 'огонь' — в рус. *огонь* и т.д.). Это заставляет думать, что он был заимствован индоевропейцами из какого-то неиндоевропейского языка, скорее всего средиземноморского ареала. Все это делает весьма вероятными предположения, что мы находим его и в некоторых других греческих словах, которые самим грекам уже не представлялись связанными с понятием огня. Одно из таких предположений высказал Х. Рона [Rona 1957, 14], возведя греческое (или, возможно, догреческое субстратное) название дуба πρῖνος (Quercus ilex или Quercus ilex coccifera) к корню *pr̥ 'огонь' с и.-е. суффиксом прилагательного *-no- (ср. скр. -ná-, гр. -νός), т.е. дуб — это 'огненное дерево, дерево огня'. Эта этимология поддерживается вполне установленными связями 'дуба' и 'грома' и 'молнии', ср. лат. quercus 'дуб', лит. Perkū̃nas 'Перкун, бог грома и молнии', perkū̃nija 'гроза с молниями', общесл. *Perunъ, др.-рус. Перунъ 'бог грома и молнии' [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 614—615]. Соответственно все эти слова отражают и.-е. корень *pr̥-//*per(ə$_2$)//*prə$_2$- и т.д.

Напрашивается в этой связи и другое предположение, а именно то, что гр. πρύτανις 'властелин, повелитель; пританей — член город-

ского самоуправления', не имеющее этимологии, содержит в первой части тот же корень и является, вероятно, сложенным двух корней со значением 'огонь' и 'держать' (собственно 'тянуть') *pr̥- + *tn̥-, т.е. 'держатель, хранитель огня'. Эта этимология поддерживается соответствием греческого термина и этрусского, с тем же значением, purθ, purθne, eprθni, puruθn, где корень *pr̥- выступает более явно, ср. умбр. pir 'огонь', purom-e 'в огонь'. Другое соответствие — семантический параллелизм: с одной стороны, греч. эпитет Гестии, богини огня и очага, Πρυτανεία· πρυτάνειον 'пританей — место, где собираются и проводят трапезу пританеи, и место, где горят священные огни в честь Гестии'; с другой стороны, лат. ātrium, производное, по-видимому, так же от и.-е. названия огня, ср. ав. ātarš 'огонь', и означавшее ту комнату в доме, где горел очаг, и ту часть в храме богини Весты (соответствующей гр. Гестии), где горели в ее честь священные огни. Предложенную здесь этимологию гр. πρύτανις как 'хранитель (держатель) огня' можно поставить в параллель к новой этимологии авестийского имени основателя зороастрийской религии *Заратустра*, выдвинутой Т.Н. Пахалиной. Согласно этой этимологии, ав. Zaraθuštra представляет собой сложение двух корней — zara- 'огонь' (и.е. *ĝher 'сиять, блестеть', ср. рус. *заря*) и θuš- (др.-иран. *d/t/θ-uš/s-) от корня ав. tay 'мочь', tavah- 'мощь, сила', оформленное суффиксом деятеля. В целом, смысл этого имени может быть истолкован как 'усердный защитник огня' или 'приверженец, поклонник огня' [Pakhalina 1986, 3]. Однако эта этимология кажется слабее обоснованной, чем этимология М. Майрхофера, являющаяся критическим обобщением огромного количества предшествующих работ. Согласно последней, имя основателя религии Zaraθuštra представляет собой композит из uštra 'верблюд' и глагольной основы zara(t)-, что в целом означает "'der Kamele treibt' oder ihnen 'Förderung angedeihen läßt'", т.е. 'тот, кто загоняет верблюдов (в хлев)' или 'тот, кто заботится о верблюдах' [Mayrhofer 1977, 43—53; Mayrhofer, 1977a, §416; Schmitt 1978, 40]. В пользу этой этимологии говорит также то, что такое имя обычно для данного культурного ареала. Но, следует заметить, в пользу этимологии Т.Н. Пахалиной также свидетельствует общее соображение: имя основателя религии воспринимается в народном сознании как отражающее ее существенный признак.

Балт. сочетание 'разводить огонь' — лит. ùgnį kùrti, лтш. uguni kurt, помимо указанного выше значения 'творить огонь', может быть также и тавтологическим, поскольку *kurt- имеет два значения — 1. 'творить, строить', 2. 'разжигать, жечь' [Fraenkel 1962, I, 319]. В таком случае, оба корня — предиката и объекта семантически полностью тождественны. Ср., с одной стороны, лит. kurti, лтш. kurt, рус. *курить*, а с другой стороны, имена объекта: др.-исл. hyrr 'огонь', гот. hauri 'уголь', восходящие к общегерм. *her- из и.-е. *ker(ə) (о последнем: [Макаев 1970, 93]), если только др.-исл. hyrr не является каким-то новообразованием под воздействием др.-исл. furr, fyrr 'огонь' из общегерм. *fūr-i- от и.-е. *pr̥-.

В параллель с рассмотренными оборотами разных языков и прежде всего с гр. πίμπρημι πυρός (πυρί) мы ставим тавтологические славянские словосочетания, прежде всего ст.-сл. гнѣсти, гнѣтити, възгнѣтити огнь 'возжечь огонь' (для сравнения: нетавтологическое сочетание огнемъ жещи 'жечь огнем'). Глагольный корень *gnēt- и именной корень *n̥gn- здесь исконно очень близки, и если исконно не тождественны, то на славянской почве, по-видимому, отождествились. Сблизить эти корни в предшествующем хронологическом срезе мешает наличие -t- в первом из них. Однако в этой связи следует обратить внимание на семантически тождественные ряды форм, в одной из которых -t- отсутствует, в балтийских и германских языках. Ср. герм. gen//gne//knaƀ 'сжимать' [Макаев 1970, 88], прус. *knaip//*knip, лит. gnaibyti//knaibyti 'щипать' и т.д. [Топоров 1984, 89]. С другой стороны, именной корень не имеет ступени -ē-. Однако из многочисленных засвидетельствованных до XV в. др.-рус. прилагательных с суф. *-'ан-(-ен-)* производное от *огонь*, и только оно, имеет вариант с *-ē-* (-ѣ-), ср. *бисьрянъ, вощанъ, мраморянъ, овьсянъ, пѣсчаный, рожанъ, оловянъ, зельянъ, чрепянъ, кожанъ, ледянъ* и т.п., но *огнѣнъ* (*огняныи*) [Зверковская 1986, 60]. Долгий гласный здесь как раз и может объясняться из корня *gnēt-, либо непосредственно, либо опосредованно. В первом случае нужно иметь в виду, что в лексеме 'огонь', кроме основы на -i- (др.-инд. agnih, прасл. ogni̯, лит. ugnis) могла существовать производная основа на *-ei̯-, к которой восходит прилагательное — лат. igneus < *ig-nei̯-os [Бенвенист 1955, 101] и может восходить рус. *огнѣнъ*. Во втором случае, последнее может быть опосредовано глаголом *гнѣсти*, и тогда мы имеем контаминацию страдательного причастия *(o)gnēt-enŭ 'возжен' и прилагательного *ogni-anŭ 'огнен(ный)'. Подобные случаи контаминации в славянских языках нередки, ср. прасл. прилагательное *zelenŭ, др.-рус. *зельянъ, зелен*, которое одновременно является причастием от глагола, сохранившегося в лит. želiù žélti 'зеленеть, расти' [Vaillant 1966, III, 118]. Другое косвенное доказательство приведенной выше этимологии — латышское (вост.-лтш.) guns 'огонь', являющееся, по-видимому, контаминацией латыш. úguns (ср. лит. ugnis) 'огонь' и отглагольного имени от корня и.-е. *gʰu̯en- 'бить, гнать', 'высекать (или: вытирать, добывать трением') огонь' [Blesse 1958, 204]. Слав. корень *gnēt-, не обнаруживаемый прямо в балтийских языках, в таком случае обнаруживается в общебалтийском наименовании янтаря с корнем *gent-//*gint-, лит. giñtaras, лтш. dzintars, ср. семантическое соответствие в нем. Bernstein 'янтарь' из *Brennstein, Brennenstein 'огненный, горящий камень', а также в названии цветка лтш. guntine, guntiņa (Dianthus deltoides) 'огонек'.

Сам корень сл. *gnēt- стоит, возможно, по мнению О.Н. Трубачева [Этимол. сл. слав. яз. 1979, 6, 168], в аблаутном и семантическом соответствии с общесл. *gnesti, *gnětati 'гнести, давить, мять'. Хотя аблаутное соотношение типа gnet-//gnēt- в первичных глагольных корнях (т.е. не в основах gnet-//gnēta-) в славянском довольно необычно, тем не менее в пользу этой этимологии мы можем привести аналогичное, хотя тоже редкое, аблаутное чередование лит.

lekiù lẽkti ‘лечу, лететь’ и семантическое соответствие рус. *веревку перегнетет* [Даль I, 360], где глагол с корнем *гнет-* означает не ‘передавить’, а ‘перетереть’. Таким образом, гнѣсти огнь вполне могло значить первоначально ‘добывать огонь трением’. Полной семантической параллелью к этому является арм. borb(-ok^{c}), диал. berbel ‘зажженный, воспламененный’ из и.-е. *bho-bhr-o- от корня *bher- ‘тереть, резать’ [Джаукян 1983, 9, 54], т.е. ‘зажженный’ здесь первоначально значит ‘вытертый, натертый, добытый трением или сверлением’, ср. от того же корня лат. forō ‘сверлю’, др.-сакс. borôn ‘сверлить’. В литовском имеются и вполне современные тавтологические сочетания: žeĩti žẽria žẽrė//žẽrė ‘грести, выгребать’ — žarijos ‘горячие угли в печи’ — žerti žarijas, при наличии глагола žeréti ‘блестеть, сиять’; žiebk žiburį! ‘зажги свет!’, а глагол žiẽbia žiẽbė žiẽbti является как переходным ‘зажечь’, так и непереходным ‘блестеть, сиять’, и переходно-непереходным ‘светить, осветить’ (Būga 1959, II, 470, 477) (ср. также выше о žaĩbas ‘молния’).

С другой стороны, необходимо поставить в параллель с гнѣсти, гнѣтити другой ряд глаголов — рус. диал. неперех. *знять* ‘тлеть, гореть без пламени’ и перех., каузат. *зноить*, более др. *знѣять* [Даль I, 690] и сущ. *зной*. Этот ряд, а также ст.-сл. възнѣтити рядом с възгнѣтити, указывают на то, что корень *gnēt- имел в праславянском вариант со щелевым, — возможно, явление сатэмной природы. Гр. χνίει ‘грызть, глодать’, часто сопоставляемое со сл. *гнет-* [Этим. сл. слав. яз. 6, 168], при указанной семантической связи скорее является параллелью не последнему, а к рус. корню со щелевым *зн-*, ср. также аблаутный параллелизм рус. *знять*:*зной*= гр. χνίει:χνόη (χνοίη) ‘ступица колеса, ось (то, что трется)’, а также χνόος (χνοῦς) ‘пыль, пена, пушок’ — результат трения, как *зной* — результат *знияния*.

Изложенный здесь, а также в разделе об activa tantum (§6) материал заставляет предположить существование в протоиндоевропейском языке особых глагольно-именных тавтологических сочетаний-синтагм, с невычлененной формой объекта или субъекта. Семантика таких сочетаний сводилась, по-видимому, к обозначению стихий, типа (*Гром*) *гремит; Разжигать* (*огонь*). Можно также предположить, что эти словосочетания распределялись в языке по двум классам. В одном классе, соответствующем II (активному) типу предложений (§6), имя стихии занимало позицию субъектного или инструментального актанта при глаголе того же корня — *Ветер* (или: *Ветром*) *веет; Гром гремит*. В другом классе, соответствующем предложениям III типа, имя стихии занимало позицию ближайшего объекта также при глаголе того же корня, — иными словами, преобладающими были синтагмы типа ‘воевать войну’, ‘разжигать огонь’, ‘разливать воду’ с эффективной переходностью и ”аналитическим” прямым объектом (а не синтагмы типа ‘разжигать костер, печку’ с неэффективной переходностью и ”синтетическим” прямым объектом). Можно также предположить, что из тавтологических сочетаний, соответствующих II (активному) типу предложений, извлекались имена стихий ”активного” класса — ‘Ветер’ из ‘Веет’; ‘Вода (текущее)’ как активное начало из ‘Течет, ”воднится”’ и т.п., в то время как из сочетаний III типа предложений ‘Человек добывает огонь’ извлекались имена стихий ”неактивного” класса: ‘огонь’ как ‘возжённое’, ‘ветер’ как ‘подутое’ и т.п.

Возможно, однако, что номинализации второго типа (‘огонь’ как ‘возженное’, ‘ветер’ как ‘подутое’) были первичными и имена стихий первоначально были обычными именами ”вещей”, и лишь впоследствии, в зависимости от языковой ”картины мира”, ”языковой идеологии” (например, в силу отождествления с божествами), некоторые из них переходили в разряд ”активных сущностей” (из новых данных см. [Толстой, Толстая, 1978, 377]).

§11. Типологические параллели к изложенным индоевропейским фактам дают многие североамериканоиндейские языки, в особенности те из них, которые несут черты активного строя, а также некоторые языки других ареалов. Мы имеем в виду , главным образом, две черты строя этих языков: 1) инкорпорацию, 2) преобладание глагольных понятий над именными. Эти черты взаимосвязаны.

1) Инкорпорация заключается в том, что именная основа, обычно указывающая не на агенса, а на пациенса (ср. положение объекта в рассмотренных и.-е. примерах), инструмент или место действия, соединяется с глагольной основой, образуя как бы производный глагол, например в канджобал (группа майя): š-at-lo-w-i pan: š (прошедшее время) — at (2-й абсолютив) — lo (‘есть’) — w (суффикс) — i (суффиқс) pan (‘хлеб’) — ‘you bread-ate’, ‘ ты ел хлеб’. Инкорпорация существует далеко не во всех североамериканоиндейских языках, и, с другой стороны, представлена во многих других языках за пределами этого ареала.

2) Преобладание глагольных понятий над именными является яркой чертой североамериканоиндейских языков. Ср. например, в мохаук (Mohawk): Khiahatkátho? — kéntsion — éh — ratiià:ti, kentsi:io... ‘There he looked — fish — there — they body be in, fish were nice...’ ‘он посмотрел и увидел рыб там, рыбы были хорошие...’. — В начале имя -(i)-tsi- ‘fish, рыба’ выступает как свободная основа, поскольку несет новую информацию, но затем инкорпорируется в глагол kentsi: io ‘it fish nice. is’, ‘рыба хороша’ [Mithun 1986, 16—17].

Автор только что процитированной работы, специалист по североамериканоиндейским языкам Марианна Митун, с которой мы обсуждали этот вопрос, также считает, что отмеченный нами тип и.-е. словосочетаний ”гнѣтити огнь” имеет много общего с указанными чертами североамериканоиндейского типа предложения.

Итак, завершая эти параграфы, можно, кажется, сказать, что в лексемах, выражающих понятия ‘вода’, ‘огонь’ и т.п., нет различий в сочетаемости и вхождениях в предложение; к какому бы классу лексем — предполагаемому активному или предполагаемому неактивному эти лексемы ни принадлежали, в предложении и словосочетании они ведут себя одинаково. Поэтому этот материал не может служить аргументом в пользу положения о том, что протоиндоевропейский язык был языком активного строя.

Напротив, таким аргументом может служить обнаруживающийся специфический тип вхождений этих лексем (равно как предполагаемого активного, так и предполагаемого неактивного класса) в тавтологические словосочетания, типологически напоминающие синтагмы языков активного строя.

§12. Хеттские производные имена на *-ant* общего, т.е. одушевленного, рода, производные от имен среднего, неодушевленного, рода, были глобально описаны Э. Ларошем [Laroche 1962]. В хеттском языке имена среднего рода могут быть субъектами непереходных глаголов и объектами переходных, но не субъектами переходных. Производные на *-ant* выступают как раз в этой последней функции. Установив эту функцию имен на *-ant*, Э. Ларош определил их как аналог эргативного падежа неиндоевропейских языков. Также [Tchekoff 1978]. Э. Бенвенист [Benveniste 1962], напротив, определил указанные имена как факт лексики — как создание специальной группы терминов ритуального словаря, означающих возведение материальных объектов, "вещей", в ранг активных сил. В соответствии с гипотезой об активном строе протоиндоевропейского языка, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов рассматривают эти хеттские имена как непосредственное отражение древнейшего способа образования от общего глагольного корня имен активного класса (с суффиксом *-ont[h], противопоставленных именам неактивного класса (с суффиксом *-r). В дальнейшем, первый тип образований дал в и.-е. языках активные причастия на *-nt*, в то время как в хеттском он превратился в "структурно-синтаксический актив", т.е. в способ преобразования инактивных имен в активные для синтаксических целей — для построения предложений V типа (по нашей классификации). Например: средний род (т.е. исконно неактивный класс) ǧatar (род. п. ǧetenaš) 'вода' → общий род (исконно активный класс) ǧetenant- 'вода как активное начало', субъект при переходном глаголе: kuedani-ua uddani uganum numu TÚL-anza punušdu gitenanza 'по какому-де делу я пришел, пусть меня источник спрашивает (и) вода'; так же: ešḫar (род. п. ešḫanaš) 'кровь' → ešḫanant- 'кровь как акт.', субъект перех. гл. ešḫananza ešḫanas ihan karapzi 'кровь снимает болезнь крови' и т.п. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 302—304].

Наша точка зрения отличается от точки зрения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова лишь тем, что мы не видим особых оснований приписывать образованиям на *-ant* столь глубокую древность, т.е. возводить их показатели к показателям первоначального активного класса. Мы рассматриваем их как "извлечения из предикатов", номинализации предикатов, осуществленные посредством показателя активного причастия на *-ant* от глагольных корней общей (т.е. не переходной) семантики. Кроме общего фона — наличия тавтологических сочетаний, обрисованного в §11, можно привести еще следующие аргументы:

Морфологические и синтаксические аргументы. Э. Бенвенист обратил внимание на то, что среди хеттских производных на *-ant* имеется компактная группа из трех названий времен года

(сколько их выделялось в мире хеттов), которые имеют параллели в древнеиндийском: хет. hameš̆hant- 'весна', др.-инд. vasantá- 'то же'; хет. gimmant 'зима', др.-инд. hemantá- 'то же', хет. zenant- 'осень'; эта группа — древнейшая, ядро всех дальнейших хеттских образований на *ant* [Benveniste 1962, 48—49]. Благодаря первоначальной оппозиции создались пропорциональные ряды: gima-: gimmant-, zena-: zenant-, hameš̆ha-: hameš̆hant-, и далее ǧatar-//ǧeten-: ǧetenant- 'вода', kalulupa-: kalulupant- 'палец', udne-: udneyant 'страна, люди', и т.д. Смысл первоначальной оппозиции трактуется по-разному. Э. Бенвенист видит в ней противопоставление общего обозначения времени года — обозначению индивидуализированному, приблизительно, как во фр. jour: journée или в рус. *зимой* (вообще): *в данную* (*эту*) *зиму*. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов находят здесь оппозицию неактивного класса — активному.

Мы видим здесь противопоставление немодифицированной (общей) именной основы — модицифированной. Этому соответствуют синтаксические функции: немодифицированная основа выступает в значении — обстоятельство времени и имеет в наиболее древних позициях — в словосложении только формы аккузатива-номинатива, или, что то же самое, не имеет формы падежа, четко противопоставленной другим падежам: др.-инд. vasar 'весной', или 'утром', vasar-hán 'бьющий утром', т.е. 'поражающий на рассвете демонов ночи'; гр. ἔαρ 'весной' или 'утром', ἔαρ γενόμενον 'весной рожденное' при обычном ἔαρι или ἔαρος. Такие же формы имеют и другие именные "извлечения" из тавтологических предикатов, рассмотренные в § 10, например: гр. ὄναρ 'сон' и 'во сне', ὕπαρ 'явь' и 'наяву', др.-инд. ud-a 'вода' — только как первая часть субстантивного или вторая часть адъективного сложения [Macdonell 1969, 50] при глаголе unát-ti, und-ánti (VII кл., актив.) с переходом в VI кл. undáti 'растекается водой', и т.п. Неизменяемости, в сущности "внепадежности" этих греческих и древнеиндийских слов в определенной мере соответствует отсутствие в хеттских текстах форм номинатива и аккузатива от первичных лексем 'весна', 'зима' типа *hameš̆has, *gimas и т.д. [Laroche 1962, 36].

Семантические и типологические аргументы. Наиболее отчетливой параллелью к явлениям языков активного строя служат не вообще все хеттские образования на *-ant*, хотя бы и взятые в их противопоставлении к именам неактивного класса, и не само это противопоставление, а именно обозначения времен года. Сходство между описаниями семантики и синтаксического употребления этих форм в хеттском, данными такими тонкими исследователями, как Э. Ларош и Э. Бенвенист, с одной стороны, и описаниями тех же понятий в американоиндейском языке хопи, сделанное не менее тонким наблюдателем Б.Л. Уорфом, с другой, просто поражает. Чтобы передать это ощущение поразительного сходства, приведем соответствующие описания полностью, напомнив, что хеттские образования на *-ant* по существу являются причастиями, чем-то вроде рус. "веснящееся" и т.п.

Э. Ларош [Там же, 36]: "В отличие от одушевленных имен на *-ant*, произведенных от слов среднего рода, номинативы на *-ant* от названий времен года служат подлежащими непереходных глаголов или

именных предложений: man ḫameš̌ḫanza 'если весна'... Никакой оттенок "коллективности, собирательности" (свойственный другим образованиям на *-ant.* — *Ю.С.*) здесь не присутствует".

Э. Бенвенист [Benveniste 1962, 49]: "Формы без суффиксов появляются в наречных выражениях со значением локализации: "весной", "осенью", "зимой". Напротив, формы на *-ant* обозначают время года как индивидуальный отрезок времени, имеющий свое начало, свою протяженность и свой конец, отмеченный лишь ему свойственными церемониями и празднествами...: kuilman ḫameš̌ḫanza 'так долго, пока будет весна'" и т.д.

Б.Л. Уорф о языке хопи (1939 г.) [Уорф 1960, 146—147]: «В хопи все "временные" термины, подобные англ. summer, morning и др., представляют собой не существительные, а особые формы наречий, если употреблять терминологию "среднеевропейского стандарта". Такое наречие имеет значение when it's morning 'когда утро' или while morning-phase is occurring 'когда период утра происходит'. Эти "temporals", "временные наречия" не употребляются ни как подлежащие, ни как дополнения, ни в какой-либо другой функции существительного. Нельзя сказать it's a hot summer '(нынче) жаркое лето' или summer is hot 'лето — жаркое'; лето не может быть жарким, лето — это период, когда погода теплая, когда наступает жара. Нельзя сказать this summer 'этим летом'. Следует сказать summer now 'лето теперь' или summer recently 'лето недавно'...».

Глава II

СОГЛАСОВАНИЕ НА ДЛИНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 13. Согласование на всей длине предложения, в отличие от "короткого согласования" в пределах синтагмы (например, прилагательного с существительным в роде, числе), является очень важной, быть может самой важной, чертой, обусловливающей формальное единство предложения. На это явление синтаксисты давно обращали внимание. Уже в классической работе Ф.Е. Корша [1878] было предложено типологически существенное разделение языков на две группы: 1) языки, соединяющие части сложного предложения преимущественно посредством указательных слов (типа германских, ср. англ. that), 2) языки, использующие для этой цели преимущественно вопросительные-относительные слова (типа латинского и славянских, ср. рус. *который, что* и т.п. В русле этих идей были описаны связи с "нулевым" показателем (типа рус. *Иди к дому, под горой стоит* 'который под горой стоит' [Потебня 1968]; связи через общий член, "апокойну" [Ярцева 1940] и др.

Однако лишь в последние годы стал выясняться универсальный принцип "длинного согласования", действующего на основе категорий определенности / неопределенности, референции, анафоры и т.д., а также роль частиц в этой функции (см. цикл работ Ф. Бадер [Bader 1973; 1975; 1975a; 1976; 1982], работы [Шеворошкин 1967, 46; Лекомцева 1979; Иванов 1979; Борисова 1982; Николаева 1985] и др.). В книге И.М. Богуславского [1985] было показано, что логические слова, в том числе частицы, имеют градуированные по длине (в предложении) сферы действия. Исследовалась также (в частности, автором этих строк) функция локализации в связи "с длинным согласованием". Все это позволяет теперь поставить проблему согласования в более общей форме.

Понятие согласования в неявном виде присутствует уже в данном выше описании главных типов индоевропейского предложения. Поскольку эти типы устанавливаются на основе сочетаемости имени определенного класса с глаголом соответствующего класса, постольку, очевидно, между именем и глаголом, сочетавшимися в рамках предложения, есть определенное смысловое соответствие, свое в каждом типе (например, "активность", "неактивность"). Это соответствие — семантическое, и описание главных типов предложений — в целом область семантики. Поэтому "длинный компонент" предложения в этом смысле мы назвали семантическим [Степанов 1981, 257]. Согласование, основанное на соответствии, гармонии, между именными и глагольными классами, следует назвать семантическим.

Основанием семантического согласования в конечном счете является соотнесенность предиката и актантов предложения с внеязыковыми сущностями, — причем актанты соотносятся с объектами, а предикаты с признаками и отношениями тех же самых объектов. Таким образом, имеется тесная связь между семантическим согласованием внутри предложения и его референцией к внешнему миру. В сущности, семантическое согласование и внешняя референция — одно и то же явление в двух разновидностях. Как мы попытаемся ниже показать, имеется также попарная связь между другими (не семантическими) видами согласования и другими видами референции.

Существует и другой вид согласования, лежащий целиком в сфере синтактики, который следует назвать поэтому синтаксическим, или, лучше, синтактическим. Примером его может служить согласование посредством так называемых относительных слов типа рус. *который*, англ. which, what и т.п., а также посредством разного рода анафор типа и.-е. *уо. Конечно, синтактическое согласование не лишено какой-то семантики, но она, во всяком случае, не заключается в прямой соотнесенности с объектами внешнего мира. Этот вид согласования, как и предыдущий, связан с некоторыми типами референции, прежде всего с кореференцией.

Наконец, помимо семантического и синтактического согласования, существует и третий его вид — согласование локационное (локация). Оно основано на соотнесении высказывания и/или его отдельных элементов с участниками акта речи — 'я', 'ты', 'он' и, через них, с временем и местом речи. Этот вид согласования, как и указанные выше, тоже связан с одним специальным видом референции, а именно — референции к лицам-участникам акта речи.

Изложенные здесь представления о согласовании основаны на двух идеях. Во-первых, на положении о том, что имеются три основные функции языка — номинация (основа семантики), предикация (основа синтактики), локация (основа референции) [Степанов 1973; *Степанов 1975*, §§ 49—52]. Во-вторых, на идее о том, что согласование и референция (см. гл. III) — две стороны, две языковые ипостаси одного и того же свойства языка, относящегося к числу его фундаментальных свойств, или принципов его организации.

Теперь необходимо поставить вопрос: какова форма длинного компонента, т.е. форма согласования в индоевропейском предложении?

Если оставаться в ограниченной области семантики, т.е., скажем, в рамках материала первой главы, то создается впечатление, что форма семантического согласования или семантического длинного компонента непосредственно не наблюдаема, что она — чистая грамматическая условность (правило) данного языка. Говорящий (и лингвист) знает, что имена активного класса должны сочетаться с глаголами активного класса, но между показателями имен и показателями глаголов нет никакого формального сходства, — одни морфологически ничем не напоминают другие. Классы имен и классы глаголов в этому случае предстают перед исследователем как "информационно независимые" друг от друга (термин Я. Хинтикки). Действительно,

в современных индоевропейских языках почти по всех видах предложений дело обстоит так. *Камень лежит* и *Человек лежит* (§ 1) внешне ничем не обнаруживают различий в своих длинных компонентах. Этим современные индоевропейские языки коренным образом отличаются от языков с согласовательными классами имен, например, от банту. Там определенный показатель, обычно префикс, означает определенный класс имен и одновременно, распространяясь от этого имени — если оно употреблено в роли подлежащего — на все предложение, обеспечивает его согласование. Ср. в суахили: pa-hali ha-pa pa-dogo pa-zuri pa-ni-pendeza 'это маленькое красивое место мне нравится', где pa- — префикс класса имен, обозначающих различные места. Таким образом, согласование в банту строится на основе семантики.

Языки активного строя в отношении формы согласования занимают промежуточную позицию между языками классного строя типа банту и языками такого строя, как современные индоевропейские. Классы активных и неактивных имен, равно как и активных и неактивных (стативных) глаголов, здесь лишены собственных показателей, но их принадлежность к определенному лексическому классу или подклассу (число последних может быть очень большим) выявляется в предложении и формально — через показатели, приобретаемые там данным именем и глаголом. В языках активного строя, в которых имеется две — активная и неактивная серии личных показателей глагола, — отмечает Г.А. Климов [1977, 117], — всегда есть возможность определить подлежащее активного типа предложения: им является имя, соотносящееся с активным личным суффиксом глагола-сказуемого. Напротив, неактивный личный аффикс в составе словоформы активного глагола-сказуемого соотносится с дополнением-объектом (либо ближайшее дополнение-объект инкорпорируется в группу сказуемого без всякого показателя). Эта конструкция — с показателями одновременно как бы субъектного (ориентированного на субъект, нецентробежного) спряжения и объектного (ориентированного на объект, центробежного) спряжения — и является формой "длинного компонента" в языках активного строя.

Современные индоевропейские языки, как уже было отмечено выше, в сфере семантического согласования вообще кажутся аморфными, поскольку форма семантического согласования между предикатом и его актантами почти не знает ограничений и основана на чистой грамматической условности вроде того, что (если, разумеется, исключить метафоры) в русском языке невозможно **Я смеркаюсь*, в английском *I am raining, и т.п. Тем не менее эта условность в прошлом носила более определенный характер. Ниже (§ 14) мы приведем развернутый пример.

Однако индоевропейская техника согласования отлична от техники активного и классного строя. Согласовательным показателем выступает не собственный показатель глагола или актанта, как в активных языках, и тем более не показатель класса имени, как в классных языках, а какая-либо внешняя и глаголу и имени частица (типа лат. dum — и.-е. *-dm̥-, возвратной балто-слав. -si — и.-е. *seu̯ и т.п.

см. §§ 14, 25, 27). Это заставляет предположить, что способ согласования, аналогичный способу активного строя (субъектное и объектное спряжение), в индоевропейских языках является лишь частным случаем, приспособленным к какой-то иной, более общей согласовательной технике (или, напротив, приспособившим ее к себе). Эта более общая, типично индоевропейская техника согласования носит синтактический характер и должна быть рассмотрена отдельно.

Ею является просто повтор одного и того же морфологического элемента, что довольно похоже на соответствующее явление в языках банту. Однако здесь природа этого элемента неважна: им может быть морфема-флексия, предлог-преверб, частица, местоимение или, наконец, полнозначное слово — актант предложения. Для осуществления согласования важно лишь, чтобы этот элемент повторялся в разных частях предложения — в группе субъекта и в группе предиката; в группе собственно имени и в группе его определения; в протасисе и в аподосисе сложного предложения, и т.д. Таким образом, элементарная синтактическая форма согласования носит действительно элементарный — изобразительный, иконический — характер. Примером (редким) в современном английском языке могут служить такие случаи, как in-cut in... 'врезать нечто в нечто' при простом глаголе to cut 'резать'. В латинском — обычное согласование имени существительного с прилагательным: hort-us bon-us 'хороший сад', puell-a bon-a 'хорошая девушка', pom-um bon-um 'хорошее яблоко'. В русском, помимо такого же согласования, как в латинском, — еще и повтор предлога-преверба: ***на**-лететь **на** столб, **под**-прыгнуть **под** потолок, **с**-бежать **с** горы*, и т.п. Литовский, как и русский, показывает прямое возникновение несогласованного глагольного управления, т.е. чисто условного отношения между глаголом и управляемым падежом, из отношения мотивированного — из согласования: рус. ***под**-прыгнуть **под** потолок ⇒ под-прыгнуть **к** потолку, **с**-бежать **с** горы, **со** склона ⇒ **с**-бежать **под** гору, **по** склону*; лит. ap-eiti namą = ap-eiti apie namą 'обойти дом', per-eiti kelią = per-eiti per kelią 'перейти через дорогу', pri-važiuoti mišką = pri-važiuoti prie miško 'подъехать к лесу', и т.п. В греческом в синтагме со значением 'зачать; родить ребенка от кого-л.' предлог-преверб ὑπό 'от' может стоять как при имени, так и при глаголе; при имени: Εὔμελος, τὸν ὑπ' Ἀδμήτῳ τέκε... // Ἄλκηστις (Ил. 2, 714) 'Эвмел, которого Алкестида родила от Адмета' (аналогично Ил. 2, 728); при глаголе: ἡ δ' ὑποκυσαμήνη Πελίην τέκε (Од. 11, 254) 'она же, зачав, родила Пелия'. Это заставляет реконструировать синтагму с повтором преверба-предлога типа* ὑπο-κυῆσαι ὑπό τινι, структурно аналогичную приведенным выше балто-славянским. В ведийском языке отделение преверба от глагола — нормальное явление и приблизительно в трети всех случаев сводится одновременно к повтору преверба как средству связи фраз, типа ā́ no gatam, ā́ no yāhi 'к нам выйдя, к нам приди' или ā́ ródasi aprṇad ā́ svàr mahàt (RV III, 2, 7) 'оно заполняло оба мира, обширное небо', повтор может доходить до четырех (RV VIII, 7, 17 и др.) и до десяти раз (RV IX, 65, 28—30) [Renou 1933, 52—57].

Изменяя свою позицию в предложении, такой отделяемый элемент

включается в разные парадигматические классы (разные "части речи"), однако его закрепление в том или ином классе является, очевидно, позднейшим. Примером может служить частица *per, возникающая в разных синтаксических позициях, то как энклитика, то как предлог-преверб, хорошо обследованная М. Лейманом [Leumann 1959, 49—54] (хотя нельзя согласиться, что это два различных и.-е. слова). Как энклитика с усилительным значением: лат. paulisper 'только немного' отвечает гр. μίνυνθα περ (Ил. 1, 416); parumper 'на (или: в) короткое время' отвечает гр. ὀλίγον περ (Ил. 11, 391); nūper 'недавно' отвечает гр. νύ περ; quod saepe evenit (Cic. De orat. I, 56); nam per iniurium siet (Cato. Or. fragm. 21). Как проклитика-преверб с тем же усилительным значением: лат. visne... domi opperiamur? :: immo per-cupio (Ter. Eun. 896) '... *очень желаю*'; me per-velim sepultam (Pl. Curc. 104) '... очень хочу...'. Ввиду такого разнообразия позиций, возможных для лат. per (что, несомненно, отражает индоевропейское состояние), эта частица может появляться в разных позициях одновременно, т.е. выступать в роли согласовательного элемента: id mihi per-gratum per-que iucundum (Cic. Ad Q. fragm. 3, I, 12) 'это мне и весьма приятно и весьма радостно'; per mihi, per inquam gratum feceris (Cic. Att. I, 20, 17) 'весьма мне, весьма, говорю, приятное сделаешь'.

Помимо повторов частиц, широко распространен также повтор полнозначных слов — актантов предложения, буквальный или посредством синонима (парономазия). Этот тип повтора обычно служит связи не внутри, а вне простого предложения, соединяя несколько простых в одно сложное. Ср. гомер. на границе двух стихов ἅ τε παρθένος ἠΐθεός τε / παρθένος ἠΐθεός τ' ἀρίζετον (Ил. 22, 127) 'Нет, не время теперь с зеленого дуба иль с камня / Нам с ним беседовать мирно, как юноше с сельскою девой. / Юноша, с сельскою девою свидясь, беседуют мирно...', — что отмечено Э. Швицером среди аттических архаизмов [Schwyzer 1940, 6]; ср. также в русском аналогичные фольклорные повторы и повторы как синтаксическое средство в деловой письменности: *Буде по списку тѣ люди объявятся... и тѣхъ людей имать* (документ 1649 г., [Черных 1952, 278]), и т.п. В этой разновидности индоевропейский повтор сливается с повтором как универсальным синтаксическим средством связи, представленным в языках разных семей.

Согласование локационное с чисто внешней стороны формы проявляется, как и во всех видах согласования, в повторе некоторых элементов в разных частях предложения. Но повторяющиеся индексы здесь — это указатели места и времени высказывания: "я — здесь — сейчас", "ты — тут — теперь", "он — там — тогда", т.е. различный дейксисы. В современных индоевропейских языках повторяющимся элементом обычно служат разнородные члены синонимического ряда, например, 'я' в группе субъекта + морфемы 1 л. и настоящего времени в глаголе-предикате + 'здесь' в группе обстоятельства места + + 'сейчас' в группе обстоятельства времени. В древних индоевропейских языках повторяющимся элементом часто является какая-либо специальная дейктическая частица. Примером может служить сербское предложение-формула *ево мени, ето теби, ено њему* 'это мне, это

тебе, это ему', где каждое из трех различных 'это' согласуется с соответственным лицом — 1, 2 или 3, и по значению и по происхождению: и.-е. элементы 1. *-v-//-m, 2. *-t-, 3. *-n-`-- дейксисы трех лиц-участников акта речи.

Поскольку в синтактическом согласовании и в локационном согласовании участвуют одни и те же морфологические элементы — частицы, эти два вида согласования недостаточно различались. Между тем их различение, существенное само по себе, к тому же, на наш взгляд, помогает решить некоторые проблемы реконструкции. Ограничимся здесь одним примером. Общекельтская перфективирующая глагольная приставка *ro- (ирл. ro-) возводится обычно к и.-е. *pro-. И.-е. преверб-предлог *pro- означает 'движение от какого-л. предмета вперед, с отрывом от него' или 'нахождение в такой позиции'. Тем самым перфективация кельтского типа автоматически подводится под категорию той же природы, что и славянская перфективация типа рус. ***про**-слышать **про** это* 'услышать, узнать об этом', ***про**-бежать через ворота*, где преверб *про-* семантически дублирует предлог ***через***, и т.п., — т.е. подводится под семантическое согласование. При этом остается необъяснимым целый ряд кельтских явлений, таких как наличие глаголов ментальных процессов с ro- (ирл. ro-fitir 'он знает', ro-lamethar 'он осмеливается' и т.п.), как "перфектно-презентные обычные действия" ('что-л. совершается всегда, обычно'), в выражении которых часто также появляется *ro-; наконец, необъяснима связь кельтской перфективации с медиальным залогом и его показателем -r и параллелизм с соответствующими латинскими фактами.

Все это становится ясным, если принять и второй источник кельтского *ro-, а именно и.-е. дейктическую частицу *re-//*ro-, аналогичную лат. re- и означающую 'снова сюда, назад, к тому, кто говорит, к субъекту речи или действия'. Многие соответствующие явления, и, возможно, сама медиальная флексия *-r*, получают при этом объяснение как явления локационного согласования, — повтора дейктического, локационного показателя на протяжении предложения (см. § 19).

Однако наряду с различением синтактического и локационного согласований (что во всяком случае должно быть методологическим принципом) необходимо постоянно иметь в виду "склеивание", "пучки" согласовательных элементов разного типа в одной и той же синтагме — своеобразное явление и.-е. языков, уже отмеченное в разных примерах выше. Один типичный случай указан Э. Швицером как синтаксический архаизм древнегреческого языка: αἰνόθεν αἰνῶς (Ил. 7, 97) 'ужасно-преужасно', οἰόθεν οἷος (Ил. 7, 39; 7, 226) 'один-одинешенек', где -θεν — морфема локатива [Schwyzer 1940, 6]. Своеобразие этих синтагм состоит в том, что семантическое согласование — повтор корня сопровождается согласованием локационным — введением морфемы локатива. Отмечено аналогичное склеивание основ имен существительных, обозначающих части тела, с локативной частицей и.-е. *-d-, приводящее к появлению предлогов. Сл. *per-dъ 'перед', *ser-da 'середина' и т.п. являются, по-видимому, своеобразными "служебными

именами", сходными с др.-хет. kitkar 'голова' в конструкции: LUGAL-aš SAL. LUGAL-[aš-]ša ki-it-kar-ša-me-et (II 41 сл.; IV 21) 'к их головам, царя и царицы'; (a)iš 'рот': iššaz-mit 'из их рта' (I, 18); гр. гомер. ἐπὶ κάρ 'стремглав, букв. головой вперед', где κάρ тождественно хет. (kit)kar [Иванов 1973, 53].

Далее в этой главе (II) мы рассмотрим явления семантического, а затем синтактического согласования, в той мере, в какой их можно выделить в более или менее чистом виде (в действительности они почти всегда осложнены семантикой). В следующей главе (III), отведенной референции, мы затронем согласование, осложненное дейксисом, локацией и другими видами референции. Во всех случаях в центре нашего внимания будут частицы, а также, в меньшей степени, предлоги-превербы.

§ 14. В протобалто-славянском (подробнее в гл. V) существовало два типа синтагм или простых предложений: о д и н тип состоял из сочетания одушевленного имени с глаголом соответствующей, "одушевленной" диатезы, иными словами, через все сочетание проходил "длинный" семантический компонент "одушевленность"; в т о р о й тип состоял из сочетания неодушевленного имени с "неодушевленной" диатезой, т.е. "длинным" семантическим компонентом была "неодушевленность". На определенном, позднейшем этапе происходит расподобление синтагмы, утрата семантического согласования имени и глагола, "прерывание" "длинного компонента". Это преобразование происходило двумя путями. При одном пути (славянском) семантический компонент "одушевленность/неодушевленность" сосредоточился в имени, а глагол освободился от этого компонента. В результате создалась лексико-семантическая группировка имен на одушевленные и неодушевленные, в то время как глагол утратил различие "одушевленной" и "неодушевленной" диатез. При втором пути (балтийском) семантический компонент "одушевленность/неодушевленность" сосредоточился в глаголе. В результате создалось противопоставление глаголов по категории "одушевленная, или активная" диатеза (позднее развившаяся в переходно-каузативную) — "неодушевленная" диатеза (позднее развившаяся в непереходную), различие же "одушевленности/неодушевленности" в балтийском имени было утрачено.

Славянский глагол, освобожденный от семы "одушевленности/неодушевленности", получил возможность сочетаться с различными субъектами, не изменяя своей формы, следствием чего было появление новых, "метафорических" типов синтагм (простых предложений), в которых одушевленное имя сочетается с "неодушевленным" по происхождению глаголом (типа *Дама тает; Я весь похолодел* и т.п.), и, напротив, неодушевленное имя сочетается с "одушевленным" по происхождению глаголом (типа *Солнце садится; Море смеется* и т.п.). В балтийском такую же возможность получило имя, освобожденное от семы "одушевленность/неодушевленность", вследствие чего создались два аналогичных "метафорических" типа высказываний. Отсюда следует, что высказывания с семантической структурой типа 'Нечто неодушевленное действует активно' и 'Некто

одушевленный действует пассивно (замыкает действие в самом себе)' в обоих языках являются метафорически производными. Свидетельством первого служит существование более старого типа *Молнией зажгло сарай* рядом с более новым *Молния зажгла сарай*. Свидетельством второго является производный характер "активно возвратных глаголов" — позднейшая подстройка частицы *-ся*: *Человек поднимается, моется* и т.п., лит. Žmogus keliasi, plaunasi. В соответствии с русскими глаголами типа *подниматься* стоят по два литовских: keltis — при одушевленном субъекте, более новый, и kilti — при неодушевленном, более старый, рус. *Человек поднимается, Буря поднимается* — лит. Žmogus keliasi, Pūga kyla.

Если использовать литовские формы, сохранившие более четкие, аблаутные противопоставления, то развитие можно резюмировать следующим образом. Первичные балто.-сл. типы простого предложения: I тип 'Нечто неодушевленное пассивно действует (замыкает действие в самом себе)' — основы типа link-; II тип 'Некто одушевленный активно действует на объект' — основы типа lenk-. Вторичные типы после утраты семантического согласования между именем и глаголом: IIа тип (формально тождественный II) 'Некто одушевленный активно действует на объект' — lenkti lenkia 'гнет нечто'; IIб тип 'Некто одушевленный пассивно действует (замыкает действие в самом себе)' — lenktis lenkiasi 'гнется'; Iа тип (формально тождественный I) 'Нечто неодушевленное пассивно действует (замыкает действие в самом себе)' — linkti linksta 'гнется'; Iб тип смешанный 'Некто одушевленный действует подобно неодушевленному' или 'Нечто неодушевленное действует подобно одушевленному' — от основы типа I linkėti linki 'Некто кланяется, выражает пожелания'; так же byrėti, birenti (при berti — birti), skylėti (при skelti — skilti) и т.п. (Материал, из которого следует приведенный выше вывод, подробно рассматривается здесь в гл. V.)

В еще более глубинной реконструкции, чем та, которой позволяет достичь балто-славянский материал, обнаруживается, по-видимому, значительно более выраженная форма семантического согласования, поскольку показатели предиката и имен-актантов, по крайней мере некоторые, оказываются одними и теми же. Одно из проявлений этой связи установлено в реконструкции Э. Лароша. Согласно этой реконструкции, в анатолийской системе (в хеттском и лувийском языках) в глаголе имелось различение реального и виртуального действий — первое с показателем -i (в серии форм презенса), второе с -u (в серии форм претерита и императива), в то время как в отглагольных именах (с показателем -t-) это различение отсутствовало. В индоевропейской системе, отражающей более позднее состояние, напротив, образовалось противопоставление имен реального и виртуального действия, и сюда перешли указанные, бывшие ранее глагольными, показатели, ср., например, инфинитивы на *-ti и супины на *-tu, между тем как соответствующее противопоставление в глаголе было полностью утрачено [Laroche 1975, 345].

§ 15. Следы архаического синтаксического согласования (типа согласования языков активного строя) индоевропейских I и II типов предложений обнаруживаются в латинском языке в косвенной речи. Общая причина такой сохранности заключается в особенностях латинской косвенной речи, синтаксического явления, получившего столь большое развитие именно в этом языке. Оно основано на конструкции, известной под названием accusativus cum infinitivo — "винительный падеж с инфинитивом", когда субъект зависимого предложения приобретает форму аккузатива и тем самым перестает отличаться от объекта. Поэтому в латинской косвенной речи выработались, а частично были сохранены от прошлого, некоторые дополнительные синтаксические приемы различения субъекта и объекта одного и того же предложения. Как в I, так и во II типе эти приемы в своей сути одни и те же — повтор одного и того же показателя в субъекте и в предикате, т.е. именно согласование субъекта с предикатом. Но повторяющиеся показатели различны: *-s- во II, активном, типе; *-en-//*-er- в I, неактивном. Первый из этих показателей ориентирует предложение косвенной речи на субъект, составляя таким образом аналог "субъектного спряжения", а второй — на объект, составляя аналог "объектного спряжения" языков активного строя.

Рассмотрим в деталях предложения II типа ('Человек идет', 'Ветер дует') с субъектным показателем -s. Уже К. Уленбек [Uhlenbeck 1901] отметил, что показатель субъекта -s, по-видимому, является своеобразным постпозитивным артиклем и тождествен местоименной основе *so-. Это утверждение особенно наглядно подтверждается материалом латинского языка. В нем сохраняются и дают многочисленные производные две и.-е. местоименные основы с начальным -s-. С одной стороны, существовало указательное местоимение от основы *se-//*so-, связанное с активным классом имен (позднее, с одушевленным родом), скр. sa, гр. ὁ, гот. sa. Его применение в индоевропейском первоначально ограничивалось, по-видимому, сферой И.п. ед.ч. м. и ж.р., тогда как в других случаях применялась основа *te-//*to-, как в артикле др.-гр. языка. В латинском вторая основа была вытеснена в сферу наречий и союзов (tum, tam и т.д.), а первая, напротив, стала употребляться во всех падежах и числах: старолат. sam, класс. eam 'её'; sŏs, классич. eos, 'их (м.р.)', su, классич. eum, 'его', и т.д. [Линдсей 1948, 72]. Но этот период экспансии основы *se- // *so- в латыни продолжался сравнительно недолго, и в классический период она заменяется основой *ei-//*ī̆- (is, ea, eam и т.д.).

С другой стороны, в латыни на протяжении всей ее истории широко употреблялось другое, анафорическое и "возвратное" местоимение с чередованием в начале основы *sŭ-//*s-. Эта основа, в которой засвидетельствованы как раз формы косвенных падежей и никогда именительного, приобретала виды *sue-, *swe-, *seu̯-, *sē̆-, *so-, *sei-. К ней возводятся лат. suus 'свой', sē 'себя', лит. savė 'себя', -si- 'себя' (частица), рус. *свой, -ся* (частица), перс. (Гаты) hoi, др.-перс. šaiy, гр. местоимения ἑ(F)οι, ἑ(F)ε, оск. svai, suae, умбр. sve, sue, и далее производные наречия и союзы: лат. sī 'если' (из *sei̯) и sīc (sī+ce), гр. гомер. ὡ(F)ς̃ 'как' и атт. ὧ-δε 'так', гот. swe 'как', swa 'так' и т.п. [Meillet 1935; Čop 1981]. К этой же основе следует, по-видимому, возвести также хет. -za, исходя из синтаксического употребления этой

частицы [Sturtevant, Hahn 1951, §§ 175, 176] (см. также ниже). Такой этимологии не противоречит и фонетическое значение хет. *z*, которое, кроме [ts], может, как полагают, представлять также звонкое [s] [Фридрих 1952, § 29].

Указательное местоимение, предположительно давшее суффикс. И.п. -s, и анафорическое "возвратное" местоимение имели точки пересечения как в форме, так и в функциях. Дело в том, что "возвратное" местоимение в латинском языке употреблялось преимущественно как отсылка к подлежащему простого предложения, а в придаточном предложении и в косвенной речи как отсылка к главному субъекту — подлежащему главного предложения. Два местоимения взаимно поддерживали друг друга в своей совпадающей функции — отсылке к И.п. субъекта. Благодаря этому в латинском языке сохранился след архаического II типа предложения, где показатель субъекта -s повторяется как своеобразный согласовательный показатель на всей длине предложения (хотя, повторим, этот единый латинский показатель имеет два разных источника — анафорическое и возвратное местоимения).

Ср. Ubii magno opere orabant, ut *sibi* auxilium ferret; vel, si id facere occupationibus rei publicae prohiberetur, exercitum modo Rhenum transportare; id *sibi* ad auxilium satis futurum (esse) (Caes. B.G. 4, 16, 5) 'Убии (обращаясь к Цезарю. — *Ю.С.*) настойчиво просили (его. — *Ю.С.*), чтобы он им (букв. себе) оказал помощь; или, если ему мешают это сделать занятия государственными делами, то чтобы он только перевел войско через Рейн; этого будет достаточно, чтобы им (букв. себе) помочь'. Несоответствие между латинским и русским (также общеславянским) употреблением местоимения с основой s-, здесь *sibi* — 'себе', возникает из-за того, что в русском (соотв. общеславянском) оно, в полном соответствии со своим происхождением, имеет только возвратное значение и поэтому отсылает к субъекту того глагола, при котором непосредственно стоит, — в данном случае оказывает помощь Цезарь, следовательно "помощь себе" значит "помощь Цезарю"; в латинском же синтаксисе это местоимение выполняет, одновременно с этим, указательную, анафорическую функцию, отсылая к главному субъекту всего периода — говорящему лицу, в данном случае к Убиям, — и это архаическая черта, имеющая источником "второе -s-", то же самое, что в флексии И.п. ед.ч. (здесь — Ubius). (Подробнее об этой особенности латинской косвенной речи см. [Степанов 1961; 1987б].)

Согласование частей предложения, особенно достаточно длинного предложения, с помощью различных местоименных и дейктических частиц, склеивающихся одна с другой, — универсальная черта языков. Исходя из морфологических наблюдений, Б.А. Серебренников отмечает, что местоимения указательные, вопросительные и относительные в самых различных языках мира образуют сходные типологические черты, они сравнительно редко бывают представлены только одной основой, а чаще всего составлены из двух, иногда трех основ и постоянно осложняются различными дейктическими частицами [Серебренников 1974, 183].

В параллель к описанному латинскому явлению следует поставить

хеттское — так называемое "субъектно ориентированное" (subject-referring) *-za*, хотя до сих пор какие-либо внехеттские параллели к этой функции хеттской частицы не предполагались. Й. Фридрих [1952, § 252 и сл.] описывал -za как возвратную частицу, подобную славянской, применяемую ко всем лицам и, кроме того, меняющую значение многих глаголов. Напр., dā- 'брать что-н. для определенной цели, употреблять', dā- с -za 'брать себе, для себя'; eš- 'сидеть', eš- с -za 'садиться'; kiš- 'случаться', kiš- с -za 'становиться чем-н.' (с последним можно сравнить рус. *пришло* и, с частицей, *пришло-сь*, см. также § 28); warp- 'мыть кого-л.', warp- с -za 'мыться', и т.п. Изменение значения, достигаемое посредством -za, может быть, таким образом, описано как сдвиг в субъекте — от агенса с отдельной целью действия к агенсу, совмещающему цель действия в самом себе [Justus 1982, 299].

В последущих за книгой Й. Фридриха исследованиях [Carruba 1969, 46—50; Hoffner 1973 passim; Justus 1982, 295—301 et passim, и др.] были выявлены еще и другие функции этой частицы. Она послужила средством обновления медиального залога, примером чего может служить следующее: "активный" глагол ešzi 'есть, сидит' в др.-хет. имеет медиальную форму на -ri — eša(ri) 'садится', выражающую намеренное, волевое действие (intentional). Этой последней форме в новохеттском функционально соответствует форма с -za — -za ešari. Однако основная функция частицы -za, по-видимому, должна быть описана как "транзитивирующая". К. Джастэс рассматривает примеры с глаголами šakki 'знает' и -za šakki 'признает':

uttar-	za	^{d}UTUaš	šaggaḫḫi
'дело'	частица	бог солнца (род.п.)	'знаю' (1 л. ед.ч.)

что в литературном переводе значит 'Я признаю это дело (как дело) Солнца-бога'. На основе таких примеров К. Джастэс описывает эту функцию следующим образом: "Морфосинтаксическая деривация с -za имеет семантическим результатом изменение субъекта-пациенса процесса в субъект, изъявляющий волю к производству действия, и при этом увеличение валентности глагола. Таким образом, принцип деривации с -za — это одновременно синтаксическая и семантическая транзитивация: синтаксически -za с глаголом šakki добавляет косвенный объект как аргумент глагола, а семантически она изменяет непроизвольный процесс в намеренное, волевое (intentional) действие" [Justus 1982, 298—299]. Все это хорошо согласуется со значением латинского "субъектно-ориентированного" se, и оба — лат. se и хет. -za — обнаруживают тем самым следы древнего согласования того типа, который мы находим в языках активного строя.

§ **16**. Аналогично рассмотренному выше согласованию активного типа, в латинском языке выявляются, по-видимому, следы архаического согласования между субъектом и предикатом предложения I типа, неактивного. На эту роль давно уже выдвигали элемент **-r*, выступающий, с одной стороны, в гетероклитических основах имен на *-r* "среднего рода" (т.е. неактивного класса) как в субъек-

тах, а с другой стороны, в медиопассивных окончаниях глагола как предикатах таких субъектов (так, например, [В. Пизани 1956, 155], также [Shields 1982, 29—30]). Однако такое сопоставление кажется в настоящее время слишком прямолинейным и, в сущности, недоказанным (ср. иную этимологию глагольного *-r*, § 19).

И все же, по-видимому, подобные ассоциации между "двумя *-r" могут быть обнаружены, но только весьма не прямым путем. Мы полагаем, что, как и в предыдущем случае, общим фоном их обнаружения первоначально может послужить синтаксический контекст косвенной речи. Но при этом нужно иметь в виду, что, в отличие от предыдущего типа, неактивный субъект в косвенной речи тяготеет к позиции объекта, и поэтому в косвенной речи исходное, данное в независимом предложении, согласование "субъект — предикат" проявляется в виде согласования "объект—предикат", как своего рода "объектное спряжение". Довольно отчетливо следы этого синтаксического явления обнаруживаются в уже упомянутых гетероклитических показателях *-er//*-r и *-en, чередующихся между собой. В косвенной речи они превращаются в показатели объекта и — по принципу согласования — повторяются в предикате, а именно предикатах косвенной речи — в инфинитиве архаического типа (fīerī) и в герундии-герундиве на *-en-//*-on-. Рассмотрим вопрос в деталях.

Установлен производный характер гетероклитических основ имени уже на протоиндоевропейском уровне. Э. Бенвенист находил одну форму такого отглагольного имени в инфинитиве глагола fio 'делаться, становиться': *fīerī (арх. fīere) (по классической модели ожидалось бы *fīre [Эрну 1950, § 260]), а вторую теоретически постулировал в виде герундия-герундива (который реально у этого глагола не засвидетельствован) *fī-e/on-dos [Бенвенист 1955, 177]. Обе формы такого имени, на *-er и на *-en могут быть названы формами древнейшего латинского инфинитива. Важно подчеркнуть, что применительно к латинскому языку идет речь только о глаголах непереходного, или медиального, значения, в латинском языке это глаголы непереходные отложительные, — они-то и составляют ядро предикатов I типа предложения.

Итак, несколько схематизируя, можно сказать, что модель *fierī была инфинитивом им.-вин. падежа, а модель *fiendo инфинитивом косвенных падежей, — в классе медиальных (отложительных, непереходных) глаголов, — предикатов I типа предложения.

По нашему исходному предположению, обе формы должны были различаться не только своим собственным падежным значением, а и своим отношением к субъекту и объекту в составе предложения, так именно, что форма на -er(i) должна была быть ориентирована на субъект предложения (обозначим это как тип (Ia)), а форма на -en(d)- на объект предложения (обозначим это как тип (Iб)), причем — поскольку речь идет о классе медиальных глаголов — и субъект и объект не должны были быть именами активного класса. Все эти, довольно сложные, отношения можно распознать в реальном употреблении, особенно в косвенной речи.

Тип (Ia) в наиболее чистом виде, хотя уже и с переходным глаголом, можно найти в неопределенно-личных конструкциях формы 3 л. ед.ч. на -tur. Известно, что исторически исходной формой были здесь обороты типа itur 'идут', затем factum itur с супином 'идут (собираются) делать', где мог употребляться вин. падеж, например, ea factum itur 'идут (собираются) делать это'. Так же: vitam vivitur 'проживают (свою) жизнь'. В самой конструкции здесь заложена возможность легкого превращения в чистый пассивный оборот, для чего достаточно замены вин. падежа им. падежом: vitam vivitur > vita vivitur 'жизнь проживается'. Однако в действительности эта возможность реализуется в латинском языке очень поздно [Wackernagel I, 1981, 146 и сл.]. Таким образом, этот оборот долго остается ориентированным на субъект, причем субъект этот — неопределенно-личный и собирательный, и даже не выраженный в самом предложении. Когда оборот превращается в пассивный, то пассивный характер нового субъекта, которым стал прежний объект (vita), сохраняется. Предложение значит: "Некое множество людей (неопределенное и не обозначенное, но известное, подразумеваемое) проживает свою жизнь (таким-то образом)", как франц. On vit sa vie.

В косвенной речи в обороте Accusativus cum infinitivo возможности переориентации на объект были, естественно, еще больше, чем в независимом предложении, так как и объект и субъект равно имеют форму вин. падежа. Однако и здесь ориентация на субъект отчетливо сохраняется, тем более что субъект этот здесь всегда "некие люди", ср. нем. man, фр. on, тогда как объект может быть самым разным [Соболевский 1948, § 1130].

Многие исследователи [Линдсей 1948, 97; Эрну 1950, § 319] обсуждают в этой связи одно предложение из Катона в передаче Авла Геллия:

atque evenit ita, Quirites, uti in hac contumelia, quae mihi per hujusce petulantiam *factum itur,* rei quoque publicae medius fidius miserear, Quirites (N.A. X, 14) 'случилось так, Квириты, что в этом злосчастии, которое мне... собираются учинить, я...' и т.д.

Здесь местоимение quae в им. падеже вместо quam стоит уже по "новому" правилу, как, скажем, vita vivitur вместо архаического vitam, но factum остается несогласованным с ним, — все предложение носит переходный, гибридный характер. В известной мере, по рассогласованности объекта и предиката, с ним можно сопоставить русский оборот *Надо земля пахать* [Степанов 1984].

При переводе такого оборота в косвенную речь его особенности у некоторых авторов сохраняются, так у Теренция (Ad. 694):Quid? Credebas, dormienti haec tibi confecturos deos? / Et *illam* sine tua opera in cubiculum *iri deductum domum?* 'Как? Ты думал, что ты будешь спать, а тебе это сделают боги? И введут ее (девушку) в дом без твоих стараний?' [Теренций 1954; ср. Эрну 1950, § 319].

Хотя здесь возможны были бы другие обороты, где illa было бы подлежащим, объектом герундия и т.д., но сохраняется оборот супин + iri для ориентации не на объект (illa), а на реальный

действующий субъект. Собственно, семантический центр здесь лежит не в супине, а в неопределенно-личном ("пассивном") инфинитиве. И его особенностями можно объяснить следующее правило латинского синтаксиса: если при глаголах приказания, запрета и т.п. не названо лицо — адресат приказания, то Acc. cum inf. имеет "пассивную" форму. "Однако, — отмечает С.И. Соболевский, — он и в этом случае может иметь форму активную, если лицо, которому отдается приказание или запрещение, подразумевается из связи речи, или если приказание или запрещение относится не к определенному лицу (которое было бы указано в тексте. — *Ю.С.*), а ко всякому вообще человеку (и, следовательно, неопределенному человеку. — *Ю.С.*)" [1948, § 1029]. С.И. Соболевский сопоставляет два примера: Receptui canere jussit (Liv. 29, 7, 6) 'Он приказал трубить к отступлению' (подразумевается: трубачам); но: Caesar receptui cani jussit (Caes. B.G. 7, 47, 1) — "пассивный инфинитив", имеющий неопределенно-личное значение: 'приказал, чтобы было протрублено к отступлению'. В известной мере такое употребление "пассивного" инфинитива может быть сопоставлено с употреблением пассивно-причастной формы в русском языке: *Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой); *Свистнуто, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но... свистнуто очень средне* (Булгаков).

Обороты с инфинитивами на -rī (а также на -ī, тип *canī*) в таких случаях (т.е. как соответствие неопределенно-личному -tur) могут быть названы субъектно-ориентированными, неким субъектным спряжением.

Тип (Iб). В полной противоположности к последним обороты с -ndu- могут быть названы объектно-ориентированными, своего рода объектным спряжением. Эта черта проявляется прежде всего в известных правилах "замены герундия герундивом" [см. Соболевский 1948, § 1112 и сл.]. Суть этих замен, в общем, может быть сведена к тому, что как только герундий (в его соответствии инфинитиву) получает объект в В.п., герундий должен быть заменен герундивом, который согласуется с объектом. Так, скажем, consilium capiendi urbem 'намерение взять город' трансформируется в consilium urbis capiendae. Правда, нельзя сказать, чтобы тенденция к объектному согласованию была единственной причиной такой трансформации. Как часто бывает в синтаксических преобразованиях, может действовать и не одна причина. В данном случае вторым импульсом оказывается тенденция к так называемому "партитивному построению" — к употреблению имени целого, и притом наглядно конкретного, вместо обозначения абстракции — отдельной части или свойства объекта: extremi digites букв. 'конечные пальцы' вместо extremum digitum 'кончик пальцев' (см. подробнее [Степанов 1959]). Но тем не менее результатом оказывается объектная ориентация глагола, — очень сильная тенденция латинского синтаксиса (см. статистические данные [Соболевский 1948, 339, сноска]).

Отмеченные архаические особенности синтаксического употреб-

ления латинского инфинитива, в широком смысле этого термина (т.е. включая герундив), не ограничиваются архаической моделью fierī — *fien //ondos, сложившейся в медиальном (отложительном) классе глаголов, а подчиняют себе в той или иной степени все инфинитивы. (Да мы и демонстрировали их выше различными инфинитивами.) По-видимому, большую роль в этом сыграла историческая случайность — особенность латинской фонетики, в силу которой инфинитивы "нового" происхождения, т.е. дат. падеж основы на -s (*da-sei > da-rī) и местный падеж основы на -s (*da-si > da-re) получили в результате формант, совпавший с архаической приметой (fierī) полностью (как в darī) или частично (как в dare). Точно так же совпадение двух различных местоименных основ на s- позволило частично сохраниться архаическим функциям одной из них в предложении активного типа. Подробнее "объектное согласование" рассматривается в связи с референцией и происхождением форм лат. герундия-герундива (§ 25).

Типологическую, а частично и генетическую, параллель рассмотренным выше латинским явлениям составляет в древнерусском языке употребление форм 3 л. ед. ч. с окончанием *-тъ*, против форм без *-тъ*. С.П. Обнорский показал, что формы без *-тъ* приходятся на предложения бессубъектного типа, на предложения с субъектом — неопределенным именем или местоимением: ср. в Лавр. летописи *аще ли купилъ буде* (вместо: *будетъ*) *грьчинъ* (л. 23) 'если купит кто-либо из греков'. В безличных конструкциях типа *достои, подобаѥ* и т.п. употребляются формы без *-тъ*. Отсюда С.П. Обнорский делал вывод, что семантическое отношение между формами 3-го л. наст. вр. с *t* и без *t* есть соответственно отношение связи глагола-предиката с определенным субъектом и с неопределенным субъектом (когда субъект является неопределенным или вообще отсутствует в мысли), что в свою очередь параллельно соотношению членных "определенных" и кратких "неопределенных" прилагательных или соответственно — имен существительных в сопровождении или без сопровождения членом в древнерусском языке [Обнорский 1953, 134].

Но это явление относится уже к сфере категории референции и подробнее рассматривается в гл. III.

§ 17. Суффикс *-sk-, представленный как в глаголе, так и в имени, является, вероятно, по происхождению одним и тем же элементом и, таким образом, отражает древний тип согласования между именем и глаголом в предложении. Это предположение подкрепляется в настоящее время и чисто теоретическими соображениями: мы знаем теперь, после ряда специальных исследований (особенно [Гинзбург 1979, 36—41; Павлов 1985] и др.), что в индоевропейских языках некоторые словообразовательные модели, и следовательно морфология некоторых слов, возникают непосредственно из синтагм, линейных сочетаний элементов предложения, и прямо отражают их. Сходная идея была использована уже К. Бругманом для объяснения некоторых индоевропейских фактов. Он предполагал,

что и.-е. прилагательные на -ĭno- (типа лат. vērnus 'весенний' при vēr, vēris 'весна') происходят из форм локатива ед.ч. на -i- с добавлением аффикса -n- (*vēri-no-s). Точно так же прилагательные на -īno- образованы соответственно формантом *-iio-, идентичным с итало-кельт. окончанием генитива -ī-, а прилагательные на *-eino- (*-oino-) — формантом локатива *-ei- (*-oi-) с тем же аффиксом -n- (напр. др.-в.-н. swein 'парень, работник, сын' первоначально 'свой' от и.-е. *sṷoi, ср. гр. Д.п. οἷ). Таково же — т.е. или генитивное или локативное — происхождение славянских прилагательных на -īno-, ст.-сл. *-инъ*, типа ст.-сл. *материнъ* [Brugmann 1904, § 396], и, скорее всего, прилагательных на -ĭno-, ст.-сл. *-ьнъ*, типа ст.-сл. *зимьнъ* при *зима* ср. [Мейе 1951, § 412].

Между тем в предложении эти прилагательные, будучи употребленными как предикативы, в залоговом отношении выступают как двоякие — то субъектно-ориентированные ("пассивные"), то объектно-ориентированные ("активные"). Ср. рус. *вредный* (др.-рус. *врѣдьныи*) 1. 'приносящий вред', 2. 'испытывающий вред', *врѣдьныя* 'увечные, хромые и слепые'; *бедный* (др.-рус. *бѣдьныи*) 1. 'в беде находящийся', 2. 'беду навлекающий, трудный', *есть же та гора каменна вся и лѣсти на ню трудно и бѣдно добрѣ* (Даниил Иг.); *сонный* (др.-рус. *съньныи, соньныи*) 1. 'погруженный в сонливость, сон', *сонный ребенок*, 2. 'погружающий в сон', *сонное зелье* и т.п. (см. список примеров в работе [Покровский 1959, 224 сл.] и здесь § 4). Таким образом, в своей семантике эти прилагательные отражают свои синтаксические связи.

Глагольный суффикс *-sk- в древнем состоянии характеризует прежде всего итеративные или итеративно-дуративные глаголы [Фридрих 1952, § 154; Семереньи 1980, 4.1.4]. Однако в хеттском языке прослеживаются, по-видимому, еще более древние функции этого элемента, т.е. хет. -šk-. Он встречается при сочетании глагола со многими субъектами или объектами, в соединении с дистрибутивным или "обобщенно-относительным" удвоением, обозначая возобновление прерванного действия [Фридрих 1952, § 154 сн.; Dressler 1968, 162, 180 и сл.; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 307]. Именная параллель этого элемента представлена, по-видимому, наиболее явно в общеславянском, причем в двух формах. Одна из них, суффикс *-ьskъ* соответствует субъектно-ориентированному хеттскому глагольному *-šk-*. Этот славянский суффикс служит для образования таких прилагательных от существительных, которые указывают на группу (коллектив) существ; они соответствуют германскому типу на -iska-, в гот. mannisk 'мужской, человеческий' от manna. "Точное значение -ьskъ- вытекает из противопоставления ст.-сл. *пророчь*, передающего προφήτου 'пророка' (Р.п. ед.ч.), и *пророчьскъ*, передающего προφητῶν 'пророков' (Р.п. мн.ч.) [Мейе 1951, § 411]. Другая общесл. форма, суффикс *-isko, *-isce представляет собой именную параллель к объектно-ориентированному хеттскому глагольному -šk-. Славянский суффикс употребляется для обозначения орудия, которым что-либо делают, и в особенности места, где что-либо делают: при ст.-сл. *топоръ* имеется *топорище* (toporište), рус. *топорище*, при *огнь* — польск. ognisko, сербохорв. огњиште 'очаг'. Аналогичный суффикс представлен в арм. -oc^{c}, образующем названия орудий работы или вообще действия. Достоверно в происхождении армянского суффикса лишь наличие *-sk-; что касается гласного основы — исконная ли это основа на -o (*o-sk-o-s) или на -i//-a (как sloc^{c}, -i, -ac^{c} 'пила'), то мнения расходятся, ср. [Мейе 1951, § 411; Джаукян 1982, 131]. Взаимодействие глагольного и именного *-sk- в армянском отражено в том, что каузативные основы с суффиксом -oyc^{c}-//-uc^{c}- (где -c^{c}- из *-sk-, *-sk'-), а также -oys-//-us-, -oyz-//-uz- могут быть вторыми компонентами некоторых основосложений типа mart-usoyc^{c} 'обучающий борьбе', из mart 'борьба' и usuc^{c}anem 'обучаю', а также передавать свой аффикс именам: sar-oyc^{c} 'лед' от sar-c^{c}-im 'замерзну, замерзаю' [Джаукян 1982, 192].

В целом семантическое отношение между глагольными и именными формами при одном аффиксе *-sk- подобно отношению между объектной ("активной") и субъектной ("пассивной") ориентацией славянских прилагательных на *-инъ, -ьнъ*.

Глава III

РЕФЕРЕНЦИЯ И ДЕЙКСИС

§ 18. Под референцией в широком смысле понимается соотнесение высказывания и его частей с действительностью — как внеязыковой (объектами, событиями, ситуациями), так и внутриязыковой (другими упоминаниями объектов, событий, ситуаций в предыдущем или последующем тексте). Референция устанавливается главным образом через имена и именные группы — актанты в составе предложения и предиката. (Насколько и каким образом могут быть референтны сами предикаты, — особая, мало изученная проблема, которой мы здесь не касаемся.) В современном логическом анализе языка референция имен и именных групп классифицируется следующим образом [Падучева 1985, 87—98]. Они разбиваются на два класса — референтные и нереферентные. 1) Референтные имена и именные группы в русском языке далее классифицируются по их референтному статусу как а) определенные или неопределенные, предполагающие определенность (или неопределенность) объекта одновременно для говорящего и для слушающего, б) слабо определенные или слабо неопределенные, предполагающие определенность (или неопределенность) объекта для говорящего, но не для слушающего. 2) Нереферентные именные группы не обозначают никаких индивидуализированных объектов и их референтный статус классифицируется на а) экзистенциальный, б) универсальный, в) атрибутивный, г) родовой. Например, *Та книга, которую ты мне дал, мною уже прочитана* — определенная референтная именная группа; *Он хочет жениться на одной иностранке* — слабо определенная; *Многие люди боятся тараканов* — общеэкзистенциальная; *Все дети любят мороженое* — универсальная; *Иван может убить медведя* — родовая, и т.д. Референция внутриязыковая (кореференция, анафора и т.д.) в этой классификации не отражается, а описывается как дополнительное свойство некоторых видов актуализаторов референции (главным образом, местоимений 3 л.). Вообще, актуализаторы референции — местоименные слова при этом подходе получают собственную классификацию (см., например, часть вторую книги [Падучева 1985]). Последняя в некотором роде тоже является классификацией референции, но уже не "от смысла" (ср. выше и первую часть упомянутой книги), а "от формы". Эта вторая классификация по существу накладывается на первую и переплетается с ней.

Двойная классификация языковых явлений — от семантики и референции, с одной стороны, и от морфологии, с другой, — неизбежна, и сам по себе этот двойной принцип не может рассматриваться как недостаток. Во Введении уже говорилось, что и в нашей книге возможно двойное именование каждой главы. Однако весьма желательно стремиться к устранению или во всяком случае к уменьшению возникающих при двойной классификации неотчетливых или противоречивых классификационных клеток. С этой целью мы предлагаем иную классификацию референции.

Как и при описании согласования (гл. II), наша классификация основывается на разделении трех функций и соответствующих им трех формальных аппаратов языка, см. [Степанов, 1973]. Референция при таком подходе разбивается на три класса — а) семантическая (некоторые виды определенности—неопределенности; личность—безличность и др.), б) синтактическая (кореференция, анафора и др.), в) локационная (ориентация высказывания по отношению к участникам речевого акта 'я', 'ты', 'он' на основе координат 'я — здесь — сейчас'). Локационную референцию можно назвать также прагматической (используя третий член триады "семантика — синтактика — прагматика"), или дектической, в смысле введенного нами ранее термина. Локационная референция часто связана с дейксисом.

Термины *дектика, дектический* не следует смешивать с *дейксис, дейктический*. Первые означают более общее свойство языка: возможность для всякого человека "принимать на себя" [гр. δέχομαι откуда δεκτικός] обозначение 'я' и в соответствии с этим менять все другие, зависящие от 'я', ориентиры речевого акта, подобно тому как это происходит при употреблении слов 'левый' и 'правый'.

Поскольку описание референции "в чистом виде", "по смыслу" очень сложно и требует разработанного логического аппарата, мы, как и другие авторы в других классификациях, применим здесь описание референции "от ее форм", через ее актуализаторы — а это главным образом местоимения, различные местоименные слова и частицы. В них уже задана естественная, хотя и непоследовательная, формализация референции. Поэтому следующая часть этого вводного параграфа заключается в некотором специальном описании местоимений и частиц и, главным образом, в выяснении того, что представляют собой "парадигмы местоимений" и "парадигмы частиц", какой смысл можно вкладывать в эти термины по сравнению, например, с термином и понятием "парадигмы падежей (склонения) имени".

В § 1 мы уже отмечали (работы А.Н. Савченко и др.), что местоимения и имена в праиндоевропейском языке (на его определенном этапе) составляют две разные системы, основанные на совершенно различных принципах: местоименное склонение образовано в большинстве случаев двумя разными основами, имеющими значение прямого и косвенного падежей, в то время как именное "склонение" основано на противопоставлении не падежей, а активной и неактивной форм — по происхождению представителей различных именных классов. (Поэтому и термин "склонение, в сущности, применим в этом случае лишь с большими оговорками.)

Конечно, названные особенности и.-е. местоимений сами по се-

бе были хорошо известны и раньше (см., в особенности [Meillet 1920a, 51]), но объяснялись иначе: как копирование свойств именного склонения, и притом, как черта именно и.-е. языков. Новая постановка вопроса означала, что своеобразие местоимений объясняется не той или иной морфологией склонения, весьма различной в разных языковых семьях, а некоторыми универсальными чертами строения предложения. Пожалуй, ранее только Э. Бенвенист [Benveniste 1933] сделал шаг в этом направлении, разделив, применительно к и.-е. языкам, в системе местоимений две системы, обе связанные с синтаксисом: 1) дейксис — сложную систему указаний на внеязыковые объекты, включающую обозначение их рода, числа, падежа, и 2) анафору — гораздо более простую ("внеморфологическую") систему указаний на уже высказанное, т.е. на внутри-, а не на внеязыковые объекты, систему, которая не нуждается в развитом обозначении родов, чисел, падежей. И.-е. указательные местоимения (демонстративы) с основой -i- Э. Бенвенист объяснил как анафоры по происхождению (лат. ci-s, ci-tra и др., слав. *сь*, лит. šis, прус. schis, основанные на **ki-*; хет. ki для неодушевл. и ka-š для одушевл., и т.д.). Чередование же основ в и.-е. местоимении — **-i-* в номинативе-аккузативе, **-eyo-* в косвенных падежах — он объяснил как результат взаимодействия двух систем местоимений — анафоры и дейксиса. Следовательно, с этой точки зрения, основы на **-i-* принадлежат системе внутриязыкового указания — анафоры (по нашей терминологии — синтактической референции) и одновременно они принадлежат главным падежам — ном.-акк., тогда как основы на **-eyo-* относятся к совсем другой системе, системе внешнего указания — дейксиса (по нашей терминологии — локационной референции) и одновременно принадлежат неглавным, "неграмматическим" падежам. Но эта работа Э. Бенвениста не была достаточно оценена в свое время и даже затенена его же более известной, но значительно менее удачной работой "Природа местоимений" (1956) [Бенвенист 1974], где столь важное различие двух систем — анафоры и дейксиса — не проводилось. Линию ранней системы Э. Бенвениста (впрочем, не упоминая ее) продолжили О.Н. Селиверстова (см. [Елисеева, Селиверстова 1987]) на английском и русском материале, М.И. Лекомцева [1979, особ. 229] — на материале старославянского. Показано, что в реальном высказывании (в отличие от абстрактного представления в виде классов слов) местоимение несет информацию двух типов — о "заполнении" актантной позиции (о денотате, референте, семантическом содержании актанта и т.д.) и о самой актантной позиции в предложении. (Из новых работ см. [Rosinas 1982; 1984].)

Изучение частиц в парадигматическом и синтагматическом планах, бывшее долгое время вне внимания индоевропеистов, в последние годы значительно продвинулось вперед благодаря ряду работ — [Carruba 1969; Bader 1973; 1975; 1975a; 1976a; Иванов 1973; 1979; 1983; Николаева 1985]; см. также [Степанов 1985; 1987].

Мы имеем, таким образом, достаточно эмпирических наблюдений, чтобы отказаться от казавшегося единым понятия "парадигма" и

сформулировать положение о трех различных видах языковых парадигм, соответственно их принадлежности к трем различным формальным аппаратам языка — семантики, синтактики, локации.

Под парадигмой вообще (иногда: парадигмой первого порядка) понимают совокупность всех словоформ одной лексемы, объединенных каким-либо одним общим для всех словоформ грамматическим семантическим признаком и различающихся частными признаками. Парадигмы первого порядка могут быть объединены путем дальнейшего абстрагирования в парадигмы второго, третьего, *n*-го порядка. Мы отвлекаемся сейчас от трудностей задач формального построения парадигм и предполагаем их, в общем, разрешенными, что соответствует фактическому положению дел в описательной лингвистике (см. в деталях в работах [Гухман 1968; Булыгина 1968; Ревзин 1973]). Гораздо больший интерес представляет сейчас природа грамматического признака, лежащего в основе той или иной парадигмы (на что обращалось недостаточно внимания в теоретических исследованиях).

Сообразно основному признаку парадигмы последние разбиваются на три класса.

1) Парадигмы, основанные на семантическом признаке. В соответствии с определением семантики (отношения языковых элементов к объектам внешнего мира), общим признаком таких парадигм является "отношение к онтологическому, внеязыковому классу объектов", а частным признаком (вариативным от одного члена парадигмы к другому) — "отношение к одному какому-либо из таких классов объектов (при исключении другого или других)". Разумеется, "онтологический, внеязыковой класс" понимается при этом не как класс, характеризованный абсолютно, вне отношения к какой-либо языковой системе, а как класс, выделяющийся в качестве онтологического, внеязыкового класса в системе классификации (таксономии) данного языка. Примером могут служить классы "одушевленных" и "неодушевленных" объектов в современном русском языке и отвечающая им парадигма. Соответственно имя внеязыкового объекта в предложении в позиции актанта-прямого дополнения принимает форму вин. падежа, если объект принадлежит к классу неодушевленных (вещей), и форму род. падежа, если объект принадлежит к классу одушевленных: *Мы увидели этого москвича* (человека, род.п.) — *Мы увидели этот москвич* ("Москвич", автомобиль, вин.п.). При определении формы слов по линии таких парадигм говорящему приходится решать (мы не говорим сейчас о степени осознанности или автоматизма таких решений) задачи вполне онтологической классификации объектов. Например, таких объектов как куры в следующих русских предложениях: *Собака съела двух кур*, но *Мы съели две курицы* (или: *двух кур?*). Нечто подобное имеет место в парадигматизации имен и других обозначений объектов в языках активного строя. (Из работ на и.-е. материале см. [Першина 1973; Осипова 1987; Valeckienė 1984].)

Референция по этой линии (вообще говоря, трудно отделимая от семантики в собственном смысле) заключается в ответе на во-

прос "К какому классу онтологических объектов (или к какому члену в таком классе) относится данный актант предложения?". Языки с именными классами (банту и др.) дают наиболее типичные иллюстрации референции этого типа (см. гл. II, § 13). Неопределенность референции здесь заключается не только в неопределенности отнесения к классу или/и индивиду из класса (что обычно рассматривается в теориях референции), но может быть связана с неопределенностью онтологических параметров объекта — "Что это — нечто живое или неживое? Существо или вещь? Где границы (пространственные или временные контуры) этого "нечто"? Индивид это или множество?" и т.п. Градация неопределенности по этой линии может быть иллюстрирована такими русскими примерами, как *Он загремел в соседней комнате — В соседней комнате загремели — На крыше загремело* (см. [Степанов 1978а] и § 28). Как видно уже из приведенных примеров, в индоевропейских языках определенная — неопределенная семантическая референция тесно связана с личностью-безличностью предложения (что рассматривается в последнем параграфе этой главы).

Простые (непроизводные) местоимения, в частности личные, в отличие от имен и от сложных (производных) местоимений (типа рус. *кто-то, кто-нибудь* и т.п.), по-видимому, редко образуют сколько-нибудь развитые парадигмы по этому признаку. Но противопоставление личных форм какой-либо безличной форме (типа рус. *оно*) и, в особенности, противопоставление "нулю", значимому отсутствию формы, является, вероятно, правилом. Эти универсальные черты постепенно проясняются благодаря развитию исследований разносистемных языков в последние годы. Интересно свидетельство американской исследовательницы североамериканских индейских языков М. Митун: "Когда спрашиваешь носителей языка мохоук (Mohawk, Канада) или селарского (Selayarese, Индонезия), как сказать на их языке 'Он болен', они легко дают ответ на этот вопрос. Но когда задаешь такой вопрос носителю языка лахота (Lakhota, США), он смотрит озадаченно и переспрашивает "Что, собственно, вы имеете в виду?". Хотя большинство носителей языка мохоук не в состоянии расчленить свою речь морфологически, они понимают, что местоимение 'он' где-то содержится в их глаголе. Носители селарского языка знают, что в их языке есть эквивалент этого местоимения, хотя он не выделяется по роду и числу. Что же касается говорящих на лахота, то они знают, что 'он' в их языке нет. Подобные ответы, полученные от носителей многих других языков, показывают, что здесь перед нами далеко не изолированное явление" [Mithun 1986, 195]. Это соответствует тому факту в парадигмах, что в языке лахота, в отличие от мохоука и селарского, 3 л. ед.ч. в предложении никак не маркировано, является "нулем" [Там же, 195]:

	Селарский	Лахота
1 л. 'Я болен'	bambaŋa	mak^{h}úže
2 л. 'Ты болен'	bambaŋko	nik^{h}úže
3 л. 'Он болен'	bambaŋi	k^{h}úže

Как видно уже из приведенного примера, парадигмы местоимений вряд ли могут быть основаны на чисто семантическом признаке, подобном классам имен, и дополняют его признаком локации — отношением к лицам речи или иными признаками. Семантические и локационные признаки выступают здесь в "склеенном" виде, как "пучки" признаков.

2) Парадигмы, основанные на синтактическом признаке. Общим признаком таких парадигм является "отношение к актанту предложения", а частным (вариативным) признаком "отношение к тому, а не иному актанту". Индоевропейские так называемые грамматические падежи (номинатив, аккузатив, генетив) могут служить типичным примером такого рода парадигм. Как уже было сказано выше, в современных и.-е. языках — языках номинативно-аккузативного строя парадигмы этого типа свойственны как именам, так и местоимениям, но в протоиндоевропейском они принадлежали только местоимениям, в то время как имена подчинялись парадигмам семантического типа. Как и в других случаях, семантические и синтактические признаки могут выступать здесь в "склеенном" виде. Но если синтактический признак обособляется от других и становится единственным основанием парадигмы, то такая парадигма в и.-е. языках обычно очень проста, "редуцирована", и имеет один-два члена: анафорическое относительное местоимение и.-е. *yo- представлено только одной основой; анафорические частицы типа прус. din (акк.), *dis (ном.) представлены парами падежей (при этом номинатив в действительности встречается чрезвычайно редко и в прусских текстах вообще не засвидетельствован); лат. частица dum, помимо этой застывшей формы с анафорическим значением (см. § 25), имеет лишь две-три, представленные в сложении с предлогами, направительную, на вопрос "куда?", арх. indu//endo 'туда', и отложительную, на вопрос "откуда?", inde 'оттуда', — обе локационного и анафорического характера. (Некоторые авторы, так, например, Ф. Бадер [Bader, 1973, 70], рассматривают ряд лат. -dam, nam, tam как частицы на -a, расширенные элементом -m, считая, что формы без этого элемента являются только энклитиками, а формы с этим элементом — могут быть наречиями. Очевидно, что при таком подходе устанавливаются две парадигмы разного порядка в указанном нами выше смысле.) При любом парадигматическом решении несомненно, однако, что локация и анафора здесь, как и очень часто в других случаях, выступают в виде "пучков" "склеенных" признаков. Поскольку таким образом одна и та же парадигма может быть основана на "пучке" признаков, причем одни признаки "пучка" принадлежат одной системе, а другие — другой, то очевидно, что признаки, с течением времени перераспределяясь, подобно тому, как это имеет место в фонологии, могут приводить к передвижению парадигмы из одной системы в другую — из дейксиса в анафору, и т.п. Хорошо известно возникновение предлогов и послелогов из имен существительных, типа рус. *среди* из *среда, середина*. Одна парадигма такого рода реконструирована в работе [Иванов 1973] (§ 13).

3) Парадигмы, основанные на признаке локации, имеют в качестве общего признака "отношение к участнику речи", а вариативно здесь указание — обычно исходящее от говорящего — 1) либо на него самого, 'я', 2) либо на собеседника 'ты', 3) либо на третье лицо 'он'. Локационные парадигмы часто представлены в достаточно чистом виде, тогда как другие — анафорические и семантические обычно надстраиваются над локационным основанием. Достаточно полное представление о локационной парадигме дает латинская система указательных местоимений и наречий, в которой над центральным ядром из трех членов 1. hic 'этот (около меня)', 2. iste 'этот (около тебя)', 3. ille 'тот (около него)' надстроен обширный ярус наречий: hic — hūc — hinc 'здесь — сюда — отсюда' и, соответственно, istic — istuc — istinc, illīc — illuc — illinc, сюда же относятся упомянутые indu//endo, inde.

Очень часто прото-и.-е. частицы предстают в явно парадигматических — по форме — рядах, но лежащий в их основе содержательный признак нам неясен (таково, например, рассматриваемое ниже *re-//*ro-). Возможно, однако, что некоторые из таких вариаций формы были связаны с позицией в предложении и, следовательно, с характером тона, таковы вариации лит. ar 'ли' (вопросит.) в начале предложения в ударной позиции — ir 'и' (союз) в его середине, между ударными словами (см. § 57).

Особую проблему референции, аналогичную таковой в сфере согласования (суф. *-sk-, § 17), составляют элементы, первоначально частицы референционного характера, оказавшиеся включенными внутрь слова и превратившиеся в его аффиксы или флексии. Вероятно, случаем такого рода является дейктическое *-i, присоединенное к личным глагольным формам в качестве показателя настоящего времени (так называемые "первичные окончания"). Конечно, очень часто, если не в большинстве случаев, выделение таких внутрисловных элементов гипотетично, но не лишено теоретического интереса. В § 19—24 мы рассмотрим — в одних случаях в порядке чистой гипотезы, в других (например, относительно *re-//*ro-) с большей достоверностью — некоторые, поддающиеся выделению и отождествлению в качестве частиц, элементы глагольных форм, главным образом медиопассива и "активного" перфекта.

Наша общая гипотеза состоит в том, что по крайней мере несколько личных показателей "активного" перфекта и медиопассива восходят к и.-е. частицам с общим лексическим значением 'сюда, назад, снова к исходной точке', которые при грамматикализации приобретают значение 'возврат в сферу субъекта'. Различие же между частицами заключается в различных ассоциациях с дейксисом — соответственно 3, или 2, или 1 л. (в таком порядке они ниже и будут рассмотрены).

§ 19. Элемент -r, "крайний правый" элемент флексии медиопассива, присутствует в латинском, оско-умбрском, кельтских, тохарском, хеттском, лувийском и фригийском языках. Не исключено также (этот вопрос дискутируется уже много лет), что он же входит во флексию "активного" перфекта в 3 л. мн.ч. в др.-инд. -u-r (ср. vidur они знают) и в лат. -ĕrunt и -ēre. Из двух упомянутых латинских флексий вторая, как показали обследования текстов Плавта и Теренция, является, несомненно, древнейшей [Bauer 1933]; ср. [Bader 1967]. Тот же элемент -r входит во флексию армянского запретительного императива (§ 21). В тохарских, фригийском и анатолийских языках, где во всех глагольных флексиях, в которых имеется элемент -r, он или факультативен, или (во фригийском) явно вычленим, или (в тохарских) вычленим с изменением значения флексии. На этом основании он в настоящее время многими исследователями отождествляется с какой-то частицей (ср. [Watkins 1969, 170 и сл.; Jasanoff 1977; Diakonoff, Neroznak 1985, 31]). Вопрос лишь в том, с какой именно. Уже давно А. Мейе [Meillet 1936, 119], а за ним Ю. Покорный, связали -r армянского императива с гр. ῥά и лит. ir 'и'. Распространяя эту точку зрения на все и.-е. флексии с -r, К. Уоткинс [Watkins 1969, 194 сл.] также ассоциирует его с гр. ἄρ//ῥά 'итак, именно, ведь'. Но это сомнительно. В индоевропейских языках редки непосредственные ассоциации между частицей в дейктической или словообразовательной функции и частицей в синтаксической функции логического союза или модального слова. Частица ἄρ//ῥά принадлежит именно к последнему типу, поэтому трудно предполагать в ней морфологическую функцию глагольной флексии. Но флексия и эта частица могут восходить к какому-то общему источнику.

Наша гипотеза [Степанов 1987] состоит в том, что и.-е. *-r, являющееся формантом в глагольной флексии, принадлежит к уже упомянутому выше классу и.-е. частиц дейктического характера с общим значением 'сюда, назад, снова к говорящему или действующему лицу (агенсу)', при грамматикализации — со значением 'возврат действия в сферу субъекта'. Помимо своего отражения в глагольной флексии это и.-е. *-r отождествляется ближайшим образом с приставками-превербами — лат. re(d)-, общекельт. *ro- (др.-ирл. ro-), а также с гр. -ρο//-ρε в δεῦρο 'сюда', лит. -re в aurė̀ 'вот'. Именно этот вопрос из всего комплекса проблем и является непосредственным предметом данного раздела. Он, очевидно, сводится к двум более частным вопросам. Во-первых, нужно если не доказать, то хотя бы в какой-то степени обосновать вытекающую из такой постановки вопроса новую этимологию кельт. ro-. Во-вторых, нужно показать, что существует семантический и грамматический (функциональный) параллелизм между латинскими формами медиопассива на -r и лат. превербом re(d)-.

Согласно общепринятой этимологии, кельт. ro- восходит к и.-е. частице-проклитике *pro-, давшей, с другой стороны, слав. pro-, рус. *про-*, лат. pro(d)-//por-. Согласно же выдвигаемой здесь точке зрения, в кельт. ro- слились два и.-е. слова — названная частица *pro-, к которой, по-видимому, непосредственно восходит часть кельтских словоформ (но, скорее всего, даже не основная часть), и постулируемая и.-е. частица *re-//*ro-. Идею о двух источниках кельтско-

го *ro- еще в 1975 г. выдвинул А. Алквист [Ahlqvist 1975], но в качестве второго источника он, как и К. Уоткинс, рассматривает и.-е. *ɻ-, тождественное по функции упомянутой греческой модальной частице. К работе А. Алквиста мы вернемся ниже.

Этимология кельт. ro- из *pro- [Льюис, Педерсен 1954, § 121, 428; Lewis, Pedersen 1974, § 121, 428], безупречная с фонетической точки зрения, плохо подтверждается семантически. Кельт. ro- в таком случае должно было бы быть семантически и по употреблению подобно лат. pro и слав. pro. Но кажется, что на семантическую сторону этого сближения никогда не обращали достаточного внимания, ограничиваясь поверхностным взглядом. В самом деле, слав. pro-, как и ее лат. соответствие pro(d)-// por-, означает движение вперед, выход из начальной точки и отрыв от нее; значение этих приставок не соотнесено с позицией говорящего субъекта [Бенвенист 1974, 149], и они не являются поэтому дейктическими элементами. Ср. рус. *про-ехать, про-скочить, про-биться, про-мыть, про-рвать* и т.п.; лат. prod-ire 'выходить вперед', prod-esse 'быть перед кем-л., быть полезным, помогать', pro-ducere 'выводить за пределы чего-л.', pro-gignere 'порождать' и т.п. Ж. Вандриес указал несколько (но не много) точных этимологических и семантических соответствий между латинской и кельтской приставками, восходящими к *pro-, такого типа как ирл. ro-rigi a láim 'он протягивает вперед руку', как лат. por-rigit < *pro-regit; напротив, ирл. rigim 'я тяну', rigid 'он тянет' параллельны лат. rigēo 'застыл, оцепенел; торчит вверх' [Vendryes 1909, 364]. К этому кругу значений, несомненно, восходят некоторые видовые, перфективирующие значения кельт. ro-, как ирл. turcbál 'возвышение' (< to-ro-od- + gaib), dirosci 'превосходит' (< di-ro-od- + scuich) [Льюис, Педерсен 1954, § 431], ср. лат. prod-ire 'выступать, выпирать, превосходить меру'.

Однако сл. pro- не занимает никакого особого места в славянской видевременной системе и не имеет никаких особых значений, за исключением общего для всех приставок перфективирующего значения, к тому же в данном случае весьма слабого. В этом отношении эта приставка не идет ни в какое сравнение с другими, например, со слав. po-, образующим в русском многочисленные глаголы совершенного вида (*пить — по-пить; ехать — по-ехать, по-ездить* и т.д.).

Ср. также лат. procul 'вдали, вдаль, прочь', рус. *про-чь*, ст.-сл. про-къ 'остаток', рус. *про-к* 'запас', *заготовить впрок, про запас*, которые все основаны на и.-е. *pro-k- 'вперед, впереди, перед чем-или кем-л. на отдалении', *pro-k-os 'находящийся перед глазами, впереди на отдалении; приготовленный для будущего'. Показательно лат. re-ci-prŏcus 'взаимный', букв. '(возвращающийся) спереди (proc-) назад сюда (re-, ci-), в исходную точку', или, может быть, образованное из двух частиц-наречий re- 'назад', pro- 'вперед' с повтором соединительной частицы -k^{w}e-: *re-k^{w}e-pro-k^{w}e- букв. 'и назад и вперед', как скр. á ca párā ca [Ernout, Meillet 1967, 537]. Как энклитика re(d)-//ro(d)-, присоединенная к pro- "справа", эта частица,

возможно, содержится в лат. porrō 'вперед, дальше', в надписи porod [Ernout 1947, 33], происходящем или из *pro-rod, о последней форме может свидетельствовать позднейшая форма prō-porrō у Лукреция, или из *porso, как гр. πόρσω атт. πόρρω с тем же значением.

Следует отметить, что и латинское и греческое слова, означающие в пространственном значении 'впереди, перед глазами', во временном значении могут иметь смысл, диаметрально противоположный тому, который кажется естественным при нашем современном европейском понимании: они могут значить не только 'обращенный в будущее', но и 'обращенный в прошлое'. Так можно понять гомеровский стих οὐ δέ τι οἶδε νοῆσαι ἅμα πρόσσω καὶ ὀπίσσω (Ил. 1, 343) 'свесть настоящего с будущим он не умея, не видит...' (в перев. Н. Гнедича), т.е. понять его как 'свесть настоящего с прошлым он не умея...'. Ср. аналогичное лат. ... ex maioribus natu, qui se porro pueros a senibus audisse dicebant (Cic. Sen., 43) 'от старших по рождению, которые говорили, что — если глядеть назад — старики называли их мальчиками' [Treu 1955, 133—134].

Однако смысл 'прошлое' вытекает не прямо из значения *pro- 'здесь, перед глазами' (ср. τὰ πρὸ ἐόντα 'то, что есть в наличии, сейчас' [Lehmann 1980, 139]) — это значение остается. Особенный смысл связан с пониманием будущего как 'неизвестного, надвигающегося из-за нашей спины сюда' и с естественно противоположным пониманием прошлого как известного, как раз находящегося перед глазами, — что, по-видимому, было свойственно мироощущению древних греков. Косвенным аргументом служат противоположные значения этимологически тождественных слов — лат. progenies 'потомки', гр. πρόγονοι 'предки'.

Если, таким образом, сходство между слав. pro- и кельт. ro- довольно незначительно, то, напротив, лат. re(d)- (далее, для краткости будем писать наиболее распространенную форму re-) и кельт. ro- обнаруживают существенный параллелизм как в своих лексических значениях, так и в грамматических функциях. В следующих пунктах мы будем отправляться от нашей классификации латинского материала, подбирая затем к ней кельтские параллели. Речь, таким образом, идет и о значениях постулируемого и.-е. преверба *re-//*ro-.

а. В первичном и основном лексическом значении лат. re-, несомненно, означает просто 'назад, за спину или в заднюю часть какого-л. предмета': re-trō 'назад, позади', cubare 'лежать' — re-cubare 'лежать на спине', ligare 'связывать, привязывать' — re-ligare 'связывать позади (за спиной, на затылке)', manūs post tergum r. (Vellejus Paterculus) 'с. руки за спиной', comam nodo r. (Hor.) 'с. волосы узлом (на затылке)', Hector religatus ad currum Achillis (Cic.) 'Гектор, привязанный (сзади) к колеснице Ахилла' (но re-ligare в значении 'отвязывать' принадлежит уже к совсем другому кругу значений этой приставки). Отсюда — значение 'назад, к тому (человеку), кто говорит или действует (в данной

ситуации)', обозначение возврата действия в исходную точку, к его производителю, агенсу. Отсюда также близкое к этому обозначение такого изменения в положении тела, когда изменение заключается в перемене позы на том же месте: sistere 'ставить, останавливать' — re-sistere 'останавливаться' и 'снова становиться на ноги' (но re-sistere в знач. 'противодействовать' связано с другим кругом значений re-, см. ниже); sedēre 'сидеть' — re-sidēre 'оставаться сидеть на месте', in-clinare (простой *clinare отсутствует) 'наклонять, сгибать' — re-clinare 'наклонять назад, прислонять', и т.п. В кельтских языках это значение, кажется, отчетливо не прослеживается (но, возможно, у меня не достаточно материала).

Однако всюду прослеживается связанное с вышеназванным значение сконцентрированного внутри субъекта ментального (мыслительного или душевного) процесса (противоположное значению выхода за пределы, характерного для *pro-): лат. re-cord-ari (от cor 'сердце') 'вспоминать' (депонентный глагол), re-minisci (от перфекта memini) 'вспоминать' (депон.), ср. ирл. ro-fitir 'он знает', ro-la-methar 'он осмеливается', ro-cluinethar 'он слышит'. Эти глаголы всегда имеют ro- в изъявительном и сослагательном наклонениях при отсутствии какой-либо другой синтаксической приставки; иными словами, ro- не имеет здесь обычного перфективирующего значения [Льюис, Педерсен 1954, § 421]. В сущности все перечисленное выше — это типичные значения индоевропейского медия.

С лексической точки зрения эти значения мы назовем лексически "слабыми", но они как раз в наибольшей степени оказываются связанными с грамматическими значениями (см. ниже).

б. Вторичные, лексически "сильные" значения лат. re- — это 'возобновление, повторность действия' и 'противоположное действие, противодействие'. Они очевидным образом восходят к первичному значению. Промежуточным звеном в этом семантическом развитии послужило, вероятно, значение интенсивности действия, возникающего на основе первичного значения "возврат действия в сферу субъекта". В классической латыни это вполне продуктивная группа значений: undare 'вздымать волны, заливать, изобиловать' — red-undare 'разливаться, выходить из берегов, обрушиваться в изобилии', bullīre 'пузыриться' — re-bullīre 'бить ключом', frangere 'ломать' — re-fringere 'взламывать', frenare 'обуздывать' — re-frenare 'обуздывать, укрощать (силой)' и т.п. Ср. ирл. serc 'любить', собственно 'любовь', с усиливающей приставкой исконно обозначало 'сильная любовь' (а не 'полюбить') — нов.-ирл. ro-shearc [Там же, § 429]. С последним явлением можно сравнить французские неологизмы типа Rebonjour! 'Доброе утро еще раз!' при повторении приветствия и испанские восклицания типа re-te-guapa, re-que-te-guapa 'Ах, какая красивая!' при простом прилагательном типа guapa 'красивая'. В современном бретонском языке на территории Франции элемент -re- в значении 'слишком' может занимать различные, по существу "плавающие", позиции: re-garout 'слишком любить', re-hir 'слишком длинный'; 'один день лишний' передается как eun dervez re, а понятия 'слишком большой, слишком сильный' часто

передаются путем присоединения re- к следующему слову: 'вы взяли слишком большую охапку (затеяли непосильное дело)' — re-vriad hoc'h eus kemeret, где vriad 'охапка' [Vallée 1931, 760]. А.А. Королев обратил наше внимание на то, что в топонимии бывшей галльской территории современной Франции названия выдающихся холмов, утесов и т.п. нередко начинаются с префикса re-. В итальянском языке подобные усилительные значения re- совершенно не представлены, и поэтому их следует считать кельтским явлением.

В нескольких кельтских глаголах приставка com-, равнофункциональная с ro-, вставляется без перфективирующего значения между словообразующей приставкой и глаголом, если приставка проклитическая: ирл. ad-co-tade 'он добился', но ní etade 'не добился'; ad-con-darc 'я увидел', но ní acca 'я не видел'. Повествовательный претерит от глаголов 'слышать', 'видеть' часто сопровождается со n- 'впредь до, (и) тогда', которое представляется исследователям "совершенно излишним" [Lewis, Pedersen 1974, § 421]. В действительности, здесь, по-видимому, приставка, означающая интенсивность действия, протекающего внутри субъекта. Это явление сопоставимо со сходным фактом в древнеисландском языке, где приставки *of* и *um* означают достижение предела при "исключительных условиях, требующих от субъекта глагольного действия особых индивидуальных качеств" [Кацнельсон 1960, 333], ср.: Hinn er saell, /er sér um getr/ lof ok líknstafi (Hár. 8, 1—3) 'Счастлив тот, кто себе добудет (кто сумеет себе добыть) славу и благотворные руны'. Между прочим, это сравнение попутно показывает, что видовое значение "достижение предела" связано вообще с ограничительной приставкой (неважно, какой), а не избирательно с и.-е. *pro-.

Для нашего вопроса "сильные" лексические значения преверба интереса не представляют, наиболее интересны древнейшие, "слабые" лексические значения и их связь с грамматикой.

в. Грамматикализованные, если не полностью грамматические, значения превербов лат. re-, кельт. ro- также обнаруживают в обеих языковых системах параллелизм, хотя и не лежащий на поверхности фактов. Его семантическим центром оказываются, в общем, значения концентрации действия в субъекте, возврата действия в сферу субъекта и далее непереходности, медиального залогового значения, перфективности, — т.е. все те значения, которые связаны в латинском и с поствербом -r. Рассмотрим подробнее латинские факты.

Здесь просматривается, по-видимому, своеобразное дополнительное распределение лексических и грамматических (грамматикализованных) значений преверба: α) если преверб re- имеет "сильное" лексическое значение ("действие обратное или отрицательное по отношению к действию, выраженному глаголом без приставки"), то преверб не имеет никакого грамматического (залогового) значения или хотя бы его оттенка; β) напротив, если преверб re- не имеет "сильного" лексического значения (или имеет "слабое" лексическое значение, рассмотренное в пункте "а"), то преверб имеет грамматическое залоговое значение или сам по себе или, чаще, дублируя

либо значение возвратной частицы se, либо значение форм медиопассива на *-r*. При этом названные грамматические показатели часто здесь же присутствуют, результатом чего в этом типе оказываются (β) формы с "опоясывающим" показателем *re-... se; re- ... -r*. Именно этот тип и является важным аргументом в пользу тождества преверба *re-* и постверба (флексии) *-r*.

α) "Сильное" лексическое значение преверба при отсутствии грамматического значения: re-bellare '1. опять начинать войну, 2. сопротивляться, 3. вновь прорываться' — bellare 'вести войну' (также депон. bellari); re-calcitrare '1. бить задними (!) ногами, брыкаться, 2. не подпускать к себе, противиться' — calcitrare '1. бить ногами, судорожно бить ногами, 2. упорствовать, сопротивляться'; re-cedere 'уходить назад, уклоняться' — cedere 'идти, ходить, уходить' и т.п.

β) "Слабое" лексическое значение преверба при его медиальном грамматическом значении. Поскольку это значение преверба должно гармонировать с лексическим значением глагола (семы того и другого должны совмещаться, "быть синонимичными", чего не требуется при "сильном" лексическом значении этого преверба), то часто такое *re-* выделяет одно из лексических значений глагола, обычно переходное, и, придавая ему добавочное ("слабое") лексическое значение возврата действия к субъекту или его концентрации вокруг субъекта или в субъекте, делает глагол в этом значении медиальным или непереходным, т.е. образуется своеобразная лексико-грамматическая пара, например, sistere 'ставить' — re-sistere 'останавливаться' (тип 1). Наиболее часто встречаются следующие комбинации.

Глагол с re- получает дополнительно "медиализирующую" морфему — возвратную частицу se: например, dare в значении 'являть, доставлять' — se reddere convivio (T. Liv.) 'снова явиться на пир', а синонимичный глагол без re- при этом требует медиопассивной формы — dari 'явиться', jam dudum optabam te dari (Ter.) 'уже давно я желал, чтобы ты (объ)явился' (тип 2). Такие случаи, как (1) и (2), особенно показательны в интересующем нас вопросе: они свидетельствуют, что преверб re- часто сам по себе имеет "медиализирующее" значение.

Функциональные ассоциации частиц re- и -se не случайны. Возвратное и.-е. **se-* в разных языках выступает в роли медиализирующей частицы, — факт, широко известный, а иногда и в роли чисто перфективирующей частицы. Примером последнего могут служить фр. s'en aller 'уйти' при простом глаголе aller 'ходить'; исп. marcharse 'уйти', irse 'то же' при marchar, ir 'идти, ходить'; совр. белорус. *Взяў-ся шапку* 'Забрал шапку'. В белорусской конструкции обращает на себя внимание вин. падеж при глаголе с *-ся* — невозможный в том случае, если частица имеет возвратное значение, но, напротив, вполне обычный при формах перфекта: ср. рус. диал. (северо-зап.) *У меня страховку не выдано* 'Я не получил страховку', *У отца на другой женено-сь* 'Отец женился на другой'; рус.-укр. говоры (например в р-не Львова) *Здесь было башню построено,* и т.п. (Историю таких конструкций при причастиях на *-но, -то* см. [Мельничук 1966, 155—157].) Аккузатив объекта в "пассивной

конструкции" является нормой в др.-армянском (см. § 56). В славянских языках в этой перфективирующей функции обычно нейтрализуются различия аккузативной формы возвратной частицы (ср. рус. *ся*) и ее дативной формы (ср. рус. диал. *-си*, укр. *-си*) (ср. [Havránek 1928—37]). При этом в украинском языке *-си* не требует при глаголе приставочной формы сов. вида: *а сам си сиў и зачаў йисты паланыцю* [Якубинский 1953, 247] (транскрипция примера в форме этого автора), а в русском обязателен сов. вид: невозможны формы *шёлся, *селся, *лёгся, *жился, *спался, *ехался и т.п., но только *пришелся, прошелся; уселся; улегся; разлегся; остался; проехался, разъехался,* и т.п. (Любопытно в наши дни вспомнить примечание Л.П. Якубинского: "Причина этого явления мне неясна" [Якубинский 1953, 249].). Однако в русском возможны: *шел себе, сел себе, идет себе, сидит себе* и т.п. Таким образом, в украинском языке нет жесткой связи между перфективирующим и медиализирующим значением возвратной частицы, как в русском в данных формах. (См. ниже об универсальном характере связи этих семантических категорий.)

В латинском языке очень часто медиальное, или "медиализирующее", значение преверба дублируется не частицей se, а медиопассивной формой спряжения, возникает "опоясывающая" морфема (конфикс): premere 'унимать' — repremi 'униматься', imber repremitur 'ливень унимается, утихает' (тип 3).

Иногда при том же соотношении, что в типе 2, простой глагол в соотносительном лексическом значении получает форму не медиопассива, а частицу se, уподобляясь глаголу с re-: se dare 'явиться' — se reddere 'снова явиться', однако чаще всего при этом сохраняется и форма медиопассива и возникает тройное соотношение типа: dari // se dare — se reddere (тип 4), и т.д. (подробнее [Степанов 1987]).

Определенную параллель к изложенному составляют кельтские данные о перфективирующем превербе ro-, которые можно найти в упомянутой работе Г. Льюиса и Х. Педерсена [1954, гл. XXX].

В этой связи следует упомянуть еще одну особенность латинского глагола, отмеченную (не совсем точно) М. Лойманом: иногда имеется одна форма перфекта к двум формам презенса, различающимся по видовому и залоговому оттенкам: sto steti stare 'стоять' — re-sisto re-stiti (re-steti) re-sistere 'останавливаться', где форма перфекта одна и та же [Leumann 1975, 381]. Формулировку М. Лоймана можно уточнить: в таких случаях — имеется не по два, а по три соотносительных глагола для каждой позы. Всего таких случаев три, это главные позы человеческого тела — "стать // стоять", "сесть // сидеть", "лечь // лежать". Так, для "стать // стоять": 1) sto steti stare 'стоять', 2) sisto stiti (steti) sistere 'ставить', 3) re-sisto re-stiti (re-steti) re-sistere 'останавливаться', 'становиться на ноги'. (В общем так же в двух остальных случаях.) Одна форма служит здесь формой перфекта не к двум, а к трем презенсам. Приставка re- играет здесь двоякую роль. В оппозиции sistere: re-sistere она играет залоговую, "медиализирующую" роль, делая переходный глагол непереходным (так же sedare: residere в группе "сидеть"; правда, при sedare перфект sedavit но он явно новый, вытеснивший прежний sedit, как re-stavit вытеснил re-stitit и re-secavit — re-secuit). В оппозиции же stare: re-sistere, re-stare приставка re- играет перфективирующую роль, делая непредельный глагол предельным (так же cubare: recumbere в группе "лежать").

При этом рядом с формами с re- часто имеются еще формы с приставкой ad-, отличающиеся некоторыми дополнительными видовыми и залоговыми оттенками. Обычно приставка ad- играет перфективирующую, но не "медиализирующую" роль (в залоговом отношении она может делать непереходный глагол "поверхностно переходным": ad-stare aliquem 'встать рядом с кем-л.').

По этой линии также лат. re- (и частично лат. ad-) сопоставимы с кельтскими приставками. Кельт. ad- употребляется как перфективирующая приставка в таких лексемах, где com- является первой словообразующей приставкой, но после синтаксической приставки в качестве перфективирующей приставки употребляется не com-, а ro- [Льюис, Педерсен 1954, § 416, 417]. Таким образом, кельтские ad- и ro- как бы несимметричны, но равнофункциональны в разных позициях (и оппозициях), как и латинские.

г. Особая группа значений лат. re- представлена в большом количестве глаголов, часто продуктивного (так назыв. первого) спряжения на -āre, не имеющих формы перфекта и/или супина. Ср.: rebitere 'возвращаться', reboare 'откликаться', recalcare 'снова подпирать', reconcinnare 'чинить', reconcludere 'запирать', reconflare 'вновь раздувать', и т.д. (Обратим внимание на нередкое сочетание re- и con-//com-, как и в кельт.) Всего по подсчетам, сделанным нами по "Латинско-русскому словарю" И.Х. Дворецкого (2-е изд. М., 1976), на общее число ок. 364 глаголов с re- таких глаголов, как приведенные выше, без формы перфекта ок. 137 и без формы супина ок. 160 (часто один и тот же глагол не имеет ни той, ни другой формы).

Но если отсутствие супина свидетельствует прежде всего об ограниченности этого типа словообразования, то отсутствие перфекта-претерита (как известно, в латинском языке перфект в простых, не перифрастических формах является претеритом) при начальном элементе *re-* кажется некоторым образом сопоставимым с отсутствием претеритного значения при конечном элементе -r в хеттском и тохарском языках. В обоих этих языках сфера элемента -r ограничена формами презенса, но если в хеттском отсутствие или присутствие -r не меняет значения формы, то в тохарском медий, не имеющий этого показателя, всегда является претеритом медия [Pedersen 1941, § 77, 79; Sturtevant, Hahn 1951, 146]. С этой дистрибуцией в общем сопоставима дистрибуция перфективирующего преверба ro- и флексии на -r в ирландском: преверб ro- принимают в изъявительном наклонении претерит и настоящее время, т.е. как раз те формы парадигмы, которые в медиопассиве и в депонентных глаголах имеют флексию на -r. Имперфект, никогда не имеющий флексии на -r, принимает приставку ro- только в сослагательном наклонении, т.е. в позиции семантической нейтрализации категории времени. (Что касается ирландского преверба ro- в сфере претерита, то это сравнительно недавнее явление, основу которого составляет всеобщий языковой процесс, универсалия: перфект постоянно соскальзывает в сферу претерита. В соответствии с этим ro-, начиная со среднеирландского, неуклонно распространяется из перфекта на претерит.)

Подтверждение нашей гипотезы о частице-превербе и.-е. *re-//*ro- мы видим в уже упомянутой статье А. Алквиста, исходящей целиком из внутреннего анализа древнеирландского материала [Ahlqvist 1975, 162—167]. Автор разделяет др.-ирл. префикс *ro-* на два префикса-преверба — фиксированный и подвижный, обладающие каждый особым синтаксисом и семантикой. Для каждого из обоих ro- автор постулирует особый источник. 1) Фиксированное *ro-* (fixed *ro-*) следует, в общем, тем же правилам, что и другие древнеирландские превербы: оно является проклитикой (будучи первым превербом в девтеротонической глагольной форме), не вызывает лениции в глагольном корне, но, в отличие от других превербов, оно занимает в шеренге превербов обычно место, ближайшее к глагольному корню: rocretus (Wb. 17^a 6) 'I have believed', canirochretset (Wb. 10^c 20) 'have not they believed?' (*ro-* – под ударением), arforchelta (Wb. 4^c 37) 'they have been cared for' (*ro-* в безударной позиции); в обоих последних случаях *ro-* регулярно вызывает лениицию. Это *ro-* может быть объяснено как этимологически тождественное скр. prá, гр. πρό, которые характеризуются сходными синтаксическими признаками.

2) Подвижное *ro-* (movable *ro-*) обычно идет сразу после первого предударного преверба, независимо от того, является ли последний превербом-предлогом или связанной частицей. Это обстоятельство заставляет такое *ro-* изменять свою позицию внутри глагольного комплекса, если добавляется еще один преверб; оно может остаться в предударной позиции и, следовательно, безударным, но всегда вызывает лениицию (другие др.-ирл. предлоги-превербы в предударной позиции этого эффекта не производят): niruthógaitsam nech (Wb. 16^a 22) 'we have deceived no one'. Всеми этими чертами подвижное *ro-* отличается от других предлогов-превербов, но сходно со связанными ("инфигированными") местоимениями, а также со словом *-ch* 'и'. Это *ro-* автор возводит к синтаксической частице и.-е. *ŗ-, давшей, с другой стороны, гр. ἄρα, лит. *ir* 'и', зап.-тох. *ra-* 'и'. По мнению А. Алквиста, это *ro-* более молодое, чем первое.

В заключение А. Алквист обращает внимание на то, что оба *ro-* имеют одну и ту же важную синтаксическую особенность: они появляются только при глаголах, которые обладают связанными окончаниями. Последние же, вероятно, соответствуют и.-е. "вторичным" окончаниям, что, в свою очередь, может объяснить факт, обнаруженный К. Уоткинсом: в греческом языке частица (ἄ)ρ(α) в несколько раз чаще встречается при глаголах с вторичными окончаниями, чем при глаголах с первичными окончаниями.

По мнению А. Алквиста, происхождение подвижного *ro-* из частицы может объяснить, почему этот элемент "в отличие от местоимений, не встречается в позиции суффикса глагола: именно потому, что он уже занял свое место в этой позиции, но только в совершенно другой функции — маркера медиопассива" [Ahlqvist 1975, 166]. Это мнение вполне согласуется также и с нашими выводами; однако, в отличие от А. Алквиста, мы считаем, что обе упомянутые здесь функции в действительности весьма сходны.

Итак, в силу всего вышесказанного кажется весьма вероятным, что и.-е. частица *re- // *ro- со значением 'назад, к тому, кто говорит или действует (к субъекту или агенсу)', могущая быть проклитикой и энклитикой и при этом соединяющая свое значение с функцией дейксиса, т.е. непосредственного указания на нечто, имеющее место "здесь и сейчас", была включена в глагольные формы со значением медиопассива и не-претерита (т.-е. презенса или перфекта, — перфекта не в смысле латинской грамматики) в виде элемента -r, постверба, присоединяемого "справа", энклитически, в латинском, оско-умбрском, кельтских, тохарском, хеттском, лувийском и фригийском (а также — эта давно дискутируемая возможность не отвергается — в ряде форм древнеиндийского перфекта и армянского императива) и в виде добавочного элемента, преверба, присоединяемого проклитически, "слева", в кельтских (ирл. ro-) и италийских (лат. *re-*) языках.

Эта же частица в энклитической, "правой" позиции может быть отождествлена с греческой частицей -ρο//-ρε,представленной в наречии δεῦρο 'сюда, здесь' (в аттической надписи δεῦρε), которое анализируется как шеренга частиц δε + αὖ // ὐ + ρο // ρε [Schwyzer 1968, I, 632; 798; Frisk I, 1973, 371—372; ср. ранее Brugmann II (2), 1892, 343], где δε — усилительная частица (ср. рус. *же*), αὖ снова, -ρο 'сюда'. Та же шеренга без δε полностью параллельна лит. aurè 'вот'. Функциональное сходство -ρο с глагольной флексией подтверждается параллелизмом δεῦρο — δεῦρε — δεῦτε 'внимание, слушайте', где -τε — флексия 2 л. мн. ч. Связь элемента -ρο в этом наречии с и.-е. глагольными окончаниями на -r утверждается также в работе [Beattie 1950], но автор устанавливает эту связь по линии категории "безличности". Относительно же корня, или, точнее, оставшейся по выделении окончания части рассматриваемого слова, он высказывает совершенно иное мнение, возводя ее к глагольному корню и.-е. *dew- 'идти, приходить'.

Эту же дейктическую частицу в форме -ro- находим в микенском de-we-ro (PY Ng 319): de-we-ro-a$_3$-ko-ra-i-ja: Deuro-aigolaia — название провинции Пилоса 'Ближняя' [Казанскене, Казанский 1986, 155]. В этом названии рассматриваемая частица функционально полностью параллельна лат. ci(s) также в названии провинции Gallia Cisalpina 'Галлия по сю сторону от Альп'.

Что касается "плавающей" позиции частицы, то энклитической, то проклитической, то ближайшим аналогом могут служить факты кельтских, славянских и балтийских языков: ср. польск. uda się 'удастся' — jak się uda 'как удастся', лит. praustis (-s=-si) 'мыться' — nusiprausti (nu-si-praus-ti) 'умыться' и т.п. (также § 13).

В дейктическом характере рассматриваемой частицы ничто не обнаруживает ее связи с 1 или 2 л. По-видимому, она связывалась с 3 л., "не-лицом", по выражению Э. Бенвениста. Этим можно объяснить широкоизвестные в латинском синтаксисе ассоциации форм на -r в 3 л. ед. ч. с безличностью и неопределенной личностью (calētur 'жарко, парит', estur 'едят', bibitur 'пьют' и т.п.). Распространение и.-е. форм с этим элементом было, по-видимому,

поддержано исконным существованием в парадигме перфекта формы на -r в 3 л. мн.ч., возможно иного происхождения. Взаимодействие двух флексий с -r — 3 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. отвечало перекрещиванию форм и.-е. перфекта и медия, известному в деталях в древнеиндийском материале (см. § 7).

§ 20. Изложенному выше процессу можно найти многочисленные типологические параллели в языках разных семей. Правда, эти параллели не относятся к форме, т.е. использованию именно частиц, что составляет, по-видимому, довольно своеобразную, если не уникальную, черту индоевропейских языков. Однако является если не универсалией, то почти универсалией (фреквенталией) взаимосвязь ("пучок") следующих семантических и грамматических категорий: 1) движение назад, к субъекту или агенсу действия, 2) возврат действия, возвратность действия, 3) многократность действия, 4) интенсивность действия, 5) обращенность действия на субъект — рефлексив, 6) замыкание действия в сфере субъекта — медиальный залог, медий. Иерархия этих категорий и последовательность их возникновения определенно не установлены и, скорее всего, осуществляются по-разному в разных языках, определяясь их конкретно-историческими и этническими системами. В приведенном перечне порядок в общем произволен, хотя очевидно, что первые позиции, опять-таки в общем, возникают раньше конечных. Многочисленные конкретные примеры см. в работах [Серебренников 1974, 215; Долинина 1978].

§ 21. Флексия на *-r* в запретительном императиве классического армянского языка (mi berer 'не приноси'), распространенная также на собственно императив ("увещевательный") в комбинации с различными другими аффиксами (mecac^{c}-ir, mecas-ǰ-ir mecac^{c}-ar-uk), объясняется разными исследователями по-разному. Одни, начиная с А. Мейе [Meillet 1936, 119], возводят ее к и.-е. частице со значением 'итак, именно, ведь', представленной также в гр. ἄρ//ῥά//ἄρα, лит. союзе ir 'и' и др. Это объяснение отделяет флексию императива от содержащих элемент -r флексий и.-е. медиопассива и армянских форм прошедшего времени. Стремясь именно объединить все эти флексии, другие исследователи [Pedersen 1941, § 84; Джаукян 1982, 194; и др.] возводят их к суффиксу отглагольных имен -ter, употребленных в качестве предикатов безличных предложений, нечто вроде *bhereter 'он носитель' в значении 'он приносил' (сравнивают арм. berēr 'он приносил' с фриг. αβ-βερετορ, и т.д.). Однако такое, именное, происхождение флексии представляется мало вероятным, в то время как ее происхождение из частицы, напротив, не вызывает сомнений и в настоящее время принимается едва ли не большинством лингвистов, и происхождение всех флексий с -r объясняется именно на этой основе (ср. [Watkins 1969, 194—197]). Специально о флексии *-r* в и.-е. императиве см. [Beattie 1950, 15]; автор видит здесь выражение "безличного императива", обращенного к неопределенным лицам, наподобие англ. "let there be...", "there shall be + причастие или gerund". Вопрос, однако, состоит в том, к какой именно частице возводится элемент -r. Мы, как уже

было сказано выше, отождествляем этот элемент с дейктической частицей *re-//*ro-.

Происхождение флексии армянского запретительного императива в таком случае объясняется не как первичное присоединение этой частицы к каким-либо глагольным формам, уже употреблявшимся в императивной функции ранее, но без частицы, а как вторичное употребление частицы, опосредованное сложившимися ранее глагольными формами с r-флексией, — именно формами медиопассива в сфере перфекто-презенсов. Иными словами, армянский запретительный императив возникает на базе перфекто-презенсов с уже имевшимся в них элементом -r. Общая причина этого явления объясняется типологией индоевропейского и ареального, кавказского императива.

Как показал К.Х. Шмидт [Schmidt 1969, 223—232], императив в картвельских языках имеет следующую систему: 1) императив в собственном смысле строится на аористных основах, 2) запретительный императив, прогибитив, строится на презентных основах (в этой функции употребляются также различные формы конъюнктива); прогибитив подразделяется на 2а) превентив, запрещение предпринимать действие, и 2б) ингибитив, требование прервать действие, находящееся в процессе совершения. Далее К.Х. Шмидт показал, что в индоевропейских языках превентив требует перфективных основ, а ингибитив — имперфективных. Ср. лат. ne fac 'не делай так (перестань как делать)', ne faceris 'не делай так (ты не будешь так делать)'. Типология К.Х. Шмидта оказалась настолько удачной, что ее можно применить к объяснению многих фактов императива, вплоть до тонких, казавшихся ранее чисто стилистическими, различий в таких языках, как современные русский и французский. Ср. рус.: превентив (сов. вид) *Смотри не сломай стул;* ингибитив (несов. вид) *Не ломай стул;* превентив в библейских переводах (сов. вид) *Не убий* против разговорного *Не убивай эту букашку.* Ср. совр. фр.: превентив в библейских переводах Tu ne tueras pas (по форме буд. время) против разговорного Ne tue pas (императив).

Эта типология была применена и к объяснению армянского императива, основное распределение которого вполне совпадает с картвельским. В классическом армянском собственно императив образуется от основы аориста; запретительный императив (прогибитив) с отрицательной частицей mi (и.-е. *mē) — от основы презенса; увещевательный императив, строящийся на основах аориста, совпадает во мн. ч. с основой 2 л. мн. ч. будущего: буд. gt-ǰ-ikᶜ '(вы) найдете' — увещ. имп. gt-ǰ-ir 'найди', gt-ǰ-ikᶜ 'найдите'; буд. sires-ǰ-ikᶜ '(вы) полюбите' — увещ. имп. sires-ǰ-ir 'полюби', sires-ǰ-ikᶜ 'полюбите' (ср. картвельский и индоевропейский превентив) [Schmidt 1969, 230; Джаукян 1982, 163].

Эта система распределения основ позволяет понять особенности флексии: -r в армянском императиве должен быть объяснен как перенос флексии с -r, сложившейся в сфере и.-е. презенса и перфекта, в сферу императива в силу специфических особенностей последнего: и.-е. императив-прогибитив в типологической системе кавказского ареала.

§ 22. Как уже было сказано (§ 4), согласно современным взглядам, морфология и.-е. перфекта представляется в своих истоках основанной на предикативных словах типа наречий. (Разумеется, термин "наречия" употребляется здесь условно, за неимением более подходящего: речь идет о предикатных словах, лишенных показателей спряжения.) В процессе развития залогово-временных категорий прото-перфект приобретал черты регулярного спряжения, особенно полно выраженные в греческом и древнеиндийском языках. В соответствии с нашей исходной гипотезой, этот процесс оформления перфекта следует представлять себе как присоединение дейктических частиц, обеспечивающих референцию первоначально безличных предикативов-"наречий" к соответствующим участникам речевого акта — 1, 2 и 3 л. ед. ч.

Мы хотим еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о гипотезе, на наш взгляд, достаточно мотивированной, синтаксически объясняющей происхождением флексий перфекта. Эта гипотеза не исключает, а, наоборот, предполагает наличие второго, морфологического источника тех же флексий (который традиционно единственно принимался во внимание, но далеко не всегда удовлетворительно объясним) (см. Введение).

В процессе обсуждения нашей идеи были высказаны следующие два основные критические замечания. И.М. Дьяконов, К. Уоткинс и др. указали на произвольную, по их мнению, привязку той или иной дейктической частицы к тому или иному лицу (так, частица и.-е. *-u могла бы быть связана не с 1, а с 3 л. ед. ч., и т.п.). Ответ на это замечание заключается в том, что соотнесение частиц и флексий производится здесь на основании их *материального* сходства, т.е. на основании того же критерия, который применяется и в морфологической реконструкции: частица *-u связывается с 1 л. ед. ч. на том основании, что в анатолийских языках "чисто морфологический" элемент -u (-w) флексии глагола наиболее тесно связан именно с 1 л. ед. ч. [Benveniste 1962a, 17—18; Иванов 1981, 48; и др.]; и.-е. частица *-k̂(e) соотносится с 3 л. ед. ч. на том основании, что материально тождественный элемент в греческих перфектах распространяется первоначально из 3 л. ед. ч. [Schwyzer 1968, I, 775—776], и т.д. применительно ко всем дейктическим частицам. Конечно, при малой изученности индоевропейского дейксиса и отсутствии его целостной картины в настоящее время здесь имеется много пунктов для обсуждения.

Э. Поломэ, принимая нашу точку зрения в целом, указал на то, что источником перфектных флексий могли быть не только дейктические частицы, но и глаголы. Типологической параллелью может служить суахили, где показатель прошедшего времени li восходит к глаголу 'быть', показатель будущего ta — к глаголу 'хотеть' (taka), показатель настоящего na — к предлогу со значением совместности (ср. рус. *с*) [Polomé 1965]. Аналогичное замечание высказал П. Хоппер [P. Hopper]. Эта точка зрения является, на наш взгляд, вполне обоснованной, но относится, скорее, к перфекту на иной стадии его развития, — когда собственно перфект, или статив, внедряются в систему "времен" (tenses).

Общий фон рассматриваемого нами процесса кажется достаточно ясным после анализа связей между частицей *re-//*ro- и флексией медиопассива на -r (§ 19). Далее мы продолжим рассмотрение возможный связей между другими и.-е. дейктическими частицами и флексией перфекта греко-арийских языков, расположив их по значению дейксиса — 3, 2, 1 л. ед. ч., начав со сферы 3 л.

Наиболее распространенная точка зрения состоит в том, что эле-

мент -k- в греческих перфектах на -κ(α) непосредственно перенесен из аористов ἔθηκα, ἔδωκα [Wackernagel 1904; Chantraine 1967, 194] и стоит в тесной связи с перфектами-презенсами ἧκα 'я пришел', ἕστᾱκα (ἕστηκα) 'я встал, я стою'. Семантическая необычность этого суффикса привлекала внимание исследователей. Й. Кноблох [Knobloch 1951] высказал преположение о том, что суффикс *-k- в ед.ч. аористов этих трех глаголов был некогда особой "сингулятивной" формой, подчеркивающей единичность субъекта. Это предположение легко комбинируется с гипотезой Э. Швицера (см. ниже). Относительно предшествующей стадии — возникновения самого элемента -k- выдвинуты две точки зрения. Согласно первой из них [Brugmann 1881], этот элемент является по происхождению глагольным распространителем корня со значением ограничения, предельности действия, встречающимся в формах и.-е. презенса. В греческом К. Бругман находит этот элемент в его наиболее древнем виде в двух формах: 1. ὀλώλεκα 'убил', переходном перфекте одновременно к ὄλλῡμι 'погибать' (неперех. перфект ὄλωλα 'погиб') и к ὀλέκω 'губить' (причем презенс ὀλέκω здесь уже гомеровский, а перфект засвидетельствован только начиная с Геродота), и 2. δέδωκα 'дал', заместившем более старый перфект *δέδω(α) и соответствующем др.-инд. форме dadā́ša, 3 л. мн. ч. dadā́šimā (гр. δεδώκαμεν). (Всего имеется 6 таких словоформ, из которых К. Бругман после критического анализа оставил указанные две [Brugmann 217].)

Согласно второй точке зрения [Schwyzer 1968, I, 775—776], этот элемент восходит к греческой дейктической частице -κ(ε) 'здесь, сюда'. Таким образом форма типа ἕστᾱκε 'он встал (и стоит)' является результатом соединения элемента, совпадающего с чистой основой ἑστᾱ+κε. Первоначально, по мнению Э. Швицера, это соединение имело место в 3 л. ед. ч. (такова же и наша точка зрения), форма же 1 л. ед. ч. с -κα является результатом "склеивания" указанной частицы и окончания 1 л. ед. ч. -α. Из примеров Э. Швицера [Там же] следует также, что эта частица могла занимать "плавающую позицию" во фразе (это характерно и для других частиц, например, для *-re//*-ro): она примыкает к глаголу "слева" в κέ-κλυτε букв. 'слушайте сюда!' и в оск. ce-bnust 'huc venerit', 'сюда пришел он'.

Наша гипотеза заключается в том, что гр. -κ(ε) в перфекте представляет собой по происхождению три элемента, соединившихся в одном показателе: 1) и.-е. дейктическую частицу *k̂(e) (главный источник), 2) и.-е. глагольный расширитель корня *-k-*, совпадение которого с первым элементом — частицей поддержало новую функцию последнего, подобно тому, как это имело место, по-видимому, и в флексиях с *-r* (§ 19), 3) и.-е. частицу *kʷom (*kʷom, *qom), послужившую, возможно, вспомогательным источником; она представлена в виде модальной частицы в гр. κα, κε(ν) и др. (см. ниже).

Исходя из этого положения, рассмотрим некоторые детали. В гр. имеется три древних аориста на -k-: ἧκα, ἔθηκα, ἔδωκα. При этом ἧκα служит одновременно аористом к ἵημι 'посылать, двигать' и перфектом-презенсом к ἥκω 'я пришел', — именно этот глагол, примыкающий к группе "позы человеческого тела" (как уже неоднократно отмечалось выше, — центральной группе в системе глагола), может

рассматриваться и как центральное звено в формировании греческих перфектов на -κ(α). К. Бругман в упомянутой работе выдвигал на эту роль глагол δίδωμι, ἔδωκα, что менее вероятно. Помимо сказанного о центральной роли "поз", можно добавить, что приведенные К. Бругманом др.-инд. формы dadā́ša dadā́šima 'совершать жертвоприношение' требуют критического осмысления, в "Малом Петербургском словаре" О. Бётлинка они не приведены. Напротив, ἧκα и перфект (к ἵημι) εἷκα (из *Fέ-Fε-κ-α или по аналогии с более ранним в этой лексеме перф. мед. εἷμαι) соответствуют вполне регулярному вед. vi-vā́ya от корня vī-, 3 л. ед. ч. véti 'выходить, стремиться к обладанию' (где, кстати, "предельное" значение, вопреки мнению К. Бругмана, не сопровождается никаким суффиксом или расширителем корня), ср. лит. výti vẽja vìjo 'гнать, гнаться; вить (веревку)'. Два других гр. аориста, ἔθηκα, ἔδωκα и соответствующие им гр. перфекты имеют параллелью вед. перфекты с архаической флексией 1 и 3 л. ед. ч. *-(a)u*. (См. также § 54.)

Ф. де Соссюр считал, что в этих др.-инд. формах первоначально 1 л. имело флексию *-*m*, а 3 л. флексию *-*au*, причем последняя, по Соссюру, закономерно фонетически восходит к обще-и.-е. *-ā, которое в свою очередь состоит из сочетания, содержавшего в себе ларингальный a_2. В др.-инд. окончание 3 л. ед. ч. *-au было перенесено также на 1 л. ед. ч., вытеснив окончание *-m [Соссюр 1977, 435]. Предположение о закономерно-фонетическом происхождении др.-инд. *-au* требовало бы в настоящее время нового анализа. Но кажется весьма вероятным предполагаемое де Соссюром единство парадигмы ед.ч. перфекта в корнях с исходом на гласный. В таком случае по крайней мере для этого типа корней морфологически отчетливо обрисовывается тот элемент (постулируемый Е. Куриловичем в достаточно неопределенной форме, см. § 4, а также [Семереньи 1980, 347]), к которому примыкает окончание; этот элемент — *stā-, *dō-, *dhē- (соотв. гр. -στᾱ-κα, -δω-κα, -θη-κα) — чистая основа.

Именно в корнях (и основах) такого типа в древнеиндийском имеется перфект на *-au*, а в гомеровском языке первоначально засвидетельствован перфект на -κ(α), при этом последний почти всегда в ед. ч. индикатива и конъюнктива и только с чисто непереходным (не результативным) значением [Schwyzer 1966, I, 774]. В языке Гомера таких перфектов 21 [Brugmann 1881, 213]: ἕστηκα 'встал (и стою)', βέβηκα 'я пришел (и здесь)', δέδῠκα 'погрузился', μέμῠκα 'мычит, ревет', и др. К этому списку надо присоединить также достаточно древние формы γέ-γᾰκα 'родился' (γίγνομαι), ἔφθῐκα 'кончаться, проходить' (φθίω), κέχῠκα 'лежать, быть рассыпанным, разлитым' (χέω), τέθηκα 'быть положенным, поставленным', и уже упомянутые εἷκα, ὀλῶλεκα.

В глаголах этого морфологического и семантического типа легко представить себе появление дейктического элемента *-k̂-, гр. -κε- первоначально в форме 3 л. ед. ч. и его немедленные ассоциации с суффиксом или детерминативом *-k-* (два источника одной парадигмы).

Присоединяемое дейктическое и.-е. *-k̂(e)- мы отождествляем ближайшим образом с частицей -κε-, представленной в сфере дейксиса 3 л. в препозитивной и в постпозитивной позициях в κεῖνος 'тот' (ион.,

эпич., поэтич.) и ἐκεῖνος из *(ε)-κέ-εν-ος. Под влиянием этих форм образовались вторичные дейктические наречия ἐκεῖ, κεῖ, κῆ, κεῖ-θι, ἐ-κεῖ-θι 'там', κεῖ-θεν, ἐ-κεῖ-θεν 'оттуда' и 'с того времени' [Schwyzer 1968, I, 613], где -θι и -θε(ω) — также дейктические частицы с локативным значением; в препозиции в исключительном случае: κέ-κλυ-θι, κέ-κλυ-τε 'послушай, послушайте' [Там же, 804] (ср. рус. областн. *Слушай сюда!*).

Дейктический элемент *k̂(e) или *k̂(i), по А. Мейе, служил для обозначения приближенного объекта во всех индоевропейских языках, кроме индоиранских [Мейе 1951, § 504]. В этих языках отсутствует и перфект на *-ke-. Приуроченность этой частицы к определенной сфере дейксиса не вполне ясна. В.В. Иванов [1979а, 23 сн.] связывает ее со сферой 1 л. и с местоимением 1 л. Однако можно различать две категории — "приближенность" и "лицо"; "приближенность" может быть в сферах как 1 л., так и 2 и 3 л. Так, по-видимому, смотрел на этот вопрос и А. Мейе (см. [Мейе 1951, 353, § 502]); "приближенность" часто означает динамику — "приближение", "возврат" "сюда, к месту речи", ко всем участникам речевого акта одновременно. Этого дейктического происхождения лит. šì-s 'этот', ст.-сл. се 'это, вот', се-му 'этому', которые сочетают указание на 3 л. на положение близкое к говорящему, т.е. к 1 л. В др.-инд. asáu 'тот' также комбинируются 3 л. и *-u-* ближайшего к 1 л. дейксиса. То же сочетание в гр. κεῖνος из κε-εν-ος, где второй компонент тождествен гр. ἔν(ος) в слове ἔνη 'третий день', букв. "тот день" (указ. соч., 613), а также срб.-хрв. *эно* 'это (у него)', рус. *он*, лит. anàs 'тот' и т.д.

Та же частица *-k̂(e)- представлена вторым компонентом в лат. ec-ce 'вот, вот здесь', являющимся также суффиксом наречий, а первый компонент *ek- или *et- тождествен h- в лат. hic 'здесь', оск. ek-a-k 'сюда', ek-i-k 'это' [Ernout, Meillet 1967, 191].

Уже упомянутым выше конечным элементам наречий гр. -θι, -θα, -θεν соответствуют также атт., арк., кипр. -τε, лесб. -τα и, что особенно важно в данной связи, дор. -κα: например ион., атт., кипр. πο-τε 'куда?' — дор. πό-κα 'то же', так же ὅτε — ὅκα, τότε — τόκα [Schwyzer 1968, I, 629]. В силу соотношения -τε: -τα: -κα естественно предположить, что в основе дор. -κα лежит общегр. *-κε, соответствующее италийскому суффиксу наречий *-k̂(e), лат. -ce, в конечном счете та же самая дейктическая частица и.-е. *-k̂(e). В греческом ее первоначальным или, во всяком случае, древнейшим значением была, по-видимому, комбинация двух сем 'у него, около него, 3 л.' и 'назад, туда, к нему же, к 3 л.', о последнем значении свидетельствует ион., атт. αὖτι-ς 'назад', αὐτό-θι-ς, αὖ-θι-ς 'то же', αὖ-θι 'снова' (у поэтов эллинист. эпохи), αὖ-τε 'снова' и αὐτί-κα 'тотчас, теперь же, да вот (например)'. В силу такой комбинации сем элемент -κε//-κα мог легко оказаться присоединенным к основе перфекта, первоначально в 3 л. ед. ч.

Третьим, побочным, источником греческих перфектов на -κ(α), возможно, явилась, как уже было сказано, и.-е. частица *kʷom (*kʷom, *qom), давшая греческую модальную частицу κα, κε(ν) и, с другой стороны, преверб с видовым перфективирующим значением — хет. kan [Bader 1973, 70; Иванов 1979], лат. com-, др.-ирл. con- (§ 19), а также,

вероятно, частицу, входящую в формы балто-славянского императива, — *k(a).

Во многих случаях имеется несомненное тождество, с одной стороны, дейктических частиц, означающих место около одного из трех лиц-участников речевого акта ('я', 'ты', 'он'), и, с другой стороны, частиц, входящих в формы императива. В литовском императивное -k- (duok 'дай'), усилительное -ka, -ki при императиве и при наречиях места вост.-лит. tijouka, unaka 'там', šijouka 'здесь' являются, по-видимому, вариантами одной и той же частицы [Топоров 1979, (3), 103], ср. также [Hamp 1978]. Армянский "увещевательный" императив на -ǰ-ir 2 л. ед. ч. и -ǰ-ikᶜ 2 л. мн. ч. восходит к формам с той же и.-е. частицей *-dhi (*-dhi- > -ǰ), что и указанные с гр. с -θι [Джаукян 1982, 192]. Но гр. -θι в имп. 2 л. ед. ч. (ἴθι 'иди') и -θι в наречиях места (κεῖ-θι, πῶ-θι и т.п.) представляют собой, по-видимому, одну и ту же локативную частицу.

В литовском говоре района Гервечяй имеется постпозитивная частица -k, синонимичная с общелит. -p(i) из piẽ, pỹ (пралит. *-pí̯e), означающая, как и эта последняя, движение к объекту или нахождение около него: dukterik (dukteri-k) tai jau ne namiẽ 'у дочери — это уж не дома', где dukterik 'у дочери' синонимично с диал. pie dukterį и с общелит. литературным pas dukterį, ср. диал. форму местного падежа адессива miškíepi 'у леса', brolip 'у брата'. Эта же частица -k в этом говоре употребляется пережиточно и в 3 л. косвенного наклонения galėčiak вместо galėčiap (из *galėciabi) [Zinkevičius 1980, I, § 415]. Происхождение этой лит. частицы связывается с фонетическим переходом [p] в [k] в упомянутом говоре (указ. соч.). Однако, скорее всего, она непосредственно восходит к и.-е. *-kʷom. Об этом свидетельствуют и такие лит. формы других говоров, как miškiepi // prie(g) miško 'у леса' (указ. соч. § 417), где *-g* — по-видимому, та же самая частица, что вышеупомянутое *-k*, но в проклитическом положении (ср. также выше о превербе pie-).

Синонимия литовских частиц -p (pi), pie, с одной стороны, и -k, с другой, восходит, по-видимому, к синонимии их индоевропейских прототипов. Если частицы, употребляющиеся при формах императива, те же самые (см. выше), то параллелизм *-kʷom и *-pe- и одновременно их "плавающая" позиция, то энклитическая, то проклитическая, подтверждается формами императива. Ср., с одной стороны, лит. duo-k 'дай', рус. *дай-ка* и т.п., с другой, тох. от лексемы 'положить' акт. p-tas, мед. ед. ч. pə-tstsār, мед. мн. ч. — pə-tstsāc [Pedersen 1941, 195], а также гр. -κε, которое в исключительном случае в препозиции в императиве κέ-κλυ-θι, κέ-κλυ-τε 'послушай, послушайте' может восходить как к дейктической, так и к данной частице.

§ 23. Флексией 2 л. ед. ч. перфекта, согласно общепринятой точке зрения, является *-tha или *-t + *ha. Эта форма принята главным образом на основании данных древнеиндийского, где вед. vet-tha закономерно фонетически выводимо из нее. При этом -tha может представлять как и.-е. зубную придыхательную, так и сочетание *-t + *ha, где *-ha в таком случае может быть истолковано как показатель ка-

тегории неактивности в глаголе, тождественный с таковым в 1 л. ед. ч. перфекта -а<*На (ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 12 сн., 58, 298]). Такой реконструкции не противоречат также гот. waist и гр. Foῖσ-θα .

Однако греческий указывает и на другую возможность: -θα из *-dha. На эту возможность, не приведя аргументов, указал А. Мейе в первых изданиях своего "Введения" [Мейе 1911, 193], а также в других работах [Meillet, Vendryes 1966, § 77].

Приведем аргументы. Прежде всего, гр. Foῖσ-θα, параллельное вед. vet-tha, может закономерно фонетически происходить не только из *u̯oid-tha, но и из *u̯oid-dha, как, например, импер. πέπισθι из *bhebhid(h)-dhi, аор. ἧσ-θην при презенсе ἥδ-ομαι и т.п. [Brugmann 1904, § 261(4); Lejeune 1955, § 52]. Во-вторых, др.-инд. -th- в греческом всегда соответствует -t- (τ), включая и те случаи, где др.-инд. -th- является, по-видимому, экспрессивным дублетом к -t-, и те, где -th- объясняется воздействием ларингального -ə- (-H-) на предшествующий -t-, т.е. в сочетании t+ə (H); последнее сочетание как раз и предполагается в окончании 2 л. ед. ч. перфекта. Между тем соответствие в виде гр. -th (θ) является единственным исключением, наличным как раз в окончании 2 л. ед. ч. перфекта -θα [Lejeune 1955, § 20]. Таким образом, заключение, что окончание перфекта 2 л. ед. ч. гр. -θα: др.-инд. -tha является закономерно фонетическим соответствием (lautgesetzlich), основано на порочном круге. В-третьих, в пределах греческого элемент *-tha являлся бы изолированным, тогда как элемент *-dha естественно ассоциировался бы с суф. аористов на -θον (ἔσχεθον) и, самое главное, с суф. аористов на -θην, выражающих состояние и пассив; в последнем же, сложном, суффиксе элемент *-dh-, выражающий состояние (в сложении с синонимичным суффиксом *-ē-), вычленяется с большой вероятностью [Chantraine 1967, § 188].

В системе греческого глагола элемент -θα занимает особое место. Он исключительно легко вычленяется и присоединяется к уже полным глагольным формам 2 л. ед. ч., содержавшим -σ-. Таковы в языке Гомера в наст. времени τιθησ-θα, εἰσ-θα от εἶμι 'идти', φῆσ-θα; в имперфекте ἔφησ-θα, в конъюнктиве πίησ-θα; в оптативе βαλοισ-θα, προφυγοισ-θα [Schmidt 1885, 315; Chantraine 1967, § 343]. Таким образом образовался сложный показатель 2 л. ед. ч. -σθα-. В доисторическое время имелось, вероятно, сочетание -σθα- в перфекте всех глаголов с корнем, оканчивавшимся на зубной согласный. Однако в исторический период это сочетание, а соответственно и простое -θα- (т.е. без предшествующего -σ-, показателя 2 л. ед. ч.) регулярно представлено только в двух глаголах — οἶσθα 'знать' и ἦσθα 'быть'. Как показал Й. Шмидт еще в 1885 г., именно последний глагол послужил источником, из которого элементы -θα- и -σθα- распространились на другие парадигмы. Причина этого заключалась в особой важности глагола бытия, а также в том весьма существенном обстоятельстве, что только форма ἦσθα имеется во всех тех греческих диалектах, где одновременно имеется имперфект глагола 'быть'. По Й. Шмидту [Schmidt 1885, 316], процесс вычленения данной флексии был обусловлен чрез-

вычайной морфологической близостью парадигм перфекта и имперфекта глагола 'быть'. См. таблицу:

	Перфект		Имперфект	
Ед. ч. 1.	ἦα	(др.-инд. āsa)	ἦα	
2.	ἧσθα	(" ā́sitha)	ἦς (<*ἧσ-ς)	
3.	ἦε(ν)	(" ā́sa)	ἦσ (<*ἧσ-τ)	(др.-инд. ā́s)
Дв. ч. 2.	ἦστον		ἤστον	(" ā́stam)
3.	ἤστον		ἤστην	(" ā́stām)
Мн. ч. 1.		ἦμεν	(др.-инд. āsma)	
2.		ἦστε	(" āsta)	
3.		*ἦαν	(" āsan имперф.)	

Греческой и древнеиндийской формам 2 л. ед. ч. соответствует также хеттская esta [Birwé 1956, 81]. Нас однако, интересует не только формальная близость парадигм, но и семантическое основание этой близости. Оно заключается, по-видимому, в том, что в греческом языке существует небольшая группа глаголов, в парадигмах которых имеется некоторый фрагмент, где формы совмещают значение имперфекта и аориста, последний же, в свою очередь, близок к перфекту. К числу этих глаголов принадлежат φάναι 'сказать', инфинитив φάναι, 1 л. ед. ч. ἔφᾱν (ἔφην) имперфект и аорист и т.д.; также *στάναι '(по)ставить' и нек. др. [Степанов 1975а, 1966]. В глаголе 'быть' эта близость различных категориальных значений и форм могла подкрепляться еще и тем, что этот глагол в доисторическое время принадлежал, вероятно, к группе медиальных [Bader 1976], т.е. особенно близких по значению к перфекту.

Подобно тому как указанная доисторическая близость категорий продолжала сказываться в близости парадигм в письменный период, легкая вычленимость показателя -θα- в греческом языке исторического периода может объясняться недавним происхождением этого показателя из отдельной частицы. Во всяком случае, здесь мы имеем дело, по-видимому, с тем "двойным источником" одной формы, о возможности которого было сказано во Введении.

Восстанавливаемый согласно нашей гипотезе элемент *-dha мог быть не единственным, а дублетом к *-tha. Это особенно вероятно, если учесть возможность действия закона Бартоломэ, приводящего, как показал Е. Курилович [Kuryłowicz 1956, 379—381], как раз к появлению дублетных суффиксов разного рода: отглагольных и субстантивированных прилагательных — др.-инд. -ta- и -tha- (<*-dha-), sám-ita- (от i- 'идти') при — sam-ithá- ср. р. 'встреча'; имен инструмента или места действия — *-tro и *-dhro — лат. aratrum 'плуг' при cribrum (*-dhro) 'сито', и т.п. Сходный параллелизм суффиксов представлен, возможно, в италийских претеритах на *-dh- и на *-t-, соответственно оск.-умбр. -f- и -t-//-tt-. Ср. оск. manafum 'я поручил', оск. duunated 'подарил'. Отмечалось, что структурное и функциональное сходство типов претерита на -t- и на -f- позволяет видеть в них параллельные образования с исходными дентальными суффиксами *-t- и *-dh- [Ходорковская 1986, 42].

Реконструируемый таким образом элемент *-dha флексии 2 л. ед. ч. перфекта может быть отождествлен с и.-е. энклитической частицей *-dhe//*-dha, представленной также в наречиях с дейктическим значением: гр. *ἴθα 'здесь' в ἰθα(ι)γενής 'здесь рожденный, здешний, законнорожденный', ἔνθα 'там, туда (о месте и о времени)', ἐνθαῦτα//ἐνταῦθα 'здесь', гомер. ὕπαιθα 'в сторону, прочь' из ὑπό//ὑπαί + θα. В греческом эта частица образует парадигму: -θα, -θε, -θεν, -θι (см. § 18 и 25). В ведийском этим наречиям с суффиксом -dha параллельны местоименное наречие от местоименного корня á ádhā//ádha 'вот, сейчас', 'и, также' и от того же корня с другим суффиксом — -thā áthā//átha 'тут', 'тогда', 'далее', 'а также', 'и вот'; ср. еще ihá < *idhá 'здесь', и др. Все это говорит об известной синонимии и параллелизме др.-инд. суффиксов (частиц) -dhă̆//-thă̆.

Принятие исходной формы *-dha для 2 л. ед. ч. перфекта позволяет системно объяснить 1 л. и 2 л. мн. ч. и.-е. медия. Последние, согласно общепринятой точке зрения, обычно реконструируются как: 1 л. мн. ч. *-medha (или *-medhā), 2 л. мн. ч. *-dhwe для первичных и вторичных окончаний одновременно [Семереньи 1980, 255—256]. Однако все эти формы могут содержать один и тот же формант *-dh(a)-, — прежде всего 2 л. ед. и 2 л. мн. ч., а затем — по аналогии — 1 л. мн. ч. Др.-инд. 2 л. ед. ч. *-tha в таком случае требует, конечно, особого объяснения. Оно содержится, возможно, в отмеченном выше параллелизме вед. -dhă̆//-thă̆.

Имеются некоторые дополнительные (впрочем, косвенные и слабые) аргументы в пользу предположения, что *-tha 2 л. ед. ч. в др.-инд. является индийской инновацией (в то время как *-dha в гр. отражает более древнее состояние). Во-первых, общий характер системы перфекта: он более архаичен в греческом, нежели в ведийском, и, например, перфектное *-κ-* развито в гр. до состояния целой подсистемы (перфекты на -κ[α]), в то время как в вед. сохранилась лишь одна изолированная форма dadā́śa — гр. δέδωκα (подробнее см. § 22). Во-вторых, аномалии суффикса -tha в наречиях (в предположении, что этот суффикс тождествен флексии перфекта): если ádhā достаточно регулярно, то значения áthā "несколько отличны от обычных значений наречий на -tha" [Елизаренкова 1982, 252].

Однако готские и хеттские формы, в противоречие нашей гипотезе, — но также и греческим формам, — указывают на глухое *-th(a).

§ 24. Элемент *-u-* входит в личные формы перфекта в древнеиндийском и латинском языках, а также в различные личные формы глагола в хеттском, лувийском, тохарском, лидийском и ликийском. Он истолковывается разными исследователями по-разному. В.В. Иванов [1981, 50] на основании данных анатолийских языков предположительно связывает его с категорией лица глагола или с категорией инклюзива-эксклюзива и далее с реконструируемым инклюзивным местоимением 1 л. мн. ч. *u̯es, которому противопоставляется эксклюзивное *nos. Последнее допускает также А.Н. Савченко [1984, 481], считая, однако, *u̯e общим показателем другой категории —

инактивности. Все это достаточно отдаленные, хотя вполне вероятные, ассоциации.

Более определенные ассоциации отмечены К. Уоткинсом: "то -u-, которое выступает в формах перфекта вед. 1 и 3 л. ед. ч. jajñáu, лат. (g)nōu-i, др.-англ. cnēow (cnāwan), или вед. papráu, лат. -plēu-i, является расширителем корня *gnō-u, *plē-u, который мог оказаться выделенным путем сравнения с нерасширенными *gnō- (гр. ἔγνω), *plē- (гр. πλῆτο)... Но... мы не знаем, почему и как этот элемент начал ассоциироваться с перфектом" [Watkins 1969, § 32].

Нужно, однако, вспомнить, что еще в 1885 г. В. Шульце предположил, что элемент -v в латинском перфекте имел синтаксическое происхождение, входя в форму перфектного причастия, сложенного с глаголом бытия (архаический перифрастический перфект): *amaves smos 'мы полюбили' [Shulze 1966, 434 сл.]. Предположение В. Шульце не лишено оснований, поскольку перифрастическая конструкция такого типа, с неизменяемым причастием, обнаружена в хеттском языке (см. [Benveniste 1962a, 41 сл.]). Но в настоящее время из гипотезы В. Шульце может быть сохранено, вероятно, лишь предположение о синтаксическом происхождении рассматриваемого элемента.

Только недавно Т.Л. Марки, по-видимому первый, указал на отсутствие единой морфологической парадигмы прото-и.-е. глагольных форм с элементом *-u-* и связал этот факт с тем, что последний должен был иметь неморфологический источник и восходить к дейктической частице — и.-е. *-w^{e}//o- [Markey 1979, 71].

Представляется достаточно вероятным, что элемент *-u-* и в древнеиндийском перфекте был связан прежде всего с 1 л. ед. ч. Тот же элемент представлен в хеттском претерите на -un (ep-un 'я взял'). Претерит хеттского спряжения на -ḫi, исторически -ḫḫun в 1 л. ед. ч., возник как контаминация более древнего окончания перфекта -ha, засвидетельствованного только в хеттском и в лувийском, и окончания претерита -un; контаминация была вызвана превращением древнего перфекта в презенс и необходимостью подстройки к нему нового претерита. Элемент -u-, показатель 1 л. ед. ч., один и тот же в хеттском, лувийском (презенс на -w-i), древнеиндийском (jajñáu), латинском (mon-u-ī), тохарском (nek-w-a) [Benveniste 1962a, 18; Dressler 1968, 99]. Как признак первого лица вне глагольной системы, элемент -u- содержится в хет. -u-k, amm-u-k 'я', лид. am-u 'то же' [Шеворошкин 1967, 39].

В латинском языке -u-//-v- в формах перфекта на -vi, -ui встречается у глаголов, основы которых оканчиваются на гласный. Перфекты на -v-i (amāvi) и на -u-i (domui < domŭ-v-ī < domă-u-ai) одинакового происхождения, но -ui- следует после краткого гласного, а -vi- после долгого [Тронский 1960, § 631]. Имеются, однако, два исключения — глаголы dō 'давать' и stō 'стоять', образующие маленькую подсистему с полным параллелизмом форм: dō dedī datum dāre, stō stetī statum stare. Основания их особого положения как семантические — оба означают действия человека, а stare при этом входит и в тройку основных поз человека (см. § 7, 21), так и морфофонетические —

это корни-основы на гласный. В древнеиндийском окончание -au имеется в 1 и 3 л. ед. ч. "активного" перфекта от корней с исходом на -ā, прежде всего этих же лексем dadaú (dā 'давать'), tasthaú (sthā- 'ставить'), и некот. др. Латинское и древнеиндийское явления, несомненно, связаны.

С морфологической точки зрения др.-инд. окончание -a-+-u двусмысленно. Во-первых, оно может быть истолковано как нормальная флексия и.-е. перфекта -a, к которой присоединен еще и элемент -u. При этом вся шеренга трактуется в таком случае как присоединенная к корню на -ā, утратившему это -ā в положении перед флексией, т.е. dadhā+a+u → dadh+a+u → dadhaú. Во-вторых, оно может быть истолковано и иначе, как целиком аномальная флексия -u, присоединенная непосредственно к корню на -ā, причем это -ā в таком положении сокращается, т.е. dadhā+u → dadhă+u → dadhaú. "Нормативные", т.е. синхронные, грамматики ведийского языка принимают первое истолкование (ср. [Елизаренкова 1982, 342]). С диахронической точки зрения это, конечно, не обязательно: "двусмысленность" (двойная категоризация, двоякое отнесение) морфологических показателей — как раз основная семиологическая закономерность во многих, если не во всех, аномальных или просто сложных фрагментах языковой системы (ср. выше о двояком значении -k- в гр. перфекте). Но в данном случае синхронное истолкование соответствует генетическому.

Если мы принимаем происхождение -au из -a-+-u (ср., однако, иную гипотезу Ф. де Соссюра в § 22), то возникает существенный для дальнейшего анализа вопрос: образовалось ли оно первоначально в 1 л. или в 3 л.? Указанные выше внеиндийские соответствия заставляют связывать его определенно с 1 л. Дополнительным аргументом может служить то, что в Ригведе (I, 69, 1) один раз засвидетельствовано окончание 3 л. ед. -ā (перед согласным) — paprā от корня prā- 'наполнять' [Елизаренкова 1982, 342], в то время как окончаний 1 л. ед. без -u не отмечено. Впрочем, это аргумент слабый, так как форма 1 л. ед. акт. от корней на -ā там вообще не встречается [Там же, 343].

Таким образом, элемент -u первоначально связывается, скорее, с 1 л. ед. ч. парадигмы "активного" перфекта.

В этом -u мы видим и.-е. энклитическую и дейктическую частицу *u, отраженную в различных морфологических и особенно синтаксических сочетаниях ср. [Delbrück 1897, II, 497 и сл.].

Др.-инд. u, иногда с метрическим удлинением ū, является одновременно эмфатической и дейктической частицей при глаголах и при местоимениях в значениях 'вот', 'же', 'тут', 'тотчас же' и как союз с рядом сочинительных значений 'и', 'а', 'а также', 'но'. Оно легко комбинируется, особенно как энклитика, с другими частицами: úpo (upa+u) nayasva vr̥ṣaṇā (RV III, 35, 3) 'Направь же сюда (к нам) двух жеребцов' [Елизаренкова 1982, 266]. Иногда оно помещается между двумя указательными местоимениями: etám и tyám, как гр. *σο υ το> >οὐτο(ς) [Bergaigne, Henry 1890, 206]: etám u tyám madacyútaṃ... (RV IX, 108, 11) 'этого (и) того опьяняющего...'.

Дейктическое -u присутствует, вероятно, в номинативе ед. ч. местоимения 3 л. asau 'тот' (акк. amum — основа на -u).

Гр. αὖ 'напротив, снова, с другой стороны', употребляется как союзная частица, но при этом никогда не стоит в начале предложения, и как глагольный префикс со значением 'возвращение назад' и, отсюда, 'удаление': αὐχάττειν· ἀναχωρεῖν (Hesych.) 'уходить назад, отступать, удаляться'; легко комбинируется с другими частицами αὖ+θι 'на том же месте', αὖ+θι+ς 'назад, обратно, снова'; αὖ-τί-κα 'тотчас же, немедленно; как только'; δε-ῦ-ρο 'сюда', параллельно с лит. aurė̀ 'вот' (см. § 19); αὐτάρ 'напротив', из значения 'снова' является, по-видимому, сложением αὐτε+ἄρ и параллельно лат. rūrsus [Denniston 1981, 55], последнее из re+uersus/uorsus от корня со знач. 'поворачивать'. Таким образом, гр. αὖ и лат. re- на общеиндоевропейском уровне выступают как синонимы. Гр. ὐ является, возможно, слабым аблаутным вариантом к αὖ и прямо сопоставимо с др.-инд. u, рассмотренным выше, а в сильном варианте с др.-инд. ava- 'тот' [Schwyzer 1966, II, 560]; оно встроено, по-видимому, в οὗτος '(вот) этот, (вот) тот, (вот) кто' и в πάν-υ 'вполне, весьма, отлично' [Там же, 576]. Повторы частицы, рассматриваемые Э. Швицером как семантический плеоназм — αὖθις αὖ 'назад — назад', αὖ πάλιν αὖθις 'снова и снова' [Там же, 560], являются, скорее, по происхождению своеобразным синтаксическим согласованием предложения через повтор дейксиса, их можно сравнить скорее не с рус. разг. *бегает взад назад*, а с рус. ***на-валили*** (*чего-то*) ***на*** *самый* ***на*** *дом* ***на-верх***, и т.п., ср. аналогичное др.-инд. явление при частице ā (см. § 13).

Лат. au-, сильный аблаутный вариант *u, представлено в соединении и с другими частицами au-t 'или' из *au-ti, au-t-em 'но, напротив', причем последнее сочетание сохранило древний смысл [Ernout, Meillet 1967, 61], и с двумя глаголами au-ferō 'уносить, увлекать прочь', au-fugio 'убегать'.

Слав. u-, рус. *у-* как приставка, означающая удаление не вообще, а прочь от данного места, т.е. от говорящего, ср. сходное по линии дейксиса значение в англ. to come, фр. venir обычно 'приходить (к местонахождению говорящего)', в отличие от to go, aller 'в другое место': ср. рус. *Я пришел к одному своему другу*, но фр. Je suis allé voir un ami. Рус. *у-бегать* параллельно лат. au-fugio [Wackernagel 1957, II, 156]. Некоторые исследователи, например [Фасмер 1973, IV, 142], сопоставляют это слав. u- с вед. áva 'вниз, прочь', употребляющимся только с глаголами движения [Елизаренкова 1982, 259]; но это последнее, по-видимому, лишь частная специализация рассматриваемой и.-е. частицы. Другая специализация ее же представлена, наверное, в слав. *(j)u-(že) 'уже', рус. *уже*, ср. лит. jaũ 'то же' (ср. неск. иначе [Фасмер IV, 151]), и в рус. *ужó* 'немного позже', также в виде угрозы "Ну, погоди! Вот я тебя!"; первоначальное значение удаления сохранено в архангельском диал. *Ужа-ты!* 'Прочь отсюда!' [Даль IV, 477]. Значение нахождения в точке говорящего, дейксис, и значение удаления совместимы, так как удаление в данном случае понимается как удаление от говорящего, как в рус. *вон* 'там' и *вон!* 'прочь отсюда, от меня туда!', или как в упомянутых выше англ. to come — to go

'приходить — уходить', фр. venir — aller 'то же' по отношению к говорящему (чего не указывается в совр. рус. глаголах).

В балт. au- выступает часто как первый компонент наречного и именного сложения: лит. aurè 'вон', auliñk 'дальше, позже, потом' (как рус. *ужó*), где -link означает 'по направлению к...', лтш. audzirs 'безлесый', из *au-gir-, ср. лит. giria 'лес', параллельные таким рус., как *у-бог-ий* букв. 'лишенный богатства'. Другое вхождение той же частицы — в лит. jaũ 'уже', лтш. jàu 'то же' и в лит. tuojaũ(s) 'тотчас', где она сохранила значение, близкое к первоначальному дейктическому. Возможно, что частица *-u- представлена также в лтш. сложении nav из *ne-v-aid 'нет, не имеется', не вполне ясная композия которого, по-видимому, параллельна наглядно членимому лтш. ir-ai-d, лит. yr-ai 'есть, имеется' [Степанов 1985, 11).

Дейксис 1 лица, связанный и с рассмотренной частицей *u, отдельно представлен в и.-е. *ḵe/ḵo, которое, как предполагают, вошло в парадигму местоимений в качестве "инактивного" местоимения 1 л. ед. ч., противопоставленного "активному" 1 л. ед. ч. *me [Савченко 1984, 488—489]. Поскольку тот же элемент преставлен еще и в 1 л. и во 2 л. мн. ч. *ḵes, рядом с *nos, и, возможно, в качестве второго компонента во 2 л. ед. ч. *te-ḵe, то было высказано мнение, что этот элемент в местоимении был показателем инклюзивности [Иванов 1981, 20—29; Савченко 1984].

В чисто дейктическом виде этот элемент представлен в рус. *во-т*, др.-рус. *во-тъ*, где *тъ* 'здесь', дейктическая частица 1 л. и 2 л., *во-н*, где *-н* — дейктическая частица 3 л. Полная парадигма из трех частиц сохранилась при трех разных 'это' в срб.-хрв. *ево мени, ето теби, ено њему* 'это мне, это тебе, это ему' [Мейе 1951, § 503].

Итак, на обрисованном фоне возникновение флексии 1 л. ед. ч. перфекта выглядит как присоединение энклитической частицы *u, показателя дейксиса 1 л., к основе (к корню) глаголов с исходом на гласный.

Если наша реконструкция верна, то она заставляет далее поставить два вопроса: во-первых, почему формант *u оказался присоединенным в этих двух языках, др.-инд. и лат., к основам (корням) на гласный, а не к корням типа *ḵoid-, и, во-вторых, почему он не представлен в греческом?

Последний вопрос довольно ясен: в греческом в тех же глаголах — ср. τέ-θη-κ-α — da-dha-ú — распространился формант -k- — того же происхождения (энклитическая дейктическая частица), с той лишь разницей, что центром экспансии была форма не 1, а 3 л. ед. ч.

Первый вопрос, в свете всей системы, также может получить, по-видимому, достаточно определенный ответ: флексия перфекта, представленная в основной массе глаголов, т.е. в типе *ḵoid-a, не могла сочетаться с исходом на гласный. Если это *-a* в 1 л. ед.ч. восходит, как предполагают, к и.-е. сочетанию с ларингальным *-ḫ₂o [Kuryłowicz 1964, 62 et passim], или *-H₂-o/e- [Иванов 1981, 49], или *-Ha [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 298], то это понятно: по фонетическим причинам такое сочетание давало бы после гласного невыразительный гиатус и 1 л. выглядело бы как лишенное флексии. (На неслучайное, вероятно,

совпадение элемента -u- с одним из обще-и.-е. "заполнителей гиатуса" — -u-, -h-, -j- было указано в работе [Markey 1979, 68].) Но в таком случае возникает новый вопрос: почему элемент *-u- был заимствован из совершенно иного класса языковых элементов — из класса дейктических частиц, в то время как стандартная флексия *-Ha является чисто глагольной флексией?

Мы полагаем, что ответ на него может быть следующим: элемент *-Ha (-ḫ₂o и т.д. — различие нотаций здесь несущественно) не является глагольной флексией: по происхождению он представляет собой "шеренгу": некоторую дейктическую частицу, входящую в тот же класс, что рассмотренные выше *-u, -*re-//*ro- и др., предшествуемую в ранговом порядке данной словоформы (1 л. ед.ч.) каким-то элементом-показателем неактивности (-ḫ₂-, -H-). Как и во всех других случаях, постулируемая частица принадлежит к разряду частиц, имеющих общее (для всего разряда) значение 'назад, к говорящему или действующему лицу, агенсу', при грамматикализации — 'возврат в сферу субъекта'. Дейктическая сфера предполагаемой здесь частицы — 1 л., лицо говорящего. Рассматриваемая частица может быть отождествлена с кратким аблаутным вариантом и.-е. частицы *-ē-, давшей также аугмент греко-арийских и армянского языков. (Сопоставление адвербиального *ĕ, предположительно давшего аугмент, с перфективирующими приставками типа др.-ирл. ro- делал уже К. Бругман [Brugmann 1892, II (2), 818].

Ближайшим образом рассматриваемая частица может быть отождествлена с вед. á, как ее краткий аблаутный вариант. Не исключено также, что она присутствует в усиленной форме гр. местоимения 1 л. ед.ч. ἐγών-η 'я' [Delbrück 1897, II, 497] и, может быть, еще раз в гр. ἐγώ, лат. eg-ŏ (возможно из egō, форма, отмеченная у Плавта), если сравнить их с хет. uk (ug) 'я'; возможно, также в гр. ἤ-δε 'уже, вот-вот, скоро'. Но ведийский язык дает основной синтаксический материал.

В сочетании с глаголами ā, означающее 'к', 'в', 'при', 'у', обозначает направленность действия на субъект (или к какой-либо цели) и длительный характер действия; в сравнении с úpa, имеющим близкое значение, но обозначающим вспомогательный характер действия (напр. sad- 'сидеть' — upa-sad- 'присаживаться'), á характеризует полное включение в действие. Ср.: dā- 'давать' — á-dā- 'брать'; jña- 'знать' — á-jña- 'воспринимать, замечать, приказывать'; dhā- 'класть' — á-dhā- 'давать, вручать', напр. viśa á kśeti viśyó víśam — víśam (RV X, 91, 2) 'он пребывает среди племен, как член племени, в каждом племени' [Елизаренкова 1982, 260]. Частица способна повторяться на протяжении предложения, напоминая рус. согласование через предлог-приставку (*на-валили на голову на самую*): svasty ā grhébhya āvasā ā vimocanāt (RV III, 53, 20) '(довези нас) благополучно до дома, до места отдыха, до распрягания!'.

В сочетании с именами в вед. сама по себе частица á означает, собственно говоря, лишь 'нахождение при' и, примыкая к разным формам падежей, варьирует это значение: 1) с акк. 'к', 2) с абл. 'вне, от, поодаль от', 3) с лок. ед.ч. 'в', 4) с лок. мн.ч. 'среди'. Инвариант значения подтверждает его первоначальный дейктический характер. Возможно, что ненормативные греческие падежи ед.ч. на -η (акк., дат., локатив-наречие

на -ηι) [Schwyzer 1968, I, 572, 575, 622] скрывают аналог этого вед. ā, — гр. -η-.

В греческом (по крайней мере) такое -η- (и.-е. *ē) могло быть одним из источников суффикса непереходного аориста типа ἐγράφη 'был написан', ἐρρύη 'тёк', образование которых с формальной стороны аналогично образованию перфекта типа ἔρριγα 'я дрожу'.

Характерная для этой и.-е. частицы (как и для ряда других) "плавающая" позиция во фразе — то энклитическая, то проклитическая, то начальная ударная, то предшествующая слову ударная, легко может объяснить то явление, что эта частица могла оказаться присоединенной к глагольному слову как "слева", превращаясь в аугмент, так и "справа", превращаясь в показатель перфекта 1 л. ед.ч. (гр.-ар. *-а) или, в других условиях, в показатель непереходного аориста (гр. -η). Это явление было бы полностью аналогично двойному расположению и.-е. *ге-//*го- — как преверба и как флексии медиопассива (§ 19). (См. также [Шеворошкин 1967, 49; Иванов 1979б; 1983].)

§ 25. Под условным названием "герундивы", или "деепричастия", выбранным исключительно для краткости, мы объединяем такие формы индоевропейских языков, как латинские герундий и герундив, т.е. формы на -ndo, древнеиндийский абсолютив на -am и др.; литовское деепричастие (pusdalyvis) на -damas и соответствующую латышскую форму, и некот. др. Их происхождение и первоначальный морфологический состав, в особенности этимология суффиксальных элементов, остаются невыясненными. Возникновение латинских герундивных форм является, как известно, "белым пятном" латинской грамматики и породило огромную литературу, состоящую почти целиком из контроверз. По-видимому, морфологический подход к этой проблеме можно считать исчерпанным и не ждать на этом пути существенно новых решений. Такой вывод уже определенно наметился (ср. [Ambrazas 1979, 41; Risch 1984]).

Ниже делается попытка обрисовать синтаксический подход. Есть основания считать, что в основе образования названных форм лежат не морфологические и не словообразовательные, а синтаксические процессы, и что эти формы представляют собой синтагмы, закрепившиеся в определенном фиксированном наборе своих синтаксических показателей. Как индивидуальные материальные элементы, эти показатели могут быть нетождественны в разных индоевропейских языках, но они черпаются из одного и того же класса слов и их функции определяются одним и тем же строем предложения.

Как мы уже упоминали (§ 16), согласно Э. Бенвенисту латинский герундий-герундив разлагается на основу и элемент *-do, присоединенный к глагольной основе ("инфинитиву"), распространенной посредством *-en//-on [Benveniste 1984, 145; Бенвенист 1955, 1976].

Что касается элемента *-do, то Э. Бенвенист квалифицировал его как италийский суффикс и отождествил с латин. суффиксом *-d- в образованиях прилагательных от непереходных глаголов — tepidus 'тепловатый', callidus 'искусный, ловкий', умбр. kalersu, kaleřuf, и т.д. Однако здесь возникают два вопроса, на которые нельзя ответить,

исходя из реконструкции Э. Бенвениста: 1) каким образом "суффикс" мог присоединяться к полному слову, "инфинитиву на -en", т.е. следовать позади его флексии?, 2) почему среди форм латинского отглагольного имени — герундия отсутствуют формы номинатива, тогда как формы всех косвенных падежей представлены?

Эти вопросы получают ответ, если отождествить элемент, следующий за *en//-on, с энклитической частицей, существующей самостоятельно в виде латин. *dum*. Ее первоначальным значением было, очевидно, простое подчеркивание говоримого 'вот это, здесь, в данный момент'. Отсюда все ее остальные употребления в латинском: 1) с императивом и другими формами: dicdum (Плавт) 'скажи же', age dum 'ну же! делай же!', quidum (Плавт) 'как же?'; 2) в сращении с другими частицами: nondum 'еще нет', neque dum satis 'еще недостаточно' и т.п.; 3) как союз 'между тем как', 'в то время как', 'пока', 'пока не', 'лишь бы'; особенностью dum как союза является то, что при нем первоначально употреблялась только форма настоящего времени, каково бы ни было время всего высказывания. Ср. dum haec in conloquio geruntur, Caesari nuntiatum est... (Caes. B.G., I, 46, 1) 'Пока эти вопросы обсуждались (букв.: обсуждаются), Цезарю сообщили...'; 4) как относительная частица в паре с cum (quom): cum ... dum 'когда ... тогда'. В латинском языке -dum может быть сопоставлено с другими энклитическими частицами — -dam (ср. quĭdam), -dem (ср. ĭdem), и таким образом восстанавливается целая парадигма: -dum//-dam//-dem//*-dm̥.

Полное соответствие этой парадигме обнаруживается в древнегреческом в виде параллельных суффиксов -δον, -δα, -δην (дор., беот. -δᾶν), присоединявшихся к первичным глагольным корням, в результате чего получались наречия-деепричастия со значением побочного действия или отглагольные имена со значением образа действия, характеризующие главное действие в самый момент его протекания (черта, свойственная также литовско-латыш. герундиву на -dam-, др.-инд. абсолютиву на -am и древнейшим латинским наречиям на -tim). Ср. от корня со знач. 'встать' ἀνασταδόν 'вставая, стоя'; от корня со знач. 'иметь(ся)' σχεδόν 'поблизости, рядом', где суффикс -δον сам по себе выражает идею 'совсем рядом' [Chantraine 1080]: (1) ... Μάρις δ'αὐτοσχεδὰ δουρὶ / 'Αντιλόχῳ ἐπόρουσε κασιγνέτοιο χολωθείς, / στὰς πρόσθεν νέκυος (Ил., 16, 319—321) 'Марис же, (находясь) телом к телу (врукопашную), бросился с копьем на Антилоха, вспыхнув гневом за брата; стал перед павшим'.

Суф. -δον является, по-видимому, первичным; возможно, что он был осознан как ном.-акк. ед.ч., и тогда были подстроены суф. -δα, -δᾶν как акк. мн.ч. [Schwyzer 1968, I, 626]. Этот суффикс обнаруживается и в сложении с предшествующим элементом как -ινδον, -ινδα, -ινδην. Такие наречия специализировались для обозначения игр и различных юридических процессов: βασιλίνδα 'игра в царя', φαινίνδα 'игра в мяч' от φαινεῖν 'светить; являть'; ἀριστίνδην — юридич. термин 'выбирая наилучших', от ἄριστος 'наилучший' и т.п. С этими греческими терминами кажутся непосредственно сопоставимыми, хотя они и не имеют аффикса -in-, латинские наименования различных божеств культа арвальских братьев, являющиеся одновременно олицетворениями

различных трудовых процессов: Dēferunda, Commolenda, Coinquenda, Adolenda.

Таким образом, элемент, предшествующий -dum в герундии-герундиве, отождествляется, по-видимому, как древнейший италийский инфинитив на *-on, соответствующий оско-умбрскому инфинитиву на -um и и.-е. формам на *-en//*-on. Следующая за ним и вскрывающаяся при сопоставлении гр. -δον и лат. -dum и.-е. энклитическая частица *-dom//*-dem//*-dm̥ возможно разложима на части, имеющие самостоятельное значение (см. § 27). Но прежде всего напрашивается ее истолкование (для определенного, довольно позднего исторического этапа) как цельной анафорической частицы, и в таком случае бросаются в глаза древнеиранские и прусские соответствия.

Прежде чем перейти к ним, следует сделать отступление о возможном втором, частном источнике латинских герундивов на -undus. Им может быть древняя основа причастия-прилагательного глагола 'быть' и.-е. *bhuond- или *bhund- (к которой, возможно, также восходит общесл. bǫdǫ), давшая лат. суф. -bundus из *bhuondos или *bhundos 'становящийся, будущий' [Person 1900; Schulze 1966, 615; Бенвенист 1955, 173]. Совпадение нескольких источников — обычное и общее семиотическое явление, часто наблюдающееся в истории синтаксиса разных языков. (См. Введение). В данном случае общий синтаксический процесс образования герундивов вполне мог на латинской почве включить в себя — и тем самым получить подкрепление — частную словообразовательную модель.

Др.-иран. энклитика -dim, засвидетельствованная в Авесте, является в иранском единственной, т.е. неизменяемой, формой, которая, будучи осознана как аккузатив, дала затем начало всей парадигме (ср. [Соколов 1979, 187, 253]). Все это является полным соответствием к прусскому [Benveniste 1933]. В прусских текстах чаще всего представлена форма аккузатива ед.ч. муж. и жен. рода -din, все остальные формы встречаются реже, а форма муж.р. ед.ч. *-dis вообще не засвидетельствована. Отсутствие этой формы аналогично отсутствию номинатива в латинском герундии. Имеется также форма -di в значении немецкого man [Endzelīns 1982, IV, 103] и слово dīgi в значении связующей частицы 'так же' (di + gi), ср.: (2) Kawīdans Grīkans turedi Grīkaut? Ettrais. Pirsdau Deiwan turri*di* wissans Grīkans sien skellānts dātunsi *dīgi* stans kans mes *digi* niersinnimai kāigi mes en Tawa Nouson seggēmai (Enchir., 65, 15—19) [Mažiulis 1981, 148] 'В каких грехах должно исповедоваться? Отвечай. Перед богом должно во всех грехах себя виновным считать, так же в тех, которых мы так же не знаем, как мы в "Отче наш" делаем'. Формы ture-di, turri-di представляют собой личный глагол 3 л. (ед.ч.) в значении безличного 'следует, должно', в сопровождении частицы, что в точности аналогично вульгарнолат. habet inde букв. 'имеет там', т.е. 'имеется', к которому восходят фр. il y a и исп. hay (§ 28).

Несомненный параллелизм имеется в употреблении этих прусских частиц и гр. μέν (μήν)... δέ (δή) [Топоров 1975, (1), 148]. Кроме того, типологическую, а частично и материальную, параллель составляет, по-видимому, в тохарском А одна синтаксическая группа: абсолютив

(на -or, -ar) регулярно сопровождается постпозитивной частицей -me^{n} (реже частицей -sa). Синтаксические условия их употребления не достаточно выяснены, но не исключено, что -me^{n} является "аккузативной", ориентирующей на объект, а -sa "номинативной", ориентирующей на субъект (ср. лат. se, хет. -za, § 15). Те же частицы сопровождают тохарский аккузатив (casus obliquus). Этимология частицы -me^{n} представлялась неясной [Pedersen 1941, 93, 213], но в свете синтаксического сравнения в ней следует видеть, наверное, одну (первую) из двух сопряженных и.-е. частиц, тождественную гр. μέν (μήν), тогда как вторая, тождественная гр. δέ (δή), так же отдельно представлена в прус. -din, digi и в лат. -dum, dum. Еще одну параллель, в другом отношении, составляет то синтаксическое явление, что в хеттском языке в перифрастическом спряжении ḫark + пасс. причастие на -an форма причастия всегда неизменяема, несогласуема, — по существу это отглагольное наречие [Benveniste 1962a, 64], как и "первичный" латинский герундив.

Весь этот комплекс черт, в особенности то, что формы ав. dim, прус. din являются, несомненно, исходными и следовательно внепадежными формами, лишь позднее осознанными как аккузатив, заставляет поставить их в прямое соответствие с латинским dum. Подчеркнутая нами особенность не является случайной чертой сохранившихся текстов: анафорическое местоимение, к тому же как энклитика лишенное сильного ударения, естественно, должно было очень редко употребляться там, где субъект (подлежащее) предложения был только что упомянут и сохранялся неизменным в качестве субъекта, т.е. в форме номинатива.

Этим же обстоятельством объясняется отсутствие формы номинатива в латинском герундии, в языке классического периода ее роль выполнял инфинитив активного залога на -re, тогда как все остальные падежи имели показатель -nd-. Таким образом, синтаксическая парадигма латинского герундия имела такой вид (только ед.ч.):

Nom. dormire 'спать, спанье'
Gen. dormiendi 'спанья'
Dat. dormiendo 'спанью'
Acc. (ad) dormiendum '(для) спанья' (или как Nom. или супин на -tum)
Abl. dormiendo (или супин на -tu)

Как и в др.-перс. dim, прус. -din, латинская форма на -dum была, несомненно, единственной исходной формой, которая затем была осознана как аккузатив муж.-ср. рода ед.ч. и дала начало всем косвенным падежам.

Хотя в силу грамматической традиции герундий считается отглагольным именем с активным значением [Соболевский 1948, 338], но в действительности эта характеристика относится к инфинитиву соответствующего глагола, например, если uidēre 'видеть' — активный глагол, то и форма uidendo 'видя' оценивается как активная. Реальное синтаксическое употребление герундия не согласуется с этим, ср., например, (3) ūrit uidendo femina (Virg. G., III, 215) 'женщина разжигает (мужчину) видя', т.е. 'когда ее видят' (подробнее см. [Степанов 1985]).

§ 26. В литовском и латышском имеется свойственное только этим языкам причастие наст. вр. с показателем лит. -damas м.р., -dama ж.р., лтш. -dams, -dama, изменяющееся также по числам (но не по падежам!). В отличие от общеиндоевропейского причастия наст. вр. на -nt-, также сохранившегося в этих языках, причастие на -dam- не употребляется ни как предикатив (за несколькими исключениями в латышском), ни как атрибут, но только как приложение ("аппозитивно") к подлежащему: (1) лит. vaikas verkdamas bėgo 'ребенок бежал плача'; (1а) лтш. kuo dziedašu malt iedama? 'что я буду петь идя (ж.р., т.к. говорящий — женщина) молоть (на мельницу)?'.

Происхождение показателя -dam-, если его рассматривать морфологически, поэлементно, представляется столь же неясным, как и в случае латинского -dum [Stang 1966, 444—445; Zinkevičius 1981, II, § 632]. Напротив, многое разъясняется, если видеть в нем энклитическую частицу того же происхождения: и.-е. *-dm̥ > лат. -dum, лит.-лтш. -dam-, прус. -din.

Указанное происхождение частицы хорошо объясняет весь комплекс семантико-синтаксических черт этого литовско-латышского причастия. Исходный комплекс, "первичный герундив", был, вероятно, тем же самым, что и на латинской почве (§ 25). Но два его признака (§ 25) реализовались в этих языках иначе — контрастно по отношению к латинскому. Не совпадая здесь с показателем аккузатива, формальный элемент -dam(as) был ограничен связью с номинативом, т.е. с формой подлежащего предложения (один признак). В силу чего этот "балтийский герундив" относится обычно только к активно действующему, живому, одушевленному субъекту или к субъекту, уподобляемому таковому в данном высказывании (другой признак). Как и в латинском, полное согласование с подлежащим следует признать для балтийского герундива более поздним явлением. Засвидетельствованные в нескольких латышских диалектах формы "без окончания", на -dam, являются не сокращенными, а первичными, что допускал уже Я. Эндзелин [Endzelin 1923, § 801]: (2) ravẹdam ir labak 'пропалывая (с прополкой) — лучше' — в данном примере нет и самого подлежащего-субъекта, и он в определенной мере сходен с латинским (3) (§25).

От этого несогласования "первичного герундива" в литовско-латышском необходимо отличать вторичное, позднейшее несогласование, которое наступает после периода полного согласования. Последовательность здесь такова:

I. несогласованный "первичный герундив" на *-dam (пример [2]);

II. "согласованный герундив" на -damas, -dams (-dama) (примеры [1], [1а]);

III. "рассогласованный герундив", литов. на -damai, -dama (для всех родов и чисел), -damos, -damu.

Примеры последнего (III) явления, при котором происходит фиксация герундива почти в любой родовой, числовой и падежной форме, широко представлены в современных литовских диалектах [Žinkevičius 1981, II, § 632]: (3) jis (ji, jie, jos) stovėdama skaitė 'он (она, они, оне) стоя читал (-ла, -ли)'; (3а) anas gulėdamu pradėjo pūti 'тот лежа начал гнить' (gulėdamu — форма ном.-акк. двойственного числа); (4) ardamai nereikia žiopsot 'когда пашешь (букв. "пахая"), нельзя зевать', — здесь присоединенное окончание "герундива" -ai, в современном языке — окончание наречия, свидетельствует о том, что форма воспринимается как отглагольное наречие, вообще не требующее согласования.

Период "рассогласования" (III) форм на -damas в литовском совпадает с экспансией этих форм и вытеснением ими форм причастий (этот процесс подробно описан в [Ambrazas 1979, § 67—71]) и, следовательно, связан в этом языке с начинающимся распадением "причастного синтаксиса". Последнее в балто-славянских языках происходит довольно поздно и хорошо отражено в текстах. Полной параллелью к указанным литовским фактам является процесс "рассогласования" причастия и появления деепричастия в истории русского языка, начало которого датируется XII и даже XI в. [Борковский, Кузнецов 1965, § 287].

§ 27. Какой предшествующий строй предложения проступает за этими чертами "герундива" в трех группах языков? Попытаемся соединить их в общую картину. Кроме основного признака, уже известного из предшествующих этапов реконструкции, — противопоставления активного (одушевленного) субъекта неактивному (немаркированному по одушевленности-неодушевленности) объекту, — вырисовываются еще следующие черты:

1) противопоставление двух типов согласования — субъектно-ориентированного и объектно-ориентированного, по происхождению связанных, по-видимому, с разными типами предложений (§ 16);

2) наличие в строе предложения какой-то формы типа "общего, или неопределенного, падежа", которая могла ассоциироваться как с аккузативом объекта (в герундиве латинского), так и с номинативом субъекта (в герундиве балтийских языков) и, наконец, с аккузативом по форме, относящимся к субъекту (в абсолютиве ведийского языка) (см. также § 45);

3) аналитический характер выражения этого "неопределенного падежа" посредством энклитической частицы-анафоры *-*dm̥*- (как в древнеиранских, латинском, прусском и других балтийских языках);

4) возможная членимость этой частицы, т.е. сочетание в ней двух частиц, одна из которых, *-*m*, была приметой "неопределенного падежа" (в каком-то одном классе основ), а другая, *-*d*- — анафорой, приметой отношения либо к субъекту, либо к объекту (т.е. употреблялась и сама по себе, как в греческом языке).

Вторая черта получила детальное освещение в реконструкции А.В. Десницкой. Согласно этой реконструкции, формант -*m* не был изначально самостоятельным падежным показателем, как не было и категории "аккузатива". Он выступал лишь как добавочная (синтаксическая) характеристика определенной группы именных основ, относящихся к классу потенциальных "объектов" ("неодушевленному классу", — позднее "средний род") и выступающих в предложении исключительно в обстоятельственно-определительной функции. Это одна из форм той универсальной категории, которая в ряде неиндоевро-

пейских языков (например, в тюркских) известна как так называемый "неопределенный падеж". "Не исключена возможность, что она обладала еще добавочным оттенком "определенности" в указании на соответствующий предмет. Поскольку имена класса "одушевленных" могли выступать не только в субъектной функции, а могли также играть роль определителей признаков, данных в предикате или в других выделившихся уже членах предложения, и, следовательно, также должны были выступать в неоформленном виде, в так называемом "неопределенном падеже", мы можем считаться с возможностью переноса показателя -m, связанного первоначально с определенной группой имен "объектного" класса, выступавших в обстоятельственно-определительной функции, на класс "одушевленных". Этим самым показатель -m приобретает уже падежное значение, противопоставляясь характерному для данной категории имен специально субъектному форманту (-s)" [Десницкая 1984, 78—79] (§43).

Третья черта указывает на существование двух так называемых "серий" спряжения — субъектной и объектной, причем "объектное спряжение" проступает более определенно, а именно благодаря сохранившимся чертам латинского герундия-герундива. Типологически сходное различение имеется в индоиранских, кельтских и главным образом в неиндоевропейских языках — картвельских, финно-угорских, кечумара и многих других. При этом строе предложения личный показатель субъектной серии соотносит предикат с подлежащим, а показатель объектной серии — с прямым и косвенным дополнениями [Климов, 1981а, 94]. Это строение принципиально отлично от схемы личных показателей в эргативных языках (например, в абхазско-адыгском глаголе) [Там же, 94, 29], и, следовательно, свидетельствует против "эргативного прошлого" индоевропейского предложения, — в пользу его прошлого как предложения "активного строя", (ср. сходный вывод на основе других показателей, — например в [Десницкая 1984, 46—47]). Кроме того, оно свидетельствует, уже с большей детализацией, о существовании в протоиндоевропейском двух основных типов простого предложения — субъектно-ориентированного (неактивного) и объектно-ориентированного (активного) (см. § 14, 15).

Последнее можно представить себе достаточно наглядно благодаря реально засвидетельствованным латинским предложениям такого, например, вида: faciundum est mihi illud fieri (Pl., Amph., 891) 'нужно мне это дело сделать', где показатель объекта, соответственно неодушевленного, *-d-*, дублируется в предикативе и в местоимении-объекте *illud* (до некоторой степени это передает и русский перевод с повторением показателя *-о-*). Этот пример, возможно, похож на прусский (2) (§25).

§ 28. Семантическая референция реализуется прежде всего через субъект предложения. (Здесь будет затронут только этот её вид.) Поэтому различные типы семантической референции отчетливо вырисовываются при устранении субъекта, что в таких языках, как русский или литовский, допускает распределение по градациям.

В русском языке может быть выстроен такой градационный ряд,

ср. [Шведова 1973, 482]: 1) предложения с устраненным субъектом: *В санях угрюмо молчало* (Малышкин); 2) предложения с неопределенным субъектом (субъект мыслится как "некто", "нечто", "кто-то", "что-то"): *Затопало копытами по дороге* (Л. Толстой); *Только что я задул свечу, завозилось у меня под кроватью* (Тургенев); 3) предложения со значением бессубъектного конкретного действия или состояния, которые строятся с личными глаголами соответствующих значений: *В комнате согрелось* (Пришвин); *Ночью загудело на крыше; На пляже заметно поредело;* 4) предложения со значением бессубъектного состояния, которые строятся с безличными глаголами: *Светает; Морозит; Вьюжит; Стемнело; Мы видим: с голубого своду Нездешним светом веет нам* (Тютчев).

По происхождению две частные категории в общей категории личности-безличности — 1) неопределенная личность (*Так не говорят; Цыплят по осени считают*) и 2) безличность (*Светает; Моросит*) — восходят к двум основным разновидностям индоевропейского предложения; первая к личному предложению с субъектом-лицом, вторая к личному предложению с субъектом-вещью. При этом обе категории основаны на одном и том же процессе устранения лица: в первой устраняется "личное" лицо ("я", "ты", "он-она") и остается только один его признак — "личность (одушевленность)"; во второй так же устраняется "неличное" лицо ("оно") и остается только один его признак — "неодушевленность". При таком объяснении делается вполне понятным наличие промежуточной 3 группы предложений с таким устраненным лицом, которое могло быть как "личным", так и "не-личным", и, следовательно, предикаты которого могли быть признаками как людей, так и вещей (*Застучало; Треснуло; Захрапело; Его трясло; Его перебросило через забор*, и т.п.). Это исторический процесс, протекающий в сфере семантики.

До некоторой степени параллельный процесс устранения лица протекает в сфере референции. Мы имеем в виду явление, описанное Т.П. Ломтевым [1972, 147]: устранение грамматических различий категории лица при сохранении "личного" лица как в пословице *Тише едешь, дальше будешь*.

По Т.П. Ломтеву, субъектом такого предложения является не лицо вообще, не обобщенное лицо, а обобщенное грамматическое лицо. Оно мыслится как одно, безразлично какое и притом всякое грамматическое лицо, соответствующее трем лицам в определенно-личных отношениях. Оно может представлять 1 л. и тогда приведенное предложение соответствует предложению *Тише еду, дальше буду*. Оно может представлять 2 л., соответствуя *Тише едешь, дальше будешь*, взятому в определенно-личном отношении, т.е. как некоторый омоним к исходному предложению. Наконец, оно может представлять 3 л. *Тише едет, дальше будет*. "Но тот факт, что оно соответствует трем определенным грамматическим лицам, не означает, что действие, выраженное указанным предложением, относится к каждому определенному грамматическому лицу: оно относится к одному грамматическому лицу, но при этом обобщенному грамматическому лицу, а не к одному из трех определенных грамматических лиц. Обобщенных

грамматических лиц, как и определенных, также три, но любое из них считается равным друг другу" [Там же, 147].

На первый взгляд может показаться (и некоторые исследователи принимали именно такое толкование), что предложения рассматриваемого типа тождественны предложениям с квантором "каждый". Но это не так: разница между *Что посеешь, то и пожнешь* и *Каждый, что посеет, то и пожнет* заключается в том, что: а) в первом случае имеется в виду грамматическое лицо, а во втором — лицо как предмет номинации (личность), б) в первом случае имеется в виду одно, безразлично какое обобщенное грамматическое лицо без исключения, а во втором — каждый определенный человек в отдельности [Там же, 148]. Это толкование — семантическое. Мы полагаем, однако, что более естественно дать толкование референционное: обобщенное грамматическое лицо в высказывании типа *Тише едешь, дальше будешь* относится одновременно к любому из трех лиц — участников акта речи: 'я', 'ты', 'он (она)'. Перед нами, по-видимому, особый случай неопределенной референции: безразличного отнесения высказывания к любому из трех лиц — участников акта речи или ко всем трем одновременно.

Русский язык в отдельных случаях использует особый морфологический показатель такой неопределенной референции — частицу *-ся*, присоединяемую к глаголу при одновременном устранении субъекта: 1 л. *я имею*, 2 л. *ты имеешь*, 3 л. *он имеет* — обобщенная форма *имеет-ся*, ср. нем. Es gibt. Ср. также рус. устар. *Пришло* и соврем. *Пришло-сь*: *Ему ни охнуть, ни вздохнуть, Пришло хоть ноги протянуть* (Крылов).

Таким образом, обобщенная русская форма экзистенциальных предложений *Имеется* представляет собой обобщение трех координат речевого акта — 1. 'у меня', 2. 'у тебя', 3. 'у него', вполне аналогичное обобщению трех грамматических лиц в предложениях *Тише едешь, дальше будешь* или *Цыплят по осени считают*.

Кроме названного признака — грамматического обобщения лиц, предлагаемое понимание этого типа референции выявляет и другой ее признак — связь с понятием пространства. То, что бытийные, или экзистенциальные, предложения вообще связаны с понятием пространства и, в несколько меньшей степени, времени, хорошо известно (см. [Арутюнова 1976, 212; Селиверстова 1983, 143]).

Наша точка зрения отличается лишь тем, что мы считаем необходимым внести в их классификацию критерий семантической простоты (соответственно, семантической первичности) и семантического усложнения (соответственно, семантической производности).

Семантически простейшими, первичными, мы считаем модели, непосредственно отражающие пространственные координаты участников речевого акта — 'я', 'ты', 'он' — путем употребления слов-дейксисов: *вот* 'около меня'; *вот* 'около тебя'; *вон* 'около него'. В сербохорватском языке сохранились пережитки трех различных указательных местоимений: *ево мени, ето теби, ено њему* 'это мне, это тебе, это ему". Элементы *-в-, -т-, -н-* связываются, вероятно, с древнейшими показателями трех различных дейктических частиц, относящихся соответственно к 1, 2 и 3 л. (ср. §22—24).

К названным непосредственно примыкают семантически более сложные модели типа *У меня...*; *У тебя...*; *У него...*; *У меня есть...*; *У тебя есть...*; *У него есть...* В русском языке этому соответствуют такие типы экзистенциальных предложений:

1) *У меня есть* = *Я имею;*
2) *У тебя есть* = *Ты имеешь;*
3) *У него (у нее) есть* = *Он (она) имеет;*
4) *Есть* = *Имеет-ся.*

Семантически более сложными являются модели, отвлеченные от этих слишком конкретных координат — *З д е с ь есть...; Т а м есть...* и, наконец, семантически наиболее сложными оказываются полностью отвлеченные модели типа рус. *Есть...* (*Есть такая страна, книга, такое понятие...*), англ. There is..., фр. Il y a... и т.п. В типе *Имеется* определенная референция к одному из участников речевого акта заменяется обобщенной — неопределенной референцией к любому из трех лиц или ко всем трем одновременно, что равносильно употреблению обобщенного грамматического числа *Тише едешь, дальше будешь*. В типе рус. *Есть* ..., англ. There is... неопределенная референция обобщается до отвлечения от участников речевого акта вообще.

Рассмотренные представления о семантической иерархии выражений соответствуют современным представлениям о развитии грамматических категорий локации [Степанов 1975, § 52], представляющей собой ядро референции. Иными словами, референционная иерархия соответствует в общем и целом, историческому процессу развития этих типов предложений. Остановимся на некоторых деталях этого процесса.

В р е ф е р е н ц и о н н о м п р о с т р а н с т в е 3 л., следовательно пространстве наиболее удаленном от непосредственных собеседников, 1 и 2 л., формируются наиболее абстрактные экзистенциальные предложения, приобретающие безличную форму: рус. *Имеется,* англ. There is, фр. Il y a букв. 'там есть, имеется' и еще более букв. 'там имеет', исп. Hay из ha + y, букв. 'там имеет', и т.п. В то время как английское выражение восходит к форме местоименной природы, родственной артиклю the и местоимению that 'тот', романские формы показывают тот же путь, что рус. *имеется,* т.е. из личного глагола 'имеет' + некая частица, отвлекающая глагол 3 л. от его определенно-личного значения. В романских языках этой цели служит глагол habet 'имеет' и частица *y* из лат. inde 'там', и процесс образования выражения засвидетельствован в текстах, ср. вульг. лат. habet inde 'там есть, имеется', букв. 'имеет там'.

В р е ф е р е н ц и о н н о м п р о с т р а н с т в е 2 л. слушающего, возникли, как можно предполагать, русские отрицательные экзистенциальные предложения со словом нет из *не + mъ*, др.-рус. не ѥсть тъ, ту [Преображенский 1956, I, 596]. Элемент *тъ, ту* естественно соотнести с отмеченным сербохорватским *-т-*. Он значит либо 'тот у слу-

шающего, около тебя' (*mь- тый* 'тот'), либо 'находящийся тут, около тебя' (*my* 'тут, здесь'), либо, в силу контаминации, то и другое вместе.

С этим вопросом связывается гипотеза С.П. Обнорского о происхождении и соотношении русских форм 3 л. наст. вр. с *-т-* и без *-т-* (§ 16).

В пространстве 1 л. говорящего, осмысляются прежде всего субъективные состояния: *У меня голова болит; У меня жар; У меня неприятности.* Выражения со 2 и 3 л. *У тебя голова болит; У него голова болит* и т.п. возникли, вероятно, по аналогии с 1 л. Они содержат умозаключения по аналогии: при констатации внутреннего состояния только 1 л. является подлинной констатацией, высказывания относительно всех других лиц — лишь утверждения о внешнем сходстве с описываемым субъективным состоянием. Отношение высказываний от 1 л. к высказываниям от 2 и 3 л. здесь вполне аналогично отношению между перформативными высказываниями типа *Я обещаю* и обычными утверждениями типа *Ты обещаешь; Он обещает,* — только 1 л. выражает акт обещания.

Вернемся к нашему предположению о связи трех дейктических частиц с соответственно тремя лицами в праславянском и прабалтийском — 1 л. элемент *-v-*, 2 л. элемент *-t-*, 3 л. элемент *-n-* (ср. выше сербохорватский пример). Если это предположение верно, то с пространством 1 л. следует связать русскую указательную частицу *вот*, возможно сложенную из *vo-+*tъ, а также латышский предикат существования в отрицательной форме nav из nevaid. По своей сути предикат существования — ср. рус. *есть, нет* — приурочен к 3 л., и перенесение в него показателя первого лица, возможно, стоит в связи с древнейшими процессами в области индоевропейских указательных частиц и местоимений. Предполагается, что в протоиндоевропейском было два местоимения 1 л. ед.ч. — *me и *ǰe, причем первое имело значение активности, второе — неактивности; второе было в некоторых языках включено в состав неактивного местоимения 2 л. ед.ч.: скр. ген tava, акк. tvām и т.д. Форма на *-ǰe//*-ǰo в одних языках имеет значение 1 л. мн.ч. (ср. хет. wes, гот. weis и др.), в других — 2 л. мн.ч. (ср. слав. vy, рус. *вы,* лат. vos и др.) [Савченко 1984, 483 и сл.; Лекомцева 1979].

Заключая, можно сказать, что то общее, что объединяет безличность и неопределенную семантическую референцию, состоит, главным образом, в устранении пространственной определенности субъектов высказываний. И, напротив, то общее, что объединяет личность и определенную референцию, состоит в параллельном распределении указаний в трех пространствах — 1, 2, 3 л. При указании прямо на 1, 2 или 3 л. возникает личность предложения, при отнесении его словиндексов к пространству того или иного лица возникает один из трех разрядов описанной выше специфической определенной референции, но, если прямое указание на лицо при этом отсутствует, то предложение референциально определенное будет безличным.

Глава IV

ПЕРИФРАЗЫ ПО ЛИНИИ АКТАНТОВ

§ 29. Типы предложений в языке не существуют независимо один от другого, а вступают в естественные взаимоотношения, образуя континуум. Это обстоятельство всегда создавало большие трудности для выделения непосредственной единицы сравнения в сравнительно-историческом синтаксисе (см. об этом, в частности [Степанов 1957]). Однако в настоящее время трудности этого рода, в основном, преодолены, поскольку стало ясно, что континуум представляет собой систему.

До недавнего времени единственным видом отношений между предложениями, образующих систему, считались отношения их структурных схем — трансформации и "порождения". На этом принципе системности построен протоиндоевропейский синтаксис У. Леманна [Lehmann 1974; 1980]. Но если типы предложений определяются также через лексические вхождения в их структурные схемы, то открываются иные виды системных отношений между предложениями (см., в частности, [Долинина 1977; 1978; Золотова 1973; 1982; Слюсарева 1981; Мартынов 1982; Кузнецов 1984, особ. с. 41—47]). Мы выделим главный вид таких системных отношений — отношения перифразирования, или перифразы. Некоторые виды перифраз, в частности пересечения, "имбрикации" I и II типов предложений были затронуты выше (§ 7). Этот параграф посвящен формулировке некоторых основных положений предлагаемой нами теории перифраз в тезисном виде.

1. Перифразы основаны на лексикализации — языковом членении картины мира посредством слов языка, лексем, и, в силу того, что лексикализация специфична для каждого языка, так же этнически, т.е. индивидуально для каждого языка, специфичны перифразы*.

2. Перифраза есть пара (или более) различных предложений, описывающих одну и ту же ситуацию, но различающихся способом представления этой ситуации — т.е. смыслом. Например, преобразование *Иван продает машину Петру⇒Петр покупает машину у Ивана* является перифразой. Точнее, любое из этих двух предложений является перифразой другого; в широком смысле — оба предложения одновременно являются перифразой. (Далее термин "перифраза" упот-

*В силу этой особенности перифраз в главах IV и V характер изложения, сравнительно с другими главами, несколько меняется: на первое место выдвигается более подробный анализ материала одной языковой группы — балто-славянской, главным образом русского языка (гл. IV) и литовского (гл. V), сравнительный индоевропейский материал дается вторым планом.

ребляется как в узком, так и в широком смысле, — различие ясно из контекста. (*Перифразы отличны от трансформаций*).

3. Трансформация есть пара или более выражений, являющихся преобразованиями одного и того же предложения. При трансформации меняется внутренняя или внешняя грамматическая структура предложения или обе сразу. Под внешней грамматической структурой понимается то в форме предложения, что делает его либо самостоятельным выражением, либо частью другого выражения. Например, (1) *Иван продает машину Петру* → (2) *Машина продается Иваном Петру* → (3) *Продажа машины Иваном Петру* → (4) *Тот факт, что машина продается Иваном Петру* → (5) *Машина, продаваемая Иваном Петру* ... и т.д. — это трансформации. Преобразование (1) → (2) меняет внутреннюю грамматическую структуру выражения, залог, является пассивизацией; преобразование (1), (2) → (3) создает именной эквивалент предложений, является номинализацией; преобразование (1), (2), (3) → (4) меняет внешнюю грамматическую структуру предложения, сохраняя его внутреннюю структуру с ее полным выражением времен, модальностей и т.д., что позволяет предложению войти в качестве актанта в другое предложение, например, *Тот факт, что машина продается Иваном Петру, еще не означает, что продажа совершится,* и т.д.

4. Не вполне выясненным вопросом остается отношение перифраз и трансформаций к их денотату и сигнификату. (Это связано и с неразработанностью некоторых проблем теории референции, см. § 18.)

Изменяя свою раннюю точку зрения [Степанов 1981], под денотатом предложения мы будем понимать внеязыковую ситуацию. В этом смысле у всех предложений, составляющих перифразу, один и тот же денотат в рамках этой перифразы. Так, в перифразе (а) *Некто поджигает дом* ⇒ (б) *Дом загорается* денотатом является единая ситуация, состоящая из двух совмещенных во времени и пространстве событий — 'В тот самый момент, когда некто поджигает дом, дом по этой самой причине загорается'. Точно так же обстоит дело в перифразе (а) *Иван продает машину Петру* ⇒ (б) *Петр покупает машину у Ивана.* Но взятые по отдельности, предложения (а) и (б) имеют каждое свой собственный денотат, отличный от денотата другого. Тем более различны денотаты взятых по отдельности предикатов этих предложений — глаголов *поджигать* и *загораться; продавать* и *покупать*. Перифраза, или система перифраз (смотря по тому, употребляем мы термин "перифраза" в указанном выше узком или широком смысле), есть некое уравнение, в котором предложение, имеющее каждое свой денотат, приравниваются и соотносятся с общим новым денотатом — данной ситуацией. Что касается сигнификатов, смыслов предложений, образующих перифразу, то они, само собой разумеется, различны.

Трансформации одного и того же предложения, по определению, не затрагивают его денотата, и в этом смысле имеют один и тот же денотат. Но выражение "иметь один и тот же денотат" значит применительно к трансформациям нечто несколько иное, чем применительно к перифразам. Трансформации (одного предложения) просто

не затрагивают его денотата, поскольку они сохраняют и даже "предохраняют" предикат исходного предложения. Перифразы же приравнивают денотаты исходных предложений на основе отнесения последних к одной и той же ситуации. С семантической точки зрения, трансформации — тавтологии. Трансформации, в сущности, — частный случай перифраз.

Назначение трансформаций — формальное: разнообразить структуры выражений, основанных на одном и том же предложении (пропозиции), для удовлетворения формальным требованиям построения разных текстов, обеспечить их формальную связанность. Разные трансформации одного и того же предложения редко соседствуют в одном и том же тексте. Назначение перифраз — семантическое: соединить вместе различные, т.е. данные в разных предложениях, описания одной и той же ситуации для удовлетворения семантической связанности и полноты одного текста и одновременно обеспечить его компрессию, сжатость. Более того, основной тип перифраз, который требуется для текстовой теории падежей, — это как раз перифразы, принадлежащие одному и тому же тексту, либо так, что оба предложения, составляющие перифразу, явно присутствуют в этом тексте, либо так, что одно из них присутствует, является эксплицитным, а другое находится в пресуппозиции, является имплицитным. Этот тип перифраз описывается ниже.

5. Текст понимается как система потенциальных (эксплицитных и имплицитных) перифраз.

6. Минимальная система перифраз, необходимая для установления падежных функций, есть тройка предложений — предложения (1) и (2) независимо описывают некоторую ситуацию и, будучи сопоставленными, образуют исходную перифразу, а предложение (3) является их суммированием (компрессией) — конечной перифразой. Например:

(1) *Человек колет*
(2) *Полено трескается* } — Исходная перифраза

(3) *Человек колет полено* — Конечная перифраза. (Некоторая неуклюжесть предложения (2) обсуждается ниже.)

7. В приведенные выше определения входит понятие с и т у а ц и и, которое становится, таким образом, лингвистически существенным. Это понятие появилось в лингвистике в конце 1960-х гг. Некоторые основополагающие идеи были в связи с ним высказаны Ю.К. Лекомцевым [Лекомцев 1973]. Формализация понятия "ситуация" в смысле близком к нашему дана в работе [Barwise, Perry 1983]. Место этого понятия в системе теоретических концептов намечено В.З. Демьянковым [1986, 230]. Понятие ситуации соотносится с понятием фрейма (см. [Категории искусств. интелл. 1987, 31]). Однако понятие ситуации не получило до сих пор лингвистически строгого определения. Нам придется удовлетвориться указанием нескольких его признаков:

(а) Если трудно дать определение ситуации вообще, то, во всяком случае, можно определенно указать лингвистический символ ситуации: пропозиция или предложение (но не отдельное слово).

(б) Одна и та же ситуация может быть описана с разных сторон,

с разных точек зрения, число которых, вообще говоря, неограниченно. Выражаясь лингвистически: одна и та же ситуация может быть описана неограниченным числом независимых предложений. Однако число описаний, т.е. предложений, одной ситуации, с которым приходится иметь дело в теории падежей, обычно ограничивается числом предметов, которые говорящий, сообразуясь с правилами своего языка, может выделить в данной ситуации и совместить в одном предложении. Простейший пример такого рода приведен в п. 6. Вообще, число описаний одной ситуации, т.е. предложений, которые ее описывают, в теории падежей обычно не превышают числа актантов (термов), возможных в одном предложении. А это число в норме не превышает 5, что является, по-видимому, универсалией*. Например: *Некто* (1) ударил *кого-то* (2) по какой-то *части тела* (3) каким-то *предметом* (4). При соблюдении принципа независимости состояний приведенному предложению соответствуют следующие четыре:

(1) *Некто ударил;*

(2) *Некто ударил кого-то;*

(3) *Некто ударил по какой-то части тела;*

(4) *Некто ударил каким-то предметом.*

(в) Наиболее важным признаком лингвистического понятия ситуации является признак е с т е с т в е н н о с т и ситуации. Здесь мы также не будем стремиться к строгому его определению, а введем его через примеры. Так, ситуация 'Сестра бросает брату мяч' является естественной, ситуация 'Сестра бросает брату чайник' — неестественной. Следует думать, что само по себе различение естественных и неестественных ситуаций является универсалией, но какие именно ситуации расцениваются как естественные с позиций данного языка, определяется системой данного языка, является фактом идиоэтническим.

Как становится ясным в свете последних исследований, различение это очень важно, так как язык, будучи способен выражать самые различные ситуации, как естественные, так и неестественные, лишь первые типизирует с помощью языковых средств. Так, в русском языке ситуация 'Ловить рыбу' типизирована посредством особой лексемы *удить — Он удит у берега.* Ситуация же 'ловить нечто в воде' нетипизирована, так как степень ее естественности по сравнению с предыдущей существенно меньше, ср. *Он ловит* (но не: *удит*) *лодку у берега.* В целом ряде инкорпорирующих языков разных семей типизированные ситуации выражаются посредством инкорпорированных комплексов, а нетипизированные, например связанные с появлением в быту новых предметов, ранее неизвестных, — неинкорпорированными структурами.

(г) Среди различных описаний одной ситуации (предложений) одно обычно является наиболее независимым, с в о б о д н о й ф о р м о й в системе перифраз, а другие в той или иной степени зависимыми и несвободными. (Хотя, как уже было сказано, каждая независима от других в том смысле, что может быть высказана без нарушения

*М.И. Лекомцева [1979] выделяет, однако, в особом случае — при глаголах говорения — ситуации с 9 актантами.

логической и языковой правильности). Свободная форма опознается по тому, что она легко и полностью интерпретируется из содержания ее самой, тогда как у несвободных форм остается — при полной их понятности — некоторая неполнота смысла. Так, в русском языке *Сестра бросает мяч на спортплощадке* является свободной формой, а другое описание той же ситуации **Брат ловит мяч на спортплощадке* — несвободной формой (несвободные формы отмечаются звездочкой). Свободные формы, по-видимому, служат и носителями признака "естественность" ситуации по преимуществу.

(д) Все описания одной ситуации (предложения или перифразы), являясь независимыми, вместе с тем являются естественно с в я з а н н ы м и именно потому, что относятся к одной ситуации. Сам по себе признак связанности уже введен в литературе, но для наших целей требуется его дальнейшее уточнение. В имеющихся работах (например, [Гулыга 1978]) связанность рассматривается нерасчлененно — как свойство и ситуации, и перифраз, и трансформаций (последние два понятия там не разделяются). С этой точки зрения, предложение *Когда поезд подъезжал к станции, у меня слетела шляпа* описывает две связанные ситуации. В языковом плане такой связанности соответствует связанность трансформаций, а именно трансформации независимого предложения *Поезд подъезжал к станции* в зависимое, часть сложного предложения. Этот тип связанности для теории падежей мало интересен.

Для теории падежей важна связанность перифраз. Она, по-видимому, тоже имеет степени, как и естественность и свободность перифраз. Собственно говоря, всё это различные стороны одного и того же явления: ведь типизированность ситуаций отражается в связанности перифраз. Связанность перифраз — явление столь же идиоэтническое, как и типизированность. Если трансформации — явление, обычно общее для целой группы родственных языков, или даже для целой семьи, то связанность перифраз, образующая к о н ф и г у р а ц и и п е р и ф р а з, — явление сугубо идиоэтническое, важная индивидуальная характеристика каждого отдельного языка.

Рассмотрим явление связанности и конфигурации перифраз на примерах. Есть большая разница между двумя русскими предложениями, кажущимися на первый взгляд одинаковыми: (1) *Вода течет,* (2) *Песок сыплется.* Первое может быть интерпретировано исходя из него самого и тем самым является свободной формой в некоторой системе перифраз. (Это соответствует тому факту, что глагол 'течь' в индоевропейском является глаголом activa tantum, см. §6, и постоянным, конституирующим предикатом сущностей 'вода', 'жидкость' ['вода' есть 'текущее'].) Другие формы в этой системе будут несвободными, такая, например, форма (если использовать несколько устаревший каузативный глагол *точить* "заставлять течь" или любой другой, сколь угодно современный глагол в этом каузативном значении) — (3) *Родник слабо точит воду.*

Второе предложение, (2) *Песок сыплется,* напротив, является несвободной формой от более свободной (4) *Некто или нечто сыплет песок.* Различие (1) и (2) в современном русском языке выражается

в соотношении производности морфологии предикатов: глагол *течь* предстает как непроизводный, а глагол *сыпать-ся* как производный, посредством частицы *-ся*, от простого глагола *сыпать*. Морфологическое соотношение такого вида само есть частный случай перифраз (см. гл. V).

В литовском языке, при большой близости грамматических систем литовского и русского и, следовательно, при большом сходстве трансформаций, конфигурации перифраз существенно отличны.

В парах типа 'сыпать — сыпаться', 'колоть — колоться (трескаться)', 'разбавлять — разжижаться', 'лущить — лущиться', 'мочить — размокать' и т.п., соответственно berti — birti, skelti — skilti, skiesti — skysti, iežti — ižti, merkti — mirkti, различие проходит в огласовке корня (исторически полной в каузативном глаголе, исторически редуцированной в глаголе непроизвольного действия-состояния) при различиях флексии (типа спряжения). Это значит, что для литовского языка глагол состояния ('сыпаться', 'лущиться', 'размокать' и т.п.) не является производным, как в русском, а оба глагола и соответственные им предложения, образующие пары перифраз, составляют своего рода эквиполентные системы.

8. После всего сказанного выше естественно определить пару лексем типа 'сыпать — сыпаться' (также 'колоть — колоться [трескаться]', 'плавить — плавиться [таять]' и т.п.) как в сущности одну лексему в двух формах. Однако эта форма специфична. Это и не форма словоизменения (как рус. *сыпать — сыпал*) и не форма словообразования (как русск. *сыпать — пересы́пать, пересыпа́ть*). Назовем эту форму диатезой. (Подобно тому, как это было сделано в § 1, подчеркнем — и это отражено в записи посредством кавычек — что русский язык выступает здесь не как язык иллюстрации, а как метаязык, посредством которого записываются и семантически передаются отношения лексем такого типа, как в приведенных литовских примерах). По категориальному содержанию диатеза в приведенных примерах — это одна из форм категории залога, форма лексико-морфологическая.

Залог вообще есть категория предложения, заключающаяся в отношении действия к его субъекту. Кроме диатезы, залог в и.-е. языках, имеет и другую форму — синтаксическую.

Залог, выражаемый в синтаксической форме, позволяет соотносить одно и то же действие с разными субъектами. Ср. *Лаборант растапливает вещество → Вещество растапливается лаборантом, Вещество растапливается.* Поэтому залог, выраженный синтаксически, является свободно оппозитивной категорией, со всеми вытекающими отсюда последствиями ("субъективностью" выбора субъекта—подлежащего говорящим, возможностью для говорящего поразному "изображать" действие в зависимости от разных коммуникативных задач, и т.д.). Частица *-ся* в русском языке в этих случаях, т.е. когда глагол с *-ся* и глагол без *-ся* являются полностью и свободно оппозитивными, принадлежит не глаголу, а предложению, составляя в нем "морфему синтаксического построения". Мена залогов в синтаксической форме — это трансформация.

Диатеза же, как залог, выраженный морфологически, обладает существенными отличиями. Поскольку диатеза связана с морфологией глагольного слова, семантика диатезы всегда связана с лексической семантикой глагольного слова. Многие типы семантической связи действия с его субъектом, которые выражаются в форме диатезы, не являются чем-то таким, что может быть представляемо в свободно оппозитивной форме — как либо полагание связи, либо снятие этой связи. Для нормальной человеческой логики в естественной ситуации одни процессы связаны только с одними субъектами (предметами), другие процессы — только с другими субъектами. 'Дышать', 'спать', 'расти' и т.п. может 'растение', 'животное', 'организм', 'человек', но не 'камень', 'вода', 'кислород' и т.п. Напротив, 'сыпаться', 'таять', 'кристаллизоваться' и т.п. естественно может как раз то, что не может 'дышать', 'спать', 'расти' и т.п. (Этому и соответствуют, в частности, лексемы activa tantum с одной стороны, и perfecta tantum, с другой. Это, разумеется, не исключает того, что есть и процессы, связанные с любыми субъектами и, соответственно, глаголы, допускающие мену диатез). Семантика диатезы оппозитивна, но не свободно оппозитивна. Диатеза в языке предполагает раз данную, естественную связь явлений — действия и его субъекта — в действительности. Поскольку диатеза отражает объективное отношение действия к его субъекту-носителю, это отношение не может быть предметом выбора говорящего и зависеть от его точки зрения на происходящее в объективной действительности. Семантика диатезы не сигнификативная, а денотативная. Как денотативная семантика вообще, она ориентирована не на обозначение понятия (сигнификата), а на обозначение предмета действительности (денотата).

Итак, парные лексемы типа 'сыпать — сыпаться', 'поджигать — загораться' и т.п. можно рассматривать как в некотором смысле одну лексему, а различие между двумя глагольными словами в ней определять как различные формы — диатезы глагола. (Этот греческий термин означает, в сущности, лишь 'расположение, состояние', т.е. указывает не на содержание, а именно на переменную форму какого-либо состояния). (Ср. также [Guchman 1976; Satzstruktur... 1976].)

9. После всего сказанного естественно определить и падеж как диатезу имени. Совершенно очевидно, что в силу полной симметрии понятий падеж (имени) и диатеза (глагола), можно было бы, наоборот, определить диатезу, как падеж глагола. Более того, это последнее определение, действительно, существовало у античных грамматиков, оказавшихся в этом случае более прозорливыми наблюдателями языка, чем позднейшие лингвисты. Варрон писал: "Duo enim genera verborum: unum fecundum, quod declinando multas ex se parit disparilis formas, ut est Lego, Legis, Legam, sic alia; alterum genus sterile..." (De lingva lat.) 'У глаголов есть два рода: один — плодотворный, который, когда его склоняют, порождает из себя много различных форм, как, например, lego 'читаю', legis 'читаешь', legam 'буду читать' и так далее; другой — бесплодный...'. Это наблюдение Варрона послужило одним из источников для теоретического обобщения Ж. Веренка [Veyrenc 1980, 356; 1980a].

10. В таких случаях, как '(Некто) сыплет (акк.) песок' — 'Песок (ном.) сыплется', диатеза имени (падеж) и диатеза глагола очевидным образом связаны, и являются, в сущности, одним и тем же, своего рода "длинной" диатезой "глагол — имя". Эту общую ("длинную") диатезу в первом случае, "активный глагол + объект в аккузативе", можно назвать аккузативной диатезой; во втором случае, "субъект в номинативе + неактивный глагол" — номинативной неактивной диатезой; 'Вода течет', 'Брат уезжает' получают естественное наименование номинативная активная диатеза.

Это, весьма важное для теории перифраз, а также для теории падежей и залогов, положение было впервые сформулировано Ж. Веренком в 1974 г. и одновременно подробно развито им на материале русского языка применительно к одному частному случаю — "дативной диатезе" [Veyrenc 1975], а затем дополнено применительно к некоторым другим случаям [Veyrenc 1976 и др.]. (Эти работы, кроме работы 1975 г., собраны в книге [Veyrenc 1980] на которую и делаются ссылки далее). По Ж. Веренку, и.-е. падежи в системе перифраз (у него — "трансляций") определяются следующим образом: генитив — трансляция (виртуальная) номинатива; аккузатив — трансляция (активная) номинатива; датив — трансляция (фактитивная) номинатива; инструменталис — трансляция (медиальная) номинатива. Номинатив в этой системе определяется как абсолютно независимый падеж, параллельный аналогичной категории 3 л. ед. ч. в глаголе [Veyrenc 1980, 357—364].

В русской лингвистике параллельным путем независимо развивались работы автора (см. [Степанов 1968; 1987в]), Г.П. Мельникова [Мельников 1976; 1980] и А.Ф. Дремова [Дремов 1985] (историю вопроса см. [Степанов 1988]). Существенный новый шаг сделан в работе американского автора Дж. Дю Буа, где на материале языка сакапультек (семья майя) показано, что в процессе развертывания текста новая информация обычно вносится субъектом непереходного глагола или объектом переходного, т.е. абсолютивным падежом (это как раз те формы, которые типологически соответствуют нашим базовым формам перифраз, см. ниже). Эргативный падеж редко вводит новую информацию, выступая таким образом падежом, резюмирующим уже известное [Du Bois 1987, 828]. Последнее положение можно было бы вывести уже из данных М.Е. Алексеева [1981, 250].

Накопление подобных наблюдений привело к возникновению текстовой, или перифрастической, теории падежей как части более общей теории диатез глагола — падежей имени. Ниже мы формулируем ее основные положения на материале русских падежей.

§ 30. Теория падежей, основанная на изложенных положениях, может быть названа перифрастической, или текстовой, или диатезной теорией падежей. Дополнительно к сказанному она характеризуется следующими положениями.

1. Первичная семантическая (точнее, семиологическая) функция каждого падежа не может быть определена в рамках одного отдельно взятого предложения или типа предложений. Она определяется в минимальной системе перифраз или, в отдельных случаях, трансформаций.

Современный русский язык по сравнению, например, с балтийскими отличается некоторой нехваткой первообразных глаголов действительного залога, характеризующих состояния неактивных субъектов (вещей). В этой роли используются производные от глаголов активного действия (действия человека) глаголы на *-ся*, например: *Вода льется* в значении *Вода течет*. Часто подобные лексемы вообще отсутствуют: например, если дана ситуация *Человек пашет землю*, то для характеристики состояния *земли* при этом нет особой лексемы и используется лексема *пахать* в страдательном залоге *Земля пашется*, между тем как такая лексема есть в случае *Человек студит воду — Вода стынет*. Напротив, в некоторых, редких, случаях есть лексема состояния неактивного субъекта — *Стакан лопнул* (при этом только в форме сов. вида), но нет соответствующей активной лексемы типа **лопать стакан* 'заставлять лопнуть', хотя есть производная от нее лексема несов. вида *лопаться*, пара к *лопнуть*. Поэтому парадигма *Стакан лопается — Стакан лопнул* — по существу, неоднородная, супплетивная, тогда как парадигма *Вода стынет — остыла* — однородная.

При описании падежных функций очень важно не включать в число исходных предложений пассивные. Поэтому ниже все используемые формы на *-ся*, являющиеся либо морфологическими вариантами глаголов состояния действительного залога (типа *лопается* при *лопнуть, лопнул*), либо лексическими вариантами глаголов состояния (*Вода льется* при *Вода течет*), либо вынужденным применением глагола страдательного залога в значении глагола состояния (*Земля пашется*), отмечаются двумя звездочками, как отличные от форм подлинного пассива — *Земля пашется трактором*. Одной звездочкой, в соответствии с тем, что сказано в § 29, отмечаются несвободные формы.

Приведенная (пункт 6 § 29) система перифраз может быть теперь выражена в более нормативной форме:

(1) *Человек рубит;*

(2) ***Дерево рубится* (в знач. *колется, трескается, лопается*);

(3) *Человек рубит дерево.*

2. Предложения (1) и (2) в такой системе перифраз должны быть предельно простыми возможными в русском языке двусоставными предложениями, состоящими из субъекта в И.п. и глагола в личной форме действительного залога. Термин "именительный падеж" в этом исходном определении еще не несет никакой семантической (семиологической) характеристики, он указывает просто на форму, называемую (в результате предварительного дистрибутивного описания) "формой именительного падежа". Таким образом, круга в определении нет: по существу, "именительный падеж" здесь определяется через глагол, как "тот падеж, который возможен в простом двусоставном предложении с личным согласованным глаголом действительного залога, в роли субъекта (подлежащего)". Таким образом предложения типа *Мне холодно; Молнией зажгло сарай; Гостей понаехало* и т.п.

исключаются. Примеры приемлемых предложений: *Человек колет; Топор колет; Вода течет; Стакан лопнул; **Вода льется* и т.п.

Поскольку диатеза имени-падеж и диатеза глагола тесно связаны, то в основания диатезной теории падежей включается также характеристика системы диатез глагола. Базовая часть последней — характеристика трех и.-е. диатез perfecta tantum, activa tantum, media tantum дана в § 1, 2, 6. Здесь мы включим вторую, исторически более новую часть системы диатез, — категорию переходности глагола (по работам [Степанов 1977; 1981, 301—304]).

Излагаемые здесь взгляды опираются на работы прошлых десятилетий, в которых переходность, диатеза, залог, рефлексивность (возвратность) глагола исследовались в комплексе, — [Margulies 1930; Havránek 1928—1937; Десницкая 1984; Гухман 1964]. По общей установке эти взгляды близки к идеям работ [Норман 1972; Генюшене 1974] и особенно [Paulauskienė 1979; Криницкайте 1980] и [Долинина 1987].

Для описания типов переходности (или диатез, или родов глагола) русского языка мы будем применять следующие три пары признаков.

1. На первое место мы выдвигаем признак аналитическая-синтетическая переходность. Эти термины мы будем применять по аналогии с аналитическими и синтетическими суждениями в логике. Признаком аналитической переходности характеризуются действия, в самих понятиях о которых содержится понятие объекта. Иными словами, действия, объект которых либо отождествляется с самим действием, либо возникает в результате действия и не существует до него (*петь песню; играть роль* [об актере]; *рожать детей; рыть яму*). Признаком синтетической переходности характеризуются действия, понятие о которых предполагает объект, существующий "сам по себе", независимый от действия и присоединяемый к нему (*рыть землю; убивать зверя; красить забор*). В первом случае понятие объекта может быть выделено из понятия действия, во втором — только присоединено к нему. Поэтому на поверхностном уровне объекты аналитической переходности могут не выражаться: *рыть* в обычной ситуации — то же самое, что *рыть землю; пахать* — то же самое, что *пахать землю* или *поле; петь* — то же самое, что *петь песню*, и т.д. Напротив, объекты синтетической переходности должны — в той или иной форме — выражаться обязательно. Признак аналитическая-синтетическая переходность — это наиболее крупный классификационный признак: почти о всяком переходном глаголе в современном русском языке можно сказать, обладает ли он аналитической или синтетической переходностью, и бóльшая часть глаголов современного русского языка может быть разбита по этому признаку на две группы.

2. Эти две группы могут быть в свою очередь разбиты еще на две каждая. В качестве основания для второго разбиения мы используем признак эффективная-неэффективная переходность. В славистической литературе он был наиболее ясно введен Г. Келльном [Kølln 1969]. Эффективная переходность означает, что объект действия подвергается в процессе действия реальному изменению, в том числе

разрушению или созданию (*рубить дерево; красить забор; строить дом; наказывать ребенка*). Неэффективная переходность означает, что имеется объект — данный до действия или возникающий в процессе действия — который лишь участвует в действии, не подвергаясь изменению, в частности в тех случаях, когда действие не выходит за пределы субъекта (*слушать музыку; смотреть картину; видеть небо; петь песню; любить ребенка*).

Пересечение 1-го и 2-го классификационных признаков дает четыре основных класса переходности в русском языке.

Третьей классификационной парой признаков является пара одушевленность-неодушевленность (лицо-вещь).

§ 31. Субъекты таких предложений как (1) и (2), приведенные выше могут получить достаточную семантическую (семиологическую) характеристику при использовании двух пар признаков: активность — неактивность, одушевленность — неодушевленность. Это же будет первичной характеристикой русского именительного падежа, который является, таким образом, падежом, выражающим:

а) активный одушевленный субъект (другое название агенс) — например, *человек* и все синонимы термина "человек" в свободном употреблении (свободной перифразе);

б) неактивный неодушевленный субъект (другое название пациенс) — например, *вещь* и все синонимы термина "вещь" в свободном употреблении (свободной перифразе);

в) активный неодушевленный субъект (другое название инструменталис) — например, *инструмент, топор, вода* и т.п. и все окказиональные синонимы в несвободных перифразах;

г) неактивный одушевленный субъект (другое название фациенс) — все синонимы термина "человек" в окказиональной несвободной перифразе, синтаксически (перифрастически) связанном употреблении, например, *Сестра бросает мяч* (*сестра* — агенс) — **Брат ловит мяч* (*брат* — фациенс).

§ 32. Винительный падеж наиболее явным образом обнаруживает взаимозависимость между глаголом и падежом в рамках единства "диатеза глагола — диатеза имени (падеж)". Поэтому описание функций В.п., т.е. "разных винительных", в диатезной теории сопровождается параллельным описанием разных типов переходности глагола. В сущности, классификация функций и синтаксических (в смысле: перифрастических, диатезных) форм В.п. есть одновременно классификация типов переходности русского глагола.

а) Винительный вещи. Этот винительный падеж определяется в такой системе перифраз, как:

(1) *Человек рубит* (субъект — И.п. агенс);

(2) ***Дерево рубится* (субъект — И.п. пациенс);

(3) *Человек рубит дерево* (*дерево* — В.п.);

Или (другой пример) в такой системе:

(1) *Человек студит;*

(2) *Вода стынет;*

(3) *Человек студит воду.*

Иными словами, этот падеж имеет первичной функцией выражение неактивного неодушевленного субъекта, "свернутого", пониженного в ранге до объекта в предложении, где имеется активный одушевленный субъект. Это значит, что такой В.п. обратной операцией перифразирования может быть развернут в субъект — неактивный и неодушевленный ("вещь") — самостоятельного предложения. Этот В.п. естественно назвать "винительным вещи".

Винительному вещи соответствует 1-й класс переходности в русском глаголе — синтетическая эффективная переходность главным образом бесприставочных в базовой лексеме глаголов: *колоть дрова, рыть землю, красить забор, чистить зубы, стричь волосы, мыть руки* и т.п. (Такие глаголы могут, конечно, иметь приставку, но их следует отличать от глаголов, в которых приставка входит уже в базовую форму (и во все ее производные), типа *улучшить—улучшать, выполнить—выполнять, запустить—запускать* и т.п. (см. ниже).

При аналитическом толковании (перифразировании) этих глаголов они раскладываются на сему 'сделать так, что (каузировать)'+'неодушевленный субъект (вещь) претерпевает внутренний процесс'. Глагол внутреннего процесса имеет в настоящем времени форму на *-ся* ("форму с двумя звездочками") — *колется, роется, красится* и т.п., и в прошедшем времени — форму страдательного причастия от приставочного глагола совершенного вида — дрова *на-колоты* (или, разг., *по-колоты*), земля *раз-рыта,* забор *по-крашен,* зубы *по-чищены,* волосы *по-стрижены,* руки *по-мыты* и т.п. со значением устойчивого, органического, внутреннего состояния этой вещи.

б) Винительный лица. К рассмотренной выше функции можно причислить выражение неактивного одушевленного субъекта (фациенса) в таких системах перифраз, как например:

(1) *Сестра гонит* (И.п. агенс);

(2) *Брат уходит* (И.п. фациенс);

(3) *Сестра гонит брата.*

Однако бросается в глаза неестественность таких перифраз, во многих случаях — отсутствие объекта в (1), а также частое отсутствие соотносительных лексем между (1) и (2), например —

(1) *Солдат убивает* (И.п. агенс);

(2) *Враг умирает* (И.п. фациенс);

(3) *Солдат убивает врага* (перифразы неестественны);

или:

(1) *Солдат ранит* (И.п. агенс);

(2) **Враг ранится* (И.п. фациенс);

(3) *Солдат ранит врага* (и перифразы неестественны, и в (2) нет лексемы, соотносительной с *ранить*).

Это говорит о том, что В.п. одушевленной сущности следует расценить как неглавный вариант функции В.п.

В некоторых случаях (при некоторых лексемах) можно представить глагол как содержащий "внутренний объект" в В.п., например: *ранить = ранить рану.* Такое представление имеет основания в наблюдаемых фактах: *думу думать, службу служить,* ср. лат. pugnam pugnare 'бой бить', т.е. 'давать бой' и т.п. (figura etymologica) (§ 10). Тогда В.п. одушевленной сущности можно представить как вариант Д.п., т.е. как другой вариант И.п. фациенса:

(1) *Солдат ранит рану* (И.п. агенс, В.п. пациенс);

(2) *Враг получает рану* (И.п. фациенс, В.п. пациенс);

(3) **Солдат ранит рану врагу;*

(4) *Солдат ранит врага* (см. ниже при Д.п.).

Однако и в этих случаях такой В.п. одушевленной сущности явно не сводится к В.п. вещи. Это заставляет постулировать для него особый исторический прототип (§ 9, 42). Назовем этот падеж "винительным лица".

Винительному лица соответствует 2-й класс переходности в русском глаголе (в упомянутой работе [Степанов 1977, 141] он нумеровался иначе, как "класс III"). — синтетическая каузативная переходность. Признак "каузативная" скрывает под собой (нейтрализует) признаки "эффективная" и "неэффективная" переходность: *убивать врага, сажать больного, будить отца, забавлять ребенка, прогонять гостей, поить коня,* и т.п. Здесь действие выходит за пределы субъекта и распространяется на объект, внешний действию и субъекту; объект подвергается изменению — в нем возбуждается процесс или состояние. Конечным результатом семантического разложения (обратного перифразирования) является непереходное действие, состояние или процесс, приписанный объекту-лицу, ставшему субъектом независимого предложения: *сажать ребенка* ⇐ 'делать так, что'+'ребенок сидит'. Тип реализуется главным образом в бесприставочных глаголах, имеющих морфологические (хотя бы слабые и пережиточные) приметы каузативности.

На первый взгляд, такой тип переходности представляется неотличимым от каузативной переходности, имеющей объектом не человека, а вещь: *сажать ребенка на стул* и *сажать цветы в грунт, поить коня* и *точить нож* кажутся одинаковыми. Однако перифразирование и трансформации вскрывают их различие. Конечным предикатом при объекте-лице является особая лексема — глагол состояния древнего морфологического класса глаголов состояния или перехода в состояние: *губить человека* ⇒ человек *гибнет; сажать ребенка* ⇒ ребенок *сидит; поить коня* ⇒ конь *пьет.* Между тем как при объекте-вещи предикатом оказывается либо сам переходный каузативный глагол на *-ся* в настоящем времени ("форма с двумя звездочками", см. выше), либо страдательное причастие от него в прошедшем времени: цветы *высаживаются, высажены* в грунт; нож *точится, наточен,* и т.п., в то время как формы *ребенок *сажается,* *конь *поится* и т.п. в этом значении невозможны, это формы чистого пассива.

С точки зрения излагаемой теории падежей, одним из аргументов для различения винительного лица и винительного вещи как двух разных винительных является то, что они не могут совмещаться при одном предикате (невозможность конъюкции): *Он учит английский* и *Он учит ребенка,* но невозможно **Он учит английский* (*и*) *ре-*

бенка или **Он учит ребенка английский* (см. об и.-е. аналогах этого типа § 41; ср. также аналогичную невозможность конъюнкции для двух функций Р.п., § 33).

в) Винительный внутреннего объекта. Он выявляется по признаку дефектности системы перифраз: полностью отсутствуют лексемы, которые выражали бы состояние одушевленного существа-объекта при действиях *видеть, слышать, любить, уважать, ненавидеть* и т.п.: нет ***любится, ***уважается, ***видится* и т.п., существуют лишь формы чистого пассива — т.е. трансформации: *Сестра любит брата* ↔ *Брат любим сестрой* (но не ***Брат любится*); *Сестра видит дом* ↔ *Дом видим сестрой* (но не: ***Дом видится*). Рассмотренная выше система перифраз к определению такого В.п. неприменима. Это обстоятельство заставляет видеть в этом В.п., падеже "объекта чувства и восприятия", особую разновидность. В русских северо-западных диалектах ей часто соответствует (но при предикатах — пассивных причастиях!) формы В.п. на *-а*: *Дорога не видно; Песня не слышно;* в литовском — аккузатив в форме номинатива (при предикатах-инфинитивах или деепричастиях): Kas čia girdėti, matyti? 'Что (форма И.п.) здесь слыхать, видать?'. (Однако аккузатив в форме номинатива встречается в обоих языках и при других лексемах.) Назовем этот падеж "винительным внутреннего объекта". Основанием для такого обобщения является то, что этот В.п. встречается и в таких случаях, как *дело делать, работу работать, службу служить, песню петь* и т.п., являясь тавтологическим. В последних случаях в русском и литовском языках особенно часто выступает В.п. в форме И.п. — *работа работать*.

Однако для такого объединения объектов в оборотах *работу работать* и *песню слышать* есть и семантические основания: в случаях типа *слышать песню, видеть человека, любить брата* объект как бы удваивается — с одной стороны, он остается внешним, а с другой стороны, становится внутренним объектом самого чувства — слышания, видения, любви и т.д.: "слышание" и есть "восприятие слухом объекта", и т.п.

Однако подтип с "винительным восприятия" *Человек видит дом; слышит шум,* может быть, можно отделить от типа *Сестра любит брата,* и попробовать использовать для его определения иную систему перифраз:

(1) *Человеку видится; слышится;*
(2) *Что видится, слышится? — Дом; шум;*
[Или: (2) *Это дом;*]
(3) *Человеку видится дом; слышится шум;*
(4) *Человек видит дом; слышит шум.*

Предложения типа (1) (*Ему видится, слышится, чудится, мнится*) кажутся более естественными без объекта, чем *Он видит; слышит* (не в значении *Он не слеп; не глух*); ср. также литов. Jam vaidenasi 'Ему видится (привидение)' — нормально без объекта.

Винительному внутреннего объекта соответствуют, сообразно указанным выше различиям падежной диатезы, две глагольные диатезы, два класса неэффективной переходности глагола — 3-й класс

и 4-й класс (в упомянутой работе 1977 г. они были нумерованы как II и V). В этих двух классах признак неэффективности, как это и понятно, выходит на первый план, в то время как признаки синтетической и аналитической переходности приобретают подчиненный ему характер и различие между синтетичностью и аналитичностью становится в известной мере несущественным, нейтрализуется. (Есть, однако, основания предполагать, что исторически первой здесь во многих случаях была аналитическая переходность, т.е. объект выделялся из предиката-глагола, см. § 10, 45.)

3-й класс — синтетическая неэффективная: действие не выходит за пределы субъекта, но имеется внешний объект, который участвует в действии; объект не подвергается изменению. Примеры: *видеть человека, слышать крик, искать грибы;* тип реализуется и в приставочных формах, однако чрезвычайно важной особенностью таких глаголов является то, что они, как правило, не имеют при себе соответствующих бесприставочных форм (в отличие от класса 1):*забыть, заказать, изучить, объявить, одобрить, осмыслить* и т.п. Опущение прямого дополнения, обязательного при синтетической переходности, означает, что глагол употреблен в специальном значении (и при этом, что, по-видимому, всегда имеет место, перешел в тип аналитической диатезы); *Он теперь видит* = 'он прозрел'; *Этот художник ищет* = 'предается художественным исканиям'. В словарных толкованиях причастий от таких глаголов, в отличие от класса 1, употребляются полнозначные глаголы, синонимичные толкуемому (по данным И.К. Сазоновой [1971; 1975]): *забытый* = 'случайно оставленный, не захваченный с собой'; 'находящийся в забвении'; *изученный* = 'хорошо понятый, узнанный'; *осмысленный* = 'понятый, уясненный' и т.п. Во многих случаях конечным результатом семантического разложения оказывается здесь непосредственное указание на объект — дейксис или (в косвенной речи) анафора. Например: *найти гриб* ⇒ 'вот гриб, который найден'; *услышать крик* ⇒ 'вот крик, который был услышан'; *одобренное решение* ⇒ 'то самое решение, которое было одобрено' и т.п.

4-й класс — аналитическая неэффективная: действие не выходит за пределы субъекта; при этом не исключен объект, возникающий в процессе действия, однако такой объект составляет не только часть действия (как в *играть спектакль, роль*), но как бы часть или принадлежность субъекта. Примеры: *прожить жизнь, петь песню, кусать куски;* тип существует как в приставочной, так и в бесприставочной форме, но в той и другой с ограничениями идиоматического типа: ср. *петь//спеть песню,* но не **жить* (а только *прожить*) *жизнь; откусить кусок,* но *кусать большие* (*мелкие и т.д.*) *куски.* В типе неэффективной переходности, т.е. в классах 3 и 4, естественно возникает представление об объекте, являющемся частью субъекта. Но в классе 3 — это часть, присоединяемая к субъекту, а в классе 4 — чаще часть, выделяемая из субъекта (хотя, с другой стороны, *кусать куски,* по-видимому, относится сюда же). Сюда же вероятно, нужно отнести выражения свойств различных субъектов, чаще нечеловека: *птица поет, рябина вяжет, лед холодит, огонь жжет//жжется, собака*

кусает//кусается. Граница в этих случаях с классом эффективной переходности 5 очень гибкая, ею может служить, по-видимому, то, что здесь возможны параллельные формы на *-ся*: *печь дымит//дымится, собака кусает//кусается, огонь жжет//жжется, кран брызжет//брызжется,* тогда как в классе 5 их нет: *нож режет, краска кроет, карандаш не пишет.* Но случаи типа *рябина вяжет,* но не **вяжется,* должны быть обсуждены особо. Кажется, что в 4 классе во многих случаях сочетания глагола с субъектом не могут быть сведены к более простым формам, т.е. их семантические описания являются тавтологическими: *собака кусает* = 'собака кусает', так как 'собака обладает способностью или свойством кусать' будет не упрощением, а усложнением описания смысла.

г) Винительный лица и вещи при приставочных глаголах. Он наблюдается в таких сочетаниях, как *выполнять план, упрощать задачу, запускать хозяйство, исправлять ошибки, расширять дорогу, выделывать кожу, выбривать щеки, выигрывать партию, выносить мусор, изучать документы, вооружать солдат, обижать ребенка, выселять жильцов* и т.п. На первый взгляд этот падеж кажется ничем не отличающимся от падежа вещи (а). Однако попытка применить к его выявлению такую же систему перифраз, как для (а), оказывается неосуществимой:

(1) *Человек выбривает;*

(2) ***Щеки выбриваются;*

(3) *Человек выбривает (себе) щеки;*

или: (1) *Коллектив выполняет;*

(2) ***План выполняется;*

(3) *Коллектив выполняет план;*

так как предложения (1) без объекта-дополнения выглядят полностью неестественными и неприемлемыми. Это заставляет сразу же поставить в связь с таким В.п. особый класс переходности — 5-й класс: сильная синтетическая переходность, т.е. переходность с обязательным наличием внешнего объекта. Эта особенность имплицитно отражена в толковых словарях русского языка.

Переходные глаголы без приставок (обычно несовершенного вида), типа *играть, рисовать, лепить* и т.п., подаются чаще всего в безобъектном употреблении (без дополнения). Конечно, это правило не абсолютно, но оно, безусловно, — преобладающая тенденция: глагол такого типа почти обязательно будет упомянут в его первых, основных значениях, как глагол без дополнения либо уже в самом толковании значения, либо в составе примера. Напротив, переходные глаголы с приставкой — типа *вы-...ивать, о-...ивать, за-...ивать* и т.п., как правило, и на этот раз почти без исключения, подаются в первых значениях как объектные глаголы (с прямым дополнением). Ср., например, по "Словарю русского языка" С.И. Ожегова (9-е изд.): "*Играть* — 1. Резвясь, забавляться, развлекаться. *Дети играют в саду.* 2. во что и на чем... *И. в футбол. И. на бильярде.* 3. кого—что и на чем... *И. вальс, И. на скрипке. И. Хлестакова. И. пьесу.*" и т.д.; с другой стороны, "*Выиграть* — 1. что. Одержать верх, победить в чем-н... *В. партию. В. дело. В. войну.* 2. что. Приобрести, получить игрой...

В. много денег" и т.д. Ср. глаголы первого типа: *брить* (*Эта бритва не бреет; Здесь стригут, но не бреют*), *вязать, играть, косить, клеить, крыть* (*Нитроэмаль хорошо кроет*), *лепить, переводить* (*Он славно пишет, переводит*), *петь, писать, резать, стричь, сушить, считать, читать, шить* и др. Ср. глаголы второго типа: *выбривать — выбрить, завязывать — завязать, выигрывать — выиграть, выкашивать — выкосить, выклеивать — выклеить, закрывать — закрыть* и т.д. — обязательно с дополнением.

Играть в русском языке остается глаголом с эффективной переходностью как в бесприставочной, так и в приставочной форме. Но разница в семантике переходности состоит в том, что бесприставочная форма выражает аналитическую переходность (объект возникает в процессе действия субъекта или содержится в действии субъекта), в то время как приставочная форма выражает переходность синтетическую (объект является внешним по отношению к действию субъекта), поэтому во втором случае объект всегда должен быть выражен отдельным словом — дополнением. Точнее будет сказать, что приставочный глагол, как правило, выражает синтетическую переходность, т.е. является маркированной формой, тогда как бесприставочный глагол является формой немаркированной и, вообще говоря, может выражать всякую переходность.

Таким образом, диатеза переходного глагола при этом типе объекта особая, отличная от типа *рубить дерево* (1-й класс).

Отличен и сам В.п. по его внутреннему содержанию. В В.п. вещи (а) обычно выступает конкретный объект — вещь в полном смысле слова (дерево, земля, поле, вода, зубы, волосы, руки, забор, дрова и т.п.). В В.п. лица и вещи (г) это в большинстве случаев объекты иного рода — созданные деятельностью человека, т.е. результат уже ранее применённых действий, отраженных в соответствующих переходных глаголах (план, хозяйство, ошибка, партия в игре, документ, задача, решение и т.п.), а лица — в большинстве случаев — люди, взятые в отношении к деятельности или общественным, неприродным, состояниям (рабочий, солдат, жилец и т.п.).

Соответственно этому отлично и семантическое содержание переходности (здесь мы используем исследование [Сазонова 1975]). В основном это переходность неэффективная. Имеется довольно большая подгруппа (а) глаголов, обозначающих действия, активно направленные на объект с целью изменить его существенные внутренние свойства; но эти свойства не органические в полном смысле слова: ср. *улучшить качество* (5-й класс) против *сломать дерево, остудить воду* (1-й класс). Приведем примеры (по данным И.К. Сазоновой): *улучшить качество, усилить требования, упростить решение, запустить хозяйство, очистить двор, расширить отверстие* и т.п. Среди таких глаголов имеются, на первый взгляд, и глаголы органического эффективного воздействия: *испачкать руки, разорвать платье, сломать игрушку, разбить стакан, расшатать стул* и т.п. Но они, как правило, отличаются тем, что их базовая форма — бесприставочная: *пачкать* (руки), *рвать* (одежду), *ломать* (игрушки), *бить* (стекла), *шатать* (стулья) и т.п., — иными словами это глаголы переходного 1-го класса, а не данного 5-го клас-

са. В последнем — все формы, включая базовые, — приставочные. В целом подгруппа глаголов активного воздействия — лишь одна из подгрупп.

Две другие (по данным И.К. Сазоновой) подгруппы — это (б) глаголы, обозначающие действия, в результате которых не меняются никакие существенные внутренние свойства объекта: *одобренное решение* (*одобрить р.*) *осознанное положение* (*осознать п.*), *упрощенное решение* (*упростить р.*), *вооруженный солдат* (*вооружить с.*), *избалованный ребенок* (*избаловать р.*), *обновленный план* (*обновить п.*), и, часто — это (в) глаголы перемещения или иного изменения в пространстве: *выдвинуть* (*выдвинутый ящик стола*), *выселить* (*выселенные жильцы*), *расширить* (*расширенная дорога, отверстие*), *опустить* (*опущенная рука*) и т.п.

Переходность 5-го класса — это исторически новейший класс переходности в русском языке, а винительный лица и вещи при приставочных глаголах — новейший винительный. После всего сказанного его можно выделить с помощью системы перифраз, основанной на различии типов глаголов *сыпать* (1-й класс переходности; В.п. (а), вещи) и *усыпáть* (5-й класс переходности; В.п. (г) лица и вещи); *сыпать песок — песок сыплется,* но *усыпáть дорогу песком — дорога усыпана песком.* Ниже показаны исторические основы этого типа.

д) Винительный предела. Такие предложения русского языка, как *Разговаривали всю ночь; Болел всю неделю; Отсутствовал месяц; Прошел целую версту; Стоит всего лишь копейку; Весит тонну; Тянется вторую неделю,* и т.п. обнаруживают особую функцию В.п., столь же первичную, как и вышеназванные (её называют также выражением меры). Толкование этой функции в терминах текстовой теории падежей может быть дано через отрицательное отношение к системе перифраз: В.п., не входящий в систему перифраз, имеет особую первичную функцию. Ее можно назвать функцией ограничения действия, "функцией предела". Назовем этот падеж — "винительным пятым" — В.п.-5, или "винительным предела".

Как и предыдущие, он имеет отдельный исторический прототип.

§ 33. Родительный падеж определяется в такой системе предложений, как:

(1) *Писатель пригласил* (И.п. агенс);

(2) *Пригласили писателя* (В.п. фациенс);

(3) *Приглашение писателя.*

Однако эта система предложений является системой не перифраз, в полном смысле термина, а системой трансформаций, т.е. преобразованием чисто грамматическим. Предложение (3) не суммирует предложения (1) и (2), а исключает одно из них, т.е. (3) соответствует либо первому, либо второму, но не обоим сразу.

Ср. еще:

(2) *Мать печет пирог;*

(3) *Печение пирога, Печение пирога матерью,* но не **Печение матери*

Таким образом Р.п. в русском языке — самый "грамматический" падеж. Его первичную функцию, как это следует из системы перифраз,

очевидно, нельзя определить как единую, а следует представлять в виде трех функций:

а) свертывание ("понижение в ранге", транспозиция) И.п. агенса: *Писатель пригласил → Приглашение писателя;* в традиционных терминах, это родительный субъектный, genitivus subjectivus;

б) свертывание ("понижение в ранге", транспозиция) В.п. фациенса: *Пригласили писателя → Приглашение писателя;* в традиционных терминах — родительный объектный, genitivus objectivus;

в) свертывание (транспозиция, без "понижения в ранге") В.п. пациенса: *Пекут пирог → Печение пирога.*

Однако эти три функции не однородны и не принадлежат одному ярусу иерархии. Прежде всего, неестественность перифразы-трансформации **Печение матери ← Мать печет пирог* указывает на то, что функция Р.п. агенса, родительного субъектного, не является главной. Доказательству этого положения для всех и.-е. языков, где есть эта форма, посвятил специальный анализ Ж. Веренк. Рассмотрим предложение фр. Le commissaire a décrit le prévenu 'Комиссар полиции (следователь) описал арестованного'. Если при его номинализации использовать одновременно обе функции Р.п., субъектного и объектного, то мы получим неприемлемое (неграмматическое) выражение *La description du prévenu du commissaire или *La description du commissaire du prévenu, Ср. рус. **Описание следователя арестованного* или **Описание арестованного, следователя.* Единственно возможной трансформацией как во французском, так и в русском оказывается такая: La description du prévenu par le commissaire — *Описание арестованного следователем.* Сохранение инструменталиса par le commissaire — *следователем* указывает на то, что ее глубинный источник очевидно не Le commissaire a décrit le prévenu — *Следователь описал арестованного, а* Le prévenu a été décrit par le commissaire — *Арестованный был описан следователем.* Иными словами "то, что принимается за родительный объектный, genitivus objectivus, есть не что иное, как родительный субъекта пассивного оборота, un génitif du sujet passif" [Veyrenc 1980, 359]. Аналогично этому, рус. *Приглашение писателя* естественно истолковывается скорее как номинализация от *Писатель приглашен; Писателя пригласили,* нежели от *Писатель пригласил.*

Изложенная здесь трактовка Р.п., в силу единства "диатеза глагола — диатеза имени (падеж)" побуждает к тому, чтобы трактовать отглагольные имена типа "приглашение" в их первичном значении как "пассивные", или "объектно-ориентированные". О близости к пассивному значению свидетельствует и морфология: *-ен-* — суффикс и отглагольного имени, и страдательного причастия (приглашен — приглашение). Это соображение подтверждается типологическими параллелями из других и.-е. языков. Так, в хеттском причастия на -ant- имеют активное значение от непереходных глаголов, но пассивное от переходных; в литовском отглагольные имена с субъектно-ориентированным значением, т.е. производные от возвратных глаголов, последовательно маркируются той же возвратной частицей -si: mokymas 'учение' как производное от 'учить', но mokymasis букв. 'учение-ся' как производное от 'учиться'; в португальском аналогичным образом, прибавлением

личных окончаний наст. времени, маркируются так называемые "личные" инфинитивы: Ponham a panela no fogo, para tirarmos a casca do jaboti 'Поставьте кастрюлю на огонь, чтобы снять-мы (оконч. 1 л. мн. ч.) панцирь с черепахи', и т.д. В древнерусском субъектно-ориентированные имена, в частности (если не в особенности), отглагольные, сочетались не только с родительным субъектным, но и с относительным прилагательным: *се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ* (Мстиславова грамота 1130 г.) '...Владимиров сын, сын Владимира'; по замышлению бояню (Сл. о Полку Иг.) 'по замыслу Бояна' [Черных 1952, 479] и т.п.

Таким образом, главными первичными функциями Р.п. в русском языке следует признать из указанных выше лишь "б" и "в" — свертывание В.п. "лица" и "вещи", но не И.п. "лица".

§ 34. Дательный падеж определяется системой перифраз такого типа:

(1) *Сестра бросает мяч* (И. п. агенс, В.п. пациенс);

(2) *Брат ловит мяч* (И. п. фациенс, В.п. пациенс);

(3) *Сестра бросает мяч брату.*

Таким образом, Д. п. есть падеж лица, а именно фациенса, пониженного в ранге в предложении, где уже имеется И. п. агенса и В. п. пациенса.

В системах перифраз, примененных к определению дательного, В. п. пациенса может отсутствовать. Но его отсутствие ничего не меняет в этих последних: опущенный В. п. обычно соответствует включенному в глагол объекту — например, *Сестра пишет брату* = = 'Сестра пишет письмо (делает письмо) брату'; *Сестра жалуется брату* = 'Сестра высказывает жалобу брату' (см. выше при В. п.).

В настоящее время многие исследователи падежных систем, индоевропеисты и типологи, считают необходимым трактовать дательный падеж индоевропейских языков аналогично родительному, т.е. выделять в нем две первичные функции — дательный субъектный (datif subjectif) и дательный объектный (datif objectif) [Haudry 1968; Veyrenc 1975; Климов 1981]. На этом основании Ж. Веренк определил русский Д. п. в предложениях типа *Брату (было) стыдно* как перифразу (в его терминологии, трансляция, translation), аналогичную приведенной нами выше, с той лишь разницей, что субъект предложения (1), агенс, здесь невыражен — предложение (1) безлично:

(1) — *делает так, что* (каузирует);

(2) *Брат имеет стыд;*

(3) *Брату стыдно.*

Эта система в наших терминах может быть переписана так:

(1) — *делает стыд* (И. п. агенс отсутствует, *стыд* — В. п. — пациенс).

(2) *Брат получает стыд* (И. п. фациенс);

(3) — *делает брату стыд;*

(4) *Брату стыдно.*

Реальность постулируемых в анализе предложений типа (3) подтверждается существованием рус. *Ему больно; Ему руку больно,* последнему соответствует лит. Jam galvą (акк.) skauda букв. 'Ему голову болит'.

Типологические основания такого анализа приведены в § 5.

Обороты типа *Ему не работается* могут быть проанализированы аналогичным образом. Этот анализ мы здесь опускаем. Согласно Ж. Веренку, в основе оборотов типа *Ему не работается* лежит "дательный предназначения", связанный — со стороны глагола — с семой 'быть' ('нечто есть мне' — предназначение). Аналогично этому в основе оборотов типа *Ему стыдно* ("дательный субъекта") лежит сема 'иметь'. В конечном счете, 'иметь' есть не что иное как 'быть у...' (также [Benveniste 1960; Бенвенист 1974, 203 и сл]) (см. § 5).

§ 35. Творительный падеж в его первичной, основной функции определяется следующей типовой системой перифраз:

(1) *Лесоруб рубит дерево* (И. п. агенс, В. п. пациенс);

(2) *Топор рубит дерево* (И. п. инструменталис, В. п. пациенс) (§1);

(3) *Лесоруб рубит дерево топором.*

Иными словами, Т. п. в своей первичной функции есть падеж активного неодушевленного субъекта (инструменталиса), пониженного в ранге при включении в состав предложения с активным одушевленным субъектом-агенсом в И. п. и пациенсом в В. п.

§ 36. Предложный падеж может быть правильно определен в своей первичной функции лишь в группе предложных употреблений падежей. (Мы теперь изменяем свою точку зрения на этот падеж по сравнению со своей работой 1968 г. [Степанов 1968] где он трактовался в группе беспредложных падежей).

Предложные формы и употребления русских падежей образуют особую группу падежных форм и употреблений.

Согласно принципу "диатеза глагола — диатеза имени (падеж)", обратим внимание на форму глагола в синтагме *глагол + падеж с предлогом.* При этом естественно выделяются такие случаи, где предлог повторяет приставку глагола: *въехать **в** город, **под**ъехать **под** крышу, **под**скочить **под** потолок, **с**прыгнуть **с** крыши, **за**ехать **за** угол, **на**ступить **на** камень, **от**ъехать **от** дома* и т.п. Здесь один формальный показатель распространяется путем повторения на всю синтагму. Этот случай мы назвали согласованием (§ 13), и его можно описать реляцией двусторонней зависимости знак (↔) между глаголом и сочетанием "предлог с падежом" (а также между соответствующим отглагольным именем, сохраняющим приставку, и предлогом с падежом, *въехать в город — въезд в город*). Тогда те случаи, где устранение приставочного глагола не вызывает мену предлога (хотя бы при изменении падежа после предлога), естественно оценить какой-то иной реляцией, скажем — односторонней зависимостью (знак ≻— или →). Например: *въезд ↔ в город,* но *пребывание ≻— в городе.* А те случаи, где при одном предлоге возможны несколько падежей (два или более) и все предложно-падежное сочетание не определяется ни глаголом, ни отглагольным именем, естественно оценить реляцией двусторонней независимости (≻—≺), например: *жить в эту эпоху* (или: *в этой эпохе*) *в этой стране.* Аналогичные отношения устанавливаются и между предлогом и падежом после него [Караулов 1967, 25—26]. Результаты такого обследования для четырех употребительных предлогов, об-

разующих четыре класса, представлены в следующей таблице (по работе [Степанов 1968]):

Класс	Сочетание "предлог + падеж" и тип синтагмы	Реляция к глаголу		
		⇔	≻	≻≺
I	1) *в* + В, *войти в город*	+	–	–
	2) *в* + П, *быть в городе*	–	+	–
	3) *в* + В, П, *жить в эту эпоху, в этой стране*	–	–	+
II	1) *на* + В, *надеть на голову*	+	–	–
	2) *на* + П, *держать на голове*	–	+	–
	3) *на* + В, П, *на свежую голову, на моих глазах, на бегу*	–	–	+
III	1) *за* + В, *зайти за угол*	+	–	–
	2) *за* + Т, *стоять за углом*	–	+	–
	3) *за* + В, Т, *за проступок, за молодостью лет*	–	–	+
IV	1) *под* + В, *подъехать под крышу, подойти под правило*	+	–	–
	2) *под* + Т, *стоять под крышей*	–	+	–
	3) *под* + В, Т, *под орех, под хреном*	–	–	+

В предложном употреблении русских падежей отчетливо прослеживается корреляция, которую мы склонны оценить как основную: противопоставление "направления" (как ответ на вопрос "Куда?") — "местонахождению в покое" (как ответ на вопрос "Где?"). Второе выражается формами предложного падежа, который, таким образом, имеет своей первичной функцией "местную функцию", т.е. является местным падежом.

Ему естественно противопоставляется винительный падеж с предлогом как падеж направления. Эта функция достаточно естественным путем сводится к "функции предела", отмеченной для беспредложного винительного.

В указаниях времени, т.е. в метафорически переосмысленной местной функции, В. п. и П. п. составляют все еще не устоявшийся фрагмент системы, их различия здесь часто нейтрализуются, с тенденцией, по-видимому, к обобщению В. п. Ср. *Брали нас в театр обыкновенно по праздникам — на рождестве, на масляной, на пасхе* (Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни. 1948 г.) — сейчас мы сказали бы, скорее, *на рождество, на масляную, на пасху*. Напротив, в функции места В. п. и П. п. резко противопоставлены, а случаи нейтрализации (П. п. вместо В. п.) воспринимаются как отклонение от нормы: *Вот Иванушка поднялся, / В путь-дорожку собирался / Потеплее приоделся, / На коньке своем уселся* (Ершов. Конек-Горбунок. 1834 г.).

§ 37. Исторический комментарий (§ 38 и сл.) к системе русских падежей основан на нескольких положениях, играющих роль принципов.

(1) Во-первых, он тесно связан с той особенностью перифрастической (диатезной, текстовой) теории падежей, что выделение в ней функций падежей одновременно вскрывает их различные источники. В той мере, в какой каждый источник восходит к определенному периоду эволюции языка, мы получаем одновременно с характеристикой функции указание на соответствующий ей диахронический пласт грамматики и отчасти лексики. Разумеется, датировка источников падежей и диахронических пластов в реальном, историческом времени этим еще не выясняется, но их отделение друг от друга, а в значительной степени и расположение в процессе эволюции относительно друг друга, относительная хронология, устанавливаются достаточно четко. В следующих ниже параграфах мы придерживаемся в общем, этой относительной хронологии в ретроспективной последовательности — от исторически (точнее, диахронически) новейших функций, последних по времени образования, к более удаленным во времени, возникшим ранее.

(2) Во-вторых, в реконструкции удаление во времени тождественно расширению географического пространства — ареала генетически родственных языков, привлекаемых для сравнения. Например, определенная функция винительного падежа, имеющаяся в русском языке, при сравнении с близко родственным литовским (и вообще, при сравнении славянских языков с балтийскими) обнаруживает свой ближайший по времени исторический источник балто-славянский прототип. Сравнение же этого последнего с соответствующим германским и италокельтским позволяет, путь расширения географического ареала, обнаружить более глубокий исторический прототип, общий всем указанным языкам, и т.д.

Этот принцип "время—пространство" был детально разработан Р.И. Аванесовым, первоначально при построении им системы теоретической фонологии русского языка (1947 г.). "Построение общей фонетической системы русского языка, (т.е. с учетом всех территориальных говоров. — *Ю.С.*) значительно раздвигает рамки синхронии, смыкаясь по существу с историческим подходом к фактам языка: с точки зрения общей системы русского языка в словах *стол, нёс, сено* мы находим полифонемы *ô, е ê*; но то же с другого конца утверждается и при историческом подходе, когда констатируется, что *о* в слове *стол* восходит к старому *о* под восходящим ударением, *о* в слове *н'ос* — к старому *е, е* в слове *сено* — к старому ѣ и т.д." [Аванесов 1970, 322 сл.; далее [Piotrovsky 1964] (обобщение см. [Степанов 1975а, 124—128, 304]). В наиболее общей формулировке этот принцип утверждает: языковые различия в пространстве, на разной территории (в одном языке или между родственными языками) тождественны языковым различиям во времени на одной территории.

(3) Сравнение такого рода, очевидно предполагает поэтапное привлечение сравниваемых языков. Поэтому важна сама последовательность сравнения. Она в принципе должна совпадать (и здесь, в общем, совпадает) с последовательностью членения общеиндоевропейской языковой области и формирования исторических диалектов (ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 415]).

Однако, разумеется, речь идет лишь об абстрактной теоретической последовательности и совпадении между теоретическим порядком сравнения языков с порядком их вычленения из общего праязыка. Как такой абстрактный, теоретический принцип, он может быть подвергнут "обращению" и сформулирован в такой форме: для синтаксической реконструкции следует сравнивать данные разных языков, в общем в порядке, соответствующем вычленению языков из общего праязыка.

Реальная работа по реконструкции — лишь аппроксимация к этой идеальной схеме, обусловленная десятками частных факторов: зафиксированностью сравниваемых конструкций в одних языках и их незафиксированностью в других, практическим удобством описания в той или иной частной последовательности в отступление от общей и т.д., и т.п.

(4) Непосредственным предметом сравнения являются здесь не материальные элементы — морфемы падежей с их функциями (предмет традиционного сравнительно-исторического синтаксиса), а, прежде всего, цельные модели предложений — типы предложений и, лишь затем, тождественные актанты этих моделей с их функциями и их формой. Таким образом, например, сравнивая предложения рус. *Насы́пать песок на дорогу*//*на дороге* и лат. Circumdare murum urbi, мы переходим далее к сравнению рус. локатива *на дорогу* // *на дороге* с лат. дативом urbi. Сама же реконструкция заключается, таким образом, в последовательном снятии пластов синтаксических конструкций (моделей), одного за другим, начиная с новейшего, до тех пор, пока не будет обнажен наиболее архаический пласт, относительно которого возможны уже морфологические гипотезы происхождения материальных элементов (морфем).

§ 38. Среди функций винительного падежа новейшим пластом является винительный лица и вещи при приставочных глаголах. Его семантическое содержание было обрисовано выше (§32, г). Здесь обратим главное внимание на сопутствующие ему синтаксические черты, сравнив с другими винительными.

Более архаичный В. п. вещи при бесприставочных глаголах в предложении часто (хотя в современном языке, разумеется, не исключительно) появляется в качестве единственного актанта-объекта: *сыпать песок, мешать тесто, лить воду, писать письмо*. Напротив, В. п. лица и вещи при приставочных глаголах выступает в предложении — в типичном случае — в сопровождении второго актанта-объекта, часто инструменталиса: *усы́пать дорогу песком, замешать тесто на молоке, налить чайник водой, исписать бумагу каракулями*. Русский глагол, помимо наличия приставки и сопровождающих ее морфофонемных изменений в суффиксальной зоне глагольного слова, не отражает специально различия в диатезе переходности, соответствующей этой диатезе В. п. Но литовский язык в соответствии с этим русским типом имеет особую диатезу переходности глагола (ниже "а" архаичный тип, "б" — новый тип):

а)		б)	
сыпать	berti —	усыпать	(nu)barstyti
мешать	miešti —	замешивать	(su)maišyti
лить	pilti —	наливать	pilstyti
рисовать	piešti —	изрисовать	(iš)paišyti

мочить	merkti —	вымачивать	mirkyti
ломать	laužti —	выламывать	(is)laužyti
			(iš)laužinėti и т.д.

В то время как русские приставочные глаголы этого пласта дают наиболее отчетливое, полностью грамматикализованное противопоставление видов (*замешать — замешивать*), литовские глаголы, образующие параллели приведенного типа, основаны на категории переходной диатезы. Отмеченный здесь параллелизм является одним из оснований для того, чтобы реконструировать славянские глагольные виды (совершенный —несовершенный) и балтийские диатезы (непереходную — переходную) как восходящие к одному и тому же источнику (см. § 49).

Таким образом мы получаем тип предложения, соответствующий В. п. при приставочных глаголах — (1) рус. *Усы́пать дорогу песком*, лит. Kelią smėliu (nu)barstyti. Нужно подчеркнуть важную семантическую особенность лексем, входящих в этот В. п.: это обозначения широкого круга объектов, как лиц, так и вещей, при этом вещи, (в той мере, в какой можно провести это отличие) принадлежат здесь к кругу "вторичных объектов" — созданий человека или артефактов, а также обозначений самого человека. Ср. *усы́пать дорогу* (песком) vs (*про*)*сы́пать песок, налить чайник* (водой) vs. (*про*)*лить воду, забросать артиста* (*цветами*) vs. (*за*)*бросить цветы, обучать детей* (музыке) vs. *преподавать музыку* и т.п. Напротив, лексемы более архаичного В.п. "вещи" при базовых, бесприставочных глаголах — это более узкий круг "вещей — "первичные", естественные объекты: песок, вода, дерево, камень и т.п.

Предложение типа (1) может получить в русском и литовском языках перифразу — семантический эквивалент (2) *Насы́пать песок* (или: *песку*) + *на дорогу* (или: *на дороге*); Pribarstyti smėlio + kelyjė (местн. падеж); так же, как (1а) *Обучать детей музыке* (это тип 1) может быть перефразировано как (2а) *Преподавать музыку* + *детям* (тип 2). (Набор примеров и опыт семантического толкования таких перифраз можно найти в работе [Апресян 1974, 279—280].) Однако предложение типа (2), в сущности, не является типизированной синтаксической конструкцией в целом, компактным "типом предложения". Это всего лишь свободное сочетание, состоящее, во-первых, из А) синтагмы с архаическим В. п. '(на)сыпать песок', 'преподавать музыку' — назовем его "эффективным объектом", и, во-вторых, из обстоятельства—указания места или адресата, — назовем его "неэффективным объектом".

Краткое отступление о терминологии: "эффективный объект" выступает обычно объектом "эффективного действия и воздействия переходного глагола", в то время как "неэффективный объект" — объектом "неэффективного действия" (§ 32); на этом основании, т.е. по семантическому содержанию и степени связанности с глаголом, объекты в смысле приведенных примеров различаются многими исследователями под такими названиями: affiziertes Objekt — effiziertes Objekt у ряда немецких авторов; objet affecté — objet effectué; objet prospectif — objet-en-contact у Ж. Одри [Haudry 1978].

Указание места или адресата в предложениях типа 2 — это, в сущности, один и тот же тип обстоятельства, различающийся лишь семой

неодушевленности-одушевленности. По этой линии его можно разделить далее — на Б) место (сема неодушевленности), В) адресат (сема одушевленности), причем в типе предложения (1) то и другое равно выражаются В. падежом: *Насы́пать песок + на дорогу* (Б) ⇒(1) *Усы́пать* дорогу (В. п. вещи) *песком; Преподавать музыку + детям* (В) ⇒(1) *Обучать* детей (В. п. лица) *музыке.*

В этих перифразах мы имеем важное свидетельство того, что В. п. "неэффективного" объекта, т.е. "винительный лица и вещи при приставочных глаголах", является результатом обобщения, "склеивания" двух в некоторой степени различных падежных функций, так как одна из них (неэффективный винительный вещи) при эквивалентном перифразировании получает форму местного падежа (рус. *на дороге*, лит. kelyjè) или направительного местного (рус. В. п. с предлогом: *на дорогу*), в то время как вторая функция (неэффективный винительный лица) получает форму дательного падежа. Здесь еще раз проступает связь дательного падежа с категорией лица, личности. Что касается В. п. "эффективного объекта", то в предложениях рассматриваемого типа при перифразировании он заменим только творительным, инструменталисом, и то лишь в ограниченном круге сочетаний: *швырять камни//камнями; (раз)брызгать воду//брызгать водой; двигать стул//стулом; (по)вернуть голову//вертеть головой; (с)косить глаза//косить глазами.* Сочетание с Т. п. выражают при этом не однократное действие, а непрерывную серию однократных действий. В. п., чередующийся таким образом с Т.п., близок к аккузативу внутреннего объекта: *(про)жить жизнь//жить (своей) жизнью; цвести (белыми, пышными...* и т.п.) *цветами; шагать (быстрым, медленным...* и т.п.) *шагом; болеть (заразной, тяжелой, легкой...* и т.п.) *болезнью; спать (тяжелым, легким...* и т.п.) *сном;* лит. sapną sapnuoti 'сон спать', лат. somnium somniare, vitam vivere, pugnam pugnare и т.п. (§ 10).

Таким образом, в целом в русских и отчасти в литовских предложениях типа (1) и (2) где участвует "В. п. лица и вещи при приставочных глаголах", присутствуют три вида винительного падежа: А) В. п. "эффективного объекта", В. п. архаического типа, В. п. "вещи" — сыпать *песок,* рубить *дерево*; и В. п. "неэффективного объекта", распадающийся при перифразировании на Б) В. п. "неэффективного объекта-вещи", заменимый местным падежом, и В) В. п. "неэффективного объекта-лица", заменимый дательным падежом. Эти три вида В. п. имеют различные исторические прототипы.

Очерченная здесь концепция представляется совместимой с семантическими концепциями, опирающимися на обследование функций аккузатива преимущественно в древнеиндийском языке [Gaedicke 1880; Gonda 1975; Савченко, Потемкин 1987].

§ 39. Из трех винительных падежей, отмеченных в предыдущем параграфе, ближайший исторический прототип имеет винительный падеж (Б), заменяемый при перифразировании местным (или направительным падежом: Усы́пать дорогу песком ⇒ Насы́пать песок на дорогу//на дороге. Не устоявшийся еще и теперь в русском языке (§ 36, ср. также варианты: *сложить сено в сарай // в сарае; усесться на*

диван//на диване), он восходит непосредственно к оппозиции, имевшейся в древнерусском: предложный винительный (чаще на вопрос "Куда?") против предложного местного (чаще на вопрос "Где?").

История этой оппозиции, несмотря на ее небольшую древность и на обилие фактического материала, еще недостаточно изучена. Л.П. Якубинский [1953, 181, § 418] считает, что "опредложивание" местного падежа в древнерусском произошло под влиянием установившегося предложного винительного. Однако, в противоречии с этим, в старославянском употребление сочетаний *на* + локатив, *въ* + локатив явно преобладает над употреблением этих предлогов, с тем же значением, с В.п., например, при глаголах *положити, поставити, падати, сѣсти, въсѣсти, посадити, стати, повѣсити* и др., ср. *положилъ есі на главѣ его вѣньцъ* (Син. пс., 23, 19) [Ходова 1971, 67].

По данным Л.П. Якубинского, беспредложный местный падеж в древнерусском языке в XI—XIII вв. имел уже очень ограниченное употребление: Кроме сочетаний со словом *тот* при словах *место* (*томъ мѣстѣ*) и *зима, лето, весна* (*той веснѣ* и т.п.), он употреблялся лишь от имен городов мужского рода (*Новѣгородѣ, Смоленьскѣ* и т.п.).

Это обстоятельство составляет особую семиологическую и типологическую проблему поскольку во многих индоевропейских языках особые формы локатива отмечаются лишь с названиями городов и островов и в особом классе флексий, на *-о* и *-а* в латинском; с названиями городов мужского рода, т.е. опять-таки в связи с основами на *-ŏ*, в древнерусском; с названиями стран и островов во французском, при особых правилах рода и артикля, т.е. "внешней флексии". Ср. фр. dans — общее обозначение места или направления (dans la chambre 'в комнате', 'в комнату'; dans le Lot 'в департаменте // в департамент Лот'), но фразеологически связанные сочетания: en — при названиях стран и больших островов, расположенных близко к Франции (en Angleterre, 'в Англии, -ю'; en Corse 'на Корсике, -у'; en Crète 'на Крите, на Крит'), à без артикля — при названиях дальних больших островов (à Malte, à Madagascar, à Haïti) à la — при названиях маленьких и дальних островов (à la Jamaïque, à la Réunion) [Степанов 1965, § 22].

§ 40. Два других В. п. исторически разъясняются более отдаленными сопоставлениями. Русским и литовским предложениям типа (1) и (2) попарно полностью соответствуют латинские (3) Urbem muro circumdare 'Город (акк.) стеной (абл.-инстр.) обнести' и (4) Murum urbi circumdare 'Стену (акк.) городу (дат.) обнести (придать)'. Русским (1а) и (2а) с актантом-лицом полностью соответствуют лат. (3а) Donare aliquem aliqua re 'Одарить кого-л. (акк.) чем-л. (абл.-иностр.)' и (4а) Donare aliquid alicui 'Дать (букв. одарить) что-л. (акк.) кому-л. (дат.)'. Модель (3) исторически, вероятно предшествует модели (4), появляется раньше, но не исчезает с появлением последней, а сосуществует рядом с ней [Haudry 1978, 176—178, 180]. Что касается моделей с актантом-лицом, то (3а), по-видимому, так же предшествует модели (4а), поскольку их отношения синтаксически подобны предыдущим. Однако бóльшая синтаксическая простота глагола donare — 'давать' в (4а) и его явная семантическая усложненность в (3а) — 'одаривать' указывает возможно, на то, что здесь развитие было более сложным.

Путем сравнения мы получаем возможность проверить и уточнить выводы, полученные с помощью перифразирования в пределах русского и литовского языков. Две функции В. п. — лица и вещи, прочно

объединенные в русском языке при приставочных глаголах, но разведенные в перифразах, предстают в латинском языке как еще менее связанные. Они, во-первых, в отличие от русского, не объединяются сколько-нибудь типизированной семантикой и морфологией группы глаголов (возможны и бесприставочные глаголы — donare, и приставочные circumdare) и, во-вторых, в одном предложении возможны одновременно два аккузатива разного рода: 1) направления (предела) и вещи — exercitum Ligerim traducit (Caes B.G. 7, 11, 9) 'он переводит свое войску через Луару'; 2) лица и вещи — docēre aliquem aliquid 'учить кого-л. чему-л.'; interrogare aliquem aliquid 'спрашивать у кого-л. что-л.' (см. ниже) и даже 3) вещи и вещи, из которых одна выступает эффективным, а вторая — неэффективным объектом: арх. circumdare murum urbem 'обнести стену город' (см. также ниже).

В классической латыни любой аккузатив неэффективного объекта, будь то лицо или вещь, при наличии в том же предложении другого аккузатива — эффективного объекта обычно заменяется дативом: manus caelo tendere 'протягивать руки (к) небу' из *manus caēlum tendere [Kuryłowicz 1964, 32]. Однако и вне такой конструкции датив в латыни может выступать сам по себе как обозначение цели движения: it clamor caelo (Virg. Aen, 5, 451) 'идет крик (к) небу'. Таким образом, аккузатив и датив в этой функции выступают в некотором роде конкурирующими падежами. О функционально сходном явлении в языке древнейших греческих надписей см. [Шарыпкин 1985, 209].

В древнерусском языке в функции цели-предела также конкурируют формы В. п. и Д. п. По данным Л.П. Якубинского [1953, 175—178] процесс выглядит следующим образом:

(1) Древнейшая норма: *Иде Кыевъ* (В. п.);
(2) Далее две формы: *Иде Кыеву* (Д. п. со значением "захода в место"); *Вьниде Кыевъ* (В. п.);
(3) Далее: *Иде Кыеву; Вьниде въ Кыевъ;*
(4) Далее: *Иде къ Кыеву* (со значением и "захода" и "не захода в место"); *Вьниде въ Кыевъ.*

В древних германских языках, особенно в готском и древнеисландском, сфера датива еще шире и соответственно сфера аккузатива у́же. Поскольку падеж и связанный с ним глагол представляют собой единство "диатеза глагола — диатеза имени", то эти особенности германских языков тесно связаны как с системой глагола, так и с системой падежей. По данным А.В. Десницкой, древнеисландские непереходные глаголы, требующие дательного падежа, между тем как семантически и этимологически в других индоевропейских языках им соответствуют переходные глаголы с винительным, точнее всего могут быть охарактеризованы как "абсолютные"; объект может присутствовать в предложении, но лишь как некое обстоятельство, "универсальным выражением для которого является чрезвычайно многообразный по своим функциям древнегерманский дательный падеж" [Десницкая 1984, 150]. Тем не менее датив при таких глаголах группируется в два типа: а) датив, выражающий направленность действия на одушевленный объект; при лексемах 'любить', 'помогать', 'защищать', 'убивать', 'щадить' и др.; б) датив с оттенком инструментальности, при лексемах

'лить', 'делить', 'гнать вперед', 'кончать', 'собирать', 'сеять', швырять и др.: др.-исл. Gunnari lét hann kasta í ormgarð (Edda Sn., Skáldsk. 46) 'Гуннара (букв. Гуннаром) он велел бросить на змеиный двор'; гот. urrann sa saiands du saian fraiwa seinamma (Marc. IV, 5) 'вышел тот сеятель сеять семя свое (дат.)' [Десницкая 1984, 139 и др.; ср. также [Шарыпкин 1985]).

Первый из этих дативов — датив лица мы склонны рассматривать как древнейший функциональный вариант "аккузатива-1"; второй — датив, которому в других и.-е. языках соответствует или аккузатив или инструменталис, или аккузатив, чередующийся с инструменталисом (рус. *семя сеять,* (*чистым и т.п.*) *семенем сеять, водой брызгать, воду* (*раз*)*брызгать*), — как столь же древний функциональный вариант "аккузатива-2" (см. § 43 и 45).

Заканчивая в этом кратком историческом комментарии отступление о дативе, вернемся к главной линии — аккузатива.

Поскольку, таким образом, подтверждается, что каждый из двух падежей в типах (1), (2), (3), (4) восходит к аккузативу, мы должны, в соответствии также с основной гипотезой, предположить, что в моделях (1) и (2), как и в (3) и (4), имело место "склеивание" двух первоначально независимых простых предложений, каждое с одним аккузативом, — нечто вроде 'Сыпать песок' + *'Сыпать дорогу' ⇒ ⇒ *'Сыпать дорогу песок' ⇒ *Усыпать дорогу песком*//*Сыпать песок на дорогу.* Мы должны, следовательно, предположить существование, на предшествующем этапе, модели с двойным аккузативом.

§ 41. Засвидетельствованы по текстам три основных класса моделей с двумя аккузативами. 1) Модели с двойным аккузативом объекта в собственном смысле слова, где один аккузатив — "эффективный" объект-вещь, другой — "неэффективный" объект-вещь, или один аккузатив — "лица", а другой — "вещи". 2) Модели совсем иного типа, где второй аккузатив — предикативный: рус. *его нашли пьяного; мы застали его живого;* происхождение их прозрачно — из сложения двух предложений: (1) *Его нашли* + (2) *Он* (*был*) *пьян.* 3) Конструкция, где один из двух аккузативов — аккузатив места-цели типа вед. vi-kr̥t- girim... gatúm (RV 8, 45, 30) 'прокладывает в горах... путь', к последним восходит большое количество моделей с двумя аккузативами во всех индоевропейских языках (см. подробно [Haudry 1978]).

Ниже рассматриваются только модели первого из перечисленных классов, наиболее интересные для исторической реконструкции.

В русском языке такие модели с двойным аккузативом не представлены. В литовском представлены очень ограниченно — только при глаголах prašyti 'просить', klausti 'спрашивать': Berniukas prašė mokytoją (акк. лица) *khygą (акк. вещи) // knygos (ген. вещи, чаще, чем акк.) 'Мальчик попросил (у) учителя книгу//книги'. По-видимому, только замена второго аккузатива (вещи) генитивом (что является в настоящее время нормой), т.е. расподобление двух падежей, позволила сохраниться в литовском этому обороту. Это доказывается еще и тем, что, с другой стороны, обычный при этих глаголах ген. prašyti mokytojos 'спрашивать (у) учителя' должен был бы привести к двойному генитиву

в той же функции двойного аккузатива* prašyti mokytojos knygos, но такие обороты не встречаются.

В латинском тип Circumdare murum urbem 'Обнести стену город', т.е. 'город стеной', хорошо представлен в архаическую эпоху, а также, остаточно, в классическую, ср.: anguis...uectem circumiectus (Cic. Diu. 2, 62) 'змея обвитая палку', т.е. 'вокруг палки' — пассив из датива с двойным аккузативом; а также в застывших сочетаниях aliquem adigere arbitrum 'вызвать кого-л. к судье' и т.п. [Ernout, Thomas 1984, § 49]. Наиболее распространен тип предложения с двойным аккузативом лица и вещи.

В индо-иранских языках засвидетельствованы отдельные случаи этого типа: вед. agním mahắm avocāmā suvr̥ktím (RV 10, 80, 7) 'к Агни мы обращаем великий гимн, хорошо сложенный' при корне han, ав. gan 'бить': вед. tắṃs tvám...jahy eṣāṃ śatatárham (AV 1, 8, 4) 'Slay of them, O agni, with hundredfold transfixion' (Whitney); ав. yō narəm vīxrūməntəm xᵛarəm jainti (Vidēvdāt 4, 30) 'тот, кто наносит мужчине кровоисточающий удар' [Haudry 1978, 158].

В греческом, напротив, модель с двойным аккузативом представлена очень широко, причем "неэффективным" объектом является обычно лицо или его аналог: κακὰ πολλὰ ἔοργε/Τρῶας (Ил. 16, 424) 'многое зло сделал Трое'. Как в литовском и латинском, на первом месте по употребительности в этой модели стоят лексемы со значением 'спрашивать', 'просить', 'приказывать': Κύκλωψ εἰρωτᾷς μ'ὄνομα κλυτόν (Од. 9, 364) букв. 'Ты, циклоп, спрашиваешь меня имя'. Часто встречаются также два аккузатива — "целого и части", типа 'ранить воина плечо'; причем аккузатив лица (целого) обычно предшествует аккузативу части (органа тела): Ἕκτωρ... γυναῖκά τε θήσατο μαζόν (Ил. 24, 58) 'Гектор — сын человека и вскормлен он женскою грудью', букв. 'сосал женщину грудь' [Chantraine 1981, §§ 51—52]. Аккузатив части здесь является неэффективным объектом, а аккузатив целого — эффективным.

При пассивизации таких предложений аккузатив лица (эффективный объект) заменяется номинативом, а аккузатив вещи (неэффективный объект) остается неизменным: βλῆτο... κνήμην δεξιτερήν (Ил. 4, 518—519) букв. 'он был ранен правую голень' (подробно см. [Lasso de la Vega 1968, 370—372]). С течением времени в греческом языке случаев сохранения аккузатива при пассиве (вместо номинатива) становится все больше (ср., например в Боспорских подписях [Ходорковская 1966, 468]). Это, вероятно, послужило одним из источников стирания границ между падежами. В точности такой же архаический тип пассивизации представлен в литовском при указанной выше модели: Berniukas prašė mokytoją knygos 'Мальчик попросил у учителя книгу' ⇒ Mokytojas buvo (berniuko) prašomas // prašytas knygos букв. 'Учитель был (мальчика, генит., т.е. мальчиком) просим // прошен книга (генит.-акк. книгу)'. Такой же архаический (т.е., с точки зрения современного литовского языка, редкий) тип пассива употребляется при лексеме dúoti 'дать': Tėvas duoda obuolį vaikui 'Отец дает яблоко ребенку' ⇒ Vaikas yra (tėvo) duodamas // duotas obuolį 'Ребенок есть (отца, т.е. отцом) даваем // дан яблоко (акк.)'. При обеих лексемах возможны также пассивные модели современного типа ("современного европейского стандарта"): Obuolys yra

(tėvo) duodamas // duodamas vaikui 'Яблоко (отца, т.е. отцом) даваемо // дано ребенку'; Knyga buvo (berniuko) prašoma // prašyta, но — примечательный факт — первый аккузатив — лица в этом случае отсутствует [Грам. лит. яз. 1985, 148].

Отсюда вытекает предположение о двух различных источниках двух типов объекта (см. § 41 и сл.).

§ 42. Единственный путь возникновения, который в силу всего сказанного можно предположить для рассмотренных моделей, и который вполне соответствует положениям перифрастической (текстовой, диатезной) теории падежей, — это, очевидно, сложение двух независимых предложений, одно из которых имело аккузатив вещи, другое — аккузатив лица, или соответственно, одно — аккузатив "эффективного объекта" — вещи, другое — аккузатив "неэффективного объекта" — тоже вещи. Иными словами (для простоты обозначаем предложения через словосочетания), лит. prašyti tėvą knygos 'просить (у) отца книгу' восходит к: (a) prašyti tėvą 'просить отца' + (b) prašyti knygą // knygos 'просить книгу'; лат. circumdare murum urbem букв. 'обнести стену город' восходит к (a) circumdare murum + (b) circumdare urbem; вед. tám... hetím asya (RV 1, 121, 10) букв. 'бросает его стрелу', т.е. 'в него стрелу', и т.п. Такие модели с двумя аккузативами разного рода (всех трех упомянутых выше классов), и в частности с двойным аккузативом как специфический случай (первый класс в данном выше перечне) давно уже объяснялись многими исследователями как результат сложения двух независимых предложений [Gaedicke 1880; Hirt 1934, VI, 83 и сл.; Schwyzer 1968, I, 78; Haudry 1978, 162]. Выделим теперь модели с двойным аккузативом в собственном смысле слова и представим их в "развертке". Обнаруживаются несколько ее видов.

А) Эффективный синтетический объект "вещь" может быть развернут в прямое предложение, где он является подлежащим (§ 32): circumdare murum = 'построить стену' ⇒ 'строить' + 'стена есть'. Это предложение, схематизированное здесь в порядке, обратном историческому, — такое же, как в случаях *сыпать песок* ⇒ 'сыпать (делать так, что)' + 'песок сыплется' (§ 38). Правда, выражение 'стена есть' кажется на первый взгляд слишком сконструированным, менее реальным, чем 'песок сыплется'. Однако, как уже было отмечено выше, Ж. Веренк показал, что такая синтаксическая сущность, 'Нечто есть', реально присутствует в содержании реальных, "поверхностно наблюдаемых" выражений: *Учитель дал книгу ученику* ('книга есть') [Veyrenc 1975]. Еще ранее, Э. Бенвенист доказал, что выражения типа 'мне есть', лат. est mihi с дативом, являются исторической реальностью — вполне реальными конструкциями индоевропейских языков, исторически предшествовавшими выражениям обладания с глаголом 'иметь' [Benveniste 1960; Бенвенист 1974, 212]. Таким образом, акк. эффективного объекта реконструируется как ном. субъекта = вещи независимого предложения, "пониженного в ранге" до объекта при включении в главное (сложное) предложение.

Б) Неэффективный или эффективный "аналитический" объект "вещь" не всегда может быть представлен таким же образом. Во многих

случаях он является частью главного предложения, которая остается на своем месте при включении в него предложения с эффективным объектом. Например circumdare urbem= 'обнести город' не может быть представлено как: а) 'обнести (сделать так, что)' + б) *'город в некотором процессе или состоянии'. Пассив 'Город обнесен' является и семантически результирующей всего предложения, а не его части "б", и исторически — явлением позднейшим. Такой тип объекта должен восходить к иному источнику (§ 44).

В) Аккузатив лица занимает двойственное положение. а) В одних случаях, как в (1) он является эффективным объектом и тогда может быть представлен, как и в "А", в виде субъекта независимого простого предложения: 'Некто ранит Гектора' = 'Некто ранит' + *'Гектор ранится'. б) В других случаях, как и в "Б", он является частью главного предложения — неэффективным объектом, "одушевленным обстоятельством", как в рус. *Обучать детей музыке ⇒ Преподавать музыку + детям; Осыпать артиста цветами ⇒ *'Высыпать цветы + на артиста.* В этих синтаксических моделях аккузатив лица, в общем, заменим дативом в балто-сл. языках, германских, греческом и, реже, авестийском, хотя при замене вступают в силу лексические ограничения, специфические в каждом отдельном языке; в латыни, греческом, древнеиндийском и авестийском здесь — при отдельных лексемах — сохраняется двойной аккузатив [Haudry 1978, 158].

Перечисленным выше типам объектов — А; Б, В (а, б) — хорошо отвечают семантические группы глаголов, при которых в гомеровском греческом засвидетельствованы двойные аккузативы — лица и вещи: а) 'спрашивать, просить, приказывать', б) 'учить, обращать свое слово к...', в) 'подвергать тому или иному обращению', г) 'отнимать, отмывать', д) 'одевать, раздевать', е) 'прятать' и некотор. др. [Chantraine 1981, § 52]. В меньшем объеме, как уже было сказано, т.е. лишь при отдельных лексемах этих классов, зафиксирован двойной аккузатив в других языках (в том числе и в греческом классической эпохи).

§ 43. Рассмотренный выше материал (§37—42) подводит к тому, чтобы обобщить все случаи аккузатива эффективного объекта в указанных моделях как "аккузатив-1" и видеть в нем "пониженный в ранге" номинатив первоначально независимого предложения ("б"), вступающего в зависимость от некоторого другого, "главного" предложения ("а"). Речь идет о таких случаях, как:

а) Человек валит дерево ⇐ б) Дерево падает
а) Человек сыплет песок ⇐ б) Песок сыплется
а) Некто ранит человека ⇐ б) Человек ранится, и т.п.

В исторически засвидетельствованных текстах можно наблюдать процессы соединения предложений, до некоторой степени подобные предполагаемому процессу. Они осуществляются посредством простого примыкания двух предложений (паратаксиса) в тех случаях, где общий обоим предложениям актант, "апокойну́", может быть ясно понят в его функции как в одном, так и в другом предложении. В тех же случаях, где функции общего актанта неясны или резко различны, вводится определенный формальный маркер. Примером могут служить

определительные (относительные) предложения: др.-рус. *Да дитя зашибли Василия Сермяжника с Никитины улици, Павлом зовут* (1549 г., Акты юридич. Спб, 1838) — простое примыкание; а *отъ Царя города прити в Понть-море, в неже втечеть Днѣпръ рѣка* (Лавр. лет. 6) — введение маркера-местоимения [Потебня 1968, III, 256); лат. Terra procul vastis colitur Mavortia campis, Thraces arant.. (Verg. Aen. 1, 12) 'Вдали земля Мавортская раскинулась обширными полями, Фракийцы пашут', т.е. 'которую пашут Ф.'; ст.-фр. Trait ad l'espee, le punt est de cristal (Rol. 3431) 'Принес меч, рукоятка из хрусталя'.

В гипотетически реконструируемом протоиндоевропейском процессе, приведшем к образованию "аккузатива-1", также должен был быть какой-то маркер грамматического подчинения, который в дальнейшем превратился в показатель (морфему) "аккузатива-1". В качестве такого маркера выступал, по-видимому, показатель *-om, в дальнейшем наиболее общий (наиболее распространенный) показатель аккузатива в основах как активного, так и неактивного классов имен. Однако, согласно общепризнанным положениям индоевропейской реконструкции, начиная с работы Х.К. Уленбена, элемент *-om по собственной, первоначальной функции был показателем инактивного класса лексем, независимо от их функции в предложении. Возникает вопрос, каким образом мог совершиться переход от собственной, первоначальной функции *-*om* к его синтаксической функции как показателя аккузатива ("аккузатива-1").

Основу для решения этого вопроса дает реконструкция Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова. Согласно этой реконструкции, окончания *-os и *-om выступали не только в качестве маркеров соответствующих классов активных и инактивных имен, как это было установлено в реконструкции Х.К. Уленбека (§ 1), но должны были характеризовать и атрибутивные конструкции в синтагме, из которых возникают в дальнейшем посессивные конструкции. "При этом определительная синтагма с определяемым словом, относящимся к активному классу, оформляется окончанием *-*os* вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова, и, наоборот, определительная синтагма с определяемым словом, относимая к инактивному классу, оформляется окончанием *-*om* вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова: (1) A — A-(o)s, (2) A — In-(o)s, (3) In — In-(o)m, (4) In — A-(om)... Определительные конструкции типа (2) и (4) с окончаниями *-*os* и *-*om* при соответственно инактивном и активном именах дают начало особым падежным формам, впоследствии развившимся (очевидно, уже в индоевропейском языке) в особые формы генитива — определительного и посессивного. При этом, в силу характера определяемого слова в синтагме, окончание генитива *-*os*, совпадающее с маркером активного класса *-*os*, закрепляется за именными формами инактивного класса, тогда как окончание генитива, совпадающее с маркером инактивного класса *-*om*, а также с показателем структурно-синтаксического инактива при двухместном предикате, закрепляется за именными формами активного класса... Такая трактовка происхождения и развития генитива на *-*om* может объяснить факт формального совпадения окончания генитива *-*om* с окончанием *-*om*, вы-

ступающем при структурно-синтаксическом инактиве и развившемся в дальнейшем в аккузативный падеж" [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 277—278].

В соответствии с этим восстанавливаются также два генитива — генит. на *-os, закрепленный за формами инактивного класса, и генит. на *-om, закрепленный за формами активного класса [Там же и с. 270].

Наша точка зрения отличается от точки зрения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова лишь в одной детали. В то время как упомянутые авторы считают, что показатель генит. *-om (т.е., в начале, показатель целой синтагмы "определяемое + определяющее") совпадает: 1) с маркером инактивного класса *-om, 2) с показателем структурно-синтаксического инактива (т.е. позиционного инактива-актанта) *-om, мы считаем, что совпадение показателя генит. *-om$_1$ (он же показатель определительной синтагмы) с маркером инактивного класса *-om$_2$, и есть само образование аккузатива, это совпадение и дает новый, третий показатель *-om$_3$ — показатель структурно-синтаксического инактива, или аккузатива (по нашей терминологии, "аккузатива-1"). "Аккузатив-1" есть результат совпадения показателя и функций генитива на *-om, с одной стороны, с показателем и функциями маркера лексического класса инактивных имен *-om, с другой.

В деталях парадигматики и синтагматики этот процесс можно представлять следующим образом. В парадигматике это явление так называемой "зеркальной асимметрии", или "зеркальной омонимии" в строении грамматической категории:

Активный класс лексем	Неактивный класс лексем
Показатель класса: *-os	*-om
Показатель определительной синтагмы (генитива): *-om	*-os

"Зеркальная асимметрия" (подробно описанная в работе [Степанов 1975, § 47]), один из общих семиологических принципов организации языка, существует обычно в тех фрагментах языковой системы, где исключено смешение омонимичных элементов по функции. Она присутствует, например, в английском языке, при флексии-s, чередующейся с "нулем" (ϕ)

Имя-субъект	Предикат
Ед. ч. The bird = ϕ	sing =s
Мн. ч. The bird = s	sing = ϕ

"Зеркальная асимметрия" часто получает функциональную нагрузку и начинает служить формой для какой-либо новой грамматической категории. Это, по-видимому, и произошло в протоиндоевропейском в ту эпоху, когда совмещение двух показателей *-om, оказавшихся в противопоставлении к двум *-os, стало формой падежа — аккузатива ("аккузатива-1").

Что касается синтагматики, то здесь косвенные свидетельства о процессах, основанных на "зеркальной асимметрии" показателя *-om, становящегося формой "аккузатива-1", дают до некоторой степени аналогичные процессы, отмеченные для других падежных показателей.

В хеттском показатель генитива -aš (из "второго" прото- и.-е. генитива на *-os), будучи присоединенным к основе инфинитива, т.е. давая Р.п. инфинитива, приводит к пониманию этой синтагмы как новой категории — герундива, причастия долженствования: memiǰaš kuiš ɥaɥas 'каковое дело совершения (есть)', т.е. 'каковое дело надлежит совершить' и т.п. Поэтому такой генитив от существительного воспринимается иногда как форма номинатива ед.ч. от прилагательного и к нему в отдельных случаях образуются формы ном. мн. ч. [Фридрих 1952, § 206].

В латинском форма герундия-герундива на -dum, представляющая собой, по-видимому, результат сложения инфинитива на *-en//*-on с показателем объектной функции частицей -dum, т.е. целую синтагму, была воспринята как форма аккузатива от цельного слова и дала начало почти полной парадигме склонения (§ 25).

В греческом, как показал Ж. Одри, инфинитивы на *-en, функционально, по-видимому, не являются ни чистой основой, ни локативом с нулевым показателем, а формами датива, к которым морфема падежа (датива) не была присоединена, поскольку она уже имелась в том имени существительном, которое было связано в синтагме с этим инфинитивом, и таким образом один показатель датива, при имени, распространял свое действие на всю синтагму [Haudry 1975, 132]. Ж. Одри исходил при этом из аналогичных фактов ведийского языка, где морфема датива при имени тоже относится ко всему сочетанию с инфинитивом, но в ведийском она дублирует показатель инфинитива, который, по крайней мере по происхождению, тоже является Д. п. índrāya pā́tave 'Индре пить', 'чтобы Индра пил'; vṛtrā́ya hántave 'Вритре убить', 'чтобы Вритру убить' [Haudry 1968, 142] (ср. рус. *купить шапочку дочке носить*, § 43). (Уточнение к данным Ж. Одри см. [Шарыпкин 1985].)

В аналогичном процессе, показатель *-om (*-om$_3$, слившийся из *-om$_1$ генитива и *-om$_2$ инактивного класса лексем) вводит в составное двухактантное предложение 'Субъект — глагол—объект' инактивную актанту-объект — целую синтагму, представляющую собой свернутое простое одноактантное предложение и приравненную к лексеме инактивного класса (этому отвечает совпадение *-om$_3$ с *-om-$_2$); но внутри этой синтагмы показатель *-om закреплен за субъектом синтагмы (этому отвечает совпадение *-om$_3$ с *-om$_1$ генит.). Таким образом показатель *-om становится маркером субъекта-номинатива (одноактантного предложения), "пониженного в ранге" до объекта в составе двухактантного предложения. Этот процесс развития был охарактеризован выше (§ 9), применительно к типу предложения IV, как "развитие извне предложения".

§ 44. Моделированный выше процесс почти наглядно, т.е. почти на глазах историка языка, повторяется при образовании оборота "винительный с инфинитивом" (accusativus cum infinitivo). Отличие здесь состоит лишь в том, что управляющим глаголом в главном предложении выступает глагол восприятия ('видеть'), знания ('знать'), мнения ('считать') и т.п., а присоединяемый объект, т.е. "пониженный в ранге субъект", является неэффективным объектом. Указанная модель по-

зволяет системно объяснить происхождение оборота "винительный с инфинитивом" в индоевропейских языках, его широкое распространение в одних, например, в латинском, и почти полное отсутствие в других, например, в балто-славянских.

Общая синтаксическая причина появления оборотов типа "какой-либо падеж + инфинитив" заключается в слиянии двух соседствующих в тексте предложений, имеющих общую лексему, в одно целое, таким образом, что общая лексема в слитом предложении упоминается уже не два раза, а только один раз и из двух различных падежей выбирается соответственно только один, — возникает связь "через общий член", так называемое "апокойну". Такой путь возникновения инфинитивных оборотов показан в разных исследованиях (см. о дательном с инфинитивом в славянских языках [Haderka 1964], об аккузативе с инфинитивом [Meillet, Vendryes 1966, § 906]). Важной типологической характеристикой является то, через какие падежи совершается апокойну.

В латинском языке обычной парой оказывается аккузатив (в первом, или главном, предложении) — номинатив (во втором, или зависимом), исходная точка оборота "Вин. с инфинитивом" Video fratrem + + Frater venit ⇒Video fratrem venire 'Вижу брата' + 'Брат приходит' ⇒'Вижу брата приходить'. Здесь буквально воспроизводится та система перифраз, которая характеризует первичную функцию русского В.п. (см. § 32). В древнерусском более или менее полной параллелью может служить только винительный с инфинитивном *быти*+ обозначение места; причем, вследствие опущения глагола бытия, этот оборот выступает в виде В. п. + обозначение места: *Повѣдаша ему Володимера въ Черниговѣ, а Изяслава у Стародубѣ* (Ип. лет. 30, 242) 'сообщили ему, что В. есть (находится) в Чернигове... и т.д.' ([Потебня 1958, I—II, 297], там же обширный список примеров и классификация.)

Однако, для славянских языков пара В. п. — И. п. как срединный член при апокойну совершенно нехарактерна. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что эта пара падежей была, вероятно уже в общеславянском, включена в сферу категории одушевленности—неодушевленности и позднее личности—неличности как ее средство выражения. Правда, этих падежей в роли апокойну нет и в балтийской семье, где, однако, названные грамматические категории отсутствуют, да и категория рода сравнительно со славянской является ущербной. Поэтому применительно к балтийским отсутствие В. п. — И. п. в сфере апокойну можно объяснить в связи с относительно хронологией явлений: эта пара падежей исчезла из сферы апокойну, по-видимому, еще в балто-славянский период, когда намечалась к развитию общая балто-славянская категория одушевленности—неодушевленности. Все сказанное относится к сфере инфинитивных оборотов, согласуемых единственно через общий падежный член. (В оборотах причастного происхождения, где действуют иные согласовательные принципы, И. п. и В. п. могут выступать в виде апокойну).

В балто-славянских языках как средство синтаксической связи предложений в апокойну вовлекаются другие пары: И. п. — Д. п., В. п. — Д. п., и, собственно, весь процесс развивается вокруг Д. п. Путем комбинаторики можно исчислить все возможные при апокойну сочета-

ния этих падежей, но практически встречаются, по-видимому, только три-четыре типа. В современном русском им соответствуют типы: *Надо купить тетрадочку дочке уроки делать; Надо купить шапочку дочке зимой носить; Купить тапочки (себе) дома носить.*

Общая глубинно-семантическая черта всех этих конструкций заключается в том, что главная часть предложения и придаточный оборот взаимодействуют через свои субъекты. Субъект главной части является главным субъектом и воздействует на субъект придаточной части, который становится зависимым от первого через посредство его действия. Зависимый субъект выражается (или подразумевается и может быть восстановлен) в Д. п. Таким образом, имеется связь между активностью (фактитивностью) субъекта главной части и Д. п. как объектом этой активности. Одновременно субъект придаточного оборота в независимой форме часто также стоял бы в Д. п., демонстрируя тем самым свою неактивность (*Я куплю валеночки дочке носить* из *Я куплю валеночки дочке* — активная форма, *Дочке надо валеночки носить, Дочке валеночки носить* — неактивная форма субъекта).

На этом пути вполне объясним и такой русский и литовский оборот, как *Земля пахать* (иногда называемый Nominativus cum infinitivo), кажущийся странным и загадочным. (Но если бы рассматривать вышеприведенный латинский оборот как некий отдельный от всего предложения объект, как поступают с русским оборотом *Земля пахать*, то латинское fratrem venire букв. "брата приходить" выглядело бы не меньшей аномалией, чем русское *Земля пахать*.) Между тем этот оборот вполне закономерен, как следствие апокойну: *Мне есть (надобѣ) земля + Земля есть (надобѣ) пахати; Мне земля есть (надобѣ) + Есть (надобѣ) пахати* [Степанов 1984]. Д.Й. Эдельман показала, что иранские параллели к этому балто-славянскому обороту объяснимы точно так же [Эдельман 1987].

§ 45. Аккузатив внутреннего объекта лежит в основе многочисленных производных моделей греческого языка [Chantraine 1981, §§ 51, 53]. Заметна связь и с моделью с двойным аккузативом, так как в этой модели аккузатив "вещи" нередко оказывается именно аккузативом внутреннего объекта, тавтологическим по отношению к глаголу: (λώβην) ἣν ἐμὲ λωβήσασθε (Ил. 13, 623) 'срама... которым вы меня осрамили'; εἵνεκα νίκης/τήν μιν ἐγὼ νίκησα (Од. 11, 544—545) букв. 'из-за победы/которую я его победил' (список примеров [Schwyzer 1966, II, 79]).

Аккузатив внутреннего объекта в большинстве случаев обозначает неэффективный объект или объект, хотя и эффективный, но "аналитический", не присоединяемый извне, а как бы возникающий или выделяющийся в процессе действия (типа рус. *петь песню*). Неэффективный объект обозначает и аккузатив отношения (типа рус. *идти километр, весить тонну*).

В русском языке в определенной, ограниченной группе лексем, внутренний объект выражается как "нулем", так и (в форме) В. п., и Т. п., которые таким образом конкурируют: *(с)косить глаза//косить глазами//косить; цвести цветами//цвести; шагнуть (один) шаг//шагать шагом//шагать*, и т.п. (§ 39).

Падежные соотношения такого типа имеются во многих и.-е. языках: вед. ní-han-vájram 'ударить молнию'//han-vájreṇa 'ударить молнией', лат. offendere caput 'ударить голову (т.е. головой)'//offendere pede 'ударить ногой, споткнуться'; лат. pluit lapides 'идет дождь камнями (акк.)'//pluit lapidibus 'то же (аблат.)', и т.п. Ж. Одри считает инструменталис в этих оборотах исторически первичным, а аккузатив вторичным, замещением инструменталиса [Haudry 1978, 172, 175].

Представляется, однако, более верным трактовать эти соотношения в обратной последовательности, т.е. аккузатив внутреннего объекта и аккузатив "отношения" как исторически первичные. А.В. Десницкая, обследовавшая употребления аккузатива "отношения" в "Илиаде" — тип γέγηθε δε φρένα ποιμήν (Ил. 8, 559) 'возрадовался сердцем (акк.) пастух' — пришла к выводу, что в этих случаях "винительный падеж выражает понятие, ближайшим образом определяющее действие, выраженное глаголом, вне всякой возможности трактовать его как объект, тем более прямой" [Десницкая 1984, 89], что этот древнейший характер его значения является "главным доказательством генетической связи индоевропейского винительного с реконструируемой для доисторического периода категорией неопределенного падежа" [Там же, с. 79] и что в плане морфологии — это значение "восходит к древним функциям неоформленной именной основы" [Там же, с. 151].

Эти наблюдения легко сочетаются с наблюдениями, приведенными выше (см. также § 10 и § 8) в цельную картину. Индоевропейский аккузатив, не перифразующийся в субъект независимого предложения, назовем его "аккузатив-2", происходит, по-видимому, из casus indefinitus — морфологически не оформленной части сказуемого, инкорпорированной в его состав в позиции синтаксического примыкания к глаголу.

§ 46. Типологическое сравнение, естественно, не может дать параллель реконструированного выше процесса в целом, но способно указать параллели к его отдельным сторонам. В данном случае, мы хотим обратить внимание на три таких аспекта: 1) наличие морфологически неоформленного падежа объекта, включенного в инкорпорированный комплекс с глаголом, в языках активного строя, особенно американских, как параллель к "аккузативу-2"; 2) процесс возникновения двухактантного предложения 'Субъект — глагол — эффективный объект' в нахско-дагестанских языках Кавказа, а также 3) роль инкорпорированных комплексов-синтагм в этом процессе, — в тех же языках, — как параллель к "аккузативу-1".

Наличие инкорпорированных комплексов является характерной чертой многих индейских языков Северной Америки и языков других ареалов. Примером [Mithun 1986a, 14] может служить фраза из языка канджобал (Kanjobal) группы Майя: š-at-lo-w-i pan 'ты хлебо-ел', где последнее слово означает 'хлеб', а первые пять элементов, соответственно: 1) морфема прош. вр., 2) морфема абсолютива, 3) 'есть', 4) аффикс, 5) аффикс. Для сравнения из того же языка неинкорпорированная фраза: š-ø-a-lo-t-oq in-pan 'ты съел мой хлеб', где in-pan 'хлеб' в эргативном падеже, а первые шесть элементов: 1) прош. вр., 2) абсолютив,

3) эргатив, 4) 'есть', 5) 'идти', 6) оптатив. Как отмечает М. Митун [1986$_a$], характерной особенностью таких инкорпорированных комплексов является то, что в них глагол и имя объекта, оставаясь отдельными словами, образуют синтаксическое единство, в целом эквивалентное непереходному глаголу. Аналог этого построения из нахско-дагестанских языков будет указан ниже. В группе майя, к которой принадлежит язык канджобал, и вообще во многих группах (семьях), инкорпорация свойственна далеко не каждому языку и, является, очевидно, результатом недавних процессов [Mithun 1984].

Показательные параллели можно привести из нахско-дагестанских языков Кавказа, рассматривающихся Г.А. Климовым и М.Е. Алексеевым как эргативные языки с тенденцией и чертами перехода к номинативному строю. Предложения типа аварского *Эмен хур бекьулев вуго* 'Отец пашет поле', букв. 'Отец есть, находится' + 'пахая поле', являющиеся номинативными (при наличии в том же языке эргативных), рассматриваются некоторыми исследователями как непереходные, причастие смыслового глагола вместе с эффективным объектом (прямым дополнением) выступает в них "не как причастный оборот, а как единое целое, представляющее в некотором смысле полисинтетический комплекс" [Алексеев 1981, 250; Бокарев 1949, 114]. В соответствии с такой трактовкой, подобный нахско-дагестанский тип предложений возводится далее к сложному предложению [Алексеев, 250]. Этот процесс почти в точности совпадает с предположенным нами процессом возникновения двухактантных предложений такого типа в протоиндоевропейском.

Однако в нахско-дагестанских языках сказанное относится только к предложениям с аналитической формой глагола, которая может быть разложена на 'быть' + '(дее)причастие'. Другой тип номинативной конструкции не может быть представлен в таком виде, поскольку в нем глагол имеет синтетическую форму: *Инсуца хур бекьула* 'Отец поле пашет' с эргативным падежом лексемы 'отец'. Возникновение этой конструкции трактуется исследователями как преобразование абсолютной конструкции с непереходным глаголом длительного вида, — которая типологически сопоставима с аварской абсолютной конструкцией с глаголом учащенного способа действия *Эмен в-екьарула* 'Отец пашет', — путем включения в нее дополнения в эргативном падеже. как, например, в даргинском языке (*Ну жуз-ли учIулра* 'Я книгу читаю') или в творительном, как в бежитинском (*Або бох-ад агъогьдас* 'Отец сено носит'). Таким образом оба типа номинативной конструкции предложения с переходным глаголом здесь" являются вполне закономерным результатом возникшего в процессе развития эргативной структуры переосмысления субъекта непереходного предложения (но с активным глаголом, типа 'Отец пашет'. — *Ю.С.*) в субъект переходного (типа 'Отец пашет поле'. — *Ю.С.*)" [там же 250—251]; ср. также [Десницкая 1984, 153—162].

В качестве частной параллели к "аккузативу-2", который как уже было отмечено (§ 45) в аккузативной форме выступает как casus indefinitus и способен чередоваться с инструменталисом, можно отметить одно его совпадение с картвельскими. В "аккузативе-2" в гомеровском

языке особенно часто выступают обозначения частей тела (рука, нога, голова, грудь, сердце и т.д.) или "частей организма" (голос, крик, сознание, дух, и т.д.): ἤχθετο γὰρ κῆρ (Ил. 11, 400) 'ибо он мучился сердцем (акк.)'; ὅς σέο πολλὸ ἀφαυρότερος χεῖράς τε μένος τε (Ил. 7, 457) 'который тебя (генит.) гораздо слабее и руками (акк.) и силой (акк.)'. В картвельских языках инструментальное дополнение может ставиться в номинативе: груз. Monadire-m tval-i mohk̇ra mgels 'Охотник заметил волка', причем особенно часто в роли инструменталиса выступают обозначения частей тела: груз. Mela-m pir-i daavlo k̇aba-s 'Лиса ухватилась пастью за платье'; Vezir-ma dez-i hkra cxen-s 'Визирь пришпорил (букв. шпору ударил) коня'; это явление рассматривается "в качестве отголоска дономинативного состояния" [Климов 1981, 144—145].

Глава V

ПЕРИФРАЗЫ ПО ЛИНИИ ПРЕДИКАТОВ

§ 47. Как каждому глаголу несовершенного вида в современном русском языке может быть поставлен в пару глагол совершенного вида того же корня (или супплетивный), так почти с каждым переходным глаголом в современном литовском языке может быть сопоставлен непереходный глагол того же корня, например, лит. kẽisti 'менять' — kĩsti 'меняться', bė̃gti 'бежать' — bėgĩnti 'заставлять бежать, цедить (молоко)', mer̃kti 'мочить' — mir̃kti '(начинать) мокнуть' и т.п. Этому типу противопоставлений отвечает в литовском продуктивная грамматическая оппозиция "мягкое" переходное спряжение/"твердое" непереходное спряжение; т.е. тип *-ia*-презенс *ė*-претерит против типа *a*-презенс *o*-претерит. Как показал Я. Эндзелин еще в 1909 г., соответствующее противопоставление является определяющим также в латышском языке, т.е. восходит к общебалтийскому [Endzelīns 1974, 124].

В зависимости от морфологического способа такого парного противопоставления выделяются классы категории переходности—непереходности в литовском языке (а также в латышском) и классы категории вида в русском (и в других славянских). Соответственно их относительной хронологии (периоду наибольшей продуктивности) эти классы могут быть выстроены в два параллельных ряда — балтийский и славянский. При этом делается очевидным, что соответственные ("однономерные") классы того и другого ряда достаточно гомоморфны, причем гомоморфность увеличивается по мере удаления от настоящего, так что древнейшие классы выступают как тождественные и общие обоим рядам.

Необходимо подчеркнуть, что единицам рассматриваемых классов являются не глагольные лексемы или их типы, а оппозиции глагольных лексем, главным образом парные (или тройные, четверные и т.д., но сводимые к парным). Формальная гомоморфность между литовскими (соотв. балтийскими) и русскими (соотв. славянскими) классами, занимающими одинаковые места в своих рядах, заключается во-первых, в том, что в них используются одни и те же по происхождению материальные элементы (возвратная частица, суффиксы, аблаут и т.д.); во-вторых, в том, что эти материальные элементы используются в одних и тех же (по форме) или весьма близких (по форме) противопоставленных. В конечном счете эти противопоставления сводятся к парным противопоставлениям классов глаголов: один глагол пары принадлежит к одному классу, другой к другому.

Поэтому предложенная нами семантическая классификация (первоначально [Степанов 1975а; 1975б]) опирается на морфологические понятия "класс глагола", "классы глаголов", "класс спряжения", "тип спряжения", "парадигма глагола" — в сущности однородные понятия. Однако сами принципы выделения глагольных классов, как известно, видоизменялись у разных исследователей. В славянском языкознании всеобщее признание получила классификация А. Лескина, предложенная для старославянского (церковно-славянского) языка еще в 1871 г. [Leskien 1871]. А. Лескин выделяет классы (числом 5) по основам настоящего времени, а подклассы — по второй основе, инфинитива, с учетом различных чередований гласных и согласных [Leskien 1919, 183—184]. Суммарно его схема такова, I класс: основа презенса на *-e, -o* (nes-e-ši nesti, bere-ši bьr-ati); II класс: основа презенса на *-ne* - , *-no* - , вторая основа на *-nǫ*, (dvig-ne-ši dvig-nǫ-ti); III класс: основа презенса на *-je* - с многочисленными подклассами (kol'e-ši klati [*kolti] и др.); IV класс: основа презенса на *-i-* (chvali-ši chvali-iti, běži-ši běž-ati, vidi-ši vid-ěti); V класс: атематические основы.

Классификация А. Лескина составила базу как для иследований по реконструкции балто-славянского глагола Н. Ван-Вейком [1957, 299], Х. Стангом [Stang 1942; 1967] и др., так и для классификации глаголов древнерусского языка П.С. Кузнецовым и другими [Борковский, Кузнецов 1965, § 200, с. 267]. Недостатком классификации А. Лескина является отсутствие в ней признака продуктивности. Применительно к древнерусскому языку удачную классификацию, усовершенствованную введением этого признака, предложил А.К. Волков [Волков 1958] (ср. [Борковский, Кузнецов 1965, 268]). Применительно к литовскому языку признак продуктивности полностью учтен в классификациях двух Грамматик [Liet. Kalbos gr. 1971, II; Грамм. лит. яз. 1985]. В нижеследующей классификации оппозиций — в той мере, в какой она связана с морфологией глагольных классов — использована классификация А. Лескина, а градация по продуктивности связана с общими идеями упомянутых новых работ. В синхронной системе признак продуктивности отражается через объем класса — количество единиц в классах (в данном случае — в количестве оппозиций и в количестве членов оппозиций); объем тем больше, чем ближе к настоящему времени; наиболее продуктивный (актуальный) класс является неограниченным (открытым).

В литовском языке выделяются, начиная с новейших, следующие крупные классы парных оппозиций категории переходности—непереходности, различающиеся морфологией, семантикой, направлением словообразовательного процесса (т.е., тем какой глагол пары является в этой паре первичным, а какой производным от первичного) и относительной хронологией (ср. [Степанов 1975а, 167—182; 1975б; Криницкайте 1980; Грамм. лит. яз. 1985, §§ 256—265]).

Класс 1: возвратные глаголы противопоставлены невозвратным переходным; исходный глагол в паре — переходный, производный от него, посредством возвратной частицы -si, — непереходный, в остальном морфология и парадигмы спряжения у обоих глаголов пары идентичны: ištempti 'вытянуть' — išsitempti 'вытянуться'; rengti 'одевать' — rengtis 'одеваться', praustі 'мыть' — praustis 'мыться; умываться'. Оба глагола пары означают действия одушевленного субъекта, человека. Поэтому, например kẽltis (класс 1) и kìlti (класс 3) при общем значении 'подниматься' резко противопоставлены своими субъектами — 'человек' в первом случае, 'вещь' во втором: Žmogus kẽliasi nuo suolo 'Человек поднимается со скамьи' — Vėjas kỹla 'Ветер поднимается'. Поэтому также объекты переходных глаголов здесь — весьма широкий и разнородный класс вещей и людей, не ограниченный какими-либо признаками (ср. § 32 и ниже отличный класс 2).

Далее в литовском языке выделяются, начиная с наиболее новых, следующие классы.

Класс 2: исходный глагол, в обратном отношении к классу 1, — непереходный, производный от него — переходный. Он оформляется суффиксами -(d)-inti, -(d)yti, иногда в сочетании с сильной аблаутной ступенью корня в противопоставлении слабой ступени исходного глагола: lipti 'лезть, вылезать' — laipinti 'высаживать (человека)' (также laipinti 'лезть (самому)', интенс.), gulti 'ложиться' — guldyti 'укладывать (человека)', bẽgti 'бежать' — bẽginti 'заставлять бежать (человека или вещь, жидкость)', blukti 'блекнуть, белеть' — blukinti 'отбеливать', gesti 'портиться' — gadinti 'портить', bū̃gti 'бояться' — bauginti 'пугать'. (В отличие от [Грамматика литовского языка 1985 § 259], тип smilkti — smilkyti 'дымить(ся)' — 'окуривать, задымлять' мы выделяем в класс 4). Распределение субъектов здесь смешанное. Субъектом непереходного глагола, а соответственно и объектом переходного глагола, может быть в одних парах человек, в других вещь. Субъектом переходного глагола является в большинстве пар человек. В непереходном глаголе часто присутствует дополнительное значение начинательности, которое может подчеркиваться приставкой: gesti — su-gesti, gulti — at-si-gulti.

Класс 3: тип bẽrti 'сыпать' — birti 'сыпаться', merkti 'мочить' — mirkti '(начинать) мокнуть, замокнуть', iežti 'лущить' — ižti 'лущиться', skersti 'рубить, колоть' — skirsti 'трескаться', skiesti 'разбавлять, разжижать' — skysti 'разжижаться', diegti 'сажать (растения) — dygti 'всходить', sverti 'взвешивать' — svirti 'весить, склоняться', kelti 'поднимать' — kilti 'подниматься', versti 'валить' — virsti 'валиться, падать' и т.п. Эти пары построены на оппозиции аблаутных ступеней корня — слабой в непереходном глаголе, сильной в переходном, и на различии парадигм — "твердого" спряжения в непереходном глаголе (с носовым инфиксом или -sta- суффиксом в презенсе) и "мягкого" спряжения в переходном. Ни один из глаголов пары не может считаться производящим, — оппозиция построена по эквиполентному принципу. Субъект переходного глагола в наших парах всегда человек, субъект непереходного — всегда вещь, притом "первичного" круга объектов, — как правило объектов естественных, не произведенных человеком (§ 32, 39). Семантические признаки переходности—непереходности здесь переплетаются с видовыми признаками, которые, впрочем, лежат в более глубинном ярусе: переходный глагол, как правило, означает неограниченное действие, непереходный часто имеет дополнительное начинательное значение. Непременным фор-

мальным признаком непереходного глагола здесь является наличие в презенсе носового инфикса или суффикса -st(a)-. Этот класс является, по-видимому, древнейшим или одним из группы древнейших.

Класс 4: сюда относим пары, которые имеют в своих парадигмах одну общую форму, т.е. их парадигмы пересекаются. Подкласс "а": smilkti smilksta smilko 'дымить(ся)' — smilkyti smilko smilkė 'обдавать дымом, окуривать', форма smilko выступает как форма претерита в непереходной парадигме, и как форма презенса в переходной; так же mirkti mirksta mirko '(начать) мокнуть' — mirkyti mirko mirkė 'мочить'; tvilkti tvilksta tvilko 'ошпариваться, (начинать) преть (о вещи)' — tvilkyti tvilko tvilkė 'ошпаривать, парить'; plikti plinka pliko (в одном из знач.) 'запариваться, (начинать) преть' — plikyti pliko plikė 'ошпаривать, парить'; так же brinkti 'пухнуть, вздуваться (от влаги)' — brinkyti 'раздувать'; ižti 'лущиться, трескаться' — ižyti 'лущить, колоть' (то же, что aižyti) и т.п. Непереходный глагол здесь, как и в классе 3, часто имеет дополнительное начинательное значение, в то время как переходный — длительное или учащательное значение; оба эти признака значения — видовые. Следствием этой видовой особенности непереходного глагола является, во-первых, то, что она усиливается приставкой, и некоторые такие глаголы преимущественно употребляются с приставкой; и, во-вторых, то, что видовое значение начинает преобладать, и такие глаголы становятся, скорее "абсолютными" (т.е. равно или в слабой степени непереходными и переходными). Например: išmókti išmóksta išmóko 'выучить что-либо' (объект — вещь); 'выучиться' — (iš)mókyti(iš)móko(iš)mókė 'выучить кого-л.' (объект — человек) или 'выучить кого-л. чему-л. (акк. и генит.)' (см. о двойном аккузативе, § 41). Направление словообразования здесь, по-видимому, — от непереходного глагола, через его претерит, к переходному. Имеются и более сложные пересечения с 3-м классом типа: 1. ĩžti — 2. ĩẽžti — 3. ižýti — 4. aižýti: 1. 'лущиться' (по твердому спряжению) — 2. 'лущить' (по мягкому спряжению) — 3. 'лущить' (по смешанному спряжению с общей формой к 1) — 4. 'лущить' (учащательный) (по смешанному спряжению). (См. также [Galnaitytė 1978]).

Подкласс "б": формально почти такие же отношения, как в подклассе "а", но оба глагола непереходные; точнее первый может быть охарактеризован как непереходный активный (например, 'повиснуть'), означающий переход одушевленного субъекта в какое-либо состояние (т.е. видовая сема начинательности выходит на первый план), а второй глагол — означающий это состояние; однако обе формы на *-о* (т.е. претерит первого глагола и презенс второго) различаются долготой корневого гласного — он краткий в первом случае и долгий (продленный) во втором. Например: klùpti klum̃pa klùpo 'споткнуться, пасть на колени' — klū́poti klū́po klū́pojo 'стоять на коленях'; kĩbti kim̃ba kĩbo 'уцепиться, повиснуть' — kýboti kýbo kýbojo 'висеть'; rim̃ti rim̃sta rĩmo 'утихнуть, остановиться' — rýmoti rýmo rýmojo 'спокойно стоять или сидеть, опершись или облокотившись' и т.д. В этом подклассе вариантом глагола состояния на -oti может быть глагол на -ėti: klū́pėti klūpo klūpėjo то же, что klū́poti (см. также § 53).

Особый подкласс "в" из одного глагола: ра-žinti ра-žįsta ра-žino 'узнать' — žinóti žĩno žinójo 'знать') (§ 53).

Класс 3 в основе (подкласс "в" и др.), по-видимому, принадлежит к тому же глубокому хронологическому пласту, что и класс 2, но пик его продуктивности, возможно, приходится на более новый период (см. ниже).

Видовые пары в русском языке противопоставлены весьма сложными и различными пучками признаков, и в теоретическом отношении этот вопрос, все еще являющийся предметом напряженных дискуссий, решается весьма различно в разных концепциях. Градация видовых пар, предлагаемая ниже, не имеет целью полную классификацию, она ориентирована на дальнейшую историческую реконструкцию и выделяет те признаки видовых пар, которые обнаруживают параллелизм с градациями литовских диатез.

Класс 1 (новейший): приставочные, в подавляющем в большинстве переходные, глаголы с полным семантическим соответствием между обоими членами пары и с полными продуктивными парадигмами.

Подкласс "а": основы на -а-//-ыв-а: *рассказать — рассказывать, намазать — намазывать, обвязать — обвязывать, переписать — переписывать, обуздать — обуздывать* и т.п.; подкласс "б": основы на -и-//-ива, -ыва- (вариант: -'а-): *откусить — откусывать, очертить — очерчивать, разметить — размечивать, укрепить — укреплять, оформить — оформлять, затопить — затоплять//затапливать, одарить — одарять // одаривать* и т.п., ср. [Виноградов 1972, § 33].

В пределах класса 1 быть выделен — очень важный для дальнейшей реконструкции — подкласс "в" — глаголы, противопоставленные только суффиксами -и-//-а-: *бросить — бросать, возвратить — возвращать, встретить — встречать, заметить — замечать, ответить — отвечать, пустить — пускать, решить — решать, хватить — хватать*, — с основами на -аје-. "У некоторой части этих глаголов, — замечает В.В. Виноградов, — приставки теряют свой семантический вес и почти не выделяются" [Виноградов 1972, 401]: *изменить — изменять, обвинить — обвинять, поместить — помещать, пригласить — приглашать* и т.д. Форма несовершенного вида здесь чаще всего выступает как производная. (Удивительно, что ни В.В. Виноградов, ни другие тонкие исследователи русского языка ни словом не упоминают о том, что почти все глаголы этого типа — переходные; переходность — семантический фон этих видовых противопоставлений).

Внутренние, т.е. лежащие в корневой зоне слова, различия здесь нивелируются: аблаут (*разорвать — разрывать*), аффиксация (*заделать — заделывать*), чередование суффиксов (*улучшить — улучшать*) — равнофункциональны. Единство в пределах каждой пары и всех пар в пределах класса обеспечивается приставками. Направление словообразовательного процесса — от глагола совершенного вида к глаголу несовершенного.

Этот класс гомоморфен по отношению к литовскому классу 1. В русском пары построены только на оппозиции видовых признаков

"совершенный — несовершенный", в то время как дополнительные признаки (начинательность, многократность и т.п.), как правило, не подчеркнуты, а категория переходности является общим, непрофилированным фоном: почти все глаголы этого класса — переходные, по большей части с неэффективным объектом (§ 32). Подобно этому в литовском классе 1 в парах глаголы противопоставлены только диатезой по ее основному признаку "переходность—непереходность", в то время как дополнительные видовые признаки чаще всего нивелированы.

Класс 2 (ср. [Рус. грам. 1980, I, §§1394—1395]): *делать — сделать, рубить — срубить, писать — написать, мучить — измучить, ехать — приехать, ехать — наехать, идти — прийти, идти — найти, морить — уморить, лгать — солгать, пить — попить, пить — выпить, есть — поесть, есть — съесть* и т.п. Исходным глаголом здесь — это совершенно очевидно — является глагол несовершенного, а точнее — "старого несовершенного", т.е. просто неопределенного, "неквалифицированного" вида (см. § 49). Приставка, придавая глаголу совершенный, точнее "определенный", "квалифицированный" вид, одновременно осложняет его лексическое значение. Поэтому при одном глаголе несовершенного вида возможны несколько — совершенного, с разными дополнительными лексическими значениями (*вы-пить, по-пить*). (Некоторые исследователи включают их в разряд "способов действия", Aktionsarten; см. [Galnaityte 1978]).

Очень важной чертой этого класса является то, что оппозиция видов нередко сопровождается оппозицией по категории переходности: исходный глагол несовершенного ("неопределенного") вида — одновременно неопределенный и по категории переходности ("абсолютный"), в то время как производный глагол приобретает одновременно со значением совершенного вида очень часто и значение переходности (*пить — выпить* что-л.; *ехать — наехать на* что-л.).

Класс достаточно гомоморфен литовскому классу 2.

Класс 3: в общем, это класс, в котором разнообразно участвует носовой суффикс *-ну-* (реже, исторически—носовой инфикс). В соответствии с его различными функциями класс делится на подклассы. Характерной чертой пар в этом классе является то, что они в значительной степени эквиполентны, т.е производящий глагол явно не выделяется (любой из глаголов пары может рассматриваться как производящий).

Подкласс "а": *двинуть — двигать, дернуть — дергать, толкнуть — толкать, пихнуть — пихать*, — семантика переходная.

Подкласс "б": *вянуть — увянуть — увядать, вязнуть — увязнуть — увязать, мерзнуть — замерзнуть — замерзать, грянуть — нагрянуть, воскреснуть — воскресать, сохнуть — засохнуть — засыхать, дохнуть//дыхнуть — вздохнуть — вздыхать, тонуть — утонуть — утопать* и др., — семантика только непереходная.

Подкласс "в": *начать* (*начну*) — *начинать, жать* (*жну*) — *по-жинать, пожать* (*пожну*) — *пожинать* (но так же: *пожать, пожму — пожимать*), (*про*)*клясть — (про*)*кляну — проклинать*, и др., — семантика неэффективно переходная.

Подкласс "г" без носового суффикса, но с аналогичным спряжением: (*по*)*жать*, (*по*)*жму — пожимать; (у*)*мереть*, (*у*)*мру — умирать; (на*)*тереть*, (*на*)*тру — натирать; (со*)*брать*, (*со*)*беру — собирать, (обо*)*рвать*, (*обо*)*рву — обрывать*, (*со*)*драть*, (*с*)*деру — сдирать*, и т.п. — производный глагол несовершенного вида имеет полную (исторически — продленную) ступень гласного в корне и при этом бывает только приставочным. Семантика — как переходная, так и непереходная (*умирать*).

Глагол совершенного вида часто означает начало процесса, это значение усиливается приставкой и при подстройке глагола несовершенного вида — здесь всегда приставочного — естественно, делает его учащательным, дуративом или интенсивом. Последние же по своей семантической природе тесно связаны с каузативами. (Эта связь является вероятно универсалией или фреквенталией [Серебреников 1974, Десницкая 1941]. Таким образом, распределение видовых признаков здесь в определенной степени аналогично их распределению в литовском (классы 3 и 4). Признаки же переходной диатезы, опять-таки аналогично тому, как это имеет место в литовском с признаками вида, представлены в смешанном виде и нерегулярно. Но чаще глагол совершенного вида тяготеет к непереходности, а несовершенного — к переходности (ср. иллюстрацию на примере 'вязать', § 48).

Если отступить от традиционного представления описательных грамматик, что видовые пары русского глагола должны соединяться из глаголов одной и той же диатезы, то в русском языке вполне типичными можно считать такие пары, как: *стынуть — студить, гибнуть — губить, сохнуть — сушить, мерзнуть — морозить, воскреснуть — воскресить* (*у*)*мереть — (у*)*морить*. В них глагол состояния, несовершенного или совершенного вида (т.е. определенность вида не играет роли) противопоставляется каузативу, всегда (если он без приставки) несовершенного вида. В русском языке глагол состояния, означающий в таком парном сопоставлении результат каузирующего процесса (типа *стынуть* при *студить*), часто отсутствует, и почти всегда отсутствует, если он должен был бы обозначать "процесс, происходящий в вещи" (*сыпаться*) (§ 29). Поэтому многие каузативы — формы всегда исторически производные — оказываются снова исходными формами, и к ним подстраиваются производные формы на *-ся*, тоже несовершенного вида: *варить, валить, лущить, дробить, мельчить, точить, острить* (*заострять*), *целить, лечить, плавить* (§29).

Так же обстоит дело с итеративами и дуративами: *будить* (при *бдеть*, др.-рус. *бъдѣти*), *возить* (при *везти*), *славить* (при *слыть*), *ставить* (при *стать*), *светить*, др.-рус. *свѣтити* и т.п.

С учетом таких пар, как *стынуть — студить* класс 3 полностью гомоморфен литовскому классу 3. При этом в некоторых, причем базовых, фрагментах гомоморфизм переходит в тождество. ("Переходит" — с точки зрения ретроспективы от синхронного современ-

ного состояния; с исторической точки зрения гомоморфизм является тождеством.) Суффикс -i- (рус. *-ити*, лит. -yti, -dyti) имеет одни и те же функции — итератива и каузатива — в обоих языках.

Класс 4 — глаголы состояния, включая "состояние движения", нахождения в равномерном движении. (Ср. трактовку Е. Куриловичем глагола 'течь', лит. tekė́ti tẽka tekẽjo как глагола состояния [Kuryłowicz 1964, 87]).

Подкласс "а", выделяется на том же основании, что и класс 4 в литовском, — омонимия ("с точностью до ударения", т.е. при различии ударения) некоторых форм в разных парадигмах: *бегать — обе́гать — обега́ть; сыпать — засы́пать — засыпа́ть; резать — отре́зать — отрезать* и т.п.

Подкласс "б" — глаголы несовершенного вида в противопоставлении глаголам действия, произведенным от них с помощью приставки, всегда совершенного вида: *белеть — побелеть, видеть — увидеть, глядеть — поглядеть* (но также *взглянуть*, в пересечении с классом 3), *гореть — сгореть, греть — согреть, владеть — овладеть, зреть — созреть, млеть — сомлеть, преть — сопреть, знать — познать//осознать*, а также, близкие к значению состояния *лететь — залететь//долететь, петь — запеть//попеть* и т.п.

И этот подкласс гомоморфен литовскому классу 4 "б", а если учесть тождество суффиксов рус. *-е-* (др.-рус. *ѣ*, т.е. *ē*) - лит. -ė- (ē), то и тождествен: ср. рус. *видеть — увидеть, белеть — побелеть*, лит. gilė́ti gilė́ja gilė́jo 'углубляться (постепенно), находиться в состоянии углубления' — pa-gi̇̃lti pagỹla (исторически с носовым инфиксом) pa-gi̇̃lo 'стать более глубоким; начать углубляться', также brangė́ti — (pa)brangti '(по)дорожать', senė́ti — (pa)sė́nti '(по)стареть' и мн. др.

Таким образом в целом, вполне согласуются основные отношения категории переходности/непереходности и "определенного"/"неопределенного" вида (определение обеих пар признаков в § 49). Первичные противопоставленные пары глаголов представляют одно и то же действие с двух различных точек зрения: в балт. с точки зрения субъекта/объекта (переходности/непереходности) при каком-либо одном фиксированном видовом значении, так, лит. beriù žirnių 'я (за)сыпаю горох'/žirniai bỹra 'горох (начинает) сыпаться' при фиксированном видовом оттенке начинательности (ср. barstýti с видовым оттенком длительности или итеративности; так же meřkti, но mirkýti); в слав. с точки зрения полагания предела/снятия предела при каком-либо одном фиксированном переходном или непереходном значении, так ст.-сл. соути съпє/-сыпати -сыпа 'сыпать'. В этой двойственности точек зрения на одно и то же действие (хотя сами точки зрения различны) состоит общность славянской и балтийской систем и основание единства их прототипа "вид — диатеза". Вторичный же глагол, первоначально часто внепарный, представляет иное действие. Зачастую он достраивает семантическую оппозицию как раз по тому признаку, который в первичной паре был фиксированным, не вариативным и не оппозитивным. Так, в балт. вторичные глаголы типа barstýti 'сыпать, усыпать', mirkýti 'вымачивать', sakýti 'говорить' (при sèkti 'следить, следовать'), bradýti, braidýti 'бродить, брести' (при bŕisti) объединяются лишь семантикой длительности или интенсивности, итеративности, но могут быть как переходными, так и непереходными. В слав. вторичные глаголы типа рус. *у-сыпа́ть, об-сыпа́ть, вы-сыпа́ть* объединяются только семантикой переходности, но могут иметь — в части форм — как сов., так и несов. вид (этот тип основан на различных и достаточно древних акцентуационных парадигмах и в целом уступил место продуктивному *выделать — выде́лывать*, см. [Мейе 1951, 244, § 327] и § 53, третий тип).

Новейшие классы в обоих — литовском (соотв. балтийском) и русском (соотв. славянском) рядах — гомоморфны по форме, но различны по семантическим категориям: диатеза с сопутствующими признаками вида в первом, вид с сопутствующими признаками диатезы во втором. Но по мере продвижения вглубь, от актуально продуктивного к непродуктивным классам, сопутствующие семантические признаки повышаются в ранге, так что, наконец, в последних, т.е. исторически древнейших, классах диатеза и вид предстают полностью взаимосвязанными как в одном, так и в другом ряду.

Из описанного положения дел мы извлекаем, в частности, один из принципов реконструкции: в прото-балто-славянском диатезы избирательны по отношению к субъектам, и это дает возможность реконструировать синтагмы — как сочетания "субъект (имя определенной лексико-семантической группы) + глагол (определенной диатезной формы)" (этот вывод предваряется в гл. II § 14). Из синхронных наблюдений, кратко изложенных выше, могут быть сделаны и другие выводы.

Прежде всего, напрашивается предположение, что балтийские противопоставления диатез и славянские противопоставления видов возникают из одного и того же источника — из некоторых постоянных корреляций между видом и диатезой, существовавших в прото-балто-славянском и составлявших там элементы достаточно устойчивой системы "вид—диатеза".

§ 48. В рассмотренных выше балто-славянских рядах отчетливо проступают — в разных местах разные — устойчивые "пучки" семантических признаков "вид — диатеза". В плане выражения они сопровождаются столь же устойчивыми "пучками" формальных признаков.

Так в основах, имеющих аблаут (старого или нового происхождения), в славянском глагол несовершенного, или старого "неопределенного", вида строится на основе, имеющей наиболее долгий гласный, глагол же совершенного, или старого "определенного", вида — на основе, имеющей краткий гласный: ст.-сл. погрети — погрѣбати; родити — раждати; оумьретъ, оумрѣти — оумирати и т.п. В балтийском имеется аналогичное противопоставление: лит. klùpti — klū́poti 'споткнуться — стоять на коленях', bŕisti — brýdoti 'переходить, перейти вброд — стоять посреди брода' и т.п., но, с другой стороны, и это особенно важно, функционально такое же различие, восходящее к и.-е. прототипу, использовано в балт. для противопоставления переходный глагол действия — глагол вызванного этим действием состояния: лит. kẽisti — kĩsti 'менять — меняться (о вещи)'. Некоторые древние фрагменты тождественны и по морфологии, и по

категориальной семантике основ, ср. ст.-сл., др.-рус. -грѧзнѫти неперех. и сов. вида — грѧзити перех. и несов. вида, лит. bĩrti, bỹra<*bi-n-ra неперех. и "определенный" '(начать) сыпаться' — barstýti перех. и "неопределенный" 'сыпать, усыпáть'.

Комбинация признаков переходной или непереходной диатезы, с одной стороны, с признаками "неопределенного" (не ограниченного пределом) или ограниченного (чаще всего, начинательного) вида, с другой, в литовском языке достаточно хорошо известна (см. также § 47). Соответствующие комбинации в славянском известны хуже и вообще мало привлекали к себе внимание. Поэтому имеет смысл рассмотреть в виде иллюстрации в подробностях такие "пучки" на примере одного фрагмента — глаголов с общим значением 'вязать'.

От балто-сл. корня *vinz- 'вязать, узел' было произведено несколько глаголов. 1) Первичный глагол общей, т.е. переходно-непереходной диатезы и общего, т.е. определенно-неопределенного, вида, отраженный в др.-рус. и ст.-сл. вѧзти вѧзу вѧзетъ 1. неперех. 'вязнуть', 2. перех. 'вязать, плести, вить' (аналогично рус. *сесть сяду сядет*). В ст.-сл. имеются, однако, два различных аориста: сигматический аорист, ассоциирующийся с переходной диатезой, вѧсъ '(у)вязал', и корневой е/о-аорист, ассоциирующийся с непереходной диатезой, вѧзъ '(у)вяз', которые, несомненно, отражают более раннее состояние (в др.-рус. в этом глаголе был, по-видимому, обобщен е/о-аорист: *А пожил в Новѣгороде на посаде, ...чюлки вязъ* [1595 г.] [Сл. рус. яз. 11—17 в.в., 3, 286]). Эти два аориста могут связываться как с двумя значениями одного глагола вѧзти (это, очевидно, более раннее состояние), так и с двумя раздельными глаголами: 1. ст.-сл. вѧзѫ, др.-рус. *вязу* аор. вѧсъ 'вязать', 2. ст.с-л. вѧзнѫ, др.-рус. *вязну* аор. вѧзъ 'вязнуть' [ср. Kølln 1969, 30]. Балт. соответствием является лит. výžti 'плести лапти', т.е. vyžti vyžas, без выраженного объекта; будь объект выражен, он оказался бы тавтологическим (аналитический тип переходности, § 32, ср. рус. *вязать* 'изготовлять вязаную вещь'); спрягающийся по двум типам — 1. неперех. výžti výža výžo [Būga 1959, II, 655], 2. перех. výžti výžia výžė.

2) Пара, отраженная в др.-русс. *вязити//вязѣти вяжу вязить* 'вязнуть, быть увязшим, быть связанным, находиться в плену' [Срезневский I 504] (аналогично рус. *сидеть сижу сидит*); первый — итератив-интенсив, или дуратив, на *-ити;* второй — глагол состояния с суффиксом -*ē- с презенсом на -*j- в 1 л. ед. ч. и на -*i- во 2 и 3 л. ед. ч. — комбинация, отражающая пересечение (имбрикацию, overlapping) двух парадигм. Пример: (*Он*) *вязить у Волговичь* (Ипат. л. 6074 г.) [Срезневский I, 504] 'Он сидит в плену у Волговичей'.

3) Переходный глагол "неопределенного" (не ограниченного пределом) вида, или дуратив-каузатив, отраженный в др.-рус. *вязати вяжу//вязаю вяжетъ*. Форма презенса 1 л. ед. ч. *вяжу* служит таковой в двух парадигмах: а) в глаголе состояния *вяжу вязить вязити//вязѣти* и б) в переходном глаголе действия, дуративе-каузативе *вяжу вяжетъ вязати*. Более старая форма *вязу вязетъ*, выполняет такую же двойственную функцию в более старой

парадигме с двумя значениями 1. 'вязну', 2. 'вяжу, плету', — вполне аналогично лит. инфинитиву núogti при в двух парадигмах (1. núogsta неперех.; 2. núogia перех.) (§ 2). С другой стороны, *вяжу вяжетъ* выступают как варианты рядом с *вязаю вязаѥтъ* в переходном глаголе несовершенного вида, вполне аналогично литовским смешанным переходно-непереходным парадигмам типа kala kalė//kalo kalti 'бить, ковать', mala malė//malo malti 'молоть' (претериты непереходного типа на *-о* — не литературные) [Liet. kalbos gram. 1971, III, § 319] и типа gélba//gélbia//gélbėja презенс глагола gélbėti 'спасать' — по форме глагола состояния, но по значению - переходного (первые две формы презенса — не литературные). При др.-рус. *вязати* имеется (по-видимому, более поздняя) и форма с приставкой *оу-вязати оу-вязаю оу-вязаѥтъ* 1. перех. 'опутывать', 2. неперех. 'запутываться' [Срезневский III, 1129]. Но наличие формы без приставки говорит о том, что известная закономерность, сформулированная А. Мейе (несов. в. типа ст.-сл. *оу-мирати* образуется непосредственно от сов. в. *оу-мрѣти*, глагола **мирати* не существует [Мейе 1951, § 322, с. 240]) — не абсолютна: если корень не допускает аблаута, как *вяз-*, то имеются все три глагола: *вяз-ти* (как лит. mĩrti, ст.-сл. м(ь)рѣти); *вяза-ти* (как отсутствующее сл. *mirati), *оу-вяза-ти* (как ст.-сл. оу-мирати).

При др.-рус. глаголе *увязнути* отметим безличный перфектного типа строй предложения: *Пчелами увязло ту есть* (Даниил Иг.) [Срезневский III, 1129] 'Пчелами тут (всё) заполнено, кишит'. Характерно также непереходно-активное, а иногда и безличное употребление совр. рус. *вязать*: *Незрелое яблоко вяжет; От незрелого яблока во рту вяжет; Как-то мне во рту вяжет.*

Интересную параллель составляют и.-е. глаголы того же значения, но другого корня: лит. siẽti siẽja//siẽna siẽjo 'связывать' (презенс с -n- не литературный) акт. перех. при неперех. sýti sỹja sĩjo 'связываться' (то же отношение, что в berti 'сыпать' — birti 'сыпаться'); др.-инд. sy-ati, si-nā́-ti 'то же'; хеттский глагол с двумя основами išḫ-āi-//išḫ-ija 'связывать', того же корня, что и литовский, вполне аналогично последнему и названному древнерусскому, спрягается по двум парадигмам — активной на -mi и неактивной на -ḫi [Фридрих 1952, § 191, 192]. Это обстоятельство не позволяет безоговорочно согласиться с мнением В.В. Иванова [1981, 164—166] о первоначальной принадлежности этой лексемы с корнем и.-е. *si- (или *sH$_2$-y-o-) к неактивному ряду (по его терминологии, "второй серии форм"). Напротив, представляется очень вероятным весьма древнее, если не исконное, сосуществование (чередование или имбрикация) форм активного ряда с суффиксом *-y^e//o-, дающих активные глаголы (типа лит. siẽti) и/или презенсы, с одной стороны, и форм неактивного ряда, дающих неактивные глаголы (типа лит. sýti) и/или аористы (типа др.-инд. аор. имп. 2 л. дв. ч. sitam), с другой [Stang 1943, 127]. Отмеченная В.В. Ивановым синтаксическая особенность — "в архаичных конструкциях при этих глаголах выступает не прямой объект, а указание на место (объект), служащее уточнителем действия (например, на место, к которому привязывают)" [Иванов 1981, 166] — является хорошей параллелью к приведенным выше древнерусским конструкциям.

§ 49. Из подобных наблюдений (которые ниже будут продолжены) следует, что в и.-е. языках семантические признаки переходности—непереходности (диатезы) и длительности—недлительности (виды) комбинируются в некоторые типичные "пучки". В балто-славянских языках наиболее типичны два "пучка": а) переходность+длительный вид (который может быть и ограниченным пределом), б) непереходность+недлительный вид. Каждый из "пучков" имеет столь же типичного морфологического носителя: пучок "а" связан (в первичных глагольных основах) с корнями типа *TeRT* - (где *T* — смычный, определяемый известными правилами строения и.-е. корня, а *R* — любой сонант); преимущественно это презентные корни; пучок "б" связан с корнями типа *TR̥T*- (соотносящимися по известным правилам аблаута с корнями первого типа), а также с корнями типа *TaT*-, не вступающими в аблаутные чередования; преимущественно это аористические корни. В отдельных языках каждый из наиболее древних пучков имеет собственную функционально эквивалентную, синонимическую группу основ с производной морфологической структурой: каузативные основы, дуративные и итеративные основы различного вида и т.д. Все такие изофункциональные, но разноморфологические ряды должны рассматриваться как различные "слои", или "пласты", в грамматике одного и того же языка, в общем, соответствующие намеченным выше "классам".

Отсюда также следует, что балтийские диатезы глагола (каузативная, переходная против непереходной) и славянские виды глагола (первоначально длительный против недлительного, "аористичного", далее несовершенный против совершенного) имеют единое происхождение.

Таким образом, развиваемая здесь концепция отличается от всех других теорий происхождения славянских глагольных видов (исключая концепции Х. Станга и Г. Келльна, а также В.В. Бородич, многие частные положения которых использованы в данной. Озор других концепций можно найти в [Birnbaum 1979, 174—179; Galnaitytė 1978].

Предваряя выводы из детальной реконструкции, можно сформулировать следующее положение. Оппозиция диатез, магистральная оппозиция, в общем и целом непосредственно восходит к противопоставлению двух типов протоиндоевропейского предложения — типа I (неактивного) и типа II (активного), отражая в конечном счете оппозицию их предикатов — перфекта (как диатезы) и актива (в некоторой ядерной части последних) при шарнирной роли медия. В то же время оппозиция видов является, скорее, результатом "поднятия в ранге" и грамматикализации первоначального лишь сопутствующих диатезам видовых признаков, более непосредственно связанных с противопоставлением аориста и презенса.

Таким образом, по линии реконструкции общих, категориальных отношений речь должна идти конкретно о том, каким обарзом три и.-е. категории — 1) perfecta tantum (как диатеза), 2) media tantum, 3) activa tantum — на балто-славянской почве соотнесены, прежде всего попарно, с тремя другими и.-е. категориями — 1) перфектные корни (как "время"), 2) аористные корни, 3) презентные корни.

Порядок категорий в приведенных перечнях связан с тем (случайным, но лишь отчасти, обстоятельством, см. § 1), что неактивный тип предложения (I) рассматривается в этой книге первым. Логически более естественно переписать перечень в обратном порядке, начав с действия и завершив состоянием: 1) презентные корни, 2) аористные корни, 3) перфектные корни. Такой порядок соответствует основной модели, рассматриваемой ниже.

При изучении славянских и балтийских видов целесообразно выработать некоторое стандартное представление глагольного действия, пригодное для описания любой видовой пары, а тем самым и для любого отдельного глагола в этих языках. Мы применяем в дальнейшем трехфазовое представление [Kølln 1969, 43; Степанов 1977]. Наиболее естественным образом каждое действие представляется как состоящее из трех фаз: 1-я фаза, предшествующая критической точке; процесс, стремящийся к своему пределу, 2-я фаза критической точки, наступление предела, 3-я фаза, следующая за критической точкой, процесс, ограниченный в начале, исходящий из предела и не ограниченный концом. Например: *Я уже сажусь, сажусь...* (1-я фаза). *Я сел* (2-я фаза, критическая точка). *Я сижу* (3-я фаза). Другой пример: *Я падаю, падаю...* (1-я фаза). *Я упал* (2-я фаза). *Я лежу* (3-я фаза). Назовем это соотношение основной моделью. В дальнейшем реконструкции мы попытаемся показать, как три названные фазы последовательно заполняются глагольными формами, захватывая все более обширные пласты лексики.

Более глубоким историческим прототипом трех фаз выступают три и.-е. категории. В общем и целом глаголы 2-й фазы, действия самого по себе и достижения им критической точки, в балто-сл. заполняются производными от и.-е. аористных корней, нередко с непереходным или нейтральным значением; в "модельной" группе глаголов 'сесть/сидеть, стать/стоять, лечь/лежать' этому соответствуют слав. е/о-аористы (сѣдъ, сѣдє) и корневые аористы типа ста. Действия 3-й фазы, состояния, заполняются производными от и.-е. ē-претеритов (типа гр. ἐμάνη) и производными от преобразований и.-е. перфектных корней и форм. Действия 1-й фазы, длительные, но завершающиеся пределом, поэтому также и/или переходно-каузативные действия, заполняются производными от и.-е. презентных корней с активным значением; их основное преобразование в балто-сл. идет по линии перестройки в je/o-презенсы и aje/o-презенсы; существенную роль сыграли также преобразования s-претеритов (аористов) и ā-претеритов. Таким образом, также в общем и целом развитие исходной системы связано с наличием в прото-балто-сл. нескольких типов претерита (е/о-претерита, ē-претерита, s-претерита, ā-претерита) с различным значением при одной лексической единице. Это положение является основным принципом реконструкции парадигм.

Основная модель является вместе с тем реальностью балто-сл. языков. Укажем некоторые ее реализации в материале.

Во-первых, как уже было сказано (§ 7), эта модель наиболее полно воплощена в группе глаголов, обозначающих основные позы человеческого тела — 'сесть/сидеть', 'стать/стоять', 'лечь/лежать'.

К двум унаследованным от и.-е. в этой группе глаголам 2-й фазы типа *сесть* и 3-й фазы типа *сидеть* на балто-сл. почве подстраивается третий глагол, соответствующий 1-й фазе. В слав., в соответствии с его "двоякой точкой зрения" (см. § 47), это глагол несов. вида — ст.-сл. сѣдати, ставити, -лагати, а в балт., в соответствии с его "двоякостью", глагол каузативный — лит.sodìnti, statýti, guldýti. При этом не случайным обстоятельством является то, что в такой сравнительно небольшой группе представлены все основные типы подстраиваемых глаголов: в балт., лит. типы на -yti, -dyti, -dinti; в слав., др.-рус. *сѣдати//садити-сѧ*.

Во-вторых, основная модель воплощена в таких балтийских рядах, как лит. (1) bẽrti 'сыпать' — (2) bìrti '(начать) сыпаться' — (3) byrė́ti 'сыпаться — быть в состоянии сыпания'. Этот тип соотношений воплощает более глубокий (более старый) исторический слой, поскольку в нем место 1-й фазы занимает первичный (непроизводный) глагол, в то время как в группе обозначений поз на этом месте производные глаголы — сл. на -ajǫ, лит. на -o-, -(d)yti.

В-третьих, основная модель воплощена в таких славянских рядах, как прасл. (1) *lěpiti — (2) *lьpnǫti — (3) *lьpě̀ti 'прилеплять — прилипнуть — быть прилипшим'. И здесь также глагол, занимающий место 1-й фазы, является производным итеративом-каузативом на -iti, замещающим первичный глагол.

При очень детальном обзоре могут быть указаны и другие реализации основной модели (ср. [Топоров 1961]). (Так, мы не выделяем здесь, главным образом из-за ограниченного объема книги, фрагменты и ряды с возвратными глаголами; частично они затрагиваются попутно с основными). Но сказанного достаточно для проведения основной линии реконструкции. Если "размечать" реконструкцию по глаголам 1-й фазы, то необходимо сначала рассмотреть 1) класс основ на -a, -ajǫ; затем 2) частично синхронный с ним, но в целом более старый, класс итеративов-каузативов, т.е. основ на -iti-, в котором каузативы предстают как замещения более архаичного слоя простых переходных глаголов действия типа berti; 3) класс балт. (лит.) основ на -s- типа mirksoti, mirksė́ti в соответствии со сл. -s-аористами; 4) основы на -i-, выражающие состояние, и перфектный класс, и, наконец, 5) наиболее архаичный слой с незамещенными глаголами действия типа berti. Глаголы 2-й и 3-й фаз при такой композиции будут привлекаться как оппозитивные к данным. (Разумеется, возможна и другая композиция реконструкции, — от глаголов 2-й фазы, т.е. от исходных форм аориста, и т.д.)

При принятой композиции второй руководящей линией реконструкции является та особенность балто-славянской глагольной системы, что, как уже было сказано, глаголам каждой из трех фаз соответствуют не только особые презенсы, но и особые претериты, прежде всего аористы. Отчасти разграничение претеритов по линии диатез (и видов) проходит более четко, чем разграничение презенсов (ср. на примере 'вязхать', § 48; в общем виде [Kǿlln 1969]). Этой особенности соответствует также тенденция балто-славянской системы надстраивать полную парадигму, т.е. создавать новую лексему над основой претерита-аориста. (Частично та же тенденция характерна для древнегреческого позднего периода.)

Таким образом, предвосхищая более детальную реконструкцию, можно сказать, что в общем и целом сложение балто-сл. глагольных конфигураций (парадигм и лексем), отраженное в виде их перифраз в синхронной системе, исторически заключалось в различной комбинаторике "фаз" в смысле "основной модели": 1-я+2-я, 1-я+-3-я, 2-я+3-я, и т.д. При этом доминирует общая тенденция строить новую лексему (глагол той или иной фазы) на основе формы претерита старой лексемы и действует более частная тенденция — замещать некоторые типы лексем новыми (например, в славянском, замещать глаголы 'состояние вещи' возвратными глаголами, типа 'трескаться', 'сыпаться').

Однако, констатируя устойчивость "основной модели", необходимо иметь в виду, что внутренняя структура основной оппозиции (переходной — непереходной диатезы в балтийском; несовершенного-совершенного видов в славянском) на протяжении обозреваемой истории меняется. Более того, помимо "плавных", градуальных изменений, в ней можно констатировать по крайней мере один радикальный перелом. Перелом в диатезе переходности-непереходности связан, во-первых, с различным содержанием понятия "прямой объект" и различным кругом предметов действительности, подпадающих под это понятие (§ 32, 38). Он связан, во-вторых, с переменой направления словообразовательного процесса (§ 47). Так, если в литовском вторичный глагол переходный, как и первичный, то это два совершенно разных типа переходности: ср. первичный berti žirniį 'рассыпать горох' (противопоставление глаголу состояния 'горох сыплется'), вторичный barstyti žirniais kelią 'усыпать горохом дорогу' (противопоставление: оборот с пассивным причастием 'дорога усыпана горохом'). Так же в русском первичный глагол *делать все для победы; двигатель делает 1000 оборотов в минуту* (противопоставления неотчетливы или невозможны: ср. *Двигателем делается 1000 оборотов в минуту) и вторичный *выделать* и под., *выделать кожу под сафьян* (противопоставление: оборот с пасс. прич. *кожа выделана под сафьян*). С другой стороны, в литовском первичный глагол означает состояние вещи (точнее, каузированный процесс в вещи) типа 'горох сыплется'; поэтому для передачи состояния субъекта-человека прибегают к возвратным глаголам, произведенным от активного глагола, означающего действие субъекта-человека: kelti 'поднимать, заставлять подниматься' субъект-человек — kilti 'подниматься' субъект-вещь — keltis 'подниматься' субъект-человек. Аналогичные отношения существуют в славянском, причем тип первичного глагола состояния типа лит. kilti, birti, mirkti в русском полностью замещен производным возвратным, поэтому все такие литовские глаголы переводятся на русский возвратными: *подыматься, сыпаться, размачиваться* и т.п. Остатки незамещенных глаголов имеются в ст.-сл. и др.-рус. *сѣдати* — рус. *садиться*, др.-рус. *легати, лѣгати* — рус. *ложиться* и нек. др.

Перелом в категории вида также связан, во-первых, с переменой направления словообразовательного процесса и, во-вторых, с перераспределением маркированного и немаркированного членов ви-

довых пар. "В системе видовых соотношений, — указывал В.В. Виноградов, — сталкиваются два встречных течения. Одно течение, очень сильное (т.е. продуктивное. — *Ю.С.*), направляется от совершенного вида к несовершенному (*пропитать — пропитывать; настоять — настаивать*). ...В этой сфере соотношений совершенный вид обнаруживает себя как основная, производящая грамматическая категория. ...Другое (непродуктивное. — *Ю.С.*) течение идет от несовершенного вида к совершенному. Именно здесь — в соотношении бесприставочных форм несовершенного вида с приставочными формами совершенного вида — особенно ярко обнаруживается "неквалифицированность" (немаркированность. — *Ю.С.*) категории несовершенного вида. Несовершенный вид здесь — нулевая, слабая категория (*лгать — солгать; вербовать - завербовать; совершенствовать — усовершенствовать, потеть — вспотеть* и т.д.)" [Виноградов 1972, 406].

В парах первого типа, продуктивного, глагол совершенного вида, притом, что он обладает четко выраженной видовой характеристикой, является в определенном смысле немаркированным, производный же от него глагол несовершенного вида — маркированным. Это следует понимать в том смысле, что дополнительные признаки приходятся именно на характеристику глагола несовершенного вида. Это соотношение отразилось в русской лексикографической практике. С опорой на продуктивные соотношения в системе русского глагола составлен "Русско-французский словарь" под редакцией Л.В. Щербы, в предисловии к которому указано: "Едва ли не впервые в русской лексикографии переводы глаголов даны под совершенным видом, ибо в каждой видовой паре вид несовершенный является чаще всего формой производной" [Русско-фр. сл. 1962, 9]. В парах второго, непродуктивного типа, напротив, немаркированным является глагол несовершенного вида. Соответственно этому в словарях, и даже в упомянутом словаре под редакцией Л.В. Щербы, такой глагол дается отдельной словарной статьей (например, *делать; вербовать* и т.п.).

Указанная, исторически новая, "мена маркированного члена" в видовой оппозиции не столь существенна для реконструкции, поскольку видовые характеристики в обоих типах оппозиции остаются четко и однозначно выраженными. Однако этот процесс мены является, по всей видимости, повторяющимся (рекуррентным) и имел место, вероятно, не один раз в предыстории.

Наиболее отдаленное по времени и вместе с тем наиболее радикальное "обращение" видовых оппозиций было связано с изменением позиции индоевропейского аориста и аористных (аористичных, аористических) корней в глагольной ситеме и с историческим изменением понятия "неопределенный вид". Прото-и.-е. аорист, морфологически наиболее простая ("наименее производная") форма в глагольной системе, выражал действие "нехарактеризованное", не определенное в видовом отношении, "действие само по себе". Это значение сохраняется в балто-славянских глаголах, произведенных от и.-е. аористных корней: сл. pasti '(у)пасть//падать', рус. *пасть;* ст.-сл. мрѣти (из *merti) 'умереть// умирать', рус. *мереть мрёт,* лит. mirti 'то же'; все литовские глаголы типа mirkti 'мокнуть', birti 'сыпаться', lyti

'литься', syti 'связываться' и т.п. (последние с характерной приметой — исторически нулевой или редуцированной ступенью корня). Вне позже развившейся системы оппозиций это глаголы "неопределенного вида", т.е. вида немаркированного, не ограниченного пределом, но и не длительного. (О терминах "неопределенный" — "определенный" виды в русской традиции см. [Виноградов 1972, 393—394]; этими терминами, соотв. фр. "indéterminé" — "déterminé", постоянно пользуются при реконструкции А. Мейе [Meillet 1926, I, 184] и ученые его школы. Мы следуем этой традиции.) И.-е. корень *ed 'есть', от которого в и.-е. языках имеются только презенсы, но нет ни аористов, ни перфектов, следовательно, презентный корень, отражен в рус. *есть*< *ed-ti — глаголе длительного, в современном языке несовершенного, вида. Распространение его суффиксом дуративности *-а-* приводит не к появлению глагола длительного вида, "состояния движения", как в случае pasti padati (ср. рус. *Ой, я падаю, падаю...*), а к глаголу кратного, завершающегося и снова начинающегося действия, т.е. итератива: *едать* [ср. Stang 1966, 329].

И.-е. корень *ei-//*i- 'идти', от которого в и.-е. языках имеются только презенсы, но нет ни аористов, ни перфектов, следовательно, корень презентный, отражен в лит. ẽiti 'идти, ходить', в прасл. *jьti *jьdǫ, рус. *идти*; сл. и рус. с определителем *-d-, превращающим, по А. Мейе, вид этого корня в длительный "определенный" [Ernout, Meillet 1967, 199]. Вне системы оппозиций, эти глаголы как в русском, так и в литовском языках сохраняют следы своего исконного видового значения. Поэтому рус. *идти* противопоставляется по линии длительности недлительному приставочному *про-йти, подо-йти* и т.п., а по линии определенности — неопределенному *ходить*. По этой же общей причине лит. ẽiti имеет только в сущности внеоппозитивное производное — глагол с уменьшительно-учащательным значением eidinė́ti, ejinė́ti 'ступать мелкими шажками', в то время как, например, аористный корень *brid-//*bred-, bristi 'идти бродом, брести', помимо такого же braidinéti дает еще вполне оппозитивные интенсивы-итеративы-дуративы braidýti, bráidžioti. Даже в современном русском языке такие глаголы сохраняют следы своего некогда неопределенного (т.е. аористного) вида. Так, *пасть* еще у Пушкина имеет, наряду со значением сов. в., и значение несов. в.: *Увы! на жизненных браздах / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле провиденья, / Восходят, зреют и падут; мереть* у Маяковского: *...не мрет и не в Америке.*

Прото-и.-е. презенс, будучи формой морфологически производной (с суффиксами *-y^{e}/o-, *-n-, инфиксами и т.д.), являлся поэтому маркированной формой, выражавшей "характеризованное" действие, определенное в видовом качестве по двум признакам: во-первых, как действие развертывающееся, длящееся, длительное, но, во-вторых, очень часто, как действие и ограниченное тем или иным пределом (началом, начинательностью; переходностью на объект и, следовательно, окончанием, и т.д.). Это был вид длительный, но ограниченный, "определенный". Это значение сохраняется в балто-славянских глаголах, произведенных от презентных корней, даже когда это корни морфологически нехарактеризованные.

В древнейшей балто-славянской системе глагольных пар "аористные" и "презентные" глаголы (в указанном выше смысле этих терминов), вступая в соотношение и оппозицию, т.е. образуя пары типа лит. berti 'сыпать' — birti 'сыпаться', поляризовали свои видовые признаки следующим образом: 1. "презентный глагол типа berti становился глаголом длительного, но ограниченного, вида, — определенного вида в этой системе (но несовершенного в дальнейшем, т.е. с доминацией признака "длительность"); 2. "аористный" глагол типа birti становился глаголом неопределенного вида в этой системе (но глаголом совершенного вида в дальнейшем, т.е. с доминацией признака "недлительность").

Поскольку же признаки вида выступали в сопровождении признаков диатезы (переходности — непереходности), то с самого начала были "заданы" "пучки" признаков: 1) в сфере действий, сосредоточенных в субъекте (глаголы типа birti) — "медиальная (непереходная) диатеза + неопределенный вид (в дальнейшем совершенный вид, в частности начинательный)"; 2) в сфере действий, выходящих за пределы субъекта (глаголы типа berti) — "активная (переходная) диатеза + длительный определенный вид (в дальнейшем несовершенный вид)".

Славянский глагол, развивший в ряде случаев глагольные пары на основе различных аористов, но с нейтрализацией признаков диатезы, представляет в этих случаях "чисто видовые" пары, в которых переход от архаической системы видовых противопоставлений к новой выражен очень наглядно: pasti padъ неопр. в., в дальнейшем сов. в. — padati pada опред. в., в дальнейшем несов. в., так же (u)mrěti (u)mbrě(tъ) — umirati umьra.

Поскольку эти соотношения складывались в процессе образования новых, т.е. балто-сл., парадигм, они выражались прежде всего как соотношения форм презенса и форм аориста каждой лексемы. В конечном счете, краеугольным камнем всего процесса было наличие в балто-сл. языках нескольких различных по диатезно-видовым характеристикам форм аориста-претерита.

Это обстоятельство, т.е. наличие сложной новой, по отношению к протоиндоевропейскому, системы балто-славянских парадигм, которую можно резюмировать посредством формулировки "изменение относительного положения аориста в системе", — не позволяет производить реконструкцию по прямой линии возведения лексем и их парадигм к "двум сериям и.-е. форм", соответствующим хеттским спряжениям — на *-mi и на *-ḫi, как это предложено в ряде работ В.В. Иванова [1981 и др.]).

§50. Класс основ на -(a)je/o- задан сочетанием морфем -a- и -je/o-. Согласно современным представлениям, в протобалто-славянском существовал претерит (аорист) с суффиксом *-ā, который характеризовался по линии диатезы как показатель переходности и по линии вида как показатель длительности [Stang 1966, 384; ср. Топоров 1963, 45; Kølln 1969, 40]: ср. прасл. žide-žьda- 'ждать', žene- gъna- 'гнать', лит. keřta kiřto (<*kertā] 'рубить', и т.п. Поскольку в других и.-е. языках нет прямых соответствий этому балто-сл. образованию в виде именно аористов, его следует называть, скорее, "новым аористом", или претеритом. В силу своего видового

признака длительности этот новый претерит дуративов был, в сущности, уже не аористом, а имперфектом, первым из серии вновь образовавшихся балто-сл. имперфектов. В силу же своего диатезного признака новый претерит-имперфект образовывался от тех глаголов, которые "чтобы привести к результату, требуют как раз определенной длительности" [Stang 1966, 385] (вслед за Г. Кёлльном).

В славянском к новому *ā*-претериту подстраивается новый презенс. В соответствии с его формой складываются два подтипа. Один из них, более старый, образован презенсом на je/o- без предшествующего *-a-*, это так называемые славянские дуративы (класс IIIб по Лескину — Ван-Вейку): ст.-сл. мазати, мажѫ; гасати, гашѫ; мрьцати, мрьчѫ; казати, кажѫ и т.д. Другой подтип, более новый, образован презенсом на -aje/o-, это так называемыє итеративы на -ajǫ, -ати (класс IIIа по Лескину — Ван-Вейку), встречающиеся в ст.-сл. обычно в приставочной форме: -мазати, -мазаѭ; -гасати, -гасаѭ; -мрьцати, -мрьцаѭ; -казати, -казаѭ и т.д. (Их соотношение на примере фрагмента 'вязать' см. в §48.) (Своеобразной типологической параллелью является в ведийском языке дополнительное распределение суффиксов деепричастия (абсолютива) в зависимости от того, образовано оно от простого глагольного корня или от корня с приставкой [Елизаренкова 1982, 365)].

Производные глаголы обоих типов занимают место глагола 1-й фазы, означая действие, предшествующее фазе критической точки. Базовый же глагол при обоих подтипах нередко содержит носовой инфикс, по-видимому, из презенса первоначального базового глагола (типа станѫ, стати), распространенный на всю парадигму и поляризующий ее по отношению к парадигме на -ajǫ, -ати: дыхаѭ, дыхати — дыхнѫти, тъчє, тъкати 'ткать' — тъкнѫти 'воткнуть', рус. *ткать* 'пихать' — *ткнуть* и др. Сюда же рус. *тыкать — ткнуть, вздыхать — вздохнуть, засыпáть — заснуть, погрѣбать//погребать — погрести, внимать — внять,* и позднее, вследствие утраты здесь чередований, присоединяющиеся пары без чередований: *ввергать — ввергнуть, испекать — испечь* и под.

В славянских языках производный глагол 1-й фазы в этом типе сменяется более продуктивным на *-вати* и далее на *-ывати,* ср. рус. *по-казати, по-казаетъ → по-казовати, по-казуетъ → по-казывать, по-казывает.* К базовому "новому аористу" на **ā,* т.е. к претериту-имперфекту, на его основе (а не на основе презенса) в слав. подстраивается новый имперфект на -ěaše: vesti veděaše, viděti viděaše, bьrati bьraaše. Как отмечает Е. Курилович, это соотношение сохранилось в имперфектах глаголов I и III кл. Лескина, напр.: berǫ bьrахъ bьraaše, pišǫ pьsaхъ pьsaaše. Но глаголы на -ujǫ -ovati дают колебания: kupujǫ kupovaхъ kupovaaše//kupujaaše [Kuryłowicz 1959, 3; ср. Маслов 1961]. Появление имперфекта на основе презенса — kupujaaše вместо kupovaaše — и означает становление новой лексемы типа *показовать показует* вместо старой *показати показает* и в преддверии новой *показывать показывает.*

Параллельно протекают процессы префиксации. В общем так же параллельно происходит и частичное замещение базовых глаголов

(со значением критической точки) другими типами, на *ить, -ать*. В результате в русском языке основным функциональным и морфологическим заместителем древнейшего фрагмента оказывается преобразованный указанным образом подтип *отдавать — отдать, выкрадывать — выкрасть, загнивать — загнить, вверять — вверить, выделывать — выделать, разрисовывать — разрисовать* и т.п., т.е. наиболее продуктивные модели. Детальную морфологическую классификацию продуктивного раздела мы здесь не производим (см. §32, 37, 47). Для нас важны прежде всего фрагменты, обнаруживающие параллелизм между славянской и балтийской системами.

Таким фрагментом является пересечение (имбрикация) класса дуративов, когда они выступают с префиксами и, следовательно, в значении "определенного", или сов. вида, и класса итеративов на *a-, ati*: дуративы мажѫ, мазати; гашѫ, гасати; мрьчѫ, мрьцати и т.д.; итеративы -мазаѥѫ, -мазати, -гасаѥѫ, -гасати; -мрьцаѥѫ, -мрьцати и т.д. [Ван-Вейк 1957, 348, §66]. Далее класс приставочных итеративов пересекается (образует имбрикации) с классом приставочных каузативов с "определенным" значением. "Каузативы в ст.-сл. памятниках встречаются (в аористе. — *Ю.С.*) только с приставками, с "определенным" значением, им противопоставляются имперфекты от итеративных основ с приставками. Отношения между этими формами аориста и имперфекта можно считать отношениями сов. и несов. видов" [Бородич 1952, II, 110а; 1954] ср. [Кузнецов 1961, 120], ср. о-стави, о-ставити (каузат.) — о-ставлѣашє, о-ставл-ати (итератив и дуратив). Балтийский, в общем, разводит подобные пары на две коррелятивные лексические единицы — каузатив типа klupdýti 'заставлять спотыкаться', bė̀gìnti 'заставлять бежать, цедить (молоко)' и итератив типа klupčióti 'часто спотыкаться', bė̀gióti 'бегать, сновать', выдвигая на первый план признаки диатезы и подавляя (в противоположность славянскому) признаки вида. Одним из следствий было то, что класс на *-uti* с корневым вокализмом *-o-* как класс каузативов в славянском перестал быть продуктивным и, напротив, стал очень продуктивным в балтийском.

Но основным фрагментом являются здесь, конечно, в славянском ассоциации презенсов нас -ajǫ и презенсов на -nǫ. Существует чисто видовое противопоставление между прасл. stanǫ — staṭi и stajǫ — stajati и оно моложе, чем противопоставление между stanǫ и stojǫ, глагол stajati вторично подстроен к stati. В славянском имеются -nǫ-глаголы, составляющие оппозицию не с глаголами состояния, а с глаголом несов. в., как drьznǫti — drъzati, но есть и переходные -nǫ-глаголы, составляющие пару с глаголами на -ati: dvignǫ — dvidzati. Отмечая это обстоятельство, Х. Станг еще в 1942 г. высказывал глубокую мысль: "Существует, однако, сомнение, существовали ли глаголы на -(a)jǫ и на -nǫ в их противопоставлениях изначально, и не образовался ли один или другой из них на основе уже ранее существовавшей системы видов" [Stang 1943, 18], ср. [Birnbaum 1979, 177]. В настоящее время очевидно, что дело обстояло именно так, и реконструкция обнаруживает покрытую относительно новыми противопоставлениями глаголов на -(a)jǫ — -nǫ, более старую систему видовых (и диатезных) противопоставлений. Обратимся к этой последней, или, точнее, к этим последним, поскольку они вскрываются в разных фрагментах глагольной системы, где одна и та же диатезно-видовая оппозиция воспроизводится разными морфологическими средствами.

Во-первых, наличие второго суффикса **ē* в сл. имперфектах на -ěaše заставляет непосредственно связать эти имперфекты с более старым противопоставлением балто-сл. аористов на **-ē* и аористов на **-ā*. Эту достаточно хорошо обследованную область мы здесь пропускаем См. [Топоров 1961; 1963; Vaillant 1966, III, §374; Stang 1966, 374 и сл., особ. 388; Kølln 1969, 30 и сл.].

В общем и целом, можно считать несомненным, что славянские имперфекты и соответствующим им балтийские новые претериты на **-ējo, *-ājo* надстроены над формами исторически предшествующих претеритов — аористов на **-ē, *-ā* (см. также § 52).

Во вторых, помимо упомянутой связи с аористами, слав. имперфект на -ěaše имеет второй, непосредственный, источник — имперфект (или претерит) итеративов на **-āie/o-*, который в свою очередь заместил древний и.-е. имперфект на-(e)t, тематический или атематический [Kuryłowicz 1959, 1). (Выдвигая эту гипотезу, Е. Курилович, в частности, считал, что такого же происхождения лат. импф. erat<*esāiet 'был' [отвергая обычно принимаемое erat<*esāt] и лат. презенс 1-го спряжения типа amat<*amāje/o-). Связь рассмотренного фрагмента с основами итеративов и каузативов на -iti, составляющими, в общем, более старый фрагмент, кажется нам несомненной (§51), как и связь с аблаутным и безаблаутным классом тематических основ (дальнейшее в §54). Это сцепление фрагментов образует контуры реконструируемой прото-б.-сл. парадигмы Д.*

§51. Балто-славянские глаголы с инфинитивом на -iti, -yti образуют, в общем, более старый исторический слой, считая от актуальных продуктивных. Названный таким образом классификационный признак вполне соответствует этому историческому положению — объединение здесь происходит именно по второй основе, инфинитива-аориста, в то время как презентные основы различны: в слав. это часть глаголов с презенсом на -i-, типа xvaliti xvalitъ (часть IV класса Лескина), в балт. это глаголы с презенсом на *-o*, типа лит. sakýti sãko sãkė̃ (часть класса "полутематических глаголов", глаголы с основой на -ā-, по Стангу [Stang 1966, 322 и сл.]). По семантике эти глаголы — итеративы и каузативы.

Пучок признаков "диатеза — вид" в этой группе глаголов системно задан в следующей форме: каузатив является всегда по диатезе переходным глаголом, а по виду — ограниченно длительным; итератив является по диатезе немаркированным, может быть как переходным, так и непереходным, а по виду — неограниченно длительным.

* Восстанавливаемые прото-балто-сл. парадигмы обозначаются, в соответствии с принятой композицией (§49), от более новых по времени образования к более старым — как Д, Г, В, Б, А. (О парадигме Г см. §51, и т.д.)

Из этого соотношения априори напрашивается тезис, что исторически итератив должен предшествовать каузативу. Этот тезис подтверждается типологически: во многих языках каузативы возникают на основе итеративов, что является если не универсалией, то, по крайней мере, фреквенталией [Серебренников 1974]. Этот тезис подтверждается и конкретно-исторически. В и.-е. языках каузативы как специально характеризованный морфологический разряд (речь не идет, следовательно, о другом явлении — об использовании некоторых общих форм презенса в каузативном значении) возникают именно на базе итеративов, первоначально лишь путем деривации значений. Морфологическая характеристика итеративов и каузативов, а также у значительной части деноминативов, — общая: суффикс и.-е. *-eye/o-, в балто-славянском обычно безударный, но с акутовой интонацией, в силу чего в балтийском выступает с перетянутым на себя ударением, по закону де Соссюра; корень, всюду, где это допускается его структурой, имеет вокализм *-o-* [Brugmann 1904, §697—700; Мейе 1951, §§245—250; Десницкая 1941].

Семантическое развитие выглядит следующим образом. Глаголы, оппозитивные по диатезе (тип, рассмотренный нами в §8, 9), развивают итератив, ср. др.-инд., на стадии 1:

(a) várdhati акт. 'он растит' }
(b) várdhate мед. 'он растет' } vardháyati итерат.

Итератив является таковым как к глаголу (a), так и к глаголу (b).

На стадии 2 в древнеиндийском итератив развивает каузативное значение, и, поскольку к глаголу (b) уже имеется глагол (a) со слабым каузативным значением, новый итератив-каузатив-вытесняет последний и образуется новая оппозиция: медиальный глагол (b) várdhate 'он растет' — каузат. vardháyati 'он растит'. Этим объясняется, "почему каузатив первоначально выступает только как форма презенса (поскольку он обозначал определенное действие презентной основы) и лишь постепенно к нему подстраиваются другие времена, в частности аорист с удвоением, который в свою очередь, через противопоставление простому аористу получает каузативное значение; предположенный здесь процесс мог иметь место уже в праязыке" [Delbrück 1897, II, 119] (так же [Kuryłowicz 1964, §32]).

Состояние, представленное в древнеиндийском на стадии 1, может рассматриваться как исходное, т.е. как стадия 1, также и для балто-славянского. Итератив и.-е. происхождения, форма семантически нехарактеризованная — длительного и неограниченного вида и переходно-непереходной диатезы (стадия 1) может стать в балто-сл. на стадии 2 либо *а*) формой итератива непереходной диатезы и несовершенного вида — в оппозиции к простому глаголу тех же немаркированных характеристик (рус. *бродить — брести;* лит. braidýti — bristi 'то же'), либо *б*) формой каузатива, т.е. глагола переходной диатезы и длительного, но ограниченного пределом, т.е. совершенного вида — в оппозиции к непереходному глаголу (рус. [*по*]-*ложить — лечь*). Формы типа (*а*) представлены как общие балтийским и славянским языкам, особенно в группе глаголов движения. Формы типа (*б*) представлены, но очень слабо в балтийских языках [Stang 1966, 326], и очень обильно, как на определенном этапе очень продуктивная группа, — в славянских.

Проблему в славянских языках составляют приставочные формы. Е. Курилович представлял ее упрощенно, считая, что "в сложении с превербами эти глаголы (broditi ← bresti, goniti ← gъnati, nositi ← nesti, voditi ← vesti и т.п. — *Ю.С.*) не становятся глаголами совершенного вида (поскольку, например, такая форма, как privoditъ является производной от privedetъ, а не сложением pri + voditъ)" [Kuryłowicz 1964, 86]. Упрощение заключается здесь в том, что Е. Курилович представляет процесс на основе форм презенса, т.е. по древнеиндийской модели. Между тем, как уже было подчеркнуто (§49 и здесь выше), в балто-славянской системе определяющим фактором было наличие нескольких форм аориста-претерита.

Более тонким и точным представляется уже упомянутый вывод В.В. Бородич: "Каузативы (в аористе) в старославянских памятниках встречаются только с приставками, с "определенным" значением; им противопоставляются имперфекты от итеративных основ с приставками. Отношения между этими формами аориста и имперфекта можно считать отношениями совершенного и несовершенного видов" [Бородич 1952, II, 110а, 129], т.е. приставка выступает дополнительным средством соединения форм в одну видовую пару. Эти отношения особенно отчетливы в таких основах, как: *оставити : оставлѣаше; -ложити : -лагати;* и др.

Как и в древнеиндийском, в балто-славянских языках преобладающей оппозицией стало противопоставление каузатива глаголу состояния [Kuryłowicz 1969, 88] и переходу в состояние. На этой основе возникают некоторые типичные комбинации и оппозиции.

I. Слав. (1) *lěpiti (<*loipiti) — (2) *lьpnǫti — (3) *lьpěti 'прилеплять — прилипнуть — быть прилипшим'. Эти отношения почти идеально точно соответствуют модельному представлению трех фаз действия (§49). Частично они повторяют греческий тип (§8) и древнеиндийский тип (здесь, выше) с той лишь разницей, что активный переходный глагол (1) здесь представлен уже отдельной лексемой с полной парадигмой, в то время как в др.-инд. он еще является вариантом к активному презенсу, а в гр. присутствует только этот презенс (πήγνυμι '(я) втыкаю' — ἐπάγη '(оно) воткнулось, торчит' (§8). В литовском, как и в др.-инд., еще полностью сохраняется старый активный глагол (2), превратившийся, однако, в самостоятельную лексему: (1) lankýti — (2) leñkti — (3) liñkti 'гнуть (кауз.-интенсив) — гнуть (простой акт. перех.) — гнуться'. Характерной чертой литовского является различие субъектов — 'человек' в (1) и (2), 'вещь' в (3), на основании чего и разводятся лексемы, при сохранении их связи и оппозиции (ср. [Jakuliene 1975]). В славянском такое противопоставление субъектов нетипично; вероятно, поэтому *lьpnǫti, относящееся равно и к человеку и к вещи, полностью отрывается от фрагмента, ср. рус. *льнуть*, только о человеке, против *липнуть* о вещи, причем даже последний слабо связан с *лепить*.

II. Слав. (1) *pri-lěpiti — [2] *pri-lьpnǫti — (3) *pri-lьpati//pri-lipati

'прилеплять — прилипнуть — прилипать'. Каузатив на -iti здесь вступает в оппозицию с глаголом действия на -ati. Поскольку каузатив все еще ощущается как итератив, то в глаголах на -iti//ati возможна нейтрализация значений (ср. §48 'вязать' и ниже, §52). Эта нейтрализация поддерживается тем, что деноминативы возможны в обеих формах: (о)правьдити//(о)правьдати. Для балтийского эти комбинации нетипичны.

III. Напротив, в силу ассоциации с глаголами состояния как противопоставленным членом, в балтийском возникают гибридные по происхождению парадигмы. Их древнейшим прототипом, сохранившимся в виде слабо связанного фрагмента, является лит.: (1) klausýti — kláusti (-ia -ė) — klùsti (-a -o) // pa-klùsti (-a -o) 'слушать — спрашивать — (начать) слушать, (по)слушаться'. Элемент -ā в презенсе глаголов типа (1) — klausýti klaũso klaũsė является у итеративных глаголов раньше, чем у каузативных и, вероятно, перенесен в их спряжение от глаголов состояния [Stang 1966, 329]. Иными словами, -ā в klaũso, sãko, braĩdo и т.п. — тот же самый, что в kýbo, klū́po, lìndo и т.п. перфектах (§2 и 53) и что в глаголах типа klùsti klū̃sta '(по)слушаться'. Последнее подтверждается также тем, что и суффикс -st- из stā-глаголов перенесен, вероятно, в некоторые каузативы-итеративы: lankstýti 'гнуть', júostyti 'опоясывать' и т.п. [Stang 1966, 327].

Ассоциации каузативов с глаголами состояния имеются также для славянского, поскольку те и другие имеют презенс на -i: прасл. *lьpěti *lьpitъ '(он) прилип' при *lěpiti *lěpitъ '(он) лепит' [Мейе 1951, §240].

Наиболее существенные для системы ассоциации и имбрикации каузативов с глаголами состояния осуществлялись в аористах-претеритах. Претерит на -ėjo в глаголах типа tekti -a -ėjo 'течь' является, по-видимому, имперфектом, надстроенным над исходным аористом (т.е. -ė+-jo-), в то время как презенс на -a здесь является презенсом глаголов состояния (ср. [Kuryłowicz 1964, 87]). Балтийский претерит на -ē в каузативах-итеративах типа sakýti sãko sākė — тот же самый, что в глаголах активно-переходных типа beĩti -ia -ė, и, по-видимому, является замещением прото-балто-сл. претерита-имперфекта на *-ī̆, поскольку имеется соответствие: лит. ganýti gãno gānė — ст.-сл. goniti gonitъ goni (аор.) [Stang 1966, 325]. Рассмотренные сцепления форм образуют контуры реконструируемой прото-балто-сл. парадигмы Г.

§52. Балто-славянские основы на *-s- традиционно составляли особую проблему. В настоящее время можно считать прочно установленным, что и.-е. формант *-s первоначально был не суффиксом, а распространителем корня. Эта идея, первоначально высказанная А. Мейе [Meillet 1908], послужила исходной точкой для полной реконструкции К. Уоткинса [Watkins 1962, особ. §4 и §8]. Согласно К. Уоткинсу, этот формант, по крайней мере на определенном этапе, присоединялся к "трехбуквенным" корням в их виде "основы II" (в смысле Э. Бенвениста), TeR-T- осн. I // TR-eT-T- осн. II:

*per-k-//*pr-ek-s- (тох. preksa 'просил'), *Hel-k-//*Hl-ek-s- (соотв. гр. ἄλκι гомер. Д. п. к. *ἄλξ 'мужество' — ἀλέξω 'отгонять, оборонять') и др. [Watkins 1962, 99], ср. [Бенвенист 1955, 162, 181].

В рамках прото-и.-е. глагольной системы образование с *-s- соответствовало предикату 3 л. ед. ч. претерита, но *-s- при этом не был глагольной флексией; всё образование занимало изолированное положение и воспринималось как форма с нулевым показателем. Это состояние довольно точно отражено хеттским языком, где элемент *-s- проведен сквозь некоторые парадигмы, например au(š)- 'видеть', глагол ḫi-спряжения [Watkins 1962, 79]:

Презенс ед. ч.	1. u-ḫḫi	мн. ч. 1. au-meni
	2. au-ti	2. au-š-teni (uš-teni, au-teni)
	3. au-š-zi	3. u-anzi
Претерит ед. ч.	1. u-ḫḫun	мн. ч. 1. au-men
	2. au-š-t	2. (au-š-ten импр.)
	3. au-š-t	3. au-er

Затем формант *-s- становится дополнительным показателем аористного значения, первоначально в корнях со структурой TR-eT-, т.е. с нулевым вокализмом корня, которые сами по себе, без дополнительного показателя имели аористное значение. В греческом структуры аор. мед. с *-s- и без *-s- выступают как грамматически синонимичные: ἔτλη, ἔβλη, но ἔπαλτο, πάλτο<*πάλ-σ-το. С самого начала формант *-s- ассоциируется со средним залогом и непереходным значением глагола. В пользу этой реконструкции К. Уоткинса можно привести аргументы общей дистрибуции: в греческом s-аористы являются сплошь активными и переходными, между тем как медиальные s-аористы лишь восстанавливаются реконструкцией в небольшом количестве; формы будущего на -s-, напротив, очень часто выступают с медиальными окончаниями и, почти как правило, сопровождают сильный аорист, т.е. форму непереходного или неэффективно переходного, неактивного, значения. Здесь налицо своеобразная дополнительная дистрибуция: основы на -s- принадлежат активу в аористе и медию в будущем. Кроме того, сигматические формы аориста в языке Гомера довольно часто ассоциируются в одной парадигме с формами перфекта, как активного, так и, еще чаще, медиального, типа ὠδύσαο (Од. 1, 62) 'ты рассердился', ὀδώδυσται (Од. 5, 423) 'разгневан' и т.п. [Ходорковская 1983, 25; 1986, 12]. В италийских языках налицо еще более отчетливая дополнительная дистрибуция: в латинском имеется только перфект на -s-, в оско-умбрском только будущее на -s. Как показала Б.Б. Ходорковская, обе эти категории могут быть возведены к общеиталийским формам на -s-, имевшим "значение предшествования без соотнесенности с каким-либо временным планом" [Ходорковская 1983, 27]. Ранее аналогичное соотношение было показано для балто-славянского [Откупщиков 1967, 53; Степанов 1981]. Исходная реконструкция К. Уоткинса развита Ф. Бадер в деталях образования флексий [Bader 1978]. В целом, реконструкция Уоткинса—Бадер может быть принята как фаза, предшествующая балто-славянскому состоянию.

В балто-славянском ареале формант *-s- выступает также в ярком дополнительном распределении: в исторических балтийских языках имеется только будущее на -s-, в исторических славянских — только аористы на -s-(о единичной сл. форме причастия на -s-byšęstěje см ниже). То, что формант -s- один и тот же в обеих этих категориях, признавали почти все исследователи (К. Бругманн, Г.К. Ульянов, Х. Педерсен, Я. Отрембский, Т. Барроу, К. Уоткинс и др.). Последовательным противником этой точки зрения выступил, пожалуй, один А. Мейе [Meillet 1908], но в настоящее время его мнение может считаться опровергнутым (см. подробно [Откупщиков 1967, гл. 3]).

Сама дополнительная дистрибуция форманта *-s- является доказательством его единого происхождения и проливает свет на его первоначальное значение в балто-славянском ареале: значение действия "аористного" вида (т.е. вида "неопределенного") и нехарактеризованной (т.е. переходно-непереходной) диатезы. Это значение полностью соответствует указанной выше реконструкции К. Уоткинса. Более того, по нашему мнению, в балтийском сохранены особые образования, столь же точно соответствующие предположенному К. Уоткинсом исходному прото-и.-е. предикативу типа *preks — литовские "частицы" типа kils 'раз вверх', kals 'бац, бух, бряк' и т.п. Последние, с другой стороны, отвечают рус.: *прыг, порх, толк, стук* и т.п. Эти литовские и русские слова мы, несколько условно, назовем "формами балто-сл. инъюнктива" [Степанов 1981].

В современном русском языке с содержательной стороны они выполняют функции предикатного слова (в особых синтаксических условиях, о которых будет сказано ниже); с формальной стороны они имеют вид глагольных корней или, иногда, глагольных основ, в обоих случаях совпадающих с 3 л. ед. ч. исчезнувшего аориста. В соответствии с указанным различием — корень или основа — эти слова могут быть разделены на два класса, причем к основному различию присоединяются и другие. К одному классу следует отнести формы типа *двиг, прыг, толк, стук, порх, трах, лоп, шмыг, бух, шлёп, скок, бац, бряк* и т.п. Все они соответствуют глаголам, обозначающим шум, звучание или резкие механические движения. Они употребляются на месте предикатных слов простого предложения в значении однократно-мгновенного действия, следовательно, совершенного вида, но никогда не складываются с приставками. Они стоят вне категории времени (их отношение ко времени разъясняется контекстом — обычно наличием второго, полностью спрягаемого глагола) и могут называть действие, совершенное в настоящем, прошедшем и будущем. Примеры: *Он подходит к собаке и трах ее палкой* (наст.); *Он бывало подойдет к собаке и трах ее палкой,* или *Он бывало трах собаку палкой* (прош.); *Он подойдет к собаке, да и трах ее* (буд.). Эти предикаты не могут употребляться в условных предложениях в отличие от слов второго класса, т.е. вместо *Ударь он собаку, она бы его не укусила,* невозможно сказать **Трах он собаку, она бы его не укусила.* К другому классу следует отнести формы, морфологически тождественные

(в современном языке) формам повелительного наклонения. Они образуются, по-видимому, как от бесприставочных глаголов, так и от приставочных, употребляются в простом предложении (только образованные от глаголов совершенного вида) и в придаточном условном (главным образом, в значении совершенного вида). В условном предложении возможно употребление и форм, образованных от глаголов несовершенного вида, но, по-видимому, всегда с тем или иным оттенком завершенности, начинательности и т.п. Например: *Учись он музыке, был бы музыкантом; Тут он и скажи.* Возможно употребление их и в соответствии с безличными глаголами — *Тут и случись беде; Тут и приди ему в голову.*

Все такие предикативы, как одного, так и другого классов, стоят в явной связи с исчезнувшими аористами. Употребление форм, совпадающих с повелительным наклонением, в придаточных условных стоит, возможно, кроме того, в связи с происхождением славянского повелительного от основ оптатива [Шахматов 1941, 178, 200, 206, 472; Стендер-Петерсен 1930; Виноградов 1972, §50; Шмелев 1960]. Особую роль в переходе от значения аориста к условному сыграла, как полагают, лексема *случиться*, у которой лексическое значение уподобляется грамматическому значению и аориста и побудительного императива. В старорусских текстах форма *случись* играет как бы роль вводного слова, повествовательной формулы [Стендер-Петерсен 1930, 27], а в древнерусской письменности употребление этой формы опирается на закономерные аористные образования, например: Того же лѣта случися пріити от Святослава дань емлюща Яну (Ник. лет.), в таких же контекстах употребляются формы *лучися, прилучися, приключися, ключися* [Шмелев 1960, 289], т.е., что важно подчеркнуть, — и бесприставочные.

В современном литовском языке имеется параллельный русскому класс слов, который мы также определим как "формы литовского инъюнктива". В литовских грамматиках они называются "istiktùkai", и отношение к ним соответствующих глаголов определяется следующим образом: "Большинство глаголов этого подраздела произведено от istiktukai "частиц" отбрасыванием форманта -t и присоединением окончаний или суффикса, перед которыми вставляется согласный -s-. Например,brákš-t: brakš-s-ėti>brakšėti; strikt: strik-s-eti; pókš-t: pokš-s-ėti>pokšėti; lìnk-t (:lenkti): link-s-ėti; žvìlg-t (:žvelgti): žvilg-s-ėti" [Liet. kalb. gram. 1971, II, 242].

С интересующей нас точки зрения, литовские частицы делятся на два класса. *К одному классу отнесем частицы, не связанные* непосредственно с глаголом, т.е. либо чисто звукоподражательные (bám, diñ, ciliñ и т.п.), либо связанные с глаголом очень опосредованно, только по составу корня (matarái при matarúoti 'махать'). К другому классу отнесем частицы, форма и значение которых непосредственно соответствуют глагольному корню или основе: lùp, bràkšt, trùkt и т.п. В последнем классе обнаруживаются характерные образования, морфологически тождественные форме 3 л. ед. ч. либо будущего времени в современном литовском языке — káls при kálti 'ковать' (об отличии от интонации буд. kaĩs см. ниже),

kìls или kìlti 'подниматься' и др., либо архаической разновидности славянского аориста mìrkt (при mérkti, mirkčioti 'мигать, моргать'); ср. слав. аористы dastъ 'дал', pitъ 'выпил', jętъ 'взял'. Среди этого класса литовских частиц содержатся, как можно предположить, некоторые древние, но новые по отношению к индоевропейским, формы балто-сл. инъюнктива.

Прежде всего необходимо в разнообразии приведенных корней установить первичную форму. Представляется возможным снять два новых пласта.

Во-первых, в корнях с вариантами краткий/долгий гласный типа tept/tėpt, gribš/grybš, žibt/žybt следует удалить корни с продленным гласным, так как они представляют исторически новое продление, означающее более интенсивное действие. Интонация частицы káls, в отличие от 3 л. буд. kãls, функционально соответствует, по-видимому, такому продлению. Типологически это продление отвечает продлению в славянских корнях глаголов нового несовершенного вида: оумрѣти//оумирати, погре(б)ти//погрѣбати, родити//раждати, и т.п.

Во-вторых, в оставшейся группе корней следует удалить корни с исторически полной аблаутной ступенью типа žergt, оставив корни с исторически редуцированной ступенью типа žirgt. Основанием для этого удаления служит то, что корни полной ступени встречаются только в тех случаях, где вместо пары глаголов типа kilti/kelti имеется только один глагол типа žergti, совмещающий значения пары. В этих случаях полная аблаутная ступень является принудительно обобщенным видом корня, обобщенным на лексических основаниях и не показательным для грамматики.

Остаются корни типа žirg-, kil-, представляющие исторически редуцированные аблаутные ступени, с сонантом, корни типа grib-, spud-, отвечающие др.-инд. классу tudáti, и некоторое количество корней с другими гласными перед смычным, типа tep-, lap-, kap-, tvok-.

Таким образом, можно считать установленным, что класс литовских частиц глагольного типа основан на корнях редуцированной аблаутной ступени, соответствующих и.-е. корням "нехарактеризованного" аориста. (Корни типа tvok- при глаголе tvóti tvója tvójo 'ударить, хлестнуть' составляют некоторую проблему; возможно они восходят к и.-е. перфектам). Это корни немаркированной семантики, в позднейшем развитии входящие, в большинстве случаев, в систему медиального залога. Это значение сохраняется. Так, kils(t) означает действие в соответствии как с непереходным глаголом kilti 'подниматься', так и с переходным kelti 'поднимать': Tik kilst ir nukėlė vaiką nuo suolo 'Прямо раз — и приподнял ребенка со скамьи'; Aitvaras tik kilst ir pakilo 'Змей раз — и взлетел'.

В литовском эти корни в данной предикативной функции, т.е. как предикатные слова, допускают расширения трех видов — -s после любого предшествующего звука, -t после смычного, -st как дальнейшее расширение; кроме того, корни могут употребляться и

без всякого расширения сверх уже содержащегося в глагольной основе, например, judi/judy, bir-, jub-, smig- и др. При каждом из этих видов слов имеются соответствующие глаголы, т.е. все эти слова выступают одновременно как основы глаголов.

Приведем примеры производных глаголов, соответствующих каждому из типов предикатных частиц: kil- kylėti 'подниматься потихоньку' (состояние), kils- kilsnoti 'поднимать', kils- kilsuoti 'подниматься и опускаться', kilst- kilsčioti 'поднимать', kilst- kilstelėti 'приподнять', tįs- tįsėti 'тянуться (неперех. состояние), tys- tysėti 'иметь что-л. притянутым' (перех. состояние), tys- tysoti 'лежать вытянувшись' (интенсив состояния), link- linkti 'гнуться', links- linksėti 'сгибаться и разгибаться', links- linksoti 'быть согнутым, согнувшись', linktlinkčioti 'сгибаться и разгибаться', žiops- žiopseti 'раскрывать и закрывать рот' (итератив), žiops- žiopsoti 'стоять разинув рот' (интенсив состояния), и т.д.

Изредка одна и та же частица может соответствовать двум разным по аблаутной форме корня, по диатезе и Aktionsart глаголам: kils при kilti 'подниматься (о вещи)' и kelti 'поднимать', kilsuoti и kilstelėti. С другой стороны, один и тот же глагол может иметь при себе две различных частицы: žergti — zergt и žirgt. Наконец, аблаутные ступени корня в глаголе и в частице могут различаться: spausti — spust, traukti — trukt, žvelgti — žvilgt. Очевидно, что такие частицы не могут быть извлечены говорящими из основ соответствующих глаголов на базе существующих в настоящее время живых фонетических соотношений глагольного словопроизводства. Они свидетельствуют именно о том, что основы глаголов надстроены над соответствующими основами предикатных слов — частиц, выполняющих в предложении функции "нехарактеризованного" аориста или, что то же самое, инъюнктива. (Об этом же свидетельствуют акцентные данные, которые будут рассмотрены ниже в связи с синтаксической позицией.)

Наиболее явно такое отношение в основах на -s. Основанные на них претериты имеют два типа — тип на -ē и тип на -o.

(1) Тип на -ē: *dilgsē, *linksē-, *striksē, *trinksē-, *žliugsē, *zvilgsē и др. Основы этого типа состоят из корней i-, u-ступени и суффикса второго претерита -ē, тождественного таковому в vedė, kėlė. Над этими основами далее были надстроены новые претериты — "имперфекты", существующие в настоящее время: dilgsė-jo, linksė-jo и т.д. С другой стороны, были подстроены презенсы на -i по исконному типу mini minė-jo minėti, слав. mьni mьněti.

В этом классе можно предположить и другое развитие: первоначальными могли быть формы на -si типа linksi, dilgsi, являвшиеся не формами презенса, как в современном языке, а формами будущего. В таком случае с созданием претеритов, как сказано выше, эти формы могли быть переосмыслены как формы настоящего, "сдвинуты" в сферу настоящего. Подобное передвижение готовых форм из одной временно́й сферы в другую в связи со сложением парадигм — явление типичное для литовского языка: ср. ниже о формах типа lindo.

(2) Тип на -o: drybso, riogso, spokso, šypso, vepso, žiopso и др. Основы этого типа представляют новые, балтийские, "перфекты" с корнями *o*-ступени, *i, u*-ступени (часто в продлении *y, ū*), и они были, в соответствии с общим правилом, осознаны как презенсы, каковыми и являются в настоящее время. К ним были подстроены новые претериты — "имперфекты" drybsó-jo, riogs-ójo и др., далее вся парадигма. (Перечень глаголов и их значения см. [Liet. kalb. gram. 1971, II, 242—243].)

Таким образом, в общем, если не во всех деталях, можно считать установленным, что в балтийском, полностью аналогично славянскому, существовали как тематические претериты, т.е. аористы на -e/o, так и сигматические аористы. В определенный период первые были вытеснены претеритами на *-o*, распространявшимися из первоначально ограниченной группы глаголов (ср. лит. suka suko рядом со слав. sъnetъ -sъpe, где слав. хранит более старый *-e/o*-претерит). Вторые, сигматические претериты, были вытеснены аористами на -ē, также распространявшимися из первоначально ограниченного круга основ: *vē(d)s- → *vedē > vēdė; *kēls- → *kēlē, kėlė. Это положение было сформулировано Х. Стангом [Stang 1966, 383, 388, 395] и подкреплено греческими параллелями [Степанов 1978, 354]. Оно было подвергнуто сомнению В.В. Ивановым на том основании, что в балтийском "никаких явных следов употребления -s- в этой функции не обнаруживается" [Иванов 1981, 67]. Приводимый здесь материал является этими явными следами. Таким образом реконструируются контуры прото-балто-сл. парадигмы В.

Позднее над простым претеритом на -ē, который распространился в глаголах как переходных, типа kelti, так и непереходных, типа gulti, был надстроен новый претерит — "имперфект", но, по-видимому, только для непереходных и неактивно переходных глаголов: так образовались новые претериты, а еще позднее полные парадигмы, построенные по претеритам, у глаголов типа vesti, gulti: vedė (аорист) → vedė́-jo ("имперфект") → vedė́-ti новый глагол состояния 'водить туда и сюда'; gulė (аорист) → gulė́-jo ("имперфект) → gulė́-ti новый глагол состояния 'лежать'.

В славянских имперфектах типа vedě-ахъ при глаголах типа vesti 'водил, вел' балтийские соответствия представлены как бы дважды: старый претерит vedė (в настоящее время претерит глагола vesti) соответствует первой основе vedě-, а новый претерит (в настоящее время претерит глагола vedė́ti) соответствует второй, продленной основе vedě-a-.

Вполне аналогично и параллельно старые перфекты с исчезновением флективного перфекта как категории были осознаны как презенсы: bijo 'боится', žino 'знает' (корневой аорист, морфологически совпавший с перфектом), и к ним были подстроены новые претериты — "имперфекты", а позднее вся парадигма: bijó-jo bijóti, žinó-jo zinóti (см. § 54).

Более сложные, но такие же по типу отношения существуют в межпарадигматических (с современной точки зрения) связях глаголов, когда морфологически одна и та же форма на *-o* присутствует

как форма презенса в одной парадигме и как форма претерита в другой парадигме: leñda liñdo (претерит) lį̃sti 'лезть'; lìndo (презенс) lìndo-jo (новый претерит — "имперфект") lìndoti 'сидеть залезши'. Можно было бы указать и ряд других соответствий такого же типа. И наконец, таким же образом были надстроены рассмотренные выше формы нового претерита над основами нехарактеризованного аориста-инъюнктива на -s-.

Конечно, в обоих классах (1) и (2) имеются отклоняющиеся от общего правила единицы: так, žirgso žirgsojo žirgsoti 'стоять раскорячившись' относится вопреки форме корня к классу на *-o*. Но такие единицы не меняют общей характеристики класса, они требуют лишь дополнительного объяснения в связи с их индивидуальной семантикой.

В обоих классах корень имеет интонацию краткостную (обычно в классе 1) или циркумфлексную (обычно в классе 2), в отличие от сходного класса без форманта -s, где интонация корня в большинстве случаев акутовая: sáugo sáugojo sáugoti, týko týkojo týkoti и др. Проблемы интонации будут здесь затронуты лишь частично в связи с употреблением.

Употребление реконструируемых форм аориста-инъюнктива не отличалось, по-видимому, от современного. Все они употреблялись в виде предикатных слов — предикативов — либо сами по себе, либо в соседстве с полнозначным глаголом: Mamaitė verks verks, ir mes išalkę verkiame — nuo tėtulio kaip nėra, taip nėra laiško (Žemaitė); Būdavo dirbs dirbs ir niekas neišeina; Būdavo bris bris per purvą; Šauks šauks ir niekas neatsiliepia. После этих форм чаще всего идет союз ir и, как и в соответствующих русских предложениях (см. выше). В силу такого положения они означают просто действие само по себе, без отношения ко времени и виду. Время устанавливается контекстом или соседним глаголом. Чаще всего это прошедшее краткое, мгновенное, которое, впрочем, может повторяться несколько раз — быть итеративным; иногда будущее.

Следовательно, типологически такое употребление соответствует употреблению славянских форм настоящего в следующих двух типах. Во-первых, в типе рус. *Тянет-потянет, вытянуть не может,* где глагол, по крайней мере, в первой из форм не обязательно является глаголом совершенного вида. Во-вторых, в типе рус. и ст.-сл. употребления настоящего от "определенных, совершенных" глаголов в значении будущего, — факт общеизвестный, и, по-видимому, — на что не обращалось внимания, — первоначально главным образом в сфере 3 л. (список примеров [Достал 1962, 116]). Поэтому вполне понятно, что такие формы на -s, особенно в связи с параллельно протекающим процессом утраты аористов на -s, в балтийском оказались включенными в систему форм будущего времени на правах одного ее члена — 3 л. (Полные парадигмы будущего без тематического гласного типа жемайтского verksme, verkste, скорее всего, вслед за Х. Стангом, следует считать позднейшими и аналогическими.)

Аномалии долготы и ударения в формах глагола 3 л. будущего

времени следует поэтому объяснять в связи с позицией данных форм в предложении — как форм всегда без "окончания" и в большинстве случаев в конце фразы — перед союзом ir и т.п. Сходным образом объяснял аномалии долготы в литовском литературном языке (соответственно западноаукштайтских диалектах) А. Мейе, указывая, что соответствующий аномальный слог всегда был конечным или независимым ударным [Meillet 1903]. Примеры: (1) geràsis < geràs-is 'хороший', членная форма прилагательного; (2) prà-neša 'сообщает', приставочная форма глагола, против prã-našas 'пророк'; (3) императивы nèšk(i) 'неси' < *nes + k^{w}e + i, где *k^{w}e или *ke энклитика; (4) местоимения в род. п. màno 'мой' и др.; (5) 3 л. буд. nèš 'понесет, -ут'; (6) 1 и 2 л. ед.ч. буд.вр. nèšiu, nèši. (Ср. иначе [Степанов 1972].)

Наличие типов (4) и (6), где аномальный слог никогда не был конечным, заставляет уточнить формулировку А. Мейе и полагать, вслед за Й. Казлаускасом [Kazlauskas 1968, 16 и др.], что в литовском языке большую роль играет категория "субморфа" — такого варианта морфемы, из которого особенности слоговой интонации, обусловленные позицией, обобщаются на необусловленные позиции в других формах парадигмы (детальное обследование этого положения на материале одного из диалектов см. [Гаршва 1977]).

Вернемся к значению форманта -s-. Можно считать установленным, что он имел значение не только будущего, но и аориста в балтийских языках. Но было ли у него, наряду со значением аориста, и значение будущего в славянских языках? Как известно, форма причастия (ст.-сл.) byšęšteje, букв. 'долженствующее быть, будущее' признавалась единственным реликтом этой категории в славянском, параллельной лит. bū́siant-, т.е. будущего на *-si [Мейе 1951, §251; Stang 1943, 203; Watkins 1969, 216].

Однако О. Семереньи обоснованно замечает, что это причастие "должно быть окончательно исключено из рассмотрения, так как оно является довольно поздней инновацией, которая образовалась на основе аористной формы byšę и которая означает не только 'будущее', но, соответственно своему происхождению, также и 'ставшее' [Семереньи 1980, 304]. Отмеченное ст.-сл. причастие засвидетельствовано в текстах русской редакции. Соответствующие др.-рус. формы в некоторых случаях встречаются с приставкой (съ-): *сѣбышючааса* В. п. мн. ч. ср. р., и др. И хотя исследователи говорят, что "значение будущего времени почти во всех случаях в Толковых пророках несомненно" [Борковский, Кузнецов 1965, 278], это значение может быть всего лишь идиоматичным значением только данной лексемы, а не значением формы причастия, которому противоречит и употребление приставки, так как формы действительных причастий от глаголов совершенного вида со значением будущего для русского языка абсолютно не типичны: нет *приедет — *приедущий, съест — *съедящий, выбежит — *выбегущий* и т.п. Приставочная форма причастия аориста вполне могла сохраниться в качестве идиома с особым значением (будущего) аналогично форме аориста в лексеме *случиться* (см. выше). (О связи сигматических форм с аблаутным классом см. §54.)

§53. "Малые парадигмы" — аналоги перфекта и perfecta tantum в балтийских языках представлены несколькими типами. А. Вайан [Vaillant 1966, III, 75 и сл.], исходя из того положения, что и.-е. перфект, как класс глаголов со своей парадигмой, сначала приобрел значение претерито-презенса, а уже после этого стал перестраиваться в новые парадигмы, сразу постулировал две крупные разновидности перфекта в балто-сл. 1) перфект, вытесненный в сферу презенса, — это и.-е. перфект с вокализмом корня *-o-* и без удвоения (тип сл. xotěti, gorěti), 2) перфект, вытесненный в сферу претерита, где он начал сливаться с аористами, — это и.-е. перфект с удвоением и с редуцированной ступенью вокализма корня; потеряв удвоение он, по Вайану, компенсировал его удлинением гласного (балто-сл. основа bēg- 'бежать, бегать', лит. kū́pėti kū́pa 'кипеть' при kvepti kvepia 'пахнуть', сл. kypěti kypi 'кипеть' и др.). В целом, эти линии реконструкции представляются правильными, но слишком суммарными (ср. также [Kuryłowicz 1964, §§26—28; Bader 1968]).

Ряд пунктов остается спорным; так по поводу балто-сл. типа с удлинением гласного лит. bė́gti, ė́sti, sė́sti, ú̃osti 'чуять, обонять', др.-рус. *бѣчь, ѣсти, сѣсти, лѣчи* и др. высказано не менее четырех иных точек зрения. Ниже мы представим материал в иной классификационной системе.

Один тип, назовем его первым, опознается — прежде всего как претерито-презенс — по следующей черте: одна и та же форма 3 л. ед. ч. в двух фонетических (аблаутных) вариантах входит в значении презенса в одну парадигму и в значении претерита в другую. Типичным примером может служить лит. klùpo с кратким -ù- 'споткнулся, упал на колени' и klū́po с долгим -ū- 'стоит на коленях'. В значении претерита эта форма входит в парадигму klùpti klumpa klùpo 'споткнуться, (у)пасть на колени'; в значении презенса — в парадигму klū́poti klū́po klū́pojo 'стоять на коленях'. Обозначим его как тип klùpo//klū́po. Этот тип довольно широко представлен в лит.: kìbti kimba kìbo 'повиснуть' — kýboti kybo kýbojo 'висеть'; rimsta rìmo 'успокоиться, остаться на месте' — rýmoti rýmo rýmojo 'спокойно сидеть или стоять на одном месте'; kìšti kiša kìšo 'совать' — kýšoti kýšo kýšojo 'торчать' и т.п. Список можно пополнить некоторыми глаголами из академической "Грамматики" [Liet. kalb. gram. 1971, II, §13]. В современном литовском имеется тенденция заменять в этом типе исконные претерито-презенсы новыми, подстроенными по образцу претерита, например, klū́poja вм. klū́po. В латышском эта тенденция полностью восторжествовала: ср. лтш. gubt 'съежиться' — gūbāties през. gūbājas 'сидеть съежившись' и т.п. В латышском производные "удлиненные" формы часто становятся итеративными глаголами, как и соответствующие славянские: ср. лтш. mest meta meta бросить — mētāt mētāja mētāja 'бросать', др.-рус. *мести мететь — метати мещеть//метаеть*, без удлинения гласного, ср. однако более закономерное лит. mesti — mėtyti 'бросать' с удлинением; отсутствие удлинения в этом славянском глаголе, возможно, было связано с тем, что он и в исходной форме служил глаголом "неопределенного, неограниченного" вида рядом к "определенному":

ст.-сл. връгѫ врѣщи 'бросить' при метѫ метати 'бросать' [Мейе 1951, §320].

Такое чередование долгого и краткого корневого гласного в корнях типа *TaT-*, как в типе klupti — klūpoti — типичное балто-сл. явление, которое лежит в основе морфонологического механизма противопоставления балт. диатез (активной против медиальной) и слав. глагольных видов (например ст.-сл. *родити* с кратким **-o-* '(по)родить', против *раждати* с долгим **-ō-* 'рождать'). Отмеченное явление, несомненно, функционально тождественно аблаутному чередованию в корнях типа *TR̥T-//TeRT-* (где *R* — любой сонант), и поэтому может, в конечном счете, восходить к более раннему образцу — к чередованию ступеней корня между ед. ч. (с полной ступенью) и мн. ч. (с редуцированной ступенью), типа лит. berti сыпать (актив) — birti сыпаться (медий). Возможно, к этому же прототипу восходят до сих пор не объясненные балто-сл. продления гласного в корнях лит. bė̃gti, ė̃sti, др.-рус. *бѣжать, ѣсть* и некот. др. [Stang 1966, 354—356; Watkins 1969, §8]. С другой стороны, это явление тождественно некоторым соотношениям др.-гр. форм, связанных с перфектом (см. §2, 8). В балтийских языках соотношение kìšti 'совать' — kýšoti 'быть засунутым, торчать' полностью параллельно соотношению kìšti — kyšėti kỹši kyšė́jo 'торчать, выступать'.

Второй тип может рассматриваться как древнейший фрагмент первого типа: одна и та же форма без каких-либо аблаутных вариаций является презенсом в одной и претеритом в другой парадигме. Примером может служить лит. žino: с одной стороны, презенс žinóti žino žinójo 'знать', с другой стороны, претерит pa-žinti pa-žį̃sta pa-žino 'узнать, познакомиться'. А. Вайан, с оговорками в деталях, относит эту и несколько подобных парадигм (лит. bijoti 'бояться', ieškoti 'искать') к отыменному балто-сл. типу производных глаголов на (лит.) -oti -oja, -oti -o, (слав.) -ati -aje [Vaillant 1966, §577, 579]. Эта суммарная синхронная трактовка, в общем, вполне возможна, но она затушевывает существенные диахронические различия разных групп глаголов (для некоторых из вайановских групп отыменное происхождение вообще сомнительно).

Принадлежность этого лит. корня одновременно к двум парадигмам, как презенса в одной и как претерита в другой, свидетельствует о том, что здесь перед нами древний претерито-презенс, т.е. форма функционально тождественная перфекту, но возникшая совсем иным путем. Лит. (соотв. общебалт.) žino 'узнал и знает' восходит к и.-е. аористному корню **gnō-* (вариант **ĝ°n-*), отраженному также в слав. znā (рус. *зна-ю зна-ть*), гр. ἔγνων 'то же', арм. caneay 'я узнал', canawt^{c} 'узнанный' и т.д. и втянутому в систему перфекта: ср. гр. ἔγνων аор. — ἔγνωκα перф.; скр. a-jñā-sīt//á-jña-sta аор. — jajñáu//jajñé перф., ср. [Ernout, Meillet 1967, 446]. Как и в первом типе, это соотношение аориста и перфекта полностью аналогично гр. ἔσᾶπη '(оно) загнило' — σέσηπε '(оно) гниет' (см. §8). Основа žin-au входит в некоторый ряд с bij-au (см. ниже), а основа -žį̃stu, выступающая только в сложении с приставкой (аналогично

лтш. at-zīstu 'узнаю' и гот. слабому глаголу того же корня -kunnan 'узнавать'), в такой ряд, как rimstu rìmau rimti 'успокоиться', tvinstu tvìnau tvinti 'набухнуть' [Vendryes 1935—36, 62]. Этот последний ряд в свою очередь стоит в тесной связи с указанным выше "первым" типом: rìmau 'я успокоился' — rýmau 'я успокоился и нахожусь в состоянии покоя'. Весь этот фрагмент показывает, какими сложными, и вместе с тем четко-системными, путями происходила перестройка и.-е. перфекта в балтийских языках.

В некоторых формах второго типа, как и в первом, расщепление претерито-презентного значения на претерит и презенс сопровождается противопоставлением диатез: miřko презенс и актив '(он) мочит' в парадигме mirkýti miřko miřkė̃ 'мочить, вымачивать' и miřko претерит и медий '(оно) (на)мокло' в парадигме miřkti miřksta miřko 'мокнуть, вымачиваться'.

Таким образом, в целом первый и второй типы являются, скорее, не непосредственным преобразованием и.-е. перфекта, а преобразованием группы претерито-презентных корней (часть из которой возможно, входила в и.-е. перфект) в связи с преобразованием перфекта.

Третий тип, несомненно, целиком восходит к и.-е. perfecta tantum, о чем свидетельствует, помимо ряда особенностей общих с двумя предыдущими типами, еще одна формальная черта — наличие и.-е. **-o-* в корне. Сюда относим: 1) magė́ti mãga magė́jo 'хотеться' (Jam maga suvalgyti obuolį 'Ему хочется съесть яблоко'), с аблаутным вариантом корня mė́gti mė́gsta mė́go 'любить что-л.'; как и в соответствующих германских глаголах эти аблаутные вариации, по-видимому, новые; 2) skaudė́ti skaũda skaudė́jo 'болеть (об органе, части тела/)' (Jam galvą skauda букв. 'Ему голову болит'); 3) gélbėti gélba (литер. gélbėja) gélbėjo 'помогать'; аблаутный вариант в имени — (pa)gálba 'помощь'; аблаутным вариантом в глаголе (возможно исходным) мог быть глагол **golbti//*gólbėti* 'помогать', испытавший метатезу, вследствие которой он превратился в glóbti 'помогать' и, в силу омонимического совпадения с glóbti 'принимать в объятия' слился с последним, придав ему свое значение; вероятно, отсюда у glóbti два различных круга значений: 1. 'принимать в объятия, охватывать, окутывать, заботиться', — в общем, 'движение внутрь' и 2. 'движение изнутри' — 'вызволять из чего-л.', например: Daktarai paglobė̀ ligoną (išgelbėjo iš ligos) [Liet. Kalb. žodynas, III, 431) 'Доктора... вызволили больного (из болезни)'; второй круг значений полностью совпадает со значениями gélbėti; 4) mokė́ti móka mokė́jo 'уметь, знать, мочь'; 5) raudóti ráuda ráudojo 'рыдать' и нек. др. под. Характерной чертой этих древних перфектов является перемещение ударения между корнем и суффиксом, в отличие от неподвижного ударения на корне в более новых перфектах первого типа. До некоторой степени аналогичное различие в акцентуации существует в русских, соответственно славянских глаголах отсы́пать — отсыпа́ть, обе́гать — обега́ть, напа́дать — напада́ть и т.п., ср. [Мейе 1951, §327].

Разновидность третьего типа составляет большая группа глаго-

лов, обозначающих звуки и шумы, часть из них имеют корни с *-o-: kalbė́ti kal̃ba kalbė́jo 'говорить', braškė́ti brãška braškė́jo 'трещать', напр. о ломающемся дереве, spragė́ti sprãga spragė́jo 'трещать', напр. о жарящемся сале, skambė́ti skam̃ba skambė́jo 'звенеть', а также šnekė́ti 'болтать', stenė́ti 'неясно бормотать', plekšė́ti plẽška// plẽški pleškė́jo 'хлопать' и др. [Stang 1966, 335]. По значению эта группа целиком сопоставима с соответствующей группой греческих perfecta tantum, обозначающих звуки (см. §2).

Характерной чертой третьего типа является сочетание презенса на *-a* с претеритом основы на *-e-* (*-ē-*), последний характерен также для соответствующих армянских глаголов (§2). Поскольку претерит на -ė-jo обычен для литовских глаголов состояния с презенсом на -i (gulė́ti guli gulė́jo 'лежать'), то здесь происходят многочисленные смешения форм презенса: pleška//литер. pleški; sreba// srebi//литер. srebia 'хлебает, хлюпает'; gélba//gélbi//gélbia//gélbsta// литер. gélbėja, и т.п.

Претерит на -ė̀-jo является "продленной" формой претерита на -ė̀ (и.-е. аорист-претерит на -ē, ср. гр. ἐφάνη). Она соответствует славянскому имперфекту: лит. vė̃dė̀ краткий" претерит на -ė̀ (vesti veda vedė̀ 'вести') — лит. vedė̀-jo "продленный" претерит на -ė̀-jo (vedė́ti vedė́ja vedė́jo 'немного повести, поводить') — ст.-сл. [vedѣахъ]ведѣахъ (ср. [Stang 1966, 388]). В связи с передвижением и.-е. перфекта в систему презенса появилась потребность в создании к этим лексемам форм претерита. Основа на -ē- в балто-сл., составляющая одновременно основу "краткого" претерита-аориста (лит. vedė̀), основу указанного выше "продленного" претерита и основу инфинитива (лит. vedė́ti), и может рассматриваться как такое подстроение претерита и изменяющемуся перфекту [Vaillnt 1966, 77, § 379]. "Продленный" претерит, подчеркивающий значение состояния, постепенно вытесняет "краткие" претериты литовских глаголов и целиком вытеснил их в латышских в первом типе.

Четвертый тип составляют глаголы двойного спряжения, переходного (активного) и непереходного (медиального); некоторые из них, по-видимому, отыменные, что не противоречит общему значению и форме перфекта (корни с и.-е. *-o-). Сюда можно отнести уже упомянутый (§2) núogti (к núogas 'голый') — 1. перех. núogia núogė̀ 'обирать догола, обижать'; 2. неперех. núogsta, núogo 'остаться голым, всего лишиться'; mė́gti (аблаутная форма от magė́ti) — 1. по перех. типу mė́gia 'любит что-л.', 2. по неперех. типу, литер. mė́gsta 'то же'; gailė́ti(s) gaĩli gailė́jo 'жалеть', о двойственном спряжении говорит форма gaĩla 'жаль', служащая безличным предикативом, аналогично рус. *жаль;* ráišti (к ráišas 'хромой') — 1. по неперех. типу литер. ráišta//ráiša ráišo 'захромать, стать или быть хромым', 2. по перех. типу raišė́ti raišia raišė̀ 'то же'; niežti//литер. niežė́ti (к niežas 'зуд') — 1. по неперех. типу niẽžta// miẽži//niẽžti (атематич.) niežė́jo 'зудеть', 2. по перех. типу през. niẽža niežė́jo 'то же'; двойственно и строение предложения: с номинативом Širdis niẽžti 'Сердце болит, неспокойно'; с аккузативом Odą niẽžti букв. 'Кожу зудит', и др. Аналогичное двойное построение предложения имеет место при германских претерито-презенсах; а также в некоторых функционально близких к ним глаголах. Так, в готском языке объектный глагол действия с корнем ступени -a- и суффиксом -ja- (например lagjan 'класть'), управляющий аккузативом или дативом, мог противопоставляться непереходному глаголу с тем же корнем нулевой ступени и суффиксом -na- (например ligan 'лежать'), и это противопоставление нередко приобретало оттенок значения, близкий к оппозиции актива и пассива.

Многие балтийские глаголы третьего и четвертого типов были в старолитовском языке атематическими (и некоторые из них в диалектах сохранили эту флексию до наших дней): skamba//skambti, mė́gsta//mė́gti, gelbi//gelbti, niežti и др. Эта развившаяся на балтийской почве, особенно в литовском, атематическая флексия, как в настоящее время твердо установлено, была носителем категориального значения непереходности и состояния [Stang 1966, 312] и она сыграла решающую шарнирную роль в преобразовании и.-е. перфектов в новые "малые парадигмы".

В особенности большую роль эта атематическая флексия имела в перестройке перфектов в презенсы с флексией -i-, типа stovmi 'стою' — stoviu, jis stovi 'он стоит' при инфинитиве на -ė̀ti [Van Wijk 1933, 138]. Поэтому, вероятно, можно выделить пятый тип — спряжение на -i, -ė̀ti: galė̀ti 'мочь', kliėdeti 'бредить, нести чепуху', girdė̀ti 'слышать', juosė̀ti 'быть подпоясанным чем-л.', kosė̀ti 'кашлять', žydė̀ti 'цвести'. Разновидностью пятого типа будут, в таком случае, глаголы на -a- -oti: miegóti 'спать', giedóti 'петь (о петухе)' и т.п. Если в этих глаголах в корне -o- // -a-, то они относимы и к третьему типу. Если корневой вокализм краткий, как в лит. minė̀ti, ст.-сл. мьнѣти, то одни исследователи (например, [Vaillant 1962]) безоговорочно возводят их к и.-е. перфекту с обобщением вокализма по мн. ч. (тип. гр. οἶδα — ἴδμεν) или к перфекту с удвоением, другие — к и.-е. медию во взаимодействии с перфектом.

Особый балто-сл. подтип составляет типичная перфектная лексема 'бояться', представленная в балт. с вокализмом -i-, в сл. — -o-: лит. bijóti(s), рус. *бояться.* Она может быть трактована двояко. Либо может быть реконструирована парадигма "классического" перфекта с чередованием между ед. ч. и мн. ч. типа гр. οἶδα — ἴδμεν, т.е. балто-сл. основа *bhoi̯-//*bhii̯-, которая дальше испытала ареальное расслоение, причем в балтийском ареале была обобщена ступень мн. ч., а в славянском ед. ч. Тогда балт. глагол на *-āti (лит. bijoti(s), лтш. bijāt, bijāties) может быть истолкован как глагол с основой bijā-, возникшей как основа "продленного" претерита, подстроенная к "короткой" основе претерито-презенса bi̯-, сохраненной в лтш. bi̯ties bi̯stos bijos 'бояться' [Vaillant 1966, §577, с. 362].

Возможна и другая трактовка. Именно наличие одновременно этого лтш. глагола, где форма bijo является формой претерита, и лит. глагола, где форма bijo(s) является формой презенса, так же и в прус. 3 л. презенса bia, говорит о том, что раньше, вероятно, существовал претерито-презенс *bi̯jā. Он полностью паралл-

лелен претерито-презенсу *zinō (лит. žino, pa-žino) и, как и этот последний, заставляет предположить, что *bĭjā восходит не к перфекту, а к корневому аористу, основа которого, с другой стороны, представлена в скр. прич. bhīta 'испуганный'.

Элемент -ā- в парадигме этих балто-сл. глаголов, по-видимому, тот же, что и в соответствующих армянских (§2). Возможно также родство между арм. -e- в -eac^{c} и балт. -ē- в -ėja, -ėjo.

"Малые парадигмы" — аналоги perfecta tantum в славянских языках, в общем, параллельны балтийским, и мы, в целях компактности, представим их таким образом.

Первый тип, с продлением корневого гласного не общеиндоевропейского вида, и полностью соответствующий, с формальной стороны, лит. klùpti — klū́poti, представлен такими славянскими рядами, как ст.-сл. *погрети погребетъ — погрѣбати погрѣбаѥтъ, родити родитъ — раждати раждаѥтъ, оу-мрѣти оу-мьретъ — оу-мирати оу-мираѥтъ, при-зъвати при-зоветъ — при-зывати при-зываѥтъ, об-лобъзати об-лобъжетъ — об-лобызати — об-лобызаѥтъ*, т.е. *е//ѣ* (ē), *о//а, ъ//и, ъ//ы* [Мейе 1951 §323]. Производные основы типа ст.-сл. по-грѣба-: лит. klūpo- с формальной стороны полностью параллельны. Но семантика их существенно различна: в то время как балтийские означают состояние, возникшее как переосмысление претерито-презенса, славянские имеют значение несовершенного вида. Таким образом, один и тот же механизм порождает в балт. языках формы, относящиеся к категории диатезы, а в слав. языках формы, относящиеся к категории вида. При этом в слав. языках первоначально (в ст.-слав. всегда) этот тип охватывает только производство глаголов несов. вида от глаголов сов. вида с приставкой, например оу-мирати от оу-мрѣти, бесприставочных глаголов типа *mirati не существует [Мейе 1951, § 322, с. 240]. Сходные отношения представлены и в др.-рус., ср. *умьрѣти — умирати*, при отсутствии *мирати. Поэтому, хотя эти балтийские и славянские явления параллельны, следует думать, что балтийское более близко к индоевропейскому состоянию.

В славянском имеются отношения форм и лексем, которые соответствуют балтийским второму и четвертому типам одновременно. Назовем их вторым славянским типом "малых парадигм", соответствующим perfecta tantum. Характерной приметой этого славянского типа (гораздо более ограниченного, чем первый), как и соответствующих балтийских, служит то, что одна и та же форма принадлежит одновременно (но с разными категориальными значениями) двум парадигмам, иллюстрацией может служить фрагмент 'вязати' (§48).

Наконец, в славянском имеются такие фрагменты глагольной системы, в которых видовые различия представлены в "склеенном виде", в "пучке" с диатезными противопоставлениями. Так, ст.-сл. гыбнѫти 'гибнуть' противопоставляется губити 'губить' как глагол сов. вида непереходный глаголу несов. вида переходному. Здесь перед нами, следовательно, фрагменты, отражающие общее прото-балто-славянское состояние.

Имеются еще редкие славянские формы, свидетельствующие о таком же семантическом соотношении, как др.-рус. *умьрѣти — умирати*, но вне системы приставок и апофонии корня. Они составляют, по-видимому, древнейший фрагмент складывающейся системы.

Третий славянский тип выступает, как и соответствующий балтийский, с характерной приметой — и.-е. перфектным *-*o*- в корне. А. Вайан формулирует правило: если славянские глаголы имеют в корне вокализм -*o*-, несвойственный их типу спряжения, и особенно, если эта черта сопровождается аномалиями флексии, то в этих глаголах можно опознать древние (т.е. и.-е.) перфекты [Vaillant 1966, III, §380, с. 77]. Сюда относятся общесл. (соот. ст.-сл.): mošti može-, ср. лит. *magti//magėti maga; xotěti·xošte- (2 л. ед. ч. также атематич. xošti); gorěti gori-, ср. лит. garėti gari garejo 'исходить паром', и некот. др. С двух сторон к этому фрагменту примыкают тип с удлинением гласного в корне ("первый тип") kypěti kypi- 'кипеть', ср. лит. kūpėti kūpa 'кипеть' и обширный тип глаголов на -i- -iti-//-ėti, без апофонии, др.-рус. *мьнити//мьнѣти мьнитъ*, ср. лит. minėti mini 'думать', происхождение которых окончательно не выяснено (ср. [Kuryłowicz 1964, §26, 27; Vaillant 1966, III, §599]) (ср. однако §54).

Глагол xotěti 'хотеть', заместивший старый velěti (от и.-е. корня *ǯel-//*ǯol-), представляет систему форм с апофонией, во многом параллельную производным от корня *vinz-: xotěti:*вазѣти;* xýtiti:*вазити;* xytáti:*вазáти* (вар. xvatíti:xvatáti); имеется также форма с кратким *и* xŭtěti (ср. gŭbnǫti:gubiti). Эти фрагменты показывают, какими путями происходило включение и.-е. перфектов в новые глагольные системы.

Мы хотим обратить внимание на, кажется, не отмеченный в литературе параллелизм балто-сл. глаголов, определенно восходящих к и.-е. перфекту (типы 1 и 2 выше) и к аористам с перфектным значением (тип 3 выше) с русской "категорией состояния" [Степанов 1978а]. Опознавательной чертой последней является конструкция с дательным падежом субъекта типа *Мне* + катег. сост. (*Мне больно, душно, нужно* и т.д.). Приведем материал: 1) семантические и этимологические соответствия с перфектами: лит. maga, magėti 'хотеться' — Jam maga suvalgyti obuolį, слав. mogǫ, mošti 'мочь', рус. *Мне можно;* сюда же абл. разновидность mėgsta, mėgti — Jam mėgsta...; лит. gari, garėti 'дымиться (паром)', ст.-сл. прич. goręšte//gorǫšte, рус. *Мне горячо;* лит. bijo, bijojo, bijoti — Man baisù, ст.-сл. bojati sę, рус. *Мне боязно;* 2) семантические соответствия (без точных этимологических) с перфектами; рус. *Мне больно, Мне руку* (acc.) *больно,* ст.-сл. bolěti, лит. skaũda, skaudėti — Man galvą (acc.) skaũda; непоследовательная категория состояния рус. *Мне хочется,* ст.-сл. xotěti (старый атематич.), лит. nori, norėti — Man norisi; рус. *Мне маму* (acc.) *жалко;* лит. gaili, gailėti — *Man gaila;* 3) семантические соответствия с аористами перфектного значения: ст.-сл. sty(d)nǫti, рус. *Мне стыдно,* лит. Man gėda; Gėdžiuos; ст.-сл. vyknǫti, рус. *Мне привычно.* Рассмотрим теперь контуры реконструируемой прото-балто-сл. парадигмы Б.

Соотношения типа рус. *боле-ть, боли-т, боле-е-т* и лит. skaudė-ti, skauda, skaudė-jo показывают вторичный характер и одновременно параллелизм рус. наст. вр. *боле-е-т,* лит. прет. skaudė-jo, надстроенных над формами типа **ToT-ē* со значением претерито-презенса. Последние существовали, по-видимому, рядом с претеритами "достигнутого состояния" или "древнейшего балто-сл. имперфекта" типа **TR̥T-ē, TēT-ē* (mrѣ(tъ̄), mirė; gulė, *bēgē, pa-bėgė-jo). При этом кажется, что, если основа наст. вр. на *-i* внедрена главным образом в ряд аористов с перфектным значением (ср. выше gulė, guli, gulė-jo), то основа наст. вр. на *-a* внедрена скорее в ряд исконных перфектов (skauda, skaudėti; maga, magėti; miega, miegoti и т.п.). Это соотношение заставляет поставить вопрос об особом статусе лит. презенса на *-a* (в соответствии со сл. *e/o*-презенсом) при инфинитиве на -ėti: teka, tekėti 'течь', maga, magėti 'хотеть' (ср. *мочь*), moka, mokėti 'мочь; учить'; sopa, sopėti 'болеть, болит' и под. При корнях типа *TeT, ToT* слав. презенсы имеют при себе очень часто тематические аористы с характерными позициями нейтрализации между презенсом и аористом во 2 и особенно в 3 л. ед. ч.: през. тєчє-ши, тєчє-тъ — аор. тєчє, тєчє (§54). В балт. эта нейтрализация должна была стать особенно значительной в силу характера балт. флексий. Таким образом, мы имеем соотношение: слав. teče-tъ: teče (texъ) = балт. ?:? = балт. teka:tekė-jo. Промежуточным балт. звеном могли послужить формы *teka:*tekā//*tekē. Формы типа *tekē стоят в закономерном соответствии со сл. сигматическим аористом *tēks, ср. vedė — вѣсъ, а формы типа *tekā восстанавливаются по типу bėgo<*bēgā [Stang 1966, 379]. Наша точка зрения отличается от мнения Х. Станга лишь тем, что мы выделяем отношения типа teka:*tekā, miega:*miegā; skauda:*skaudā и т.п. (отличаемых от ряда dega:degā:degē; kepa:kepā:kepē) и считаем их специфически перфектным рядом. Формы типа teka отождествляются как презенсы перфекта (перфекто -презенсы), к которым был подстроен претерит перфекта, отождествленный как добавление того же показателя -ă: *tekă+ă>*tekā. (Ср. однако замечание Х. Станга, не повторенное им в "Сравнительной грамматике", о том, что tepa 'мажет' является презенсом перфекта, а tapė//tapo 'стал' от tapti 'становиться', первоначально 'прилипнуть', — претеритом перфекта [Stang 1961, 70]).

Постоянные корреляции вида и диатезы в перфектном фрагменте очевидны уже из всего сказанного: это область нейтрализации как видовых, так и диатезных оппозиций в пользу "категории состояния'.

Таким образом, реконструируется следующая картина. В балто-славянском ареале исчезающий индоевропейский перфект вызвал к жизни целую гамму замещений — как флективных, "малых парадигм", так и перифрастических, различных типов предложений, или синтагм. Последние характеризовались, кроме общности семантики, еще и одним преобладающим морфологическим признаком: формы предикатива (предикатного слова) в них имели показатель ("флексию") *-a/-o*, хотя этот показатель и возник различными историческими путями. Формы эти таковы: 1) глагольные формы на -*to//-*no; 2) наречия-предикаты с окончанием в балт. *-a,* в слав. *-o* (лит. Man gera — *Мне хорошо*), отличающиеся от наречий-атрибутов (лит. на -ai, слав. на -ě: лит. gerai в отличие от gera, слав. dobrě, в отличие от dobro); 3) нечленные прилагательные среднего рода с теми же окончаниями, отвечающие индоевропейскому типу несогласованного предложения,. ср. рус. *Ум хорошо, два лучше;* 4) балт. презенсы перфекта на -a. В этом контексте оформляется славянская, соотв. русская, "категория состояния" и балтийский, соотв. литовский, перифрастический перфект (см. [Schmalstieg 1978; 1982; 1984; Степанов 1978a]).

§54. Аблаутный и безаблаутный классы тематических основ составляют наиболее древний из бывших продуктивными в определенный период слоев. (Мы не говорим здесь о "новых атематических" глаголах в балтийском, связанных со специфическим балтийским явлением — кратким периодом ограниченного возобновления атематического сопряжения, см. [Stang 1966, 309].)

Применительно к данному классу проблему реконструкции можно сформулировать так. Каким образом один и тот же индоевропейский корень, допускающий аблаут, например *bhudh-//*bheu̯dh-, регулярно порождает три заведомо взаимосвязанных генетически и вместе с тем различных типа оппозиций?

1) Греческий тип — парадигма одного глагола с аблаутом между презенсом с полной ступенью πεύθομαι (с редуцированной ступенью при носовом инфиксе и суффиксе πυνθάνομαι) 'узнаю, расспрашиваю' и аористом с редуцированной ступенью ἐ-πυθόμην и нередко с противоположными диатезными значениями различных членов парадигмы; ср. πεύθω 'даю знать, извещаю'.

2) Славянский тип — парадигмы двух различных глаголов, сохранивших аблаут лишь в редких случаях и соотносящихся как глагол сов. (начинательного) вида и глагол несов. вида (состояния) (т.е. 2-я и 3-я фазы "основной модели", §49): възбъѭжти, през. (въз)бъѭж, аор. (въз)бъдє 'проснуться' — бъдѣти, през. бъдитъ, аор. бъдѣ 'бодрствовать'; часто при наличии еще одного или нескольких глаголов с каузативным или итеративным значением и в этом случае с аблаутом нового происхождения, возникающим как продление краткого гласного: (въз)боудити, през. (въз)боуждж (т.е. 1-я фаза "основной модели").

3) Балтийский тип — парадигмы двух различных глаголов, всегда с аблаутом общеиндоевропейского типа, соотносительных как глагол каузативный (иногда, как при данном корне, с далеко расходящимися лексическими значениями) и глагол состояния или действия, возбужденного и начинающего протекать в субъекте (человеке или вещи) (т.е. 1-я и 2-я фазы "основной модели"): baũsti, през. baũdžia, прет. baũdė '1. наказывать, 2. грозить, 3. настойчиво просить, принуждать' — bùsti, през. с носовым инфиксом bũnda, прет. bùdo 'просыпаться'; часто при наличии еще одного или нескольких глаголов, из которых каузативы и итеративы с основами на -i- имеют новый аблаут и вполне отвечают славянским, ср. лит. bū́dyti (//būdýti) '1. держать, 2. держать над дымом, коптить', ст.-сл. (въз)боудити, през. (въз)боуждѫ '(раз)будить' (т.е. 1-я фаза "основной модели").

1/2 14. Зак. 1633

Нашим исходным материалом является здесь старый аблаутный класс с индоевропейскими корнями типа *TR*$_{\circ}$*(T)//TeR(T)*, где в формуле *R* представляет любой сонант, которому в слабой форме корня может соответствовать гласный. Ср. гр. πευθ-/-πυθ-, лит. meřkti 'мочить' — miřkti '(начинать) мокнуть (только о вещи)'.

Аблаутный класс сплетается с классом, имеющим безаблаутные корни вида *TeT(TaT, ToT)* или *TiT(TuT)*. В безаблаутном классе общими для и.-е. языков признаются четыре тематических типа: 1) при корнях *TeT* баритонный презенс аналог скт. váhati, рус. *везет*, лит. vẽža; 2) при корнях *TiT* окситонный презенс аналог скт. tudáti; 3) при корнях *TiT* окситонный аорист вида скт. ávidat, гр. ἔFιδε; 4) конъюнктив вида скт. áyat(i) [Meillet 1931; Renou 1925a; 1932; Watkins 1969, 63]. С другой стороны, давно уже отмечалась связь основ, имеющих редуцированный вокализм корня вида *TR*$_{\circ}$ *T(TiT, TuT)*, с аористическим значением в славянском [Поржезинский 1916, 144; Kuryłowicz 1964, 118] и с медиально-непереходным значением в балтийском [Skardžius 1943, 469]; (см. также о первичном сигматическом аористе §52.)

По-видимому, сходные отношения возникали и в аблаутном балто-славянском классе, который ограничен главным образом корнями вида *TR*$_{\circ}$*(T)//TeR(T)*. При этом в силу самой структуры корня здесь эти отношения были более отчетливыми и мобильными. Мы полагаем, что в аблаутном классе центром специфических балто-славянских корреляций "вид — диатеза" является тематизация и.-е. первоначально атематических парадигм. Последние характеризовались аблаутом между ед. и мн. числами и так называемыми "вторичными" (исторически первичными) окончаниями: ед. ч. **léik^{w}-m* и т.д., мн. ч. **lik^{w}-mé* и т.д. В процессе тематизации эта парадигма автоматически порождает два ряда т.н. "поляризованных" форм: а) **léik^{w}-om, *léik^{w}-es* и т.д.; б) **lik^{w}-óm, *lik^{w}-és* и т.д. [Kuryłowicz 1964, 117; Watkins 1969, 25].

Парадигмы (а) с полной ступенью корня характеризовались следующей совокупностью категориальных признаков действия: 1) длительное, 2) вследствие этого допускающее "определение" в видовом смысле, т.е. возможность стать "длительным определенным" (совершенным) видом, 3) допускающее "определение" в диатезном смысле, т.е. возможность получить синтаксический объект и развить категорию синтетической эффективной переходности. Парадигмы (б) с редуцированной ступенью корня характеризовались противопоставленными первым признаками действия: 1) недлительное, неопределенное в смысле длительности, 2) вследствие этого не допускающее "определения" в видовом смысле, немаркированное, 3) не допускающее "определения" в диатезном смысле, т.е. немаркированное, медиальное, точнее, в нашей терминологии, тяготеющее к категории аналитической неэффективной переходности. В греческом два ряда парадигм наиболее отчетливо противопоставлены в тематических глаголах как, с одной стороны, "презенс" в видовом смысле (собственно презенс и имперфект), с другой стороны, аорист. Ср. а) имперфект ἔ-λειπ-ον, ἔ-λειπ-ες и т.д., б) аор. ἔ-λιπ-ον, ἔ-λιπ-ες и т.д.

Такое же формальное и семантическое распределение основ в лит. парах: I) (pa)lieka — (pa)liko; II) melžia — milžo; III) merkia — mirko.

I. Литовский (общебалт.) тип pa-liẽka — lìko '1. оставлять, 2. оставаться' формально хорошо отвечает этому греческому типу и тем самым находит объяснение. При этом нет необходимости предполагать в типе вообще и в данном конкретном глаголе какую-либо контаминацию двух значений и двух форм 1) leik^{w}-//lik^{w}- + 2) loik^{w}-, из которых вторая восходила бы к преобразованиям и.-е. перфекта (как [Van Wijk 1933, 134 сл.; Senn 1935—1936, 73; Stang 1943, 101; 1966, 310], вслед за Стангом [Watkins 1969, 223, § 219].

II. Литовский (общебалт.) тип mélžia — milžo является преобразованием более старой предыдущей модели и отличается от нее более новым, "характеризованным" je/o-презенсом, он был рассмотрен в § 50.

III. Литовский (общебалт.) тип meřkia — miřko отличается этой же чертой и, самое главное, тем, что субъект первой парадигмы, meřkia 'замачивает', человек, в то время как субъект второй, miřko 'начало мокнуть', вещь. Аналоги этому типу мы также находим в греческом.

Атематические основы лишь постепенно вовлекались в указанный процесс и частично перерабатывались в нем. Атематические парадигмы в греческом сохранили некоторые архаические черты исходного прототипа. Так, аналогом балтийского типа II, где субъектом действия выступает преимущественно человек (pa-likti 'оставаться' первое знач. и 'оставлять'), является, например, парадигма гр. ἵστημι през. 'я ставлю', ἔστην аор. 'я стал'. Эти две формы, как об этом свидетельствует их характер — атематический презенс на -μι и корневой тип аориста, являются заведомо древнейшими и неподстроенными. Все другие формы парадигмы представляют собой позднейшие подстройки: медиальный презенс ἵσταμαι 'я становлюсь, встаю, ставлю себе' (он отсутствует, например, у формально тождественного φημί 'говорю'); перф. ἕστηκα 'я стою', позднее также 'я поставил что-л.'; плюсквамперф. в значении имперф. εἱστήκη 'я стоял'; аор. ἔστησα с переходным значением 'я поставил'; пасс. аор. ἐστάθην 'я был поставлен' и др. По мере того как развиваются все эти формы, исконный корневой аор. ἔστην приобретает относительно их "определенный" видовой характер как однократное точечное действие в прошлом. Однако его первоначальное значение — не характеризованное, не определенное действие (т.е. ни "определенное", ни "неопределенное" положительно), и этот видовой характер отвечает его диатезе, что и ожидается при реконструкции. В то время как презенс имеет активную, переходную диатезу 'я ставлю кого-л., что-л.', в том числе и "самого себя", аорист имеет непереходную, медиальную диатезу 'я (сам) стал'.

Аналогом балт. типа III meřkti 'мочить' — miřkti 'начать размокать (только о вещи)' является в греческом целая группа парадигм, похожих на предыдущую, соединяющих медиальное, непереходное значение со значением эффективно переходным и даже каузативным, распределяющих эти значения между презенсом и аористом, но

отличающихся тем, что активные и переходные значения связываются с 1 л., тогда как медиальные и непереходные скорее с 3 л. Ср.: ἄγνυμι през. 'ломаю' — ἐάγη аор. (3 л.) 'нечто сломалось (например, о копье)'. Этому глаголу отвечает тох. wāk-, имеющее одновременно медиальное значение 'лопаться' и каузативное 'разделять'; ср. то же в сочетании с характерным аблат. τήκω през. 'растопляю, плавлю' — ἐτάκη аор. '(что-то) растопилось, растаяло'; σήπω през. 'гною' — ἐσάπη аор. '(что-то) сгнило'; πήγνυμι през. 'вонзаю, сбиваю, уплотняю' — ἐπάγη '(что-то) уплотнилось, затвердело', ср. инф. аор. παγῆναι 'устремлять взор' и мн. др. Отсюда следует, между прочим, что обычные семантические толкования двудиатезных глаголов, например, тох. wāk- '1) разделять, 2) лопаться', гр. ἄγνυμι '1) ломаю, 2) ломаюсь', лит. degù '1) жгу, 2) горю' и т.п., не только неестественны (*я горю; я лопаюсь!*), но и не точны: если активное и переходное значение естественно связывается с разными лицами, то непереходное — только с 3 л. преимущественно неодушевленных субъектов и во всяком случае не может быть произнесено от лица 'Я'.

В отдельных случаях непереходный актив в презенсе мог быть и первичным, — по-видимому, там, где позднее его место заступает медий, например τρέφω, дор. τράφω//τράφομαι при неперех. инф. τραφεῖν; σήπω//σήπομαι, показательно, что буд. медиальное σαπήσομαι, но здесь же и формы 1 л. должны в таком случае быть вторичными.

В этом фрагменте протоиндоевропейской глагольной системы обнаруживается, таким образом, тот первичный импульс, который, рекурсивно возобновляясь, приводит в дальнейшем к развитию вторичных оппозиций в других классах основ (§ 50—53). Соответственно, в этом фрагменте (включая безаблаутный класс корней-основ) реконструируется парадигма-прототип, которую мы назовем парадигмой А.

Греческие парадигмы обнаруживают все существенные черты этого класса в области формы: 1) ведущее положение формы сильного аориста, которая едина в большинстве глаголов, в то время как формы презенса разнообразны и, следовательно, являются позднейшими подстройками (по-видимому, однако, формы на -μι здесь древнее прочих); 2) полная или продленная ступень вокализма в презенсе против нулевой или редуцированной ступени в аористе; 3) довольно частое формальное сходство в огласовке аориста и перфекта; 4) наличие позиций нейтрализации между основами презенса и аориста в 1 и 2 л. мн. ч., ср. -φᾰμέν (φαμέν — ἔφαμεν), -θεμέν (τίθεμεν — ἔθεμεν)· в некоторых глаголах нейтрализация охватывала и основы перфекта в тех же лицах мн. ч. ср. исконный перф. ἑ-στα-μεν (но не в более новой форме ἑστήκαμεν).

На очень существенных явлениях нейтрализации необходимо остановиться подробнее. Во-первых, корневой аорист мог иметь полное формальное тождество с имперфектом в атематических глаголах, ср. ἔφην, ἔφης и т.д. (имперф. и аор.) — ἔστην, ἔστης, ἔστη (аор. ед.ч.; мн.ч. испытало позднейшую перестройку); ἔδομεν, ἔδοτε, ἔδοσαν (аор. мн.ч.; ед.ч. испытало позднейшую перестройку [Степанов 1975, 166]. Это более новый тип нейтрализации, сходный с ним имеется в славянском в глаголах безаблаутного класса (с корнями *нес-, вед-, ид-, пад-* и под.) в отношении между презенсом и аористом (представляющим индоевропейские как аористы, так и имперфекты от "определенных" глаголов). Ср. в парадигме pāsti 'пасть': мн.ч. аор. (и.-е. имперф.) 1 л. padomъ, 2 л. padete; през. 1 л. pademъ (<*padomŭ), 2 л. padete. Преобразование флексии 1 л. мн.ч. през. (-emъ вместо *-omъ) объясняется не только уподоблением формам презенса с тематическим гласным *-e-*, но и расподоблением от соответствующей формы аориста.

Другая позиция нейтрализации существовала потенциально во 2, 3 л. ед.ч.: през. pade-(ši), pade-(tъ); аор. pade, pade. В балт. в связи с преобразованием флексий 2 и 3 л. (и тем более при возможном исконном отсутствии согласных показателей) эта нейтрализация должна была актуализоваться и сыграть, по-видимому, решающую роль в некоторых классах глаголов (см. § 53 перфектный класс).

Во-вторых, имелся более древний тип нейтрализации. Один и тот же корень мог присутствовать и в новых, "поляризованных" парадигмах "презенса" и аориста (назовем его корнем II), и в старых, существовавших до "поляризации" парадигмах, основа которых может непосредственно связываться с основой или корнем прото-и.-е. инъюнктива, или "примитива" (назовем его корнем I). Видо-временное и диатезное значение корня в этих двух противопоставлениях различно, но его собственная форма одна и та же, и при этом может быть как безаблаутной (типа *TeT, TuT*), так и аблаутной (типа *(TR̥)(T)//TeR(T)).* Реконструкция парадигм в таких случаях сильно затруднена. Например, в греческом корень pet- сильного аориста ἔπετον имеет значение аориста как вида и времени в более новой парадигме πίπτω, ἔπιπτον, ἔπετον (корень II), и только видовое значение "определенности" в более старой парадигме, где он выступает как корень и аор. и през. *πέτω, ἔπετον (корень I) [Schwyzer 1966, II, 260].

Вполне аналогично аблаутные корни могут интерпретироваться в реальной системе языка, следовательно, и при реконструкции, либо как один корень (корень I) с вариациями *TRT/TeRT,* либо как корень аориста *TR̥T* в противопоставлении корню презенса *TeRT* (корень II). Например, гр. πυθ-: корень II в отношении πεύθε/ο-: πυθέ/ό- = πίπτω: ἔπετον, или корень I в отношении πεύθ-//πυθ- = *πέτω, ἔπετον. В греческом этот тип нейтрализации имеется в нескольких видах. Корневой аорист мог сохранять частичное формальное тождество — в основе и флексиях, исключая аугмент, с 1—2 л. мн. ч. исторически предшествовавшей парадигмы с "вторичными атематическими окончаниями" -m, -s, -t, -mé, -té, -ént (см. выше), в тех случаях, когда последняя развивалась в презенс атематических глаголов на -μι, ср. през. φαμέν, φατέ — имперф.-аор. ἔ-φαμεν, ἔ-φατε. Другим типом (см. [Schwyzer 1968, I, 685]) являются так называемые "аористо-презенсы", немногочисленная группа, где редуцированная ступень корня, которая должна была бы соответствовать аористу, выступает в през.: γράφω 'писать', ст.-сл. грѣбѫ; κάρφω 'стягивать, иссушать, морщинить кожу', лит. skrèbti, skrembù 'то же, но в неперех. значении, стягиваться и т.д.', skrìbti 'кончаться, дохнуть', skriẽbti, skribiù 'чертить круги'.

По-видимому, такой, более древний тип нейтрализации (корень I) в балто-сл. отражается как чередование двух аблаутных ступеней корня при одном и том же диатезно-видовом значении. Таковы лит. skreb-//skrib-, der-//dir- (derù//diriù 'деру, луплю') и мн. др.; ст.-сл. дєр//дьра-, писа-/пьса- и немн. др. Хотя в соответствии с общей тенденцией основы с полной ступенью постепенно приобретают значение презенса и/или переходности, а основы с редуцированной ступенью — значение аориста и/или непереходности. Однако мало оснований считать (как полагает Станг [Stang 1943, 39] это различение во всех (в том числе в данных) основах исконным. Материал ст.-сл. памятников [Бородич 1952] и живого лит. [Skardzius 1943, 471] также говорит в пользу исконности вариаций. Расходиться при этом могут, иногда далеко, только лексические значения. Таким путем можно объяснить происхождение группы балтийских лексических дублетов типа: bingti//bengti, dingti//dengti, dirti//derti, kirti//kerti, nirti//nerti, vilti//velti, tirsti//tersti, а также гр. дублетов типа" δέρω//δείρω//δαίρω, βάλλω//ζέλλω, ἔρδω//ῥάζω, κτέννω//κταίνω, φθείρω//φθαίρω.

Из сказанного выше вытекает, что ядром балтийского противопоставления "каузирующее действие/каузированный процесс или состояние" было — в аблаутном классе — противопоставление двух форм: 1) формы с полной ступенью вокализма в корне и со значением активного действия, связанного с 1 л., человеком, лицом 'Я', и 2) формы с редуцированной ступенью и со значением непереходного аориста, связанного с 3 л., вещью, лицом 'оно': 1) *leik-/2) *lik-.

Если с этой точки зрения взглянуть на греческий материал, то он проливает свет и на соотношение балтийского (и отчасти славянского) аблаутного класса с глаголами состояния, характеризующимися показателями основы -i-/-ē- (типа mini — mínēti, мьнитъ—мьнѣти). Простые аблаутные тематические парадигмы типа lieka/liko (*leik-/*lik-) сменяются в балтийском более новым типом с je/o-презенсом: mélžia/mìlžo (ранее mélža/mìlžo) 'доить'; leñkia/liñko 'гнуть/гнуться' и т.п. В греческом je/o-презенс часто имеет при себе ē-аорист. Суф. -ē- вообще означает состояние, наступающее вследствие действия, ср. καλῶς σχήσειν 'прийти в хорошее состояние' против καλῶς ἔχειν 'находиться в хорошем состоянии', и комбинируется в спряжении с показателем -i- в силу семантических, а не фономорфологических причин [Chantraine 1927a, 13, 18]. При этом в одном типе парадигм и презенс и аорист выражают состояние одного и того же субъекта, обычно человека. Обычный при суф. -ē- вообще редуцированный вокализм корня стоит здесь в соответствии с семантикой. Именно этот тип обычно сопоставляется с балто-слав. *mini-//*minē.

Однако в греческом имеется и другой тип: презенс на -je/o- или -e/o- с полной ступенью и со значением действия активного субъекта, подвергающего действию объект, при аористе на -ē со значением состояния другого субъекта (отсюда часто просто пассивное значение): δέρω//δείρω 'деру' — ἐδάρη 'нечто ободрано, некто ободран', στέλλω 'строю (к бою)' — ἐστάλη 'нечто выстроено (к бою)' и т.п. [Meillet, Vendryes 1966, 186, § 286]. В балтийском этому типу нужно поставить в соответствие презенс типа leñkia. Как и в греческом, основа

ē-претерита относится равно к обоим типам презенса: liñki — linkė́-jo и leñkia — leñkė. В первом случае последующее расширение основы (linkė́-jo) соответствует значению состояния в этом типе глаголов и отвечает слав. имперфекту. Во втором случае полная ступень вокализма корня, необычная при суф. -ē-, свидетельствует, что последний был подстроен к основе je/o- презенса. Поэтому во втором случае необходимо предположить и второй, уже чисто балтийский, источник суф. -ē-, а именно *jā<j + ā, где -j- — показатель основы презенса, а -a- — суф. ā-претерита, как в типе liñko.

Таким образом, мы имеем соответствия: 1) гр. λείπω — (ἔ)λιπε, лит. liekù — ìliko<*lik-ā; ā-претерит, заместивший собой e/o-претерит типа ἐκλιπε; 2) гр. δέρω//δείρω<*der-je/o-// δαίρω<*dr̥-je/o — (ἐ)δάρη, лит. derù//diriù — dýr-e с позднейшим продлением гласного корня; lenk-i-ù< *lenk-je/o- — leñk-ė с позднейшим выравниванием корня претерита по презенсу (вместо *link-ē) или, напротив, флексии претерита (вместо *lenkj-ā как *likā), оба процесса должны были привести к одному и тому же результату; 3) гр. μαίνομαι<*man-je/o-<*mn̥-je/o- (как δαίρω) — (ἐ)μάν-η, лит. link-i-u (3 л. link-i) — link-ė-jo с позднейшим расширением основы.

В литовском здесь имеются полные ряды от одного корня, допускающего аблаут: 1) leñkia je/o-презенс, субъект лицо, 'некто гнет'; 2) liñko ā-претерит (заместивший e/o-претерит), субъект вещь, 'нечто согнулось'; 3) linkė́-jo ē-претерит, выражающий достигнутое состояние (*linkē) 'нечто было согнутым', а затем, с расширением основы (linkė́-jo), — итеративное действие; на этом этапе субъектом снова становится лицо, но действие, по-видимому, отнесено к нему уже вторично, путем метафоры, современное значение 'некто кланялся'; 4) ко второму претериту был подстроен новый презенс на -i и инфинитив на -ė̃ti, и образовался новый глагол со своим лексическим значением liñki, linkė̃ti 'кланяться; выражать пожелания'; аналогично в ст.-сл. бъдитъ, бъдѣти при -бънѫти.

В греческом имеется по крайней мере один полный и древний ряд такого же типа: 1) пре. λείπω, 2) e/o-аор. ἔλιπε; 3) и 4) непереходный ē-аор. ἐλίπη 3 л. мн. ч., λίπεν у Гомера (Ил. 16, 507), ср. скт. ricyáte 'он оставлен', при более новом пасс. λειφθηναι. Вообще же в греческом e/o-аорист и ē-аорист редко комбинируются в парадигму от одного корня, и когда это имеет место, то почти всегда можно отметить новое лексическое значение у формы на -ē. Характерно, что по поводу приведенной гомеровской формы Э. Швицер отмечает трудность в определении ее лексического значения, а вся группа таких непереходных аористов (около 30) связана с резким противопоставлением субъект-лицо/субъект-вещь [Schwyzer 1968, I, 759]. Среди этих глаголов отмеченные выше σήπω 'гною' — ἐσάπη 'нечто загнило', ἄγνυμι 'ломаю' — ἐάγη 'нечто сломалось', соотв. тох. wāk- '1. лопаться, 1. каузат. разделять' и т.п.

В позднем койне некоторые корневые аористы заменяются ē-аористами и при этом специализируют лексическое значение, ср. ἔφυν//ἐφύην 'рождаться', ἔδυν//ἐδυην 'садиться' [Blass, Debrunner 1967, 41, § 76; 50, § 101]. То же во внелитературных папирусах: от глагола со

знач. 'хватать', ср. лит. turė́ti 'иметь' при tvérti 'хватать'; ἠνοίγη от глагола со знач. 'открывать', ср. лат. patēre 'простираться'; так же ἐτάγη, ἐγνάφη, ἐσκύλη [Mandilaras 1973, 147]. По-видимому, в греческом намечалась, но не была реализована, такая же, как в литовском и славянском, тенденция к созданию на базе ē-претерита отдельного глагола с особым лексическим значением типа λιπῆναι, φυῆναι, linkė́ti, turė́ti, имѣти. В лит. из старого слоя ср.: 1) tvėria (как през. при совр. tvérti) — 2) tvìro (как прет. при диал. tvirti [Būga 1959, II, 130] и през. при tviróti [Skardžius 1943, 510] — 3) turė́-jo (как прет. при turė́ti) — 4) tùri (как през. при turė́ti); 1) gùla (през. при gul̃ti) — 2) gùlo (диал. прет. при gul̃ti) — 3) gùlė (прет. при gul̃ti), gulė́-jo (прет. при gulė́ti) — 4) gùli (през. при gulė́ti), здесь корень, допускающий аблаут, но фиксированный в одном виде; и др. под.

Презенс на -i(tъ) в балто-сл. связан с преобразованием и.-е. перфекта, который был встроен в качестве презенса в парадигму при ē-претерите (§ 53).

Пересечение (имбрикация) парадигмы непереходного или немаркированного по переходности/непереходности аориста с парадигмой перфекта объясняется их семантикой по отношению к 'Я' говорящего субъекта: и.-е. перфект соответствующих лексем первоначально означает состояние субъекта-человека, а аорист имеет это значение в некоторых формах, связанных с 1 л. ед. ч. Поэтому пересечение (имбрикацию) нужно предположить — первоначально в ед. ч. — в части парадигмы, содержащей форму с 'Я'. (Это предположение, возможно, подтверждается греч. материалом: общие основы с -κα- у аориста и перфекта типа ἔ-δωκα, δέ-δωκα наблюдаются у Гомера преимущественно в ед. ч. [Chantraine 1967, 194, § 224], см. также § 22.)

Иными словами, здесь действуют те же принципы пересечения парадигм, которые привели к взаимодействию прото-и.-е. статива (перфекта) и актива, вылившемуся в общность флексий перфекта и медия в определенной группе глаголов (§ 7).

В общем и целом можно сказать, что различия балто-сл. и греческого в этом фрагменте глагольной системы основываются на том, что греческий, как правило, исключает два различных непереходных претерита-аориста, e/o-претерит и ē-претерит, при одном корне, тогда как балто-сл., напротив, поощряет также параллельные образования, придавая им функциональное различие действие/состояние. Расхождение связано с различным статусом и.-е. перфекта в обеих системах: греческий развивает перфект, делая ненужным два аориста, балто-сл. устраняет его, используя его обломки для подстройки вторых претеритов. Это системное соображение заставляет обратить внимание на параллелизм суф. ē/ā в четырех рядах: лит. 1) tẽka, tekė́-jo, tekė́-ti, 2) miẽga, miegó-jo, miegó-ti (ср. [Stang 1966, 388], но, вопреки Стангу, не kýba, kýbojo, kýboti, где корневой гласный вторичного продления и всегда корневое ударение), 3) mìrksi, mirksė́-jo, mirksė́-ti 'помигивать глазами', 4) miř̃kso, mirksó-jo, mirksó-ti 'находиться в полудреме, с полузакрытыми глазами'. Различия слоговых интонаций корня в 3) и 4) стоят, вероятно, в связи с аномалиями долгот при s-основах, как в формах 3 л. буд. вр. (§ 52). Но формы с -i и с -o в наст. вр. полностью

параллельны по акцентуации: они не оттягивают ударение на приставку и поддаются одинаковому моделированию [Степанов 1972, 180]. Глаголов 2-го типа в совр. лит. лишь несколько: во-первых, miẽga, gieda, ráuda, все они по происхождению балт. атематические со значением состояния, и — miẽga более определенно — перфекто-презенсы [Stang 1962, 163]; во-вторых, bìjo, bijójo, bijóti 'бояться', žìno, žinójo, žinóti 'знать', из них первый восходит к и.-е. перфекту (§ 53), а второй — к корневому аористу, основа которого, однако, совпадала с основой перфекта, ср. греч. аор. ἔγνω, перф. ἔγνωκα.

В этой связи нужно вспомнить также, что в греч. суф. -ē- выступал с параллельным ему, хотя и исключительно редким, -ō- в том же значении: ἁλίσκομαι, ἑάλων, ἁλῶναι 'хватать' (ср. параллель ἁλ-ῶ-ναι, λιπ-ῆ-ναι). Балто-сл. функциональной параллелью этому греческому суффиксу является, по-видимому, -ā- в указанных глаголах, и, возможно, в нескольких других. Его опознанию служит то, что содержащие его формы являются в современном языке как формы претерита в одних парадигмах и как формы презенса — в других, ср. lindo — претерит при lį̃sti 'лезть' и презенс при lìndoti 'быть взлезшим'. (Но формы kìbo//kýbo — kim̃ba, kìbo, kìbti 'повисать' и kýbo, kýbojo, kýboti 'висеть' являются уже с более поздними перестройками.) Это -ā$_1$- было рано отождествлено с -ā-, возможно, иного происхождения, которое выступает показателем только балто-сл. претеритов, в свою очередь двух типов: ā$_2$ в ā-претеритах в обеих языковых системах — лит. sùka, sùko, слав. тъсетъ, тъка; ā$_3$ в ā-претерите, заместившем собою в балтийском более ранний непереходный e/o-претерит, сохраненный в славянском, — лит. buñda, bùdo, слав. бъ(d)nетъ, -бъде [Stang 1966, 378] (дальнейшее см. в §53.) Однако различение трех -ā- нужно только для глубокой реконструкции, так как уже в поздний балто-сл. период они выступают как один и тот же показатель (см. также [Топоров 1963, 45 et passim].)

Таким образом, в аблаутном классе восстанавливается прото-балто-славянская парадигма A: презенс *TeRT-e/o-* — 1-й претерит *TiRT-e/o* — 2-й претерит, "аорист состояния" или "первичный балто-сл. имперфект" *TiRT-ē//TiRT-ā*. Эта парадигма сохранилась лишь в виде фрагментов: **(1а)** leñda 'лезет' — liñdo 'залез' (1-й ā-претерит, заместивший e/o-претерит) — lìndo 'сидит залезший' (2-й ā-претерит, переосмысленный как презенс нового глагола состояния lìndo, lìndojo, lìndoti); **(1б)** то же, но со 2-м претеритом на -ē- lindė́-jo (расширенным суффиксом и с новым презенсом из и.-е. перфекта lindi, так же как новый глагол состояния liñdi, lindejo, lindeti); keřra, kiřro, kirpė́-jo (kirpė́ti); velk̃o, vilkė́-jo (vilkė́ti); **(1в)** с перестройкой презенса в je/o-презенс и с расхождением субъектов leñkia, liñko, linkė́-jo (linkė́ti). В **(1в)** каждая из трех форм дала начало трем глаголам: переходно-каузативному leñkia, leñke, lenkti 'гнуть', непереходному с неодушевленным субъектом liñksta, liñko, liñkti '(со)гнуться', непереходному с одушевленным субъектом liñki, linkė́jo, linkė́ti 'гнуться, кланяться'. Наличие двух различных претеритов в одной парадигме стало одним из важнейших факторов раздвоения славянских лексем на видовые пары и балтийских лексем — на диатезные пары. (Сама парадигма сохранилась

в балт. лишь в одном классе лит. глаголов типа leñda, liñdo, подробнее см. выше.) Реконструируемая парадигма в целом послужила, как можно предполагать, эпицентром аналогичной организации лексики в безаблаутном классе.

Наиболее полно, но не целиком, первоначальная парадигма А сохранена в немногочисленной группе, где отношения между балтийским и славянским как бы "зеркальные": в славянском корень с полной ступенью чаще поставляет аористы, корень с редуцированной ступенью — презенсы, тогда как в балтийском отношения обратные. В слав. группа лексики такого типа немногочисленна: *мьрж, мрѣти; чрьтж, чрѣсти* и нек. др. Некоторые глаголы совпадают по распределению ступеней с балт.: *пєрж, пьрати* 'давить, топтать', пєрж, *прѣти* 'лететь', *бєрж, бьрати, дєрж, дьрати; жєгж, жьжє, жєшти; жидж, жьдати.* В балт. группа представлена более отчетливо, с регулярными парадигмами и хорошо сохранилась во всех лит. диалектах, но в ней всего 18—20 глаголов: peřka, piřko, piřkti 'покупать', liẽka, ĺiko, ĺikti '1) оставлять, 2) оставаться' и др. Неясно, какие семантические черты соответствуют столь хорошо сохраняющемуся формальному единству: группа содержит глаголы как переходные, так и непереходные, как с субъектом-лицом, так и с субъектом-вещью. Мы можем выдвинуть здесь лишь предположение. Кажется, что семантическое единство образовано следующей весьма своеобразной чертой: в отличие от общего правила, более того — в прямой противоположности с ним, в лит. презентные корни с полной ступенью здесь означают 'состояние (притом зачастую предмета)', а претеритные корни с редуцированной ступенью — 'действие (притом зачастую активного лица)'. Например, piršti 'сватать, навязывать' субъектом действия выступает мужчина, но он осмысливается как объект: Puikų vaikiną jai perša 'Ей сватают доброго парня', отсюда возвратная форма jis pats peršasi 'он сам сватается'. Так же при piřkti 'покупать', где наименование субъекта связано с редуцированной формой вокализма корня pirklys 'покупщик, купец', а название объекта — с полной формой prekė̃ 'товар'. Семантической параллелью может служить лат. licet актив. '(предмет) продается с торгов' — licetur пассив '(человек) покупает с торгов'. По-видимому, здесь мы имеем дело с каким-то весьма древним противопоставлением и.-е. актива и медия (одним из их многочисленных противопоставлений), ср. скр. váhati актив '(колесница) везет человека' — váhate медий '(человек) едет на колеснице'.

Безаблаутный класс тематических основ представлен в лексике несколькими группами. Прежде всего отчетливо противопоставлены две основные группы: а) глаголы с корнями типа *ToT* (лит. *TaT*) и *TeT*, аналогичные скр. классу váhati, б) глаголы с корнями типа *TuT, TiT*, аналогичные скр. классу tudáti (см. выше). Уместно вспомнить тонкое замечание А. Мейе [1951, 173, § 219] о том, что в корнях такого типа корневой вокализм является как бы принудительно обобщенной аблаутной ступенью. Таким образом, первая группа соответствует корням типа *TeRT*, а вторая — корням типа *TRT* аблаутной парадигмы. Это соотношение проливает свет на общие черты их семантики.

Общий балто-славянский тип глаголов с вокализмом корня *-o-*, лит. *-a-* обозначает действия 'бить, толкать, бодать, копать' и под. [Stang 1943, 39]. Самое наличие *-o-* (лит. *-a-*) в корне Х. Станг считает формой интенсивности действия при обычном *-e-*. По нашей классификации типов переходности (см. § 49) эта группа может поставлять полярные формы, с одной стороны, синтетической и эффективной, с другой стороны, аналитической и неэффективной, с другой стороны, аналитической и неэффективной переходности. Ср.: 'копать землю', 'толкать кого-что', 'бодать кого-что' (синтет. эфф.); 'копать яму' (аналит. эфф.); 'копаться в чем-л.', 'толкаться, бодаться' (аналит. неэфф.). Основная семантика лежит, по-видимому, в сфере синтетической эффективной переходности, чем объясняется нередко явно вторичный характер форм с аналитической переходностью (наличие в них *-ся*). Ср. лит. и рус. kasti 'копать', kastis 'копаться', Важно отметить, что один и тот же тип аблаута -e-//-o- мог служить для создания "неопределенного" видового значения при "определенном" (тип *нести—носити*) и для создания пар, противопоставленных диатезой: погрѧзнѫти — погрѧзити, тє шти — точити.

В лит. эта группа имеет смешанное, "переходно-непереходное спряжение" — презенс на -a, претерит на -ė̃(-ẽ). Сюда же примыкает группа с неизменным вокализмом корня -e- и с претеритом на -ė̃(-ẽ), а в диалектах и с презенсом — на -ia, что соответствует "переходному спряжению": veda, vedė́, vesti 'вести', veža, veže, vežti 'везти', neša, nešė́, nešti 'нести', beda, bedė́, besti 'колоть', dega, degė́, degti '1) гореть, 2) жечь', kepa, kepė́, kepti '1) печь, 2) печься', lesa, lesė́, lesti 'клевать', tepa, tepė́, tepti 'мазать, красить' и др.

Балто-сл. группа с вокализмом корня -u-, -i- (исторически редуцированная ступень) означает действия того же семантического разряда, т.е. захватывает разные типы переходности, но с тенденцией в сторону неэффективной и неэффективной аналитической, т.е. к употреблению без дополнения, ср.: лит. dirbti 'работать', risti (rita) 'катить, катиться' (ср. рус. *Зима катит в глаза* = 'катится'), sukti 'поворачивать', др.-рус. *съкати* (ср. рус. *Воз повернул вправо* = 'повернулся'), skusti (skuta) 'брить' (ср. рус. *Бритва плохо бреет*), risti 'вязать' (ср. рус. *Незрелый виноград вяжет; Ее мама вяжет*), supti 'качать', др.-рус. *сути, съпу* (ср. рус. *На пароходе качает*), lipti 'лезть' (ср. рус. *Волосы лезут*), lupti 'лупить' того же корня (ср. рус. *Он лупит со всех ног*) и мн. др. В литовском этот класс имеет устойчивое "непереходное спряжение" — презенс на *-a*, претерит на *-o*.

Таким образом, названные две группы предстают в целом как класс недифференцированной синтетически-аналитической, эффективно-неэффективной, переходно-непереходной семантики, но с тенденцией ее поляризации на две группы в соотвествии с формальным признаком — вокализмом корня. Этим общим системным соответствием, по нашему мнению, более просто объясняется сложное на первый взгляд распределение типов претерита [Stang 1966, 378]. Чрезвычайно важной, быть может, определяющей чертой всего этого круга лексики является то, что обозначаемые ею действия во всех своих диатезных значениях могут быть приписаны 1 л., субъекту речи, самому говорящему человеку. В тех случаях, где с точки зрения современного значе-

ния глагола это выглядит натяжкой, следует предположить позднейшее изменение семантики. Так, например, lesti 'клевать', но первоначально 'собирать', ср. нем. lesen 'читать' и гр. λέγω 'собирать, читать, считать' [Frisk 1970, II, 96].

Раздвоение лексем в соответствии с двумя претеритами выступает в этих фрагментах, как и следовало ожидать по системным соображениям, очень отчетливо. Очевидна также роль презенса на -je/o- в дальнейшей перестройке претерита. Поэтому, по нашему мнению, необходимо принять вторичное происхождение балт. суффикса претерита -ē-<*-jā- в глаголах с презенсом на -je/o-. Это -ē$_2$- отождествилось с -ē$_1$-, содержавшимся в типах gulė, gulė́-jo gulė́-ti; linkė́-jo, linkė́-ti; pabegė́-jo, pabegė́-ti, слав. бѣжати<*bēgēti и др. (см., однако, о двусмысленности лит. основ типа bēgė, vėzė- [Степанов 1977]). Это — имбрикация (overlap) с парадигмой Д (дальнейшее в § 50).

Связи с сигматическими формами намечены в § 52. Славянский имеет сигматический аорист главным образом в корнях безаблаутного типа *TeT, TaT*, что отвечает его семантике переходности, притом "сильного" синтетического и эффективного типа (о семантике см. [Kølln 1969, 28]). Г. Кёлльн, однако, не уделил достаточного внимания форме корня, которая играет очень большую роль как по связи с семантикой, так и по связи с формообразованием, простирая свое влияние вплоть до образования новых претеритов: в слав. при ступени корня *-e-, -o-* имперфект имеет суф. *-e-* (несѣахъ), при редуцированной же ступени — суф. *-a-* (бьрааχъ [Фортунатов 1897]). При корнях типа *TeT, TaT* в балт., как правило, ē-аорист. Презенс этих глаголов, как в балт., так и в слав., не знает j-расширения, и поэтому нельзя предположить вторичного образования здесь балт. -ē-<*-jā-. Таким образом, мы имеем несомненное прото-балто-сл. соответствие: s-аорист//ē-аорист (с -ē$_1$-). Возникает вопрос о его древнейшем статусе. Х. Станг справедливо, на наш взгляд, считает "парадоксальным" предположение о синонимии обеих форм, так как во всех других случаях одна из них, сигматическая, выражала переходное действие, а другая — достигнутое состояние [Stang 1966, 388]. Принимаемое им объяснение вполне согласуется с основными линиями и нашей реконструкции: s-аорист имел значение собственно аориста при глаголах с корнями *TeT-, TaT-* и переходным значением, в то время как ē-аорист был вторым, "древнейшим имперфектным", претеритом в той же группе и означал длящееся, или лучше сказать, "интенсивное", состояние, например, *vedē'wurde führend'; поэтому именно на этой прото-балто-сл. основе возникает в дальнейшем расширенный, "новый" славянский имперфект vedě-axъ [Stang 1966, 387]. Указанные отношения образуют имбрикацию с парадигмой В (§ 52).

Эта реконструкция также может быть подкреплена греческими параллелями. При корнях указанного типа в греческом языке существовали два типа аористов — на -ē- с непереходным значением состояния и сигматический с переходным значением. Нередко в этом же ряду был третий, e/o-аорист с нейтральным значением. Так, например, при глаголах τύπτω, κόπτω 'бить', βάλλω 'бросать' и др. Аорист на -ē- здесь рано приобрел пассивное значение [Meillet, Vendryes 1966, 313, § 464].

Более того, греческий пошел дальше прото-балто-славянского, допуская контаминации s-аориста и e/o-аориста. Как показал Ф. Линдеман, именно так объясняются дублеты ἔβαλεν//ἔζελεν. Форма ἔβαλεν — обычный тематический аорист по формуле é-CRH$_1$-e/o-, где H$_1$ — ларингальный. Что касается формы ἔζελεν, то она объясняется как форма сигматического аориста é-CeRH$_1$-s-m(s, t) со вставкой тематического гласного é-g^{w}e1H$_1$-e-s-t, где группа -H$_1$e- давала -ε-, которое отождествлялось с 3 л. тематического аориста [Lindeman 1971, 127 и сл.]. Двойственная семантика глагола βάλλω '1) достигать, 2) бросать (копье и т.п.), ранить, 3) впадать (о реке) и т.д.' [Chantraine 161] соответствует такой реконструкции.

§ 55. К аблаутному и безаблаутному классу тематических основ принадлежит по типам спряжений лексико-семантическая группа глаголов, означающих основные движения — позы человека 'садиться/сесть/сидеть', 'становиться/стать/стоять', 'ложиться/лечь/лежать'. Эта группа по семантическим признакам (см. § 7) и по формальным (она прямо соответствует "основной модели", § 49) является центральной, "модельной", в системе корреляций "вид — диатеза". (Она же играет важную роль во многих парадигматических преобразованиях и.-е. языков, см. § 7.)

1) От и.-е. корня *sed-: основа презенса ст.-сл. *sē-n-d-ǫ, лит. sėd-u; основа претерита-аориста ст.-сл. sědъ, sěde, sěde, sěsti (e/o-претерит), sědajǫ, sěda, sědati (ā-претерит), лит. sėdo (<*sēdā) (ā-претерит) sėsti; основа претерита-"имперфекта" ст.-сл. sědě, sěděxъ (как аорист к sěděti с позднейшей сигматизацией), sěděaxъ (имперфект к тому же), лит. sėdė́-jo, sėdėti.

2) От и.-е. корня *sta-: презенс ст.-сл. sta-n-ǫ, лит. stó-j-u; претерит-аорист ст.-сл. staxъ, sta, sta, лит. net; претерит-"имперфект" ст.-сл. stajaxъ, staja (как аорист к stajati), лит. stójo, stóti [Ульянов 1891, 320; Leumann 1955, 159]; претериты от основы на -ē- расходятся: ст.-сл. stojěaxъ//stojaaxъ, лит. stovė́-jo.

3) И.-е. корень со значением 'лечь, лежать' представлен особыми образованиями в каждой их двух семей — слав. leg-, лит. gul-, но общая утрата исконного корня и значительный параллелизм новообразований снова говорят о компактности всей группы.

В этой группе глаголов отчетливо прослеживаются пути подстройки парадигм, общее направление которых — заполнение места 1-й фазы (о фазах см. § 49). В слав. первая фаза занимается производным глаголом с основой на *-ā-*: ст.-сл. sěda-ti, sědajǫ — sěsti; staja-ti, stajǫ — stati; др.-рус. легати//лѣгати — лечи (<*legti); в лит. в соответствии со слав. формами на *-ā* представлены только основы претерита, включенные в парадигму базового глагола: sėdu, sėdau, sėsti; stóju, stójau, stóti. Таким образом в этом фрагменте поддается восстановлению прото-балто-сл. парадигма с вариативным презенсом и двумя претеритами — 1) аористного типа, 2) "имперфектного" типа. Два претерита дали в славянском начало двум различным глаголам, соответственно "определенному" (перфективному) и "неопределенному" ("имперфективному"), а в балтийском аористный претерит был подавлен в пользу "имперфектного": старый през. *stan-//*staj-, 1-й претерит *stā-, лит. — нет,

ст.-сл. sta (инф. stati); 2-й претерит *stājā, лит. stójo, ст.-сл. staja (инф. stajati 'становиться'); лит. stóti. Сюда же относятся pādǫ, pasti — pādajǫ, pādati с продлением в корне, как и в sēd-, bēg-. В данном случае в славянском вариативный презенс (и очень часто вообще je/o-презенс) принадлежит одновременно двум различным парадигмам, создавая имбрикацию. Учитывая балтийский материал, к вариациям презенса здесь можно было бы причислить и sta-презенс, т.е. принять -je/o-//-n-//-sta. Однако последняя форма, по-видимому, стояла здесь в подчиненном ранге: хотя в презенсе -sta- и -n- чередуются, но в претерите у sta-глаголов преобладает видовой оттенок недлительности, в то время как у n-глаголов — длительности [Ульянов 1891, 73]. Поэтому sta-презенсы были менее предрасположены к тому, чтобы сочетаться с новыми балто-сл. аористами "имперфективного" типа (т.е. с ē-претеритами, ā-претеритами).

Раздвоение лексем в соответствии с двумя претеритами, столь характерное для балто-сл. системы глагола, выступает и в этих фрагментах очень отчетливо. Очевидна также роль презенса на -je/o- в дальнейшей перестройке претерита. Этим подтверждается необходимость принять вторичное происхождение балт. суффикса претерита -ē-<*-jā-в глаголах с презенсом на -je/o- (§ 50, 54).

Итак, резюмируя, можно пунктирно прочертить главную линию развития предложения от протоиндоевропейского к балто-славянскому. Будучи реконструкцией, эта линия представляет собой некоторую последовательность более или менее статичных этапов (временных "слоев", "срезов") и посредствующих между ними динамических процессов.

На протоиндоевропейском этапе ("этапе Уленбека") выделяются два главных типа предложения — I тип, "неактивный", продолжающий предшествующий "статив" (протоперфект), с предикатами perfecta tantum, и II тип, "активный", продолжающий предшествующий "актив" (древнейшее атематическое спряжение), с предикатами activa tantum (§ 1, 4). В прото-балто-славянском материале эти два типа предложения гипотетически реконструируются как: I — сочетание неодушевленного имени с глаголом "неодушевленной" диатезы, т.е. через все предложение проходит "длинный" семантический компонент "неодушевленность (неактивность)"; II — сочетание одушевленного имени с глаголом "одушевленной" диатезы — с длинным компонентом "одушевленность (активность)" (§ 14).

Здесь вступают в силу определенные семантические и морфологические (парадигматические) процессы. Семантические процессы: прерывание синтаксического длинного компонента и его "концентрация" либо в имени, благодаря чему создается группировка имен на "активные (одушевленные)" и "неактивные (неодушевленные)", а соответствующее разделение в глаголе утрачивается, либо в глаголе (с соответствующей утратой этого противопоставления в имени). Морфологические процессы: тематизация древнейших атематических парадигм и сложение аблаутной (апофонической) системы; образование медиального залога (медия); складываются типы корней: перфектный ToRT-//TR̥T-, активный TeRT-, медиальный TR̥T-, TiT-, TuT- (причем медиальный тяготеет в одних случаях к перфекту, в других к активу) (§ 3, 7, 54).

В результате на следующем, балто-славянском этапе мы имеем два типа предложения: I балто-славянский тип с предикатами перфектными (корни ToRT-//TR̥T-), медиальными (корни TR̥T-, TiT-, TuT-), комбинирующими в себе диатезно-аспектуальные (залогово-видовые) признаки "неактивная, неодушевленная диатеза" + "неопределенный (немаркированный) вид"; II балто-славянский тип предложения с активными предикатами (корни TeRT-) при комбинации признаков "активная, одушевленная диатеза" + "длительный (определенный, маркированный) вид".

На этом этапе имеет место семантический процесс "концентрации" длинного семантического компонента предложения либо в имени, либо в глаголе. В настоящее время мы не можем с определенностью сказать, является ли этот процесс последней, затянувшейся стадией уже отмеченного выше протоиндоевропейского процесса (§ 1) или же его повторением на более позднем, балто-славянском этапе. (Поскольку древнейший, протоиндоевропейский процесс связан с морфологическим оформлением системы актантов-падежей [гл. IV], а балто-славянский, в общем, не затрагивает морфологии падежей, но лишь их семантику, следует, скорее, предположить что здесь перед нами два разделенных по времени процесса.) Параллельно протекает процесс рекатегоризации аористных корней от "неопределенного (немаркированного)" вида к "определенному недлительному" виду (§ 49) и подстройка к аористным корням новых основ, выражающих состояние. Существенную роль играет при этом процесс вторичной апофонии — появление корней вида TR̄T-, TīT-, TūT- со значением "интенсивно протекающего состояния". На этом фоне происходит оформление основной залогово-временной модели (§ 49), сопровождающееся расщеплением (поляризацией) первоначальных балто-славянских "пучков' залогово-видовых признаков, связанных с древними типами корней.

В результате этих процессов на следующем этапе происходят, говоря суммарно, парадигматические рекатегоризации. В балтийском: в корнях предикатов I типа — повышение в ранге диатезного признака "неактивность, неодушевленность" и подавление видовых признаков; в корнях предикатов II типа — повышение в ранге признака "активность, одушевленность" и понижение видовых признаков длительности. В славянском, как бы в зеркальном отображении: в корнях предикатов I типа — повышение в ранге видового признака "неопределенный (немаркированный)" (в дальнейшем "недлительный, совершенный") вид и подавление залогового признака; в корнях предикатов II типа — повышение в ранге видового признака "длительный" (в дальнейшем "несовершенный") вид и утрата залогового признака. (Соответственно, корни с новым продлением типа TūT- и т.п. тяготеют в балт. к значению "интенсивно протекающее состояние", т.е. диатеза, в сл. — "интенсивная длительность", т.е. вид.) Таким образом образуются типы Ia, Iб, IIa, IIб (подробнее § 14).

При этом литовские (соответственно, балтийские) типы предложения, концентрирующие семантические признаки "активность/неактивность (одушевленность/неодушевленность)" в глаголе, т.е. в предикате предложения, хранят вследствие этого бóльшую близость к протоиндоевропейским типам предложения I и II. Напротив, славянские модели предложений, — в результате концентрации соответствующих признаков в имени и в силу более свободной сочетаемости имени по сравнению с глаголом, особенно имени в позиции субъекта, — утратили определенную связь с древними прототипами.

В заключение можно поставить вопрос: что же является "квантом" исторического изменения в синтаксисе? Вряд ли — после всего рассмотренного выше — было бы правильным сказать, что таким "квантом" выступает структурная схема предложения и ее трансформация. Конечно, подобные явления не исключены, отдельные структурные схемы, вместе с их лексическими вхождениями, могут даже заимствоваться и, во всяком случае, образовывать синтаксические изоглоссы (ср. балто-сл. *Косить луг отцом,* §29). Но все же подлинный исторический сдвиг — это изменение того или иного цельного фрагмента системы — структурной схемы, ее трансформаций, ее лексических вхождений, ее перифраз, причем все это в свою очередь связано с расщеплением глагольных лексем, перестройкой глагольных парадигм, модификациями значений падежей. Изменение в строе предложения есть их результирующая и "вектор".

Глава VI

ИНТОНАЦИЯ ФРАЗЫ И ПОРЯДОК СЛОВ

§ 56. Современное состояние проблемы индоевропейского порядка слов делается ясным из краткого исторического обзора. Уже авторы первых, ставших впоследствии классическими, работ ставили вопрос о порядке слов в связи с вопросом об интонации (ритме) предложения. Так называемый "закон Ваккернагеля", сформулированный этим лингвистом в известном исследовании "Об одном законе индоевропейского порядка слов" (1892 г.) [Wackernagel 1953a, I, 1—103], с некоторыми уточнениями А. Мейе гласит: вспомогательные слова в предложении стремятся занять позицию после первого самостоятельного слова; эта позиция является энклитической. Я. Ваккернагель в упомянутой работе одновременно классифицировал такие энклитики: ими оказались главным образом одно- и двухсложные слова определенного значения — личные и указательные местоимения в косвенных падежах, логические и модальные частицы и т.п., — т.е. те слова, которые мы квалифицируем как средства "длинного согласования" в предложении (гл. II).

Естественно, что такие слова прежде всего вступают в семантическую и ритмическую связь, а следовательно, и в четкое отношение порядка, с глаголом. Это было хорошо проиллюстрировано латинскими предложениями с глаголом-связкой 'быть' [Marouzeau 1908]. Если первое слово предложения (главного или придаточного) таково, что связка не образует с ним единства, например, это слово — подлежащее, то вспомогательное слово (в примерах ниже это — autem 'но, же') ставится сразу же после него, а позиция связки определяется ее отношением к атрибуту: Ted esse hominem diuitem, me *autem* esse hominem primarium (Plaut., Aula 227) 'Ты человек богатый, я же — первейший из бедняков'. Если же первое слово составляет единство со связкой, например, — оно — атрибут, то оба слова образуют нечто вроде одного сложного слова, ритмического комплекса, и частица следует за ним, т.е. занимает третье место: Nihilst (nihili est) *autem,* qui... (Plaut., Pseud. 1104) 'Ничего нет, почем...' ('Ни во что совершенно не хочет ценить').

В санскрите существует общий закон, согласно которому при симметричном построении (грамматическом параллелизме) двух связанных предложений, из которых одно является главным, а другое придаточным, первое предложение (обычно придаточное) имеет в конечной позиции ударный глагол, а второе (обычно главное) в той же позиции — безударный глагол; таким образом отношение глагола к фразовому ударению служит показателем зависимости предложения

и средством связи двух предложений. Например: víśany anyó bhuvanā *jajāna* / viśvam anyo abhicakṣāna *eti* (RV II, 40, 5) 'Один создал все существа, другой идет, надзирая за всем' [Vendryes 1903, 58].

Ж. Вандриес показал, что в греческом тот же ритмический закон, утраченный в глаголе, в некоторых случаях сохраняется в модифицированном виде в частицах, так что из двух коррелирующих частиц, помещенных одна в начале первого, другая в начале второго предложения, первая будет сильно ударенной (акутовой), вторая — слабо ударенной (циркумфлексной). Например: ἦέ (ἤ)... ἦε (ἦ) (<*η + Fε) 'или — или'; ἦὲ νέον μεθέπεις ἦ καὶ πατρώιός ἐσσι / ξεῖνος (Од., 1, 175) 'Или ты впервые приходишь (сюда), или ты (бывалый) гость отца?' (аналогично: Од., 3, 214). На этой основе впоследствии развились две отдельные частицы — 1. утвердительная или вопросительная ἦ 'разве (не)', 2. разделительная ἤ 'или' [Vendryes 1903, 58].

(В сходной методике выполнена современная работа о связующей частице и.-е. k^{w}e [Watkins 1985], однако без учета ритма и интонации фразы — характерное для наших дней сужение подхода; работа Ж. Вандриеса в библиографии автора не упоминается).

В таком комплексе, как в работах Я. Ваккернагеля, Ж. Марузо, Ж. Вандриеса и др., вопросы порядка слов и интонации ставились в начале нашего века. Этот подход продолжен в работах на славянском материале [Обнорский 1946; Vaillant 1977, (5), гл. 12].

В середине века исследование порядка слов из сферы сравнительно-исторического языкознания переместилось в сферу общей типологии и оттуда снова вернулось в индоевропейский синтаксис уже в преобразованном виде.

Основной работой новой ориентации явилось исследование Дж. Гринберга [Greenberg 1966; Гринберг 1970], проведенное на материале большого количества языков разных семей. Согласно американскому автору, имеются три основных порядка слов — VSO, SVO и SOV. Они обозначаются соответственно как порядки I, II, III и отражают относительную позицию глагола (V — глагол, S — субъект, подлежащее, O — объект). Из шести возможных порядков три остальных не встречаются; их общая черта состоит в том, что объект предшествует субъекту. Каждый из трех основных порядков сопровождается набором частных порядков. Так, в ряде работ была принята гипотеза, что протоиндоевропейский язык имел основной порядок — 1) III — SOV. В таком случае ему должны были сопутствовать следующие частные порядки: 2) прилагательное (адъектив) и генитив — перед именем существительным; 3) определение — перед определяемым; 4) послелоги (а не предлоги); 5) относительные предложения в препозиции.

Эта гипотеза легла в основу книги У. Леманна "Протоиндоевропейский синтаксис [Lehmann 1974; 1980], а также ряда более частных работ. Она позволила (но, правда, благодаря материалу классических работ предшествующего периода) получить ряд интересных результатов и уточнить ряд ранее известных положений. Среди них — порядок компонентов сложного слова по отношению к свободному и придаточному предложению, в развитие известных идей

Г. Якоби (ср., например, [Валянтас 1978]); порядок слов в придаточных предложениях разных типов в древних и.-е. языках и порядок самих придаточных по отношению к главному, и др. Ряд существенных положений, например, о синтаксических изоглоссах по признаку препозиции/постпозиции адверба был выдвинут В. Дресслером [Dressler 1971].

Однако сам подход к проблеме порядка слов в духе школы Дж. Гринберга вызвал критику индоевропеистов, иногда довольно резкую (например [Watkins 1976]). Основой для критики послужили действительные пробелы типологической теории, проявившиеся при попытках ее сравнительно-исторического применения. Среди этих пробелов, а также весьма противоречивых результатов, упомянем следующие. "Частные порядки", названные выше, в общем не соответствуют основному порядку, предположенному для протоиндоевропейского: например, в славянских языках генитив следует за именем, а в балтийских предшествует ему; анатолийские языки используют послелоги, а многие другие древние индоевропейские — предлоги; относительные предложения в одних языках предшествуют главному, а в других следуют за ним, и т.д. [Friedrich 1975, 1—8]. Правда, последний вопрос, возможно, мог бы получить более удовлетворительное решение при использовании типологии Ф.Е. Корша [Корш 1878], но это не было сделано.

Хуже всего в рамках этого подхода обстоит дело с центральной проблемой — порядка слов в "главном", "независимом" предложении. Определение "основного порядка" в простом предложении таких языков, как индоевропейские, где существует свободный порядок слов, — вряд ли вообще является подлинной проблемой. (К. Уоткинс квалифицирует ее как "псевдопроблему" [Watkins 1976]). Во многих случаях попытки установить такой порядок основаны на недопустимом ограничении материала каким-либо одним жанром. Достаточно напомнить странные выводы Э. Бернекера [Berneker 1900] о том, что в русском языке порядок VSO (*Посеял мужик репу*) равноправен с порядком SOV и чуть ли не преобладает над ним. Литовский и латышский языки, напротив, достоверно свидетельствуют о существовании в балтийском в прошлом SVO и SOV порядков, с преобладанием последнего [Ambrazas 1982], но не обнаруживают следов VSO. Греческие, кельтские и древнеиндийские факты сосуществования разных порядков приводятся в упомянутой работе К. Уоткинса [Watkins 1976].

П. Фридрих, все же основываясь на гипотезе "основного порядка", тем не менее приходит к выводу о наличии в древнейшем индоевропейском, по крайней мере, трех "основных порядков". По Фридриху, центральная зона — древнегреческий (а также современные романские, германские, новогреческий, славянские и албанский) — вариант (варианты) типа II; сюда же принадлежит армянский в другом ареале. Кельтские языки, а также праславянский, предстают как разновидности типа I. В восточном ареале иранский выступает как "слабый" тип III, сдвигающийся к типу II; тохарские — последовательный тип III, но с пережитками порядка VO. Индийский — "не-

жесткий" тип III, таков же анатолийский. Однако построение П. Фридриха само является пока что тоже гипотезой.

Причину таких типологических сдвигов (если они имели место) П. Фридрих видит в языковых контактах с языками иных семей. Действительно, языковые контакты в области синтаксиса еще не достаточно изучены, и, по-видимому, наиболее актуальным в настоящее время является не столько построение общих гипотез, сколько исследование синтаксических изоглосс и т.п., т.е. такой тип работ, как [Топоров 1960; Непокупный 1964; L'Hermitte 1971; Серебренников 1974а; Амбразас 1985; Эдельман 1974; 1980].

При типологическом подходе с позиций "порядка слов" к индоевропейскому предложению оказалось утраченным, пожалуй, самое главное достоинство, которое было присуще работам начала нашего века: связь абстрактно характеризуемого порядка слов с интонацией и ритмом предложения. Положение начало выправляться лишь в последнее время. На одно из центральных мест выдвинулось исследование "энклитических комплексов" частиц, занимающих начальную позицию в древнейшем индоевропейском предложении, а эта проблема заставила снова связать изучение порядка слов с изучением интонации и ритма (см., например, [Иванов 1979; 1983]).

Новый подход, однако, не должен означать просто возврата к типу исследований начала нашего века: к настоящему времени изменились и сами представления об интонации предложения. Единое понятие — интонация оказалось разделенным на два существенно различных понятия, отражающих два разных явления, — фразовую интонацию (также фразовый ритм, фразовое ударение) и акцентное выделение.

Т.М. Николаева заканчивает свою работу по этой теме словами: "Через всю книгу проходит мысль о глубоком функциональном различии акцентного выделения и фразового ударения. Языковое доказательство их различения извлекается из смыслового противопоставления таких простых примеров, как *Я прошу книгу* и *Я прошу книгу* (а не что-то другое)... Это функциональное различение АВ и ФУ базисное: за ним стоит размежевание в способе представления действительности" [Николаева 1982, 94]. Нейтральные высказывания, конечно, обладающие фразовой интонацией и фразовым ударением, передают некий отрезок действительности обычно описательно, — продолжает тот же автор, — между тем как акцентное выделение на фоне фразовой интонации вносит дополнительный, и зачастую очень резкий, коммуникативный и смысловой сдвиг.

На основе этого различения было достигнуто ясное понимание ряда категорий. Например, категория определенности/неопределенности оказалась связанной не с акцентным выделением, а с фразовым ударением. "...Индоевропейское предложение, особенно для группы славянских языков, устроено таким образом, что в большинстве случаев именно неопределенное имя — объект (или субъект) располагается в конце высказывания, в той позиции, куда по правилам интонационного фразового оформления и помещается фразовое ударение" [Там же, 20].

В свете всего сказанного о новом подходе мы ниже исследуем один конкретный вопрос — о глаголе связке в литовском языке, входящий в комплекс вопросов — о порядке слов, фразовой интонации и частицах (энклитиках и проклитиках).

§ 57. В настоящее время существует не менее четырех гипотез о происхождении лит. yrà 3-го л. наст. времени глагола bū́ti 'быть' (см. подробнее [Степанов 1970; 1985а; см. последовательно: Gauthiot 1908; Jäger 1961; Станг 1963; Stang 1966; Ford 1967; Hamp 1974; Ivanov 1978; ср. также: L'Hermitte 1971; Лермит 1973]).

По-видимому, наиболее вероятно, что лит. yrà восходит к союзу ir 'и', оформленному глагольным показателем -*a*. Мы высказали эту гипотезу в общем виде [Степанов 1970], ср. ранее [Jäger 1961, 316 ff.], не связывая предложенную этимологию с какой-либо специальной функцией или сферой употребления союза ir, что сделано ниже.

В.Н. Топоров [Toporov 1978] развил нашу гипотезу, отчасти синтезировав ее с гипотезой Х. Станга [1963; Stang 1966] применительно к основной семантической сфере союза — конъюнкции, типа рус. *и*, лит. ir, указав в особенности на связь литовского союза — сообразно с двумя его предполагаемыми компонентами i- и -r — с и.-е. указательной местоименной основой *i- с одной стороны, и с и.-е. связочной частицей *r̥ с другой. (Последняя представлена, например, в греч. ῥά, ἄρα, ἄρ и т.п.) Отсюда возможная реконструкция исходного типа употребления и одновременно исходной формы: «*i- (io-) с *-r̥ (-r-)», а соответствующие примеры таковы: лит. jis ar turi eiti 'hat er wohl zu gehen' 'он, пожалуй, должен идти'; jam ar reikėjo bū̃ti, bet nebuvo 'ему, пожалуй, надо было быть, но он не был'; гр. ὅτε δή ῥα ..., καὶ τότ' ἄρα... 'и вот когда..., тогда-то...'. Отсюда выводятся основные употребления yrà: 1) A yra 'A — это (которое) вот', предложения существования; 2) A yra B 'A — это (которое) вот B', предложения тождества [Toporov 1978, 626; Топоров 1980, 67].

Центр реконструкции В.Н. Топорова заключается, таким образом, в предположении о том, что союз типа рус. *и*, лит. ir сам по себе мог быть предикативом. Существенные детали остаются, однако, необъясненными; в yrà представлена не полная (соотв. ритмически сильная) ступень ar, как в приводимых примерах, а редуцированная (ритмически слабая) ступень ir, которая и сама по себе, без указательной частицы *i-, может соответствовать и.-е. *r̥ (т.е. ir<*r̥); как и в других реконструкциях остается необъясненным конечное -a.

Мы будем исходить из того же основного предположения, что и в 1970 г., т.е. что yra восходит к союзу ir, но (и в этом заключается то новое, что мы хотим здесь сказать) не к его главной функции (конъюнкции), а к одному его специальному употреблению, а именно к употреблению союза как усилительной частицы перед связкой ẽsti. Иными словами, исходной точкой развития мы предполагаем такие, существующие и в современном языке, употребления, как (jis) ir ẽsti; рус. (*он*) *и есть*. В.Н. Топоров [1978, 623—624] попутно отмечает похожие случаи, но перед другими предикативами; рус. *Он и вор*, как ответ на вопрос *Что он, вор, что ли?; Оно и видно*.

Первоначально обе основные функции глагола бытия — 1) как "чистой" связки и 2) как выражения существования — выполнял один и тот же глагол с и.-е. корнем *es- (ср. также [Stang 1966, 413]). Но в ритмическом отношении та и другая функция выражались по-разному. Известное различение двух рядов др.-гр. глагола εἰμί 'быть' — 1) ритмически слабого, безударного, энклитики и 2) ритмически сильного, ударного, — связано именно с различием этих двух функций. По существу, возвращаясь к глубокой логико-грамматической традиции, восходящей к средневековой логике, работе Г. Хермана [Hermann 1801] и др., можно говорить о двух глаголах бытия с корнем *-es-, которые Ш. Гиро удачно назвал: "слабый" — глаголом "сущности" (verbe d'essence), "сильный" — глаголом "существования" (verbe d'existence), причем исторически первый предшествует второму [Guiraud 1976, 5], ср. в др.-ирландском [Королев 1977].

Ч. Кан [Kahn 1973, 420] выступил против этой традиции, отвергая семантическую интерпретацию указанных различий и принимая только ритмические различия, связанные с законом Ваккернагеля и позицией глагола бытия в предложении (в общем и огрубленно, — начальная позиция — ритмически сильная, другие — слабые). Даже если ограничиться только ритмическими различиями, то сказанное нами сохраняет силу. Но дело в том, что нет достаточных оснований отказываться от семантической интерпретации.

Именно такое соответствие, по-видимому, и проступает в балто-славянских языках. Первоначально единый глагол бытия с корнем *-es- — лит. ẽsti, рус. *есть* — оставаясь при выполнении "слабой" функции сам по себе, в "сильной" функции получал ритмическое усиление в виде союза ir, рус. *и* (не в их функции конъюнкции!). В результате этого усиления возникали определенные синтактико-ритмические сочетания: "(1) сильная, ударная позиция (занимаемая каким-либо словом, например, *он* (*он и есть*) + (2) слабая, безударная позиция (занимаемая лит. ir, рус. *и*) + (3) сильная, ударная позиция (занимаемая глаголом, лит. ẽsti, рус. *есть*)". Сочетания (2) + (3) превращались в своего рода сращения.

В русском языке, оставаясь неизменными по форме, такие сочетания, в силу исчезновения глагола *есть* в этой функции, становились фразеологизованными оборотами. В литовском языке центральная часть этих сращений, позиция (2) + (3), уподобилась, в виде *irẽst(i), глаголам атематического спряжения и испытала общую судьбу этих последних, т.е. при их тематизации получила тематическое окончание: *irẽst(i)→*irè//*irà, как ẽsti→ẽsa (о последнем см. [Zinkevičius 1966, § 618]). Одновременно получил продление корневой гласный, как в омониме ỹra 'рвется' или как в bỹra 'сыплется' из *binra при дублете birsta. (Между прочим, здесь мы получаем такую форму (*irè), которую, по-видимому, искал Х. Станг и которую он постулировал в виде aurè).

Если достоверны данные новооткрытого "Ятвяжского словарика" (см. [Зинкявичюс 1985]), то имеющаяся в нем форма irm 'есмь' может прямо отражать указанный процесс. В таком случае можно предположить рядом с названными полными еще и сокращенные формы сращения: 1 л. irmi, 2 л. *irsì, 3 л. *irstì//*irst; последняя при тематизации прямо дает yrà.

Такое ir- могло к тому же осознаваться как своеобразная приставка к глаголу бытия, и исчезновение самого глагола способствовало образованию как бы нового глагола из приставки. Подобное глагольное словообразование довольно хорошо засвидетельствовано в хеттском языке и в виде отдельных следов в греческом и латинском [Dunkel 1981].

Приведем теперь русские параллели. Для этого воспользуемся, прежде всего, лучшим из имеющихся описаний союза *и*, описанием, сделанным акад. Л.В. Щербой для готовившегося академического словаря русского языка [Щерба 1935, стлб. 2—18]. Употребления, которые мы выбираем, соответствуют некоторым пунктам раздела III "*И* результативное" и всему разделу V "*И* усилительное" в этой классификации Щербы:

а) перед предикатом-глаголом (1) *Государь ты мой милостивый, да как к людям и лежать у меня сердцу?* (Фонвизин); (2) *А как его только выбрали, так он тот час и разогнулся* (Сумароков); от этих случаев нужно отличать (у Щербы не отличенные) случаи, сходные по поверхностной структуре, но допускающие трансформацию — передвижение *и* в более обычную, начальную позицию: (3) *Ты попроси, он и даст* (Чехов) = Ты попроси, и он даст;

б) "после указательных местоимений и наречий, а также после второстепенных членов предложения и именной части сказуемого, если они поставлены перед глаголом или связкой" (формулировка Л.В. Щербы): (4) *Тем и кончилось мое воспитание* (Пушкин); (5) *Мы тут и подоспели* (Лермонтов); (6) *Так кто же это тебя так припугнул? — Вот и кто. Иду я из Сухони... и вдруг вижу... волчья стая* (Шошин);

в) "после относительных местоимений и наречий": (7) *С тех пор он жил в своей Симбирской деревне, где и женился...* (Пушкин);

г) для выделения любого слова, перед которым стоит: (8) *И хорошо вы устроились!;* (9) *Ну и дела!;* (10) *Едакой женитьбы и куры смеяться станут* (Сумароков); (11) *Не хочу и доброй ночи желать тебе* (Гоголь).

(Интересные дальнейшие наблюдения над семантикой русской частицы *и* сделаны Е.Г. Борисовой [1982, 18—22], к сожалению, без связи с ритмикой предложения; работа Л.В. Щербы осталась автору, по-видимому, неизвестной.)

К этому необходимо еще добавить не отмеченное Щербой: д) при повелительном (по форме) наклонении в значении быстрого, неожиданного действия, как бы увлекающего лицо, о котором говорится, помимо его воли (также при олицетворенном предмете): (12) *Он и скажи!* "Он вопреки ожиданию сказал"; (13) *Она и хлопни!* "Она неожиданно, против ожидания, хлопнула". При других формах глагольных частиц, в сходном значении, *и*, тем не менее, невозможно: **Она и хлоп!* Но без *и* последняя форма тождественна предыдущей: *Она и хлопни!* = *Она — хлоп!* Этот тип играет важную роль в дальнейшей реконструкции (см. также § 52).

Употребления типа примеров (4), (5), (6) (7) отвечают формуле В.Н. Топорова (см. выше). Во всех случаях обращает на себя внимание ритмически слабое (безударное) положение *и*, при этом примеры (2), (3), (4), (5), (6), (7), (9), (12), (13) отвечают нашей ритмической формуле, приведенной выше. Поэтому легко объяснить два типа сращений с *и*: либо сращения проклитические — *и* примыкает к следующему ударному слову, чаще всего оно — предикат; либо сращения энклитические — *и* примыкает к предыдущему слову, которое чаще всего является относительным местоимением или союзом. Из последнего типа возникают характерные русские сращения — составные союзные слова: *хо́ть и; да́же и; во́т и; ка́к и; где́ и;* и т.п.

Основному русскому типу — *и* в безударной позиции перед следующим ударным словом, которое тем самым и получает добавочное усиление, — полностью отвечают литовские типы Jis ir yra tas žmogus; Aš ir kartu keliausiu и т.п.

Поскольку во всех этих типах значение конъюнкции у союза либо вовсе отсутствует, либо лишь сопровождает его усилительную, выделительную функцию, необходимо предположить, что в союзе *и*, ir контаминированы какие-то две и.-е. частицы: одна из них — частица союзного типа, частично отвечающая формуле В.Н. Топорова (в том смысле, что помещается после относительного или указательного местоимения), другая — частица выделительного или выделительно-побудительного типа, этой формуле не отвечающая. К последней непосредственно восходит лит. ir перед ẽsti, а также совр. yrà (jis ir yra).

В наиболее чистом виде эта вторая частица представлена, по-видимому, в рус. *Он и скажи!* Окончание "повелительной" формы *-и* здесь, несомненно, восходит к и.-е. оптативу, хотя детали соответствия и трудно установимы. А поэтому в "союзе" *и*, сопровождающем эту форму "слева", следует видеть какую-то частицу, сопровождавшую и.-е. оптатив. По всей вероятности, это и.-е. *ai//ī (§ 26).

Таким образом, рус. союз *и* (соотв. общеслав.) представляет собой, по-видимому, контаминацию двух и.-е. частиц — указательной *-i-(-ei-) и "увещевательной" (оптативной) *ai//ī причем каждая из них более непосредственно отражается в "своей" группе употреблений союза *и*. Так, по-видимому, более несомненно указательное *и* в примерах (4), (5), (6), (7), более несомненно увещевательное, оптативное в (12), (13), возможно в (1). Лит. (соответственно общебалт.) ir, несомненно, восходит к тем же двум частицам, но с присоединением третьей — *r̥.

И.-е. частица *ai//ī с увещевательным значением содержится в греч. сращениях союзного типа ἀίγάρ, ἀίγαρ δή, которые при этом так же, как лит., содержат элемент *r̥ (γάρ из γε+άρ). В то время как рус. союз *и* в его "усилительном" значении наиболее непосредственно отвечает варианту оптативной частицы *ī, ее вариант *ai представлен в греч. инфинитивах аориста типа δεῖξαι и инф. презенса типа εἶναι, а в лит. — в виде постпозиции к местоимениям jinaĩ, jisaĩ, šisaĩ, toksaĩ, tataĩ и т.п., и, по-видимому, в "инфинитиве" типа bū̃tinaĩ [Бенвенист 1955, 161—162], а также в соответствующих последней форме наречиях на -tinai [Там же, 137, 161]. Такой "инфинитив" отмечен впервые

Ф. Куршатом: Aš čion bū̃tinai įsitaisysiu "Ich werde mich da bleibend oder zum Bleiben einrichten" 'Я устроюсь здесь побыть, на пребывание' [Kurschat 1876, § 1547] (§ 26).

С другой стороны, те же элементы представлены в ведийских инфинитивах с окончанием -tavái, которое содержит vai, разлагающееся на u+ai, где u — побудительная частица, а ai — увещевательная частица, отмеченная выше [Бенвенист 1955, 161]. Инфинитив на -tavái может употребляться в качестве предиката в отрицательном предложении, выражая, в соответствии со своим составом, долженствование: naíṣā gávyūtir ápabhartavā u (R.V. X, 14, 2, цит. по: [Елизаренкова 1982, 360]), где ... -tavā u из -tavái u, т.е. из (-ta)-u -ai u.

По-видимому, те же элементы находим и в латышской отрицательной форме предиката существования nevaid, которая, следовательно, разлагается на ne-u-ai-d и семантически представляет собой просто набор (повтор) отрицательно-вопросительных частиц, из которых, в свою очередь, u-ai>vai присутствует в начале вопросительной формы. Возможно, впрочем, что vai представляет собой какую-то цельную, несоставную частицу. В любом случае обращает на себя внимание композиционный параллелизм лтш. ne+vai+d, лтш. ir+ai+d, лит. yr+ai [Būga 1958, I, 452].

Частично из других компонентов, а именно из ne и вопросительной частицы ar или er (последняя представлена в старых текстах), но по той же самой модели, что и латышское, составлено литовское отрицательное nėrà (ne-er//ne-ar-). Окончание -a, очевидно, перенесено из положительной формы yrà. Форма ar(er), используемая в своей первичной функции в ритмически сильной, ударной позиции начала вопроса, естественно, содержит сильную (полную) ступень того же корня, который в слабой (редуцированной) ступени представлен в другой позиции в ir и yrà.

Изложенным, по-видимому, отклоняются другие этимологии nevaid — как слова, происходящего из и.-е. корня перфекта *u̯oid- со значением 'известно' или как заимствования, через вопросительную форму vai, из ливского voi. Особого внимания и разбора заслуживали бы отмеченные некоторыми исследователями формы ira как союза ir.

Итак, в балто-славянском ареале были три глагола, а точнее — три предиката, бытия: 1) предикат "сущности" вневременной и неизменной, substantia, выражающийся "нулем", т.е чисто именным предложением без связки (типа "Крит — остров"); 2) предикат "сущности", данной во времени, essentia, выражающейся глаголом от корня es-, лит. ẽsti; 3) предикат "существования", existentia, наиболее подвижный морфологически и ритмически, выражающийся сочетаниями глагола от корня es- с частицами, лит. yrà, рус. типа *Он и есть*. Третий предикат, расширяя свою сферу, вытеснил в литовском второй предикат. В своей исконной сфере "экзистенции" с подчеркнутой эмфазой этот предикат получил новое подкрепление в виде частицы — тип Jis ir yra. Вопросительные и отрицательные предикаты бытия составляют разновидность, подтип, в рамках предиката третьего типа, "экзистенции".

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Алексеев М.Е. Типология нахско-дагестанских языков // Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1981.

Амбразас В. Некоторые следы балтофинских контактов в синтаксисе балтийских языков // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.

Амбразас С.В. Имена действия (nomina actionis) в древнелитовском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Барроу Т. Санскрит/ Пер. с англ. М., 1976.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование / Пер. с фр. М., 1955.

Бенвенист Э. Общая лингвистика/ Пер. с фр. М., 1974.

Богуславский И.М Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. М., 1985.

Бокарев Е.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949.

Борисова Е.Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Бородич В.В. Видовые отношения старославянского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1952. Т. 1, 2. Машинопись.

Бородич В.В. Видовое отношение старославянского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1953.

Бородич В.В. К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1954. Т. 9.

Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

Валянтас С.Г. Сложное слово и синтаксическая конструкция. Праиндоевропейская модель в балтийских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка / Пер. с нем. М., 1957.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.

Волков А.Г. Классы глаголов древнерусского языка // Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер. 1958. N 2.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1988.

Гамкрелидзе Т.В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36, N 3.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Активная типология языка и происхождение индоевропейских именных парадигм // Там же. 1981. Т. 40, N 2.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси, 1984.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Активная типология праиндоевропейского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984а. Т. 43, N 1.

Гаршва К. Просодемы в системе фонологического описания. На материале литовского языка. Там же. 1977. Т. 36, N 1.

Генюшене Э.Ш. Диатезы и залоги в современном литовском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.

Георгиев В. Исследования по сравнительному языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958.

Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.

Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии/ Пер. с англ. М., 1970.

Гулыга О.А. К проблеме связанности ситуаций. На материале дагестанских языков // Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.

Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.

Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Демьянков В.З. Новые тенденции в американской лингвистике 1970—1980 гг. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, N 3.

Десницкая А.В. Каузативные глаголы Учен. зап. ЛГУ. 1941. Вып. 5.

Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.

Джаукян Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.

Джаукян Г.Б. Опыт семантической классификации и ареального распределения индоевропейской лексики армянского языка // Джаукян Г.Б., Сараджева Л.А., Арутюнян Ц.Р. Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ереван, 1983.

Джаукян Г.Б. История армянского языка. Дописьменный период. Ереван, 1987. На арм. яз.

Долинина И.Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур. На материале английского языка // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Долинина И.Б. Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема "гиперлексемы" // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Долинина И.Б. Об особенностях полиреференциальных категорий: Явление переходности/непереходности // Грамматическая семантика слова и предложения. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Tartu. 1987. Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 760.

Достал А. К изучению категорий глагола в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1962.

Дремов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем) // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Елисеева А.Г., Селиверстова О.Н. Семантическая структура местоименного значения // ВЯ. 1987. N 1.

Етимологічний словник української мови: В 7 т. Київ. Т. 1: *А — Г.* 1982; Т. 2: *Д — Концi.* 1985.

Зверковская Н.П. Суффиксальное образование русских прилагательных XI—XVII вв. М., 1986.

Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л. Ч. 1. 1929; Ч. 2. 1930 (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8; 9).

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Иванов Вяч.Вс. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском // Славянское языкознание: VI Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1968.

Иванов Вяч.Вс. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Иванов Вяч.Вс. Сравнительно-исторический анализ категорий определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики//Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Иванов Вяч.Вс. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979а.

Иванов Вяч.Вс. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // Там же. 1979б.

Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.

Иванов Вяч.Вс. К восстановлению общебалтийских фрагментов приглагольных сочетаний // Славянское и балканское языкознание. М., 1983.

Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986.

Караулов Ю.Н. Таксономия падежей и предлогов. Семантика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии: Обзор/Сост. А.Н. Баранов. АН СССР. Инст. научной информации по обществ. наукам. М., 1987.

Кацнельсон С.Д. Древнеисландские сукцессивные частицы *of* и *um* // Вопросы грамматики. Сб. ст. к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.; Л., 1960.

Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.

Климов Г.А. К типологии падежных систем // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, N 2.

Климов Г.А. Типология картвельских языков // Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1981а.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1981б.

Королев А.А. Глагол существования и связка в древнеирландском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

Кортава Ю.Г. Глаголы обладания в грузинском языке // Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.

Корш Ф.Е. Способы относительного подчинения: Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1878.

Криницкайте С.А. Типы глагольной переходности в литовском языке // Liet. TSR Mokslų Akad. darbai. Ser. A. 1980. Т. 3 (72).

Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Курилович Е. Основные структуры языка — словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Тарт. гос. унив. Σημειωτική: Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.

Лекомцева М.И. Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Леман У. Выводы о протоиндоевропейской глагольной системе, основанные на внутреннем анализе санскрита // ВЯ. 1961. N 2.

Лермит Р. О развитии номинативного предложения в русском языке // Там же. 1973. N 2.

Линдсей В.М. Краткая историческая грамматика латинского языка / Пер. с англ. М., 1948.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Ломтев Т.П. Основные направления в развитии структуры простого предложения в славянских языках // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1973.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Пер. с англ. М., 1954.

Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект. М., 1982.

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.

Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков/Пер. с фр. Юрьев, 1911.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков/ Пер. с фр. М., 1938.

Мейе А. Общеславянский язык/ Пер. с фр. М., 1951.

Мельников Г.П. Проблема критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм. На материале русских падежей // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.

Мельничук О.С. Розвиток стуктури слов'янського речення. Київ, 1966.

Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии строя предложения // Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. М., 1975.

Непокупный А.П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.

Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М., 1985.

Норман Б.Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972.

Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в склонении древнегерманских существительных: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.

Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.

Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. М., 1977.

Перельмутер И.А. О функционально-семантических оппозициях активных и медиальных форм древнегреческого глагола. Язык аттической прозы // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

Перельмутер И.А. Индоевропейский медий и рефлексив // ВЯ. 1984. N 1.

Першина Н.А. Индоевропейские этимологии, отражающие взаимосвязи пространственных и временных представлений. Томск, 1973.

Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание/ Пер. с нем. М., 1956.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Поржезинский В.К. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 1916. Вып. 1.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М. Т. 1/2. 1958. Т. 3. 1968.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. 1: *А—О;* Т. 2: *П—С;* М.; Л., 1949. Вып. послед.: *Тело — Ящур* (Труды Инта рус. яз. Т. 1). (Репродукция 1956.)

Ревзин И.И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.

Русско-французский словарь. Сост. Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. 8-е изд. М., 1962.

Савичюте Г.С. Предикаты цели и предикаты каузации // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, N 6.

Савченко А.Н. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов/н/Д, 1960.

Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

Савченко А.Н. Древнейшие процессы в области личных местоимений в праиндоевропейском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, N 6.

Савченко А.Н. Происхождение индоевропейского медия в свете типологических данных // Там же. 1986. Т. 45, N 6.

Савченко А.Н., Потемкин Н.А. Происхождение аккузатива в праиндоевропейском языке // Baltistica. 1987. Т. 23 (2).

Сазонова И.К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова // ВЯ. 1971. N 6.

Сазонова И.К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения. На материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

Сахокия М.М. Посессивность, переходность и эргативность. Типологическое сопоставление древнеперсидских, древнеармянских и древнегрузинских конструкций. Тбилиси, 1985.

Селиверстова О.Н. Понятия "множество" и "пространство" в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 43, N 2.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Пер. с нем. М., 1980.

Серебренников Б.А. Основные линии развития падежей и глагольной системы в уральских языках. М., 1964.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Серебренников Б.А. Об одной изоглоссе района Прибалтики // Baltistica. 1974а. Т. 10 (1).

Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.

Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. М., 1948.

Соколов С.Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. М., 1977.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 1: *А — К.* 1893; Т. 2: *Л — П.* 1895; Т. 3: *Р — ω* и дополнения А-Іа 1903. (Репродукция 1958.)

Станг Хр. Третье лицо глагола 'быть' в литовском и латышском языках // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь Б.А. Ларина. Л., 1963.

Стендер-Петерсен А.И. О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском // Acta et commentationes Univ. Tartuensis. Humaniora [Tartu]. 1930.

Степанов Ю.С. Проблема предложения в сравнительно-историческом синтаксисе // Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер. 1957. N 2.

Степанов Ю.С. О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1959. N 2.

Степанов Ю.С. Подлежащее в старых романских языках. Глава из сравнительно-исторического синтаксиса // Вестн. МГУ. Сер. Филология, журналистика. 1961. N 4.

Степанов Ю.С. Метаописание в исторической грамматике // Там же. 1962. N 2.

Степанов Ю.С. Структура французского языка. М., 1965.

Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей. Совмещение классификаций и его следствия // ВЯ. 1968. N 6.

Степанов Ю.С. Литовское *yrà* 3 лицо глагола 'быть' // Baltistica. 1970. Т. 6 (2).

Степанов Ю.С. Ударение и метатония в литовском глаголе // Там же. 1972. 1 priedas.

Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка. Три функции и три формальных аппарата языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32, N 4.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975а.

Степанов Ю.С. Категории вида и залога в балто-славянских языках: Проблема общего генезиса и реконструкции // III Всесоюз. конф. по балт. языкознанию: Тез. докл. Вильнюс, 1975б.

Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. 1) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, N 5.

Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. 2) // Там же. 1977. Т. 36, N 2.

Степанов Ю.С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (Проблема общего генезиса и реконструкции) // Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1978.

Степанов Ю.С. "Перфектный центр" в русском синтаксисе (Вид, залог, переходность. Балто-славянская проблема. 4) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978а. Т. 37, N 4.

Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов // Там же. 1979. Т. 38, N 4.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

Степанов Ю.С. Оборот *Земля пахать* и его индоевропейские параллели // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, N 2.

Степанов Ю.С. Герундивы и имена действия в древнейшем строе индоевропейского предложения // ВЯ. 1985. N 6.

Степанов Ю.С. Лит. *yrà*, рус. (*он*) *и есть* (К вопросу о происхождении) // Baltistica. 1985а. Т. 21 (1).

Степанов Ю.С. Латинский преверб *re-* и медиопассивное *-r*. К вопросу о происхождении индоевропейского медиопассива // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, N 4.

Степанов Ю.С. Системные следы индоевропейского перфекта в армянском языке // Второй Междунар. симпоз. по арм. языкознанию: Тез. докл. Ереван, 1987а.

Степанов Ю.С. Следы архаических типов индоевропейского предложения в латинской косвенной речи // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987б.

Степанов Ю.С. [Ju. S. Stepanov]. К текстовой теории русских падежей // Rev. étud. slav. 1987b. Т. 59, fasc. 3. (En hommage à Jacques Veyrenc.)

Степанов Ю.С. Текстовая теория русских падежей в описательном и сравнительно-историческом языкознании // Русистика сегодня. М., 1988.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение: лексические вхождения в структурные схемы // ВЯ. 1988а. N 1.

Степанов Ю.С. Индоевропейское и балто-славянское предложение. Проблемы реконструкции // Baltistica. 1988б. Т. 24 (2).

Теренций, Публий. Адельфы. Комедия. Введ. и коммент. С.И. Соболевского. М., 1954.

Тестелец Я.Г. Эргативная конструкция и эргативное построение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1968.

Толстой Н.И. К реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1973.

Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) // Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1978.

Топоров В.Н. Об одной ирано-славянской пареллели из области синтаксиса // Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. 1960. Вып. 28.

Топоров В.Н. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5.

Топоров В.Н. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола // IJSLP. 1963. Vol. 5.

Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. М. *A–D.* 1975; *E–H.* 1979; *J–K.* 1980; *K–L.* 1984.

Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.

Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.

Трубинский В.И. О русском разговорном посессивном перфекте // Северно-русские говоры. Л., 1979. Вып. 3.

Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М., 1971.

Уленбек Х.К. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков / Пер. с нем. // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Ульянов Г.К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава. Ч. 1: Основы, обозначающие различия по залогам. 1891; Ч. 2: Основы, обозначающие различия по видам. 1895.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. Т. 1 (*А—Д*). 1964; Т. 2 (*Е — Муж*). 1967; Т. 3 (*Муза — Сят*). 1971; Т. 4 (*Т — Ящур*). 1973.

Фортунатов Ф.Ф. Критический разбор сочинения Г.К. Ульянова "Значения глагольных основ в литовско-славянском языке" // Сб. Отд. рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1897. Т. 64, N 11.

Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с нем. М., 1952.

Хачикян М.Л. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985.

Ходова К.И. Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971.

Ходорковская Б.Б. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.

Ходорковская Б.Б. К проблеме индоевропейского сигматического аориста. Вопросы семантики // ВЯ. 1983. N 6.

Ходорковская Б.Б. Проблема сигматического аориста и становление системы времен в языках италийской группы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986.

[Черный Э.] Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским/ Сост. Э. Черный. М. 2-е изд., вновь перераб. и знач. доп. 1882; 4-е изд., 1888.

Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.

Шарыпкин С.Я. Синкретизм греческого датива в свете древнейших греческих надписей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, N 3.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1925. Вып. 1/2.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1973.

Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1983.

Шеворошкин В.В. Лидийский язык. М., 1967.

Шмелев Д.Н. Об одном случае реликтового употребления формы аориста в русском языке // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.

Щерба Л.В. И — идеализироваться // Словарь русского языка. 7-е изд. М., 1935. Т. 9, вып. 1. (Слов. ст. отдел. отт.)

Эдельман Д.И. О конструкциях предложения в иранских языках // ВЯ. 1974. N 1.

Эдельман Д.И. К субстратному наследию центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. N 5.

Эдельман Д.И. К проблемам исторического синтаксиса (иранские параллели к балто-славянским оборотам "номинатив + инфинитив") // Baltistica. 1987. Т. 23 (2).

Эрну А. Историческая морфология латинского языка / Пер. с фр. М., 1950.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/ Под ред. О.Н. Трубачева. М. Вып. 1. 1974 —

Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984.

Явнис К. Грамматика литовского языка. Пг., 1908—1916.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Ярцева В.Н. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940.

Ярцева В.Н. Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке // Учен. зап. ЛГУ. 1940а. Вып. 5.

Aalto P. Untersuchungen über das lateinische Gerundium und Gerundivum // Ann. Acad. scient. fenn. Ser. B. 1949. Vol. 62, N 3.

Ahlqvist A. A note on old irish *ro* // Ériu. 1975. Vol. 26.

Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.

Ambrazas V. Žodžių tvarka ir baltų kalbų sakinio tipo rekonstrukcija // Baltistica. 1982. T. 18 (2).

Bader F. Le système des désinences de 3 pl. du parfait latin // BSL. 1967. T. 62, fasc. 1.

Bader F. Vocalisme et redoublement au parfait radical en latin // BSL. 1968. T. 63, fasc. 1.

Bader F. Εἰκώς, ἐοικώς et parfait redoublé en grec // BSL. 1969. T. 64, fasc. 1.

Bader F. Réflexions sur le verbe indo-européen // Rev. philol., litt. et hist. anciennes. 1971. T. 45, fasc. 2.

Bader F. Lat *nempe, porceo* et les fonctions des particules pronominales // BSL. 1973. T. 68, fasc. 1.

Bader F. Une isoglosse gréco-tokharienne: **yo* affixe casuel et particule d'énumération // BSL. 1975. T. 70, fasc.1.

Bader F. Mycénien *to-so-de, to-so-jo* // Minos. 1975. T. 14, fasc. 182.

Bader F. Le présent du verbe "être" en indo-européen // BSL. 1976. T. 71, fasc. 1.

Bader F. Particules d'énumération mycéniennes // Minos. N.s. 1976a. T. 15, fasc. 182.

Bader F. Flexions d'aoristes sygmatiques // Etrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à M. Lejeune. P., 1978.

Bader F. Autour du réfléchi anatolien. Etymologies pronominales // BSL. 1982. T. 77, fasc. 1.

Barwise J., Perry J. Situations and attitudes. Cambridge (Mass.); L. 1983.

Bauer F. The latin perfect endings *-ere* and *-erunt* // Language. Dissertations, N. 13. Philadelphia, 1933.

Beattie A.J. The origin of greek δεῦρο // Trans. Philol. Soc. — 1949. L., 1950.

Benveniste E. L'anaphorique prussien *din* et le système des démonstratifs indo-européens // Stud. baltici. 1933. Vol. 3.

Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen. P., 1935; réimpression 1984.

Benveniste E. Sur quelques développements du parfait indo-européen // Arch. lingustic. 1949. Vol.1.

Benveniste E. Catégories de pensée et catégories de langue // Et. philos. (Paris). 1958. N 4.

Benveniste E. "Être" et "avoir" dans leurs fonctions linguistiques // BSL. 1960. T. 55, fasc. 1.

Benveniste E. Les substantifs en *-ant* du hittite // BSL. 1962. T. 57, fasc. 1.

Benveniste E. Hittite et indo-européen. Etudes comparatives. P., 1962a.

Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. P., 1969. T. 1: Economie, parenté, société; T. 2: Pouvoir, droit, religion.

Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. P., 1948; réimpression 1975.

Bergaigne A., Henry V. Manuel pour étudier le sanskrit védique. P., 1890.

Berneker E. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. B., 1900.

Birnbaum H. Common Slavic. Progress and problems in its reconstruction. Columbus (Ohio), 1979.

Birwé R. Griechisch-arische Sprachbezehungen im Verbalsystem. Walldorf Hessen, 1956.

Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament / A transl. and rev. of the 9th — 10th germ. ed. [Chicago], 1967.

Blesse E. Zum lett. *uguns* "Feuer" // KZ. 1958. Bd. 75, H. 3/4.

Brugmann K. Der Ursprung des griechischen schwaschen Perfects // KZ. 1881. Bd. 25. Neue Folge Bd. 5.

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904 (Photomech. Nachdruck. B., 1970).

Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen. Strassburg. Bd. II, T. 1. 1888; T. 2. 1892; 2. Aufl. — Bd. II, T. 1. 1906; T. 2. 1911; T. 3 (1). 1913; T. 3 (2). 1916. (Brugmann K., Delbrück B. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen; Bd. 2.)

Brugmann K. Die Syntax des einfaches Satzes im Indogermanischen. B.; Leipzig, 1925.

Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius. T.1. 1958; T. 2. 1959; T.3. 1961; Rodyklės. 1962.

Cardona G. Rigvedic śṛṇviṣé // Language. 1961. Vol. 37, N. 3.

Carruba O. Die satzeinleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma, 1969. (Incunabula Graeca; Vol. 32.)

Čop B. Sur l'origine des thèmes pronominaux sigmatiques des langues indo-européennes // Linguistica (Ljubljana). 1981. T. 21.

Chantraine P. Histoire du parfait grec P., 1927.

Chantraine P. Le rôle de l'élargissement ε/ō dans la conjugaison grecque // BSL. 1927a. T. 28, fasc. 1.

Chantraine P. Note sur les adverbes en -ινδην, -ινδα, -ινδον désignant les jeux // Rev. étud. grecques. 1933. T. 46, N 27.

Chantraine P. Les verbes grecs signifiant "tuer" // Die Sprache. 1950. Bd. 1.

Chantraine P. Morphologie historique du grec. 2-eme éd., rev. et augm. P., 1967.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I—IV (1,2) P., 1968—80.

Chantraine P. Grammaire homérique. P., 1981. T. 2: Syntaxe.

Cowgill W. The source of latin *stare* with notes on comparable forms elsewhere in Indo-European // J. Indo-Europ. Stud. 1973. Vol. 1.

De Lamberterie Ch. Poids et force: reconstruction d'une racine verbale indo-européenne // Rev. étud. armén. N.s. 1982. T. 16.

De Molina Redondo J.A. Usos de "se". 3-a ed. Madrid, 1980.

Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg. T. I. 1893; T. II. 1897; T. III. 1900. (Brugmann K., Delbrück B. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen; Bd. 3, 4, 5.)

Denniston J.D. The greek particles. 2nd ed. Oxford, 1981.

Diakonoff I.M., Neroznak V.P. Phrygian. N.Y., 1985.

Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität // Sitzungsber. Öster. Akad. Wiss. Philol.-hist. Kl. 1 Abh. 1968. Bd. 259.

Dressler W. Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax // KZ. 1971. Bd. 85, H. 1.

Dunkel G.H. Further traces of preverbal *am*redita in Greek and Latin // KZ. 1981. Bd. 95, H. 2.

Dunn J.A. The nominative and infinitive construction in the Slavonic languages // Slav. and East Europ. Rev. 1982. Vol. 60, N 4. (Brit. Contrib. Inter. Congr. slav. Kiev, 1983).

Du Bois J.W. The discourse basis for ergativity // Language. 1987. Vol. 63, N 4.

Endzelin J. Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923.

Endzelīns J. Ursprung und Gebrauch des lettischen Debitivs // Endzelins. *J. Darbu izlase. Rīga*, 1971. T. 1.

Endzelīns J. Zum lettischen Präteritum // Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1974. T.2.

Endzelīns J. Senprūšu valoda // Endzelīns J. Darbu izlase Rīga, 1982. T. 4(2).

Ernout A. Recherches sur l'emploi du passif latin à l'époque républicaine // MSL. 1909. T. 15, fasc.5.

Ernout A. Recueil de textes latins archaïques. P., 1947.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-ème éd. 2-ème tir. P., 1967.

Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. 2-ème éd. P., 1984.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Jn 2 Bd., Heidelberg, 1962.

Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch.

Heidelberg, 1940. T. 1: Kurzgefasste Grammatik.

Friedrich P. Proto-Indo-European Syntax the order of meaningful elements // J. Indo-Europ. Stud. Monograph N 1. 1975.

Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. Bd. I: A — Ko. 1973; Bd. II: Kρ — Ω,1970; Bd. III: Nachträge etc. 1972.

Ford G.B. (Jr.). Esti und *yra* in Vilentas' Enchiridion // ZfSPh. 1967. Bd. 3, H. 2.

Gaedicke C. Der Akkusativ im Veda. Breslau, 1880.

Galnaitytė E. Veikslų definicijos lietuvių aspektologijoje klausimu // Baltistica. 1978. T. 14 (1).

Gauthiot R. La phrase nominale en finno-ougrien // MSL. 1908. T. 15, fasc. 4.

Gonda J. Selected studies. Leiden, 1975. Vol. 1: Indo-European linguistics.

Greenberg J.H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of language/ Ed. J.H. Greenberg 2nd. ed. Cambridge (Mass.), 1966.

Guchman M.M. Die Ebenen der Satzanalyse und die Kategorie des Genus verbi // Satzstruktur und Genus verbi. B., 1976.

Guiraud Ch. La phrase nominale en grec d'Homère à Euripide. P., 1962.

Guiraud Ch. Nouvelles réflexions sur la phrase nominale // KZ. 1976. Bd. 90, H. 1/2.

Haderka K. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом в старославянских и церковно-славянских памятниках // Slavia. 1964. Roč. 33, seš. 4.

Hamp E.P. Yra // IJSLP. 1974. Vol. 17.

Hamp E.P. On the baltic verbal ending *-ki* // Baltistica. 1978. T. 14 (2).

Haudry J. Les emplois doubles du datif et la fonction du datif indo-européen // BSL. 1968. T. 63, fasc. 1.

Haudry J. L'instrumental et la structure de la phrase simple en indo-européen // BSL. 1970. T. 65, fasc. 1.

Haudry J. Hypothèses sur l'origine des infinitifs en grec ancien // BSL. 1975. T. 70, fasc. 1.

Haudry J. L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Lille, 1978.

Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu Wien, 1946.

Havránek B. Genera verbi v slovanskych jazycích: In 2 t. Pr., 1928—37.

Hermann G. De emendanda ratione graece grammaticae. Leipzig, 1801.

Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1934. Bd. 6.

Hoffmann J.B. Beiträge zum Kenntnis des Vulgärlateins // IF. 1925. Bd. 48, H. 1.

Hoffmann K. Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsuntersuchung. Heidelberg, 1967.

Hoffmann K. Vedisch kṣan // Sprachwiesenschaftliche Forschungen: Festschr. für J. Knobloch. Innsbruck, 1985. (Innsbruck. Beitr. Kulturwiss.; Bd. 23.)

Hoffner H.A. (Jr.). [Review article.] Studies of the Hittite Particles // J. Amer. Orient. Soc. 1973. Vol. 93.

Jablonskis J. Linksniai ir prielinksniai // Jablonskis J. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1957. T. 1.

Jablonskis J. Lietuvių kalbos gramatika // Jablonskis J. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1957a. T.1.

Jakulienė A. Priežastinių ir parūpinamųjų veiksmažodžių skyrimo kriterijai // Kalbotyra (Vilnius). 1975. T. 16 (1).

Jasanoff J.H. The *r*-endings of the Indo-European Middle // Die Sprache. 1977. Bd. 23, H.2.

Jasanoff J.H. The position of the ḫi-conjugation // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.

Jäger G. Litauische *yra* // Z. Phonet., Sprachwiss. und Kommunikationsforsch. 1961. Bd. 14.

Justus C.F. Directions in indo-european etymology with special reference to grammatical category // Perspectives on historical linguistics / Ed. W.P. Lehmann, Y. Malkiel. Amsterdam. Philadelphia, 1982. (Curr. Iss. Ling. Theory; Vol. 24.)

Ivanov V.V. Zur Herkunft einiger baltischen Verbalformen // ZfSl. 1978. Bd. 23, H. 5.

Ivanov V.V. Syntactical archaisms of Old Hittite // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.

Kahn Ch. H. The verb 'be' in Ancient Greek // The verb 'be' and its synonyms. Philosophical and grammatical studies / Ed. J.W.M. Verhaar. Dordrecht, 1973.

Karaliūnas S. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987.

Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968.

Klimov G.A. On the expression of object relations in the ergative system // Objects L., 1984.

Knobloch J. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Verbums. Habitationsschrift. Innsbruck, 1951.

Kølln H. Oppositions of voice in Greek, Slavic, and Baltic // Hist.-filos. Medd. Kgl. Dan. Videnskab. Selskab. København, 1969. Bd. 43, N 4.

Kuryłowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite // BSL. 1932. T. 33, fasc. 1.

Kuryłowicz J. L'apophonie en Indo-Européen. Wroclaw, 1956.

Kuryłowicz J. Réflexions sur l'imparfait et les aspects en vieux-slave // IJSLP. 1959. N I/II.

Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Kuryłowicz J. Die hethitische ḫi- Konjugation // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.

Kurschat F. Grammatik der littauischen Sprache. Halle, 1876.

Laroche E. Un "ergatif" en indo-européen d'Asie-Mineure // BSL. 1962. T. 57, fasc. 1.

Laroche E. Noms d'action en indo-européen d'Anatolie // Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste. P., 1975.

Lasso de la Vega J.S. Sintaxis griega. Madrid, 1968. T. 1.

Lehmann W.P. Proto-indo-european syntax. Austin; L., 1974; 2nd print. 1980.

Lehmann W.P. Development of conditional clauses in early Sanskrit // Festschr. J. Knobloch. Innsbruck, 1985. (Innsbruck. Beitr. Kulturwiss.; Bd. 23.)

Lejeune M. Traité de phonétique grecque. 2ème éd., rev. et cor. P., 1955.

Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1871.

Leskien A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 2. Aufl. Heidelberg, 1919.

Leumann M. Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalsystem. Amsterdam, 1952.

Leumann M. Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959.

Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1963. (Leumann M., Hoffmann J.B., Szantyr A. Lateinische Grammatik; Bd. 1.)

Leumann M. Lateinische Perfektstämme ohne Merkmal // Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste. P., 1975.

Lewis H., Pedersen H. A concise comparative celtic grammar. 3d ed. Göttingen, 1974.

L'Hermitte R. La phrase nominale en russe et les constructions voisines dans les langues finno-ougriennes // Stud. slav. hung. (Budapest). 1971. T. 17.

Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius. T. I. 1965; T. II. 1971; T. III. 1976.

Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius. T. 1^1. 1941; T. 1^2. 1968; T. 2. 1947. —

Lindeman F.O. Bemerkungen zu den Aoriste ἔζελεν/ἔβαλεν // IF. 1971. Bd. 76.

Lyonnet S. Le parfait en arménien classique. Principalement dans les traductions des Evangiles et chez Eznik. P., 1933.

Macdonell A.A. A practical sanskrit dictionary. Oxford, 1929. Reprint. 1969.

Magnien V. Emploi des démonstratifs chez Homère // BSL. 1922. T. 33, fasc. 3.

Mandilaras B.G. The verb in the greek non-literary papyri. Athens, 1973.

Margulies A. Verbale Stammbildung und Verbaldiathese // KZ. 1930. Bd. 57, 58.

Markey T.L. Deixis and the *u*-Perfect // J. Indo-Europ. Stud. 1979. Vol. 7, N 1/2.

Marouzeau J. Sur l'enclise du verbe "être" en latin // MSL. 1908. T. 15, fasc. 4.

Mayrhofer M. Zum Namengut des Avesta // Sitzungsber. Öster. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. 1977. Bd. 308. (Veröff. Iran. Kommis. Bd. 3, 5.)

Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd. 1: Die altiranischen Namen. Fsz. 1: Die avestischen Namen // Öster. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. Sonderpubl. Iran. Kommis. 1977a.

Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970.

Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981. T.2.

Meillet A. D'une anomalie de la quantité en lituanien occidental // MSL. 1903. T. 12, fasc. 4.

Meillet A. Sur l'aoriste sigmatique // Mélanges F. de Saussure. P., 1908.

Meillet A. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien // MSL. 1909. T. 16, fasc. 2.

Meillet A. Les noms du "feu" et de l'"eau" et la question du genre // MSL. 1920. T. 21, fasc. 6.

Meillet A. Du nominatif et de l'accusatif // MSL. 1920a. T. 22, fasc. 2.

Meillet A. Remarques sur les désinences verbales de l'indo-européen // BSL. 1922. T. 23, fasc. 1.

Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. 2ème éd. P., 1926. T. 1.

Meillet A. Caractère secondaire du type

thématique indo-eiropéen // BSL. 1931. T. 32, fasc. 2.

Meillet A. Sur les démonstratifs indo-européen à -s- initial // MSL. 1935. T. 23, fasc. 6.

Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. 2-ème éd. Vienne, 1936.

Meillet A., Vendryes J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. 4-ème éd., nouv. tir. rev. P., 1966.

Mithun M. The evolution of noun incorporation // Language. 1984. Vol. 60, N 4.

Mithun M. When zero isn't there // Proc. XII Ann. Meet. Berkeley Ling. Soc./ Ed. V. Nikiforidu, M. VanClay et al. Berkeley, 1986.

Mithun M. Polysynthesis and deep genetic relations in North America // IREX Conference on comparative linguistics. Austin, 1986a.

Narten J. Die sigmatische Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.

Narten J. Griechisches πίμπλημι und rigvedisches *ápiprata* // Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata. Roma, 1969. T. 3.

Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems // Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to L.R. Palmer/ Ed. A. Morpurgo Davis, W. Meid. Innsbruck, 1976.

Pakhalina T.N. On the etymology of the avestan name Zaraθustra and some of its epithets // Pap. XXXII Intern. Congr. for Asian and North African Stud. Hamburg, 1986. Moscow, 1986.

Palionis J. Über einen Typ des Infinitivsatzes im Litauischen // Baltistica. 1972. 1 priedas.

Paulauskienė A. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžio kategorijos. Vilnius, 1979.

Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941.

Persson P. De origine et vi primigenia gerundii et gerundivi latini // Skr. Kgl. Hum. Vetenskapssamfud. Uppsala, 1900. Bd. 3, N 4.

Piotrovsky R. Modèles structuraux du dialecte // Commun. et rapp. Premier Congr. Intern. dialectologie générale. Louvain, 1964.

Polomé E. Swahili language handbook. Wash. (D.C.), 1965.

Polomé E. A critical examination of Germano-Indo-Aryan isoglosses and their significance for the reconstruction of Indo-European culture // Sanskrit and world culture. Schriften für Orientalistik. Akad. der Wiss. der DDR. B., 1986.

Pulleyblank E.G. The indo-european vowel system and the qualitative ablaut // Word. 1965. Vol. 21, N 1.

Renou L. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. P., 1925.

Renou L. Le type védique *tudati* // Mélanges J. Vendryes. P., 1925a.

Renou L. A propos du subjonctif védique // BSL. 1932. T. 33, fasc. 1.

Renou L. La séparation du préverbe et du verbe en védique // BSL. 1933. T. 34, fasc. 1.

Renou L. L'absolutif sanskrit en *-am* // MSL. 193. T. 23, fasc. 6.

Renou L. Grammaire sanskrite élémentaire. P., 1978.

Riemschneider K.K. Babylonian *kappu rapšu* and Hittite *pattarpalhi* 'wing'-'broad' // J. Cuneiform Stud. 1975. Vol. 30.

Risch E. Gerundivum und Gerundium. Gebrauch im klassischen und älteren Latein. Entstehung und Vorgeschichte. B.; N.Y., 1984.

Rona J.P. El culto indoeuropeo del fuego // Publ. Dep. ling. Univ. Repúbl. Fac. humanid. cienc. Montevideo, 1957.

Rosenkranz B. Die hethitische ḫi-Konjugation // Jahrb. kleinasiat. Forsch. 1953. Bd. 2, H. 3.

Rosenkranz B. Die hethitische ḫi-Konjugation und das indogermanische Perfekt // KZ. 1958. Bd. 75, H. 3/4.

Rosenkranz B. Archaismen im Hethitischen // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.

Rosinas A. Deiktinės sistemos baltų kalbų tarmėse // Baltistica. 1982. T. 18 (2).

Rosinas A. Dėl kai kurių įvardžių kilmės // Baltistica. 1984. T. 20 (1).

Satzstruktur und Genus verbi. B., 1976.

Schmalstieg W.R. The slavic genitive singular as the subject of participles in *-no-* and *-to-* // Lingistica (Ljubljana). 1976. T. 16 (II). (In memoriam St. Škerlj oblata.)

Schmalstieg W.R. Lithuanian constructions of the type *jo būta* as a reflection of the indo-european middle voice // Baltistica. 1978. T. 14 (1).

Schmalstieg W.R. The shift of intransitive to transitive passive in the Lithuanian and Indo-European verb // Baltistica. 1982. T. 18 (2).

Schmalstieg W.R. A syntactic comparison of Old Armenian and Lithuanian. The passive participles // Междунар. симпоз. по арм. языкознанию, 1982 г.: Доклады. Ереван, 1984.

Schmalstieg W.R. More on Old Armenian transitive perfect // II Intern. Symp. Armenian Ling. Abstracts. Erevan, 1987.

Schmidt J. Die Personalendungen -θα und -σαν im Griechischen // KZ. 1885. Bd. 27 (7).

Schmidt K.H. Probleme des Prohibitivsatzes // Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata. Roma, 1969. T. 3.

Schmitt R. Die Iranier-Namen bei Aischylos (Iranica Graeca Vetustiora. I) // Sitzungsber. Öster Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. 1978. Bd. 337. (Veröff. Iran. Kommis. Hrsg. M. Mayrhofer; Bd. 6.)

Schulze W. Kleine Schriften/ Hrsg. W. Wissman. 2., durchges. Aufl. mit Nachtr. Göttingen, 1966.

Schwyzer E. Syntaktische Archaismen des Attischen // Abh. Preuß. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. B., 1940, N 7.

Schwyzer E. Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen // Abh. Preuß. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. B., 1943. N 10.

Schwyzer E. Griechische Grammatik. München. Bd. I. 1968; Bd. II. 1966.

Senn A. Zu den litauischen Zahlwörtern für 11—19 // Stud. baltici. 1935—36. Vol. 5.

Shields L. (Jr.) Indo-European noun inflection: a developmental history. Univ. Park; L., 1982.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / Ed. R. Dixon. Canberra, 1977.

Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

Sommerfelt A. Le génitif adnominal indo-européen // BSL. 1922. T. 23, fasc. 1.

Stang Chr.S. Perfektum und Medium // Norsk Tidskr. Sprogvidenskap. Oslo, 1932. Bd. 6. — Idem // Stang Chr.S. Opuscula linguistica. Oslo; Bergen; Tromsö, 1970.

Stang Chr.S. Das slavische und baltische Verbum // Skr. uttagitt Nor. Videnskaps-Akad. Oslo. Hist.-filos. Kl. Oslo, 1943.

Stang Chr.S. Zum baltisch-slavischen Verbum // IJSLP. 1961. Vol. 4.

Stang Chr.S. Die athematischen Verba im Baltischen // Scando-Slavica, 1962. T. 8.

Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsö, 1966.

Stang Chr.S. Esti et *yra* dans les Punktay Sakimu de Szyrwid // Stang Chr.S. Opuscula linguistica. Oslo; Bergen; Tromsö, 1970.

Stepanov Yu.S. Quelques fondements de la syntaxe transformationnelle du français // Linguistics. 1964. Vol. 4.

Stepanov Yu.S. Systemic traces of indo-european perfect in Armenian // II Intern. Symp. Armenian Ling. Abstracts. Erevan, 1987.

Sturtevant E.H., Hahn A. A comparative grammar of the Hittite language. New Haven, 1951. Vol. 1.

Tchekhoff C. Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite? // BSL. 1978. T. 73, fasc. 1.

Toporov V.N. Lit. *yra,* lett. *ir* und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie // ZfSl. 1978. Bd. 23, H. 5.

Treu M. Von Homer zur Lyrik. Wandlungen der griechischen Weltbilder im Spiegel der Sprache. München, 1955.

Uhlenbeck C.C. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen // IF. 1901. Bd. 12.

Vaillant A. Le parfait indo-européen en balto-slave // BSL. 1962. T. 57, fasc. 1.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. P. T. 3: Le verbe. 1966; T. 5: La syntaxe. 1977.

Valeckienė A. Lietuvių kalbos gramatinė sistema. Giminės kategorija. Vilnius, 1984.

Vallée F. Grand dictionnaire français-breton/ Avec le conc. de P. Ernault, R. Le Roux. Rennes, 1931.

Van Wijk N. Le problème des prétérito-présents slaves et baltiques // Stud. baltici. 1933. Vol 3.

Vendryes J. Notes grecques. I. Sur une phrase d'Apollonius Dyscole // MSL. 1903. T. 13, fasc. 1.

Vendryes J. Mélanges étymologiques // MSL. 1909. T. 15, fasc. 6.

Vendryes J. A propos du lituanien *žinau* "je sais" // Stud. baltici. 1935—36. Vol. 5.

Veyrenc J. Fonction datif et factitif // Mélanges linguistiques offerts à É. Benveniste. P., 1975.

Veyrenc J. Sur la double diathèse des énoncés translatifs // BSL. 1976. T. 71, fasc. 1. — Idem // Veyrenc J. Etudes sur le verbe russe. P., 1980.

Veyrenc J. Le schéma grammatical de la proposition // BSL. 1979. T. 74, fasc. 1.

Veyrenc J. Etudes sur le verbe russe. P., 1980.

Veyrenc J. Cas et verbe // Veyrenc J. Etudes sur le verbe russe. P., 1980a.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der

indogermanischen Wortstellung // Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1953. Bd. 1.

Wackernagel J. Studien zum griechischen Perfektum // Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1953. Bd. 2.

Wackernagel J. Altindische Grammatik/ Bearb. von A. Debrunner. Göttingen. 2 Alf. Bd. II (1), 1957; Bd II(2), 1954.

Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. Basel etc., 1926. I. Reihe; 3.. Aufl., 1981; II. Reihe, 2. Aufl., 1957.

Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. (Indogermanische Grammatik; Bd. III, 1. T.).

Watkins C. Indo-european origin of the celtic verb. Dublin, 1962. Part 1: The sigmatic aorist.

Watkins C. Towards proto-indo-european syntax: problems and pseudo-problems // Pap. from the parasession on diachronic syntax. Chicago Ling. Soc. / Ed. S.B. Steever et al. Chicago, 1976.

Watkins C. Indo-european *-k^{w}e 'and' in Hittite // Sprachwissenschaftliche Forschungen: Festschr. J. Knobloch. Innsbruck, 1985.

Watkins C. The comparison of formulaic sequences // IREX Conference on comparative linguistics. Austin, 1986.

Whitney W.D. Sanskrit grammar. Delhi etc., 1983.

Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt a. M., 1972.

Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius. T. 1. 1980; T. 2. 1981.

Zinkevičius Z. Lenkų-jotvingių žodynėlis? // Baltistica. 1985. T. 21 (1).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

ВЯ	— Вопросы языкознания.
BSL	— Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
IF	— Indogermanische Forschungen.
IJSLP	— International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.
KZ	— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen (Kuhns Zeitschrift).
MSL	— Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
ZfSPh	— Zeitschrift für slavische Philologie.
ZfSL	— Zeitschrift für Slawistik.

* Многотомные словари с разными годами издания разных томов, имеющие сквозную нумерацию страниц, цитируются только с указанием автора и страницы, например: [Chantraine 903].

SUMMARY

In the modern approach to syntax, a sentence type is viewed as constituted by a) its *structural scheme* (model), b) its *lexical entries,* i.e. sets of words which may fill the slots for the subject, the object, and the predicate. Accordingly, the relationships between sentence types are defined whether by "a", which is generally referred to as *transformations,* or by "b", which the author calls *paraphrases,* or by both. The *lexical entries* and *paraphrases* in the ancient IE sentence are the main subject of this book.

On these grounds, in Chapter I the major sentence types are reconstructed. Type I: Inactive subject + inactive verb ('A stone is lying'), with IE *perfecta tantum* (as evidenced by Homeric Greek) for predicates. Type II: Active subject + active verb ('A man is walking') with IE *activa tantum* as predicates. Type III: Active subject + verb + inactive object ('A man is laying down a stone'). Type IV, deficient: Active subject + verb + active object ('A warrior kills a fiend'), etc. The IE *media tantum* are treated as synonymous with *activa tantum,* originally linked with the human subject exclusively. The overlap of the medium and perfect inflections is explained as a paraphrase of Type I and Type II in (originally) a small group of coupled verbs of body movements, e.g. 'to sit down' act.-med. vs. 'to be seated' perf. (OInd. *śaye,* etc.). Special entries of the names of 'water', 'fire' etc. are examined.

Chapter II deals with the "long agreement" in the sentence, maintained by means of particles, such as Rigvedic *ā no gatam, ā no yāhi* '(Oh, thou), to us coming, to us do come!'. A functional parallelism of Lat. *se* and Hit. *za* is outlined, etc.

Chapter III deals with reference and deixis. The author advances, hypothetically, that some IE verbal endings may have a "second", i.e. sentential, source in the deictic or anaphoric particles. a) A semantic and syntactic correspondence is established between the Lat. preverb *re-* and the Lat. medio-passive ending *-r,* paralleled by the one of the two OIr. *ro-,* i.e. "the movable *ro-*". The parallelism is traced back to the IE deictic particle **re- //* ro-*. b) The perfect inflection is related to some IE deictic particles as a "second" source: the 3 sg. ending in the Greek perfect in -κ(α) to IE **ke;* tne 2 sg. in Greek and, possibly, in OInd. to IE **dhe // *dha;* the 1 sg. in OInd. and Lat., as well in Anatolian, to IE **u // *ū.* c) The Latin gerund marker *-dum* is assumed to be derived from IE anaphoric **dm̥.*

Chapter IV is an outline of a "paraphrasal theory of cases". The types of transitivity in Balto-Slavic verb are described as correlative to different varieties of the accusative case. Two main types of the latter are stated. "Accusative-1" is posited as a "demoted" nominative of sentence type I when introduced (diachronically) into sentence types III and IV as their object. "Accusative-1" must be identical with the Proto-IE accusative in **-om* (contami-

nated from the genitive marker *-*om*$_1$ and the inactive noun class marker *-*om*$_2$, as reconstructed by T.V. Gamkrelidze and V.V. Ivanov). "Accusative-2" is traced back to "casus indefinitus", or a kind of adverbial.

In Chapter V the author develops his theory of the common source of the Baltic verbal diatheses (active-causative vs. inactive) and the Slavic verbal aspects (originally "durative determined" vs. "undetermined, aoristic", subsequently "imperfective" vs. "perfective"). The assumed source is found in Proto-IE "bundles" of semantic features: 1. {durative determined aspect + active causative diathesis + active (human) subject} linked mainly to the present roots and/or the *TeRT*-roots vs. 2. {undetermined aspect + inactive diathesis + inactive (thing) subject} linked mainly to the aoristic roots and/or the *TṚT*-roots. The subsequent gradual formation of paradigms is outlined (in -*(a)je//o*-stems, -*iti*- stems, -*s*-stems, perfect and -*i*-stems, apophonic stems).

Chapter VI deals briefly with the Word Order Problem to the extent it is related to the Phrasal Intonation and Rhythm Problem. A new etymology of the Lith. *yrà* 3 sg.-pl. of the verb 'be' is proposed as derived from a syntactic rhythmical cluster *ir* + *esti* (cf. Russ. (*он*) *и есть*), which happened to be identical with the athematic verbs and underwent their common shift to the thematic: **ir esti* > **irest* > **irè* > *yrà*.

Throughout the book, typological parallels to the ancient IE sentence are drawn, first of all from the type of languages with "active" — "inactive" oppositions, which therefore is assumed to be typologically identical with the previous Proto-Indo-European stage.

Научное издание

Степанов Юрий Сергеевич

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *А.В. Бездидько*
Художник *Л.А. Григорян*. Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технический редактор *Г.П. Каренина*. Корректор *Г.В.Дубовицкая*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ N 38914

Подписано к печати 03.08.89. Формат 60×90^1/$_{16}$. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,5. Усл.-кр.отт. 15,5
Уч.-изд.л. 20,1. Тираж 1500 экз. Тип.зак. 1633. Цена 4р. 20к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12